

Л. Б. ВИШНЯЦКИЙ

КУЛЬТУРНАЯ ДИНАМИКА В СЕРЕДИНЕ ПОЗДНЕГО ПЛЕЙСТОЦЕНА И ПРИЧИНЫ ВЕРХНЕПАЛЕОТИЧЕСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

ИЗДАТЕЛЬСТВО С.-ПЕТЕРБУРГСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
INSTITUTE FOR THE HISTORY OF MATERIAL CULTURE

L.B. Vishnyatsky

CULTURAL DYNAMICS
IN THE MIDDLE OF THE LATE
PLEISTOCENE AND THE CAUSES
OF THE UPPER PALEOLITHIC
REVOLUTION

St. Petersburg
St. Petersburg University Press
2008

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ

Л. Б. Вишняцкий

КУЛЬТУРНАЯ ДИНАМИКА
В СЕРЕДИНЕ ПОЗДНЕГО
ПЛЕЙСТОЦЕНА И ПРИЧИНЫ
ВЕРХНЕПАЛЕОЛИТИЧЕСКОЙ
РЕВОЛЮЦИИ

ИЗДАТЕЛЬСТВО С.-ПЕТЕРБУРГСКОГО УНИВЕРСИТЕТА
2008

ББК 63.4
В55

Рецензенты: д-р ист. наук *А. Г. Козинцев* (МАЭ РАН), д-р ист. наук *С. А. Васильев* (ИИМК РАН)

Вишняцкий Л. Б.

В55 Культурная динамика в середине позднего плейстоцена и причины верхнепалеолитической революции. — СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 2008. — 251 с.
ISBN 978-5-288-04511-0

Эта книга представляет собой попытку ответить, на следующие вопросы: 1) как происходил переход от среднего к верхнему палеолиту во времени и в пространстве, имел ли этот процесс некий единый центр, откуда тем или иным путем распространялись все наиболее важные инновации, или же он начался независимо в разных регионах? 2) в чем заключались основные причины наблюдаемых в этот период культурных изменений, и почему переход произошел именно там и тогда, где и когда это случилось? В ходе обсуждения этих вопросов анализируются и обобщаются имеющиеся отношение к теме археологические данные из 19 регионов Старого Света. Становление верхнепалеолитических индустрий рассматривается при этом на фоне процессов, происходивших в более раннее время (средний палеолит), а также синхронных переходу процессов, происходивших в тех регионах, где верхний палеолит не появился, либо появился очень поздно.

Предназначено для специалистов по археологии каменного века и палеоархеологии, а также студентов соответствующих специальностей.

ББК 63.4

Издание осуществлено при финансовой поддержке Российского фонда
фундаментальных исследований по проекту № 07-06-07006

ISBN 978-5-288-04511-0

© Л. Б. Вишняцкий, 2008
© Издательство
С.-Петербургского
университета, 2008

Предисловие

Эта книга представляет собой попытку ответить, прежде всего, на следующие вопросы: 1) как происходил переход от среднего к верхнему палеолиту во времени и в пространстве, имел ли этот процесс некий единый центр, откуда тем или иным путем распространялись все наиболее важные инновации, или же он начался независимо в разных регионах? 2) в чем заключались основные причины наблюдаемых в этот период культурных изменений, и почему переход произошел именно там и тогда, где и когда это случилось? В ходе обсуждения этих вопросов анализируются и обобщаются имеющие отношение к теме археологические данные из 19 регионов Старого Света. Становление верхнепалеолитических индустрий рассматривается при этом как одна из многих составляющих культурной динамики в позднем плейстоцене, на фоне процессов, происходивших в более раннее время (средний палеолит), а также синхронных переходу процессов, происходивших в тех регионах, где верхний палеолит не появился, либо появился очень поздно.

В первой главе излагается суть современных представлений об изменениях климата в рассматриваемый период, а также очень кратко обсуждаются некоторые трудности, возникающие при использовании данных абсолютного датирования.

Вторая глава посвящена вопросам эволюции и популяционной динамики гоминид конца среднего и начала верхнего палеолита. Эти вопросы интересны и важны далеко не только с биологической точки зрения, но и для понимания тех процессов, которые происходили в культуре. Поэтому, прежде чем приступить к анализу собственно культурной динамики, полезно суммировать то, что известно о ее биологическом субстрате, т. е. о происхождении и популяционной истории людей современного физического типа (*Homo sapiens*) и неандертальцев (*Homo neanderthalensis*), которые на протяжении почти всего позднего плейстоцена составляли большую часть населения Земли и были главными «действующими лицами» верхнепалеолитической революции.

В третьей главе описывается метод «эволюционного ранжирования» индустрий среднего и раннего верхнего палеолита, предлагаемый в качестве одного из возможных путей анализа культурной динамики в эпоху перехода и в более раннее время. В частности, этот метод может применяться для оценки и сопоставления интенсивности культурных изменений в разных регионах и в разные периоды, для оценки и сопоставления направленности культурных изменений в разных регионах и в разные периоды, а также для уточнения периодизационного статуса индустрий.

В четвертой главе метод «эволюционного ранжирования» используется для оценки характера культурной динамики в среднем палеолите. Во всех регионах, где имеется достаточно большое количество представительных и более или менее надежно датированных памятников этой эпохи, относящихся к разным хронологическим периодам, наблюдается чередование во времени различающихся в технико-типологическом отношении комплексов. Проблема заключается в том, можно ли в диахронной динамике среднепалеолитических индустрий видеть постепенное движение к верхнему палеолиту, или же никаких долгосрочных поступательных тенденций в их развитии не прослеживается, а изменения носят преимущественно колебательный характер.

Чтобы ответить на вопросы о том, как и почему совершился переход к верхнему палеолиту, необходимо представлять, что происходило в каждом из обитаемых регионов мира в соответствующий период, какие именно изменения претерпевали местные культуры, каковы были масштаб и хронология этих изменений, кто выступал в качестве их проводников. «Панорама перехода», которая дается в пятой главе, как раз и имеет целью представить и суммировать информацию такого рода.

В шестой главе на основе анализа этой информации формулируется несколько обобщений и выводов, касающихся дилеммы полицентризм — моноцентризм и связанной с ней проблемы аккумуляции.

Наконец, в последней, седьмой главе, анализируются основные подходы к объяснению причин «верхнепалеолитической революции», представленные в литературе, и излагаются теоретические соображения и фактические данные, позволяющие рассматривать переход к верхнему палеолиту как следствие, прежде всего, демографических процессов, предшествовавших и сопутствовавших этому событию.

Ради удобства изложения и экономии места ряд часто повторяющихся в тексте стандартных словосочетаний заменен аббревиатурами. Среди этих сокращений названия некоторых региональных ступеней археологической периодизации (ESA — ранний каменный век Африки к югу от Сахары, MSA — средний каменный век Африки к югу от Сахары, LSA — поздний каменный век Африки к югу от Сахары), методов абсолютного датирования (AA — аргон-аргоновый, АКР — аминокислотной рацемизации, КА — калий-аргоновый, ОСЛ — оптически стимулированной люминесценции, РУ — радиоуглеродный, ТЛ — термолюминесцентный, ТУ — торий-урановый и урановых рядов, ЭПР — электронно-парамагнитного резонанса) и единиц палеогеографической периодизации (КИС — кислородно-изотопная стадия). Все даты в таблицах и тексте даются в тысячах лет назад (тлн) с округлением как минимум до десятых долей. Следует иметь в виду также, что термин «поздний палеолит» используется здесь не как синоним термина «верхний палеолит», а для обозначения лишь второй половины этой эпохи, т.е. поздней поры верхнего палеолита. Такое словопотребление является общепринятым в англоязычной археологической литературе, оно очень удобно, и имело бы смысл заимствовать его.

Работа базируется в основном на анализе информации, содержащейся в публикациях. Кроме того, в ней использованы данные и наблюдения, собранные и сделанные автором в разные годы при ознакомлении — иногда детальном, иногда очень беглом — с коллекциями ряда памятников среднего и начала верхнего палеолита. В первую очередь это Подзвонкая, Хотык, Каменка и Толбага в Забайкалье, Кара-Бом на Алтае, Оби-Рахмат и Худжи в Средней Азии, Шлях, Костенки 17 и Мира на Русской равнине, Сокирница 1 в Закарпатье, Буран-Кая в Крыму, Варвази, Биситун и Кунджи в Загросе, Ябруд 1,

Табун, Кзар Акил, Эль-Вад, Бокер Тахтит и Бокер А на Ближнем Востоке. Доступ к этим материалам стал возможен благодаря любезности О. Бар-Йозефа, Г. Бозинского, С. Г. Васильева, А. П. Деревянко, А. Джелинека, Х. Диббла, А. В. Константинова, М. В. Константинова, А. И. Кривошапкина, Л. В. Кулаковской, Л. В. Лбовой, Э. Маркса, Н. Д. Праслова, В. А. Ранова, Е. П. Рыбина, Дж. Спета, В. Н. Степанчука, В. И. Ташака, В. И. Усика, а также содействию М. В. Аниковича, А. А. Анойкина, О. Йориса, С. В. Маркина, Дж. Олсена, М. В. Шунькова. Некоторые из необходимых для работы книг и статей были предоставлены С. Н. Лисицыным, В. В. Питулько и А. А. Сеницыным. Чрезвычайно ценные замечания по содержанию работы были сделаны П. М. Долухановым, А. Г. Козинцевым, Н. Б. Леоновой, П. Е. Нехорошевым, Е. П. Рыбиным. Всем им автор выражает самую искреннюю признательность.

Финансовая поддержка на разных этапах выполнения этой работы была получена от фонда Фулбрайта и программ фундаментальных исследований Президиума РАН «Этнокультурное взаимодействие в Евразии» (проект «Переход к верхнему палеолиту в Евразии и становление человека современного физического типа») и «Адаптация народов и культур к изменениям природной среды, социальным и техногенным трансформациям» (проект «Адаптации культур среднего/верхнего палеолита Восточной Европы к изменениям природно-климатических условий»).

Глава 1

ПРОБЛЕМЫ ДАТИРОВАНИЯ И КОРРЕЛЯЦИИ ПАЛЕОГЕОГРАФИЧЕСКИХ И АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ МАТЕРИАЛОВ

Хронологически конец среднего и начало верхнего палеолита приходятся на кислородно-изотопную стадию 3, охватывающую период от 59 до 24 тлн. В терминах традиционной геологической периодизации, принятой для Европы, это середина последнего, вислинского-вюрмского-валдайского оледенения, именуемая также мегаинтерстадиалом или интерпленигляциалом. В целом КИС 3 — это эпоха относительно мягкого, но чрезвычайно нестабильного климата, выделяемая между двумя холодными максимумами позднего плейстоцена, каковыми являются КИС 4 и 2 (рис. 1.1).

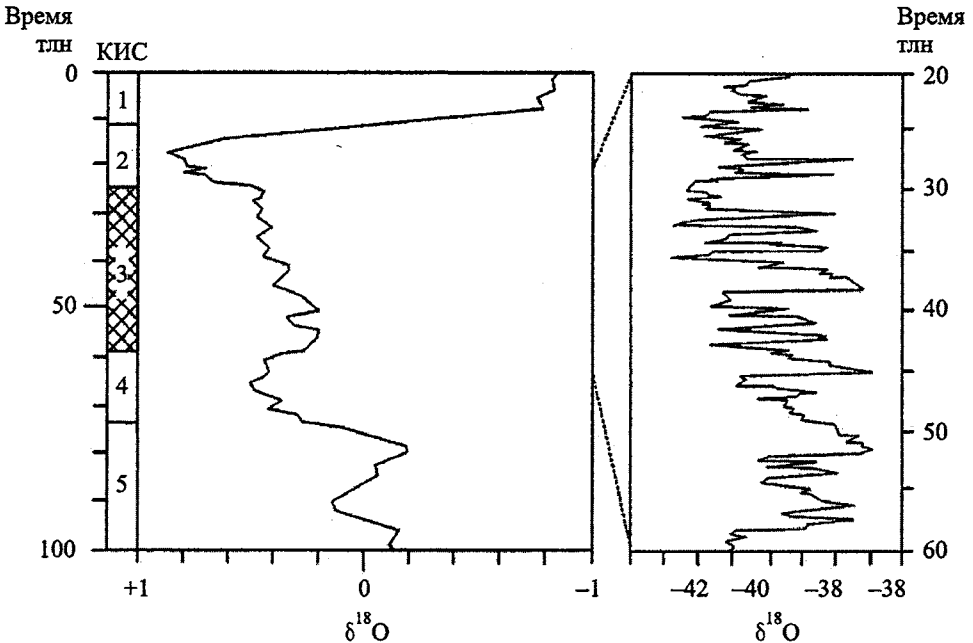

Рис. 1.1. Климатические колебания в позднем плейстоцене по данным кислородно-изотопного анализа.

Слева — кривая для последних 100 тл, построенная по кернам глубоководных отложений.
Справа — кривая для КИС 3, построенная по кернам из гренландских ледников (по Van Andel 2002).

В результате анализа кернов льда из гренландских ледников выяснилось, что на протяжении позднего плейстоцена имели место многократные и притом весьма значительные по амплитуде и скорости колебания климата (Dansgaard et al. 1993). Их именуют эпизодами, или событиями Дансгарда-Эшгера (*Dansgaard-Oeschger events*). Всего для периода от 110 до 14 тлн выделяется 24 относительно теплых межстадиала продолжительностью от 500 до 2000 лет. О большой вариабельности климата в рассматриваемое время свидетельствуют и результаты изотопного анализ раковин фораминифер из морских отложений северной Атлантики. В этих отложениях, помимо следов потеплений, хорошо прослеживаются и следы шести особенно крупных похолоданий, представленные прослоями обломочного материала, образовавшимися в результате таяния плавающих айсбергов. Такие похолодания известны как эпизоды (события) Хайнриха (*Heinrich events*). Два из них, каждый протяженностью примерно в тысячу лет, приходится на период начала перехода к верхнему палеолиту: эпизод Хайнриха 5 относится к периоду 45–46 тлн, а эпизод Хайнриха 4 — около 39–40 тлн.

С эпизодом Хайнриха 4 примерно совпадают по времени еще два важных палеогеографических события: кампанское игнибритовое извержение и палеомагнитный экскурс Лашамп-Каргополово. Результатом первого из них стало отложение горизонта пепла, обозначаемого обычно как Y5¹. Этот горизонт прослеживается на многих палеолитических памятниках от Апеннин до Русской равнины и служит ценнейшим стратиграфическим и хронологическим репером. Такую же роль могут играть и следы экскурса, когда их удастся надежно идентифицировать. Для пепла из континентальных разрезов и морских кернов получены серии АА и КА дат, варьирующих в основном от 37 до 41 тлн со средним значением 39–40 тлн (Ton-That et al. 2001; Fedele et al. 2002; Giaccio et al. 2006). На этот же период приходится и экскурс Лашамп: КА и АА датировки для эталонного местонахождения указывают на возраст 40.4±2 тлн (Guillou et al. 2004).

Накапливающиеся в последние годы данные говорят о том, что картина, выявленная по ледниковым и глубоководным кернам с севера Атлантики, отражает динамику изменений позднплейстоценового климата не только в этом регионе, но и во многих других частях света. Материалы, подтверждающие это, были получены в итоге изучения лессов Восточной Азии, сталагмитов из пещер юга Западной Европы, морских отложений тропических и субтропических районов Индийского и Тихого океанов, ледников Южной и Северной Америки, а также Новой Зеландии (Schulz et al. 1998; Lowe 2001: 21; Stott et al. 2002; Genty et al. 2003). Таким образом, эпизоды Дансгарда-Эшгера и Хайнриха можно, видимо, рассматривать как климатические события, имеющие глобальное значение, что, конечно, не означает, что соответствующие им похолодания и потепления проявлялись повсюду одинаково. Если в северном полушарии переход от холодного максимума одного цикла к теплому максимуму другого происходил обычно быстро, в течение нескольких десятков лет, а последующее понижение температуры растягивалось на значительно более долгое время, то в низкоширотных районах, напротив, потепление происходило медленно, и амплитуда температурных колебаний была меньше.

Что касается КИС 3, то на этот период приходится множество резких перепадов

¹При описании отложений Тирренского и Адриатического морей этот горизонт обозначают как С-13 (Ton-That et al. 2001).

температуры и влажности, объединяемых в климатические циклы продолжительностью от нескольких сотен до нескольких тысяч лет каждый (Dansgaard 1993). Во время самых теплых из них средняя температура была лишь на 2° С ниже местных голоценовых температур, тогда как при похолоданиях она приближалась к значениям, установленным для последнего ледникового максимума. При этом относительно теплые эпизоды длились дольше холодных (тысячи и сотни лет соответственно), и переходы от холода к теплу происходили быстрее, чем от тепла к холоду (см. рис. 1.1).

Разумеется, колебания климата отражались на характере ландшафтов, где протекала жизнь палеолитических людей, и не могли не оказывать определенное влияние на их биологию, поведение и культуру. Судя по имеющимся сейчас данным, именно в течение КИС 3 люди современного физического типа пришли в Европу, а в самом конце этого периода полностью вымерли неандертальцы. В это же время во многих регионах происходит ряд важных изменений в культуре, описываемых археологами как переход от среднего к верхнему палеолиту. Чтобы объяснить эти события, знаменующие собой один из важнейших поворотных моментов в человеческой истории, предложено множество гипотез, и в некоторых из них роль главного или, по крайней мере, важного катализатора перемен отводится именно климатическим факторам.

Один из наиболее известных сценариев смены неандертальцев современными людьми, основанный на сопоставлении археологических, антропологических и палеогеографических данных, был предложен К. Леруае и А. Леруа-Гуран (Lerooyer, Leroi-Gouhan 1983). Они полагали, что анатомически современные люди, носители ориньяка, пришли на запад Европы из районов с более мягким климатом во время интерстадиала Хенгело-Ле Кот, который в 80-е годы прошлого века датировали временем 35–36 тлн. В течение наступившей вслед за тем холодной фазы пришельцы сосуществовали с хорошо приспособленными к стадийным условиям неандертальцами, носителями шательперрона, но уже в конце стадиала последние полностью вымерли.

Близких взглядов придерживается П. Мелларс, также считающий, что климат должен был сыграть немалую роль в исходе соперничества неандертальцев и *Homo sapiens* (Mellrs 1996: 418–419). По Мелларсу, распространению последних в Европе весьма благоприятствовали потепления во время КИС 3, поскольку в эти периоды создавались условия, к которым пришельцы с юга были хорошо приспособлены. Кроме того, предполагается, что эти же потепления могли повлечь за собой дестабилизацию адаптаций коренного населения Европы, т. е. неандертальцев, и их полный или частичный уход из ряда районов, а это могло еще более облегчить для *Homo sapiens* колонизацию континента и прежде всего его средиземноморского побережья. Особую роль в описываемых событиях Мелларс отводит потеплению, которое он сопоставляет с хенгело и датирует интервалом 38–41 тлн (Mellars 1998a: 497–498). Именно в течение этого потепления, по его мнению, создались наиболее благоприятные условия для распространения людей современного физического типа на значительной части Европы. Полное исчезновение неандертальцев на территории Франции приходится, по Мелларсу, на время около 33–34 тлн, характеризующееся холодным климатом.

Иную картину рисует Ф. Джинджян, рассматривающий ориньяк как результат приспособления *Homo sapiens* к холодному климату и объясняющий его распространение не потеплением, а, напротив, наступлением стадиала. При этом предполагает

ся, что распространение шло с севера на юг: сначала неандертальцы и их культуры (селет, линкомб и т. д.) были вытеснены из Центральной Европы и с Британских островов и лишь затем из районов ниже 50-й параллели (Djindjian 1993).

Решающая роль при объяснении вымирания неандертальцев отводится изменениям климата в работах К. Финлэйсона с соавторами (Finlayson et al. 2001). В них проводится мысль, что экологическая база существования неандертальских популяций на европейских равнинах была серьезно подорвана сначала в результате значительного похолодания в начале верхнего плейстоцена (КИС 4), а затем вследствие нестабильности климата и ландшафтов в течение КИС 3. Там, где эта нестабильность была менее выражена и отчасти сглажена за счет большого разнообразия ландшафтов (юг Пиренейского п-ва), неандертальцы продержались дольше всего. Предполагается, что *Homo neanderthalensis*, в отличие от *Homo sapiens*, не смогли адаптироваться к меняющимся природным условиям посредством культурных инноваций, а времени на биологическое приспособление было слишком мало.

Рассмотренные примеры показывают, что палеогеографические данные можно с одинаковой легкостью использовать для обоснования прямо противоположных точек зрения. Как замечено Ф. д'Эррико, и неандертальцы, и люди современного физического типа выступают, в зависимости от теоретических предпочтений того или иного автора, то как холодолюбивые, то как теплолюбивые гоминиды, а одни и те же события в их биологической и культурной истории объясняются то потеплениями, то похолоданиями (D'Errico, Goñi 2003: 771). Это и не удивительно. При том огромном разнообразии датировок одних и тех же климатических стадий (мурсхуфд, хенгело, денекамп и т. д.), которое предлагают или предлагали до последнего времени палеогеографы, очень легко найти варианты, отвечающие любой археологической гипотезе.

Основная трудность при выявлении роли, которую изменения природных условий могли сыграть в культурной и биологической истории человека, заключается в том, что эти два ряда событий пока трудно точно соотнести во времени. Хронология климатических событий в значительной степени базируется на датах, получаемых путем подсчета годичных слоев в колонках льда. Итоговые определения могут давать возраст, довольно близкий к календарному. Все остальные хронологии для рассматриваемого здесь периода основываются преимущественно на РУ датах, которые, как известно, значительно отличаются от календарных. Отличия должны возникать уже хотя бы только потому, что концентрация ^{14}C в атмосфере не раз претерпевала значительные изменения (Beck et al. 2001; Richards, Beck 2001). Такие события, как вымирание неандертальцев и появление первых верхнепалеолитических культур приходится на вторую половину КИС 3, т. е. как раз на период, когда, как считается, атмосферная концентрация ^{14}C была на 20–40% выше современной. Таким образом, для этого времени даже при очень тщательной подготовке образцов, сводящей до минимума эффект их контаминации, получаемые в итоге РУ даты должны быть сильно омоложены. Насколько сильно — это отдельный и крайне сложный вопрос, который, несмотря на оптимизм некоторых археологов относительно последних калибровочных кривых (Mellars 2006: 179; Zilhão 2006: 183), все еще далек от разрешения.

По одним оценкам, омоложение для интервала 25–50 тлн может быть порядка 6 тл, а для образцов возрастом около 50 тлн даже достигать 10 тл (Pettitt 1999: 224–225; Pettitt et al. 2000: 752), по другим, РУ даты от 30 до 42 тлн могут занижать календарный возраст до 7 тл, тогда как даты древнее 42 тлн, наоборот, могут быть

несколько ближе к реальному возрасту, занижая его лишь на 3–4 или даже 1–2 тл (Van der Plicht 2002). На основании сопоставления РУ и АА дат для горизонта пепла У5 (см. выше) высказано даже мнение, что «в период кампанского игнимбритового извержения уровень ^{14}C был столь высок, что разница между календарным и радиоуглеродным возрастом достигает как минимум 10–15 тл» (Giaccio 2006: 364).

Согласно результатам недавних исследований по кораллам, где применялась специальная обработка образцов, сводящая, как утверждается, к минимуму последствия контаминации, для периода примерно от 26 до 48 тлн все без исключения РУ даты на 4–6 тл моложе ТУ дат (Chiu et al. 2005). Расхождение между первыми и вторыми, принимаемыми за календарные, постепенно нарастает и 38.5 тлн достигает 6 тл. Затем разница начинает понемногу сокращаться, и к 50 тлн она составляет приблизительно 3700 лет (Fairbanks et al. 2005)². Результаты этих работ легли в основу новой калибровочной кривой, которая сразу же была принята на вооружение авторами ряда обобщающих статей по переходу к верхнему палеолиту, переведшими все используемые ими даты в «календарные» (Mellars 2006, 2006a; Zilhão 2006). Однако большинство специалистов по РУ методу пока более чем сдержанно относятся к такой возможности, и преобладающим остается мнение, что для периода древнее 26 тлн надежного способа пересчета РУ дат в календарные нет (Ramsey et al. 2006; Reamer et al. 2006). Если к этому добавить, что осложняющие датирование эффекты, видимо, могли по-разному проявляться не только в разные эпохи, но и в разных географических районах (в зависимости, например, от удаленности от океана), что существующие калибровочные техники не учитывают различий между обычными и АМС датами, между старыми (давно взятыми и долго хранившимися) и свежими образцами, между костью и древесным углем и что, наконец, даже сам период полураспада радиоактивного углерода, возможно, нуждается в корректировке в сторону увеличения на несколько сотен лет (Chiu et al. 2007), то легко представить, к каким ошибкам может привести археологов поспешное и некритичное использование даже самых новейших калибровочных методик.

Свои недостатки есть и у всех остальных методов абсолютного датирования, применяемых для КИС 3. Один из них, общий, — очень большая, как правило, величина стандартного отклонения (намного больше, чем у РУ дат). Другие — специфические — связаны с особенностями каждого из методов.

Удовлетворительного решения этих проблем, к сожалению, пока не существует. Поэтому все даваемые в этой работе хронологические оценки неизбежно являются приблизительными. Все оценки, базирующиеся на РУ датах, даются с учетом стандартного отклонения, а для ТУ и ЭПР дат, как правило, берутся их средние значения. Кроме того, следует иметь в виду, что все приводимые далее РУ даты — некалиброванные. Возможно, вследствие этого они во многих случаях далеки (отстают) от календарных, но зато, по крайней мере, более или менее соотносимы между собой и могут служить средством если не абсолютной, то хотя бы относительной хронологии.

²Максимальное расхождение приходится, таким образом, на время геомагнитного экскурса Лашамп-Каргополово, когда интенсивность поля Земли резко уменьшилась, что привело к ослаблению экранирующего эффекта и возрастанию концентрации ^{14}C в атмосфере по сравнению с предшествующим и последующим периодами.

Глава 2

ГОМИНИДЫ КОНЦА СРЕДНЕГО И НАЧАЛА ВЕРХНЕГО ПАЛЕОЛИТА

Не будет, видимо, большим преувеличением сказать, что, несмотря на полуторастолетнюю историю палеоантропологических исследований и весьма впечатляющие достижения последних лет, размах, степень, содержание, а главное, пространственная и хронологическая динамика анатомической variability гоминид середины позднего плейстоцена выявлены пока только в первом приближении. Факторы этой variability и характер стоящих за ней биологических и исторических процессов также во многом остаются малопонятными. Будущие находки, с одной стороны, и совершенствование методов их изучения — с другой, несомненно еще приведут, и не раз, к серьезным изменениям в представлениях о видовом составе позднплейстоценового человечества, об эволюционной истории различных популяций и форм гоминид, о таксономическом статусе отдельных ископаемых и их групп, о природе изменчивости индивидуальных морфологических черт и т. д. Тем не менее, прежде чем приступить к анализу культурной динамики в эпоху перехода от среднего палеолита к верхнему, необходимо суммировать то, что известно сейчас о ее биологическом субстрате, т. е. о систематике и эволюционной истории людей, оставивших рассматриваемые в этой книге археологические материалы.

2.1. Систематика и терминология

Большую часть населения Земли в период, соответствующий концу среднего и началу верхнего палеолита, составляли люди современного анатомического типа и неандертальцы. Во избежание разночтений следует сразу подчеркнуть, что две эти формы гоминид рассматриваются здесь как два отдельных вида и термин *Homo sapiens* используется исключительно для наименования первого из них, а второй называется *Homo neanderthalensis*. Это уточнение необходимо, поскольку начиная с середины 60-х годов прошлого века многие антропологи стали обозначать людей современного анатомического типа как *Homo sapiens sapiens*, отводя им тем самым подвидовой ранг в пределах одного с неандертальцами (*Homo sapiens neanderthalensis*) вида. Некоторые настаивают даже на еще большем расширении границ вида *Homo sapiens*, предлагая включать в него не только неандертальцев, но и более древних гоминид вплоть до *Homo erectus* (Wolpoff et al. 1994). В итоге исследователи, принимающие столь широкое толкование состава нашего вида, вынуждены

использовать для обозначения тех его представителей, которые не могут быть отнесены к людям современного анатомического типа, весьма двусмысленные термины «архаичные *Homo sapiens*» или «ранние *Homo sapiens*», что чревато путаницей и сбивает с толку неспециалистов. Не вдаваясь в обсуждение вопроса о том, какой из вариантов систематики точнее отражает действительное таксономическое соотношение разных форм гоминид, я буду следовать в данном вопросе за теми, кто отдает предпочтение традиционному словоупотреблению, признавая целесообразным оставить обозначение *Homo sapiens* лишь за людьми современного анатомического типа. В последние годы такой подход вновь стал преобладающим (см. напр.: Manzi 2004; Hublin 2006).

Именно *Homo sapiens* и *Homo neanderthalensis* были главными проводниками тех изменений в культуре, которые знаменуют собой переход от среднего к верхнему палеолиту. При этом, однако, они наверняка не были единственными формами гоминид, обитавшими на нашей планете в рассматриваемый здесь период. К сожалению, остается пока неясным таксономический статус гоминид Южной и Восточной Азии, занимающих в анатомическом и хронологическом отношении промежуточное положение между *Homo erectus* и *Homo sapiens*. Они представлены немногочисленными и фрагментарными находками, а определение их возраста получено в основном путем геологических и фаунистических корреляций, в большинстве своем довольно спорных. Весьма специфический характер культурных адаптаций в этом регионе на протяжении почти всего палеолита позволяет предполагать, что и биологическая эволюция здесь могла идти несколько иными путями, нежели в Африке и Европе. Однако, ввиду скудости антропологических материалов и их недостаточной изученности, сколько-нибудь точно определить направление развития и степень обособленности местных гоминид в рассматриваемый период вряд ли возможно.

На юго-восточных окраинах ойкумены в середине позднего плейстоцена, возможно, обитали еще реликтовые популяции *Homo erectus*. В частности, судя по сериям ЭПР и ТУ дат, полученных по зубам бовид из тех же слоев Нгандонга и Самбунгмакана, где были найдены останки *Homo erectus*, этот вид мог сохраниться на Яве до КИС 3 включительно. На основе фаунистических корреляций и геоморфологии названных местонахождений давно уже высказывалось предположение, что они относятся к позднему плейстоцену. Теперь об этом свидетельствуют и абсолютные даты, варьирующие (с учетом стандартного отклонения) от 25 до 55 тлн. В этот интервал попадают все 11 ЭПР определений и 9 из 11 ТУ дат, тогда как еще две ТУ даты оказались более древними: 85 и 92 тлн. По мнению исследователей, проводивших отбор и изучение образцов, все имеющиеся данные, включая результаты фторового анализа, указывают на то, что останки гоминид в Нгандонге и Самбунгмакане одновременны остальной фауне (Swisher et al. 1996). Правда, этому противоречат две прямые ТУ даты для черепа Нгандонг 1, одна из которых предполагает возраст более 200 тл, а вторая, полученная позже, около 80 тл (Antón et al. 2002: 555).

Кроме того, вполне вероятно, что современниками последних *Homo erectus* в Юго-Восточной Азии были еще какие-то неизвестные до сих пор формы гоминид, останки которых пока либо не найдены, либо не идентифицированы в качестве таковых. Продолжение исследований в этом регионе может принести немало неожиданностей, подтверждением чему служит недавнее открытие в пещере Лианг Буа на острове Флорес останков карликового гоминида, жившего здесь в самом конце

плейстоцена и принадлежавшего, по мнению ряда антропологов, к особому, ранее неизвестному виду, который было предложено именовать *Homo floresiensis* (Brown et al. 2004). В настоящее время вопрос о его валидности активно обсуждается. Одни антропологи признают самостоятельный видовой статус гоминида из Лианг Буа (Argue et al. 2006), другие оспаривают это, полагая, что, за исключением ряда патологических черт, появившихся вследствие отклонений в индивидуальном развитии, это существо практически ничем не отличается от *Homo sapiens* (Jacob et al. 2006). Остается надеяться, что ситуацию позволят прояснить новые находки, но в любом случае следует быть готовыми к внесению корректив в наши представления о таксономическом разнообразии позднплейстоценового человечества.

2.2. Филогенез *Homo sapiens* и *Homo neanderthalensis*

Homo sapiens. При всем многообразии нюансов, присущих взглядам разных исследователей на проблему происхождения *Homo sapiens*, все предлагаемые варианты ее решения могут быть сведены к двум противостоящим точкам зрения. Одна из них, моноцентристская, именуемая обычно терией «африканского исхода», предполагает первоначальное появление *Homo sapiens* в Африке к югу от Сахары и последующее их расселение по всем континентам, сопровождаемое либо вытеснением коренного населения без сколько-нибудь заметного смешения с ним, либо более или менее значительным смешением пришлых популяций с автохтонными. Противоположную позицию занимают исследователи, отстаивающие так называемую «мультирегиональную» — полицентристскую — теорию, согласно которой эволюционное становление *Homo sapiens* происходило повсеместно, т. е. и в Африке, и в Азии, и в Европе, в результате эволюции местных гоминид при постоянном и интенсивном обмене генами между популяциями разных регионов.

Хотя спор между моноцентристами и полицентристами, имеющий длительную историю, все еще далек от завершения, инициатива сейчас явно в руках сторонников теории африканского происхождения *Homo sapiens*. Во-первых, ископаемые антропологические материалы однозначно свидетельствуют о том, что люди современного или очень близкого к таковому анатомического типа появились в Африке уже в конце среднего плейстоцена, т. е. гораздо раньше, чем где бы то ни было еще. Во-вторых, из всех континентов только здесь известно большое количество останков гоминид переходного характера, позволяющих хотя бы в общих чертах проследить процесс трансформации местных *Homo erectus* в *Homo sapiens*. В-третьих, посткраниальный скелет первых европейских *Homo sapiens* характеризуется рядом особенностей (грацильность, удлиненные по отношению к туловищу конечности, узкий таз), которые типичны для обитателей тропиков и жарких субтропиков, но никак не высоких широт (Holliday 1997; Pearson 2000). Наконец, в-четвертых, данные генетики, по мнению большинства специалистов в этой области, также указывают на Африку как наиболее вероятный первоначальный центр формирования людей современного анатомического типа (Cann et al. 1987; Stoneking, Cann 1989; Noll 2001; Takahata et al. 2001; Underhill 2001; Tishkoff, Williams 2002; Forster 2004; Pearson 2004; Forster, Matsumura 2005; Prugnolle et al. 2005; Kivisild et al. 2006).

Считается, что непосредственными предшественниками и предками первых *Homo sapiens* могли быть гоминиды, представленные черепами типа Синга (Судан), Омо II (Эфиопия), Лэтоли 18 (Танзания), Флорисбад (ЮАР), Илерет (Кения)

и др. (McDermott et al. 1996; Brauer et al. 1997; Klein 1999: 396–402). Они датируются второй половиной среднего плейстоцена. В качестве несколько более ранних звеньев этой линии эволюции рассматриваются, как правило, черепа из Брокен-Хилл (Замбия), Эландсфонтейна (ЮАР), Ндуту (Танзания), Бодо (Эфиопия) и ряд других образцов. Их возраст не моложе середины среднего плейстоцена. Всех африканских гоминид, морфологически и хронологически промежуточных между *Homo erectus* и *Homo sapiens*, иногда относят вместе с их европейскими и азиатскими современниками к *Homo heidelbergensis*, а иногда зачисляют в особые виды, наиболее ранний из которых именуется *Homo rhodesiensis*, а наиболее поздний *Homo helmei*.

Самой древней из известных сейчас антропологических находок, относимых к *Homo sapiens*, является, вероятно, череп Омо I, обнаруженный в 1967 г. в отложениях формации Кибииш, неподалеку от северного побережья оз. Туркана (Эфиопия). Неплохо сохранившиеся лобная и особенно затылочная кости этого черепа анатомически вполне современны, равно как и остатки костей лицевого скелета. Фиксируется достаточно развитый подбородочный выступ. По заключению многих антропологов, изучавших эту находку, череп Омо I, а также известные части посткраниального скелета того же индивида не несут признаков, выходящих за рамки обычного для *Homo sapiens* размаха вариаций (Trinkaus 2005). Еще в конце 60-х годов прошлого века для раковин из слоя, откуда происходит череп Омо I, была определена ТУ дата около 130 тлн. Относительно ее реалистичности не раз высказывались сомнения, но результаты новых исследований показывают, что если ошибка и имела место, то скорее в сторону уменьшения, а не увеличения действительного возраста находки. АА датирование образцов полевого шпата, взятых из прослоев пемзы, лежащих чуть ниже уровня, откуда происходит череп, и намного выше него, дало даты около 195 и 104 тлн соответственно. Разнообразные стратиграфические и палеоклиматические корреляции, а также данные о темпах формирования соответствующей части отложений формации Кибииш говорят о том, что возраст антропологических находок должен быть намного ближе к первой дате, чем ко второй, и, скорее всего, составляет 195 ± 5 тл (McDougall et al. 2005). Примерно такую же древность нашего вида позволяют предполагать и последние расчеты генетиков, основанные на сопоставлении митохондриальной ДНК современных представителей разных географических популяций *Homo sapiens* (Kivisild et al. 2006).

Homo neanderthalensis. Примерно в то же время, когда в Африке происходило формирование комплекса анатомических признаков, характеризующих людей современного анатомического типа, в Европе совершалось становление неандертальцев. Все европейские гоминиды второй половины среднего и первой половины позднего плейстоцена более или менее четко делятся на две группы. Первую, среднеплейстоценовую, составляют так называемые пренеандертальцы, которых вместе с их африканскими и азиатскими современниками сейчас обычно относят к виду *Homo heidelbergensis*. Они известны по находкам в Петралоне (Греция), Саккопасторе (Италия), Вертешселлеше (Венгрия), Сима де лос Уэсос (Испания), Араго, Фонтешеваде (Франция), Сванскомбе (Англия), Мауэре, Штейнгейме (Германия) и т. д. Не позднее 130 тлн их сменяют «классические» неандертальцы (*Homo neanderthalensis*). Практически никто не сомневается в том, что неандертальцы произошли от пренеандертальцев, и, согласно преобладающей точке зрения, случилось это именно в Европе.

По мнению большинства антропологов, все европейские гоминиды, более поздние, чем череп из Чепрано (начало среднего плейстоцена, КИС 19–18), или, по край-

ней мере, чем челюсть из Мауэра (КИС 13), обладают признаками, позволяющими рассматривать их как представителей филетической линии, ведущей к неандертальцам (Arsuaga et al. 1996; Condemi 2000; Bischoff et al. 2003). С. Кондеми (Condemi 2000) делит этот неандертальский линидж на четыре отрезка: 1) КИС 12-9, ранние пренеандертальцы (Араго, Петралона, Сима де Лос Уэсос¹), 2) КИС 9-7, поздние пренеандертальцы (Штейнгейм, Сванскомб, Рейлинген, Ля Шэз, Бьяше-сент-Вааст, Бильцингслебен), 3) КИС 5, протонеандертальцы (Эрингсдорф, Зальцгиттер-Лебенштедт, Саккопасторе, Крапина), 4) КИС 4-3, классические неандертальцы (Сен-Сезер, Ля Феррасси, Ля Шапелль-о-Сен, Гуаттари). Некоторые другие исследователи допускают, что уже гоминид из Сванскомба, живших примерно 300-400 тлн, и даже Сима де лос Уэсос, еще более древних (см. примечание 1), следовало бы, возможно, относить к собственно неандертальцам, т. е. виду *Homo neanderthalensis* (Stringer, Hublin 1999). Первые оценки времени происхождения этого вида (или, точнее говоря, времени, когда жил последний общий предок всех неандертальцев), полученные по палеогенетическим данным методом молекулярных часов, укладываются в интервал от 150 до 250 тлн, а с учетом стандартного отклонения — от 120 до 350 тлн (Lalueza-Fox et al. 2005: 1079). Разделение линий неандертальцев и современных людей, согласно тем же данным, произошло, вероятнее всего, где-то в интервале от 350 до 620 тлн или, если брать крайние даты, от 320 до 850 тлн (Ho et al. 2005: 1566, fig. 5; Green et al. 2006; Noonan et al. 2006).

И *Homo sapiens* и *Homo neanderthalensis* были весьма полиморфны в анатомическом плане, и между разными географическими популяциями обоих видов, а то и между индивидами, жившими в одном и том же регионе, подчас прослеживается большое количество различий. Антропологи расходятся во мнениях относительно как причин этих различий, так и их значения для систематики позднплейстоценовых гоминид. Что касается неандертальцев, то в работах некоторых исследователей проводится мысль о том, что в Европе этот вид был представлен как минимум двумя вариантами, один из которых, более плезиоморфный, т. е. сохранявший больше предковых черт (в том числе относительную грацильность), существовал в южных районах с относительно мягким климатом (его называют средиземноморским), а второй, классический, апоморфный, представлял собой результат приспособления к суровым условиям севера (Hambücker 1997; Raposo 2000). При этом первый вариант (Чирчео 1, грот Брейля и т. д.) сближают с неандертальцами Ближнего Востока, которые в морфологическом плане также представляли собой довольно своеобразную группу — настолько своеобразную, что правомерность ее отнесения к *Homo neanderthalensis* иногда ставится под сомнение (Arensburg, Belfer-Cohen 1998). Согласно еще одной точке зрения, неандертальцев следует рассматривать как «кольцевой вид», западные популяции которого обладали наибольшей степенью анатомической обособленности и были репродуктивно изолированы от *Homo sapiens*, а восточные (и прежде всего ближневосточные), напротив, имели много общих черт с последними, являя собой своего рода промежуточное звено, существование которого обеспечивало возможность межвидовой гибридизации (Moncel, Voicin 2006).

¹ Согласно полученным недавно ТУ датам, останки гоминид из Сима де Лос Уэсос имеют древность не менее 530 тлн и относятся, таким образом, не к КИС 12, а к КИС 14 или 15 (Bischoff et al. 2007).

2.3. Популяционная динамика ранних *Homo sapiens* и *Homo neanderthalensis*

Конец среднего плейстоцена (КИС 6). В этот период ареал *Homo sapiens* был, вероятно, ограничен Восточной Африкой, откуда происходят древнейшие из известных сейчас костных останков представителей этого вида, и где найдено наибольшее количество переходных между ним и *Homo heidelbergensis* форм. Как уже говорилось, возраст черепа Омо I из отложений формации Кибиш может составлять 190–200 тл. Идентичную или, по крайней мере, очень близкую древность имеет, судя по всему, и найденный в сходных стратиграфических условиях череп Омо II (McDougall et al. 2005), но он всегда считался и считается морфологически более архаичным, чем Омо I. Объясняется ли разница между ними значительной внутривидовой изменчивостью, свойственной ранним *Homo sapiens*, или же обладатель черепа Омо II представлял другой вид гоминид (*Homo helmei* ?), остается неясным.

К находкам из формации Кибиш в целом очень близки по своему строению три черепа, найденные на местонахождении Херто в Среднем Аваше, также в Эфиопии. Один из них дошел до нас почти целиком (кроме нижней челюсти), сохранность двух других тоже довольно хорошая. Возраст черепов, согласно результатам АА датирования, составляет от 154 до 160 тл (Clark et al. 2003). По мнению описавших их исследователей, они представляют собой останки вероятных непосредственных предков людей современного физического типа и обладают многими анатомическими особенностями, свойственными последним. Что касается таксономического положения этой формы гоминид, то было предложено выделять ее как особый подвид нашего вида *Homo sapiens idaltu* (White et al. 2003). В целом, несмотря на наличие ряда примитивных признаков, морфология черепов из Херто дает достаточно оснований для того, чтобы уверенно рассматривать их обладателей как древних представителей современной формы человека (Stringer 2003: 693; McCarthy et al. 2007). Таким образом, ряд хорошо изученных и довольно надежно датированных антропологических находок из Восточной Африки свидетельствует о том, что люди, не отличавшиеся или мало чем отличавшиеся в анатомическом плане от нынешних обитателей Земли, жили в этом регионе уже в конце среднего плейстоцена, как минимум 150, а возможно и 200 тлн.

Что касается ареала неандертальцев, то он в это время, видимо, еще не выходил за пределы Европы. Во всяком случае, в других регионах останков этой формы гоминид соответствующего возраста пока не обнаружено. В Европе же, судя по географии антропологических находок, неандертальцы обитали преимущественно в западных, центральных и южных районах, тяготея при этом к низко- и среднегорным ландшафтам.

Начало позднего плейстоцена (КИС 5). Наряду со среднеплейстоценовыми материалами, ключевую роль восточноафриканского региона в формировании *Homo sapiens* подтверждает и большое количество костных останков людей современного или очень близкого к таковому анатомического типа, обнаруженных здесь в отложениях, датируемых началом и первой половиной позднего плейстоцена. Такие находки, представленные фрагментами черепов, зубами, отдельными костями посткраниального скелета происходят, например, с местонахождений Адума и Бурри (Эфиопия), из грота Мумба (Танзания) и некоторых других памятников. В это время, однако, ареал *Homo sapiens* включал уже не только восток, но и юг аф-

риканского континента, а также, по крайней мере, один из соседствующих с этим континентом районов Западной Азии, а именно Ближний Восток.

В Южной Африке останки людей близкого к современному анатомического типа (зубы, нижние челюсти, фрагменты черепов и костей посткраниального скелета) возрастом свыше 70 тл были найдены при раскопках пещер в устье р. Класиес (Bräuer et al. 1992; Klein 2001). Такими же древними могут быть и относимые некоторыми исследователями к *Homo sapiens* антропологические находки из ряда других южноафриканских пещер (Бордер, ди Келдерс, Бломбос).

В Северной Африке пока нет антропологических находок, которые позволяли бы с полной уверенностью говорить о том, что *Homo sapiens* появились здесь так же рано, как на востоке континента. Тем не менее человеческие костные останки, обнаруженные на таких археологических памятниках, как Джебел Ирхуд, Дар-эс-Солтан, Мугарет эль Алия, Хауа Фтеа и Тарамса принадлежат индивидам, приближавшимся по ряду важных анатомических признаков к людям современного физического типа (Hublin 1992, 2000; Vermeersch et al. 1998; Klein 1999). Не исключено, что возраст наиболее древних из них превышает 70 тл, а для нижней челюсти Джебел Ирхуд 3 определены прямые ТУ/ЭПР даты 160 ± 16 тлн (Smith et al. 2007). Некоторым из перечисленных находок свойственны и отдельные неандерталоидные черты такие, как, например, наличие затылочного валика у черепа из Джебел Ирхуд, или надглазничного валика у черепа Дар-эс-Солтан 5. По мнению ряда антропологов, последнее обстоятельство может быть результатом обмена генами между разными популяциями гоминид циркум-Средиземноморского региона в конце среднего и первой половине верхнего плейстоцена (Simmons, Smith 1991; Trinkaus 2005).

На Ближнем Востоке люди современного или очень близкого к нему анатомического типа появляются не позже 100 тлн, а скорее двумя-тремя десятками тысячелетий ранее (см. табл. 2.3.1)². Согласно широко распространенной точке зрения, такое расширение ареала *Homo sapiens* на север было связано с потеплением и увлажнением климата в ходе последнего межледниковья и являлось одной из составляющих значительных зоогеографических изменений, происходивших в этот период. Вероятно, «ранние современные люди Леванта представляли собой волну иммигрантов, пришедших с юга в течение КИС 5, в процессе северного распространения афро-аравийской фауны» (Hublin 2000: 162). Правда, долгое время этих людей, известных благодаря находкам их останков в израильских пещерах Схул и Кафзех, определяли не как *Homo sapiens*, а как «прогрессивных неандертальцев», поскольку они, во-первых, были найдены в среднепалеолитических слоях, а во-вторых, обладали рядом архаичных признаков. В конце концов, однако, от такого определения пришлось отказаться. С одной стороны, было показано, что по основным анатомическим параметрам большинство черепов и других костей из Схул и Кафзех не вы-

² Абсолютный возраст слоев, откуда происходят останки людей группы Схул-Кафзех, был впервые определен в конце 80-х годов прошлого века (Valladas et al. 1988). Полученные даты порядка 100 тл вполне соответствовали выводам палеозоологов, сделанным много раньше на основании изучения микрофауны, но в то же время они явно шли в разрез с принятыми тогда представлениями о времени появления *Homo sapiens*. Некоторые авторы пытались разрешить это противоречие, просто отвергая новые датировки, как заведомо неверные. Например, признавая принадлежность людей из Кафзех к *Homo sapiens*, утверждали, что, следовательно, «абсолютная хронология для них является сильно преувеличенной» и что в действительности они относятся к самому концу среднепалеолитического времени и, «возможно, даже синхронны древнейшим находкам палеолитических людей, найденных с каменными индустриями верхнепалеолитического типа» (Алексеев 1987: 8).

ходит за рамки изменчивости, характерной для людей современного физического типа (Vandermeersch 1981), с другой — оказалось, что с неандертальцами их сближают, главным образом, черты, унаследованные теми и другими от общих предков, тогда как специфически неандертальские (аутопоморфные) признаки — за некоторыми возможными исключениями — им не свойственны (Trinkaus 2005).

Если присутствие *Homo sapiens* на Ближнем Востоке в начале позднего плейстоцена практически не вызывает сомнений, то однозначно ответить на вопрос о том, входила ли эта территория в рассматриваемый период также и в зону распространения неандертальцев и перекрывались ли, таким образом, ареалы двух этих форм гоминид, пока невозможно. Ответ зависит от того, какой возраст имеет безусловно неандертальский скелет из слоя С пещеры Табун (он фигурирует в литературе как Табун 1 или Табун С1) и каков таксономический статус нижней челюсти из этого же слоя, обозначаемой обычно как Табун 2 или Табун С2. Для скелета, который вполне мог быть впущен в слой С из более молодого слоя В (Bar-Yosef, Callander 1999), двумя разными методами получены две диаметрально противоположные абсолютные даты (см. табл. 2.3.2), а челюсть одни исследователи считают довольно архаичной, усматривая в ней массу признаков, типичных для неандертальцев (Stefan, Trinkaus 1998; Дробышевский 2006: 51), а другие сближают с группой Схул-Кафзех (Quam, Smith 1998) и относят к *Homo sapiens* (Rak 1998)³.

Таблица 2.3.1. Датировки ранних *Homo sapiens* Ближнего Востока

	Valladas et al. 1988 ТЛ	Schwarcz et al. 1988 ЭПР	Mercier et al. 1993 ТЛ	Grün et al. 2005 ЭПР, ТУ
Схул			100-140	100-135*
Кафзех	87-97	90-130		

Примечание. Здесь и в таблице 2.3.2 звездочкой обозначены даты, полученные непосредственно по человеческим костям.

Таблица 2.3.2. Датировки неандертальцев Ближнего Востока

	Valladas et al. 1987 ТЛ	Valladas et al. 1999 ТЛ	Schwarcz et al. 1998 ТУ	Grün, Stringer 2000 ЭПР, ТУ
Кебара	45-65			
Амуд		50-70		
Табун С1			40*	105-140*

Конец первой половины позднего плейстоцена (КИС 4). Для большей части этого относительно короткого периода, характеризующегося в целом очередным похолоданием, надежных свидетельств дальнейшего расширения ареала *Homo sapiens* нет. Возможно, такое расширение продолжалось еще в самой Африке (например, за счет освоения каких-то новых районов в центральной и западной частях континента), но за ее пределами имел место скорее обратный процесс. Во всяком случае, на Ближнем Востоке достоверных следов пребывания людей группы Схул-Кафзех

³Для полноты картины следует отметить, что существует также точка зрения, согласно которой среднепалеолитические гоминиды Леванта, обычно относимые к двум разным видам (*Homo neanderthalensis* и *Homo sapiens*), представляли собой на самом деле единую, хотя и гетерогенную популяцию, имевшую частично африканские, а частично европейские корни (Arensburg 2002).

на протяжении КИС 4 и в первой половине КИС 3 неизвестно. Судя по антропологическим материалам, единственными обитателями этого региона в рассматриваемый период были неандертальцы. Их многочисленные останки, обнаруженные в израильских пещерах Амуд и Кебара, имеют возраст от 70 до 45 тл (табл. 2.2).⁴ Не исключено, что расширение ареала этого вида в южном направлении было следствием его сокращения на севере, в Европе, многие районы которой в течение КИС 4 могли стать малопригодными для обитания⁵. Подобно экспансии *Homo sapiens* на север, имевшей место в предыдущий период, экспансия неандертальцев на юг тоже происходила в одно время с аналогичными перемещениями ряда других млекопитающих (Tchernov 1998).

Впрочем, кроме южного направления эта экспансия, похоже, имела и еще одно — восточное. Кроме Европы и Леванта неандертальцы или, во всяком случае, близкие им формы гоминид, на протяжении, по крайней мере, большей части КИС 4 и первой половины КИС 3 населяли Кавказ (пещеры Баракаевская, Мезмайская, Джручула, Сакажиа и др.), Переднюю (Шанидар) и Среднюю Азию (Тешик-Тап), а также, судя по косвенным (археологическим) данным, юг Сибири и смежные с ним районы Центральной Азии (хотя это еще нуждается в подтверждении). Сколько-нибудь точно определить время их появления в большинстве из перечисленных регионов пока не представляется возможным, но наиболее вероятным кажется, что сначала имело место проникновение из Европы на юг, т. е. на Ближний Восток, а оттуда уже в Переднюю Азию и далее.

Середина позднего плейстоцена (КИС 3). На протяжении этого периода люди современного анатомического типа постепенно распространяются почти по всей Евразии (кроме самых северных районов) и заселяют Австралию, в то время как все другие формы гоминид, включая и вполне процветавших, казалось бы, неандертальцев, исчезают с лица Земли.

Генетические данные и хронология антропологических находок говорят о том, что первая волна экспансии *Homo sapiens* исходила из области Африканского Рога (Tishkoff, Williams 2002: 613, 615) и была направлена на восток. Пройдя через южные районы Азии, она достигла в итоге Австралии (Оппенгеймер 2004; Forster, Matsumura 2005; Mascalay et al. 2005). Предполагается, что, скорее всего, путь мигрантов пролегал через Баб эль Мандебский пролив⁶, а далее через юг Аравийского полуострова и вдоль побережья Индийского океана, не выходя при этом сколько-нибудь далеко за пределы тропической зоны (Field, Lahr 2005; Field et al. 2007). Отсутствие костных останков «первопроходцев» на ближней к Африке половине

⁴По-видимому, близкий возраст имеет и скелет неандертальского ребенка из погребения в пещере Дедерьех (Сирия).

⁵Серьезное влияние на географию человеческих популяций в рассматриваемый период могло оказать извержение вулкана Тоба на Суматре, происшедшее примерно 70–75 тлн и ставшее самым крупным за последние несколько сотен тысяч лет (Rampino, Self 1992). По мнению некоторых исследователей (Ambrose 1998a, 2003; но см. Gathorne-Hardy, Harcourt-Smith 2003), оно повлекло за собой резкое похолодание, особенно чувствительное в северных широтах. Одним из его возможных следствий могла стать и экспансия неандертальцев из Европы на Ближний Восток, где их присутствие впервые достоверно фиксируется как раз около 70 тлн. Исследования динамики температур в верхнем плейстоцене запада Европы подтверждают, что в этом регионе, действительно, выделяется длительная фаза чрезвычайно холодного климата, начавшаяся 68/69 тлн и завершившаяся 61/62 тлн (Genty et al. 2003).

⁶Этот пролив, как и Красное море в целом, в конце КИС 4 и начале КИС 3 был еще уже и мельче, чем сейчас (Siddall et al. 2003). По некоторым оценкам, его ширина в периоды ледниковых максимумов могла сокращаться до 5 км (Flemming et al. 2003, по Derricourt 2005: 124).

этого пути не позволяет пока определить время начала «исхода», но, судя по тому, что «финиш» (Австралия) был достигнут 45–50 тлн, «стартовать» они должны были не позже 60 тлн, т. е. где-то на рубеже КИС 4 и 3. Близкая датировка — около 65 тлн — предложена и генетиками (Tishkoff, Williams 2002: 615; Macaulay et al. 2005).

За пределами Африки и Ближнего Востока пока неизвестно находок останков *Homo sapiens*, древность которых превышала бы 45 тл. По-видимому, ближе всего к этому рубежу находится череп вполне современного типа из пещеры Ниах в Сараваке (о. Борнео). На основании РУ определений, полученных еще в 50-е и 60-е годы прошлого века для вмещающих отложений, его возраст обычно оценивался в 38–39 тл, но многие исследователи указывали на вероятность того, что сам череп может быть значительно моложе и происходить из неолитического слоя пещеры, содержащего множество погребений. Новые исследования показали, что это не так, подтвердив реалистичность первых радиометрических определений. По образцам древесного угля из слоя, непосредственно перекрывающего слой, где была сделана находка, получены РУ даты 42–43 тлн (Barker 2002: 153), а ТУ датирование двух фрагментов самого черепа дало даты 37 ± 5 и 34.5 ± 3 тлн, которые нынешние исследователи памятника по ряду причин считают несколько омоложенными (Barker et al. 2006). Сходную древность допустимо предполагать и для фрагментов нижней челюсти и большеберцовой кости из пещеры Табон (о. Палаван, Филиппины), относимых к *Homo sapiens* и имеющих прямые ТУ даты $31 + 8 / - 7$ и $47 + 11 / - 10$ тлн (Détroit et al. 2004). Все эти новые датировки хорошо согласуются с современными представлениями о времени заселения Австралии. Для скелета с местонахождения Мунго 3 на юго-востоке этого континента наиболее вероятной является примерно такая же древность (Bowler et al. 2003), хотя окончательные выводы в обоих случаях лучше, видимо, отложить до того времени, когда датирование вмещающих отложений будет дополнено прямым датированием самих человеческих костей. Именно таким способом был определен возраст морфологически современных костей посткраниального скелета и нижней челюсти, найденных недавно в пещере Тяньюань в Китае (недалеко от Чжоукоудяня). Он составил 35 тл (Trinkaus 2005). Скелетные останки *Homo sapiens* из цейлонских пещер Фа Хьен и Батадомба Лена имеют возраст соответственно 25–33 и 28 тлн (Kennedy 1999). На юге Таиланда в пещере Мой Хью для отложений, перекрывающих погребение, где обнаружен хорошо сохранившийся скелет, по всем параметрам близкий скелетам ранних обитателей Австралии, определена дата 26 тл (Matsumura, Pookajorn 2005). Все остальные находки останков людей современного анатомического типа в Азии, если принимать в расчет только достоверные и достаточно надежно датированные материалы, относятся к периоду после 25 тлн.

Ради полноты картины следует отметить, что в последние годы стали появляться сообщения о наличии в ряде пещер на крайнем юге Китая зубов и других останков *Homo sapiens*, относящихся якобы к началу позднего и даже к среднему плейстоцену (Shen, Michel 2007). Наиболее интригующая находка такого рода сделана на местонахождении Люцзян в Гуаньчжоу. Здесь еще в 1958 г. при рытье пещерных отложений, которые использовали в качестве удобрений, сельскохозяйственными рабочими были обнаружены хорошо сохранившийся человеческий череп современного типа и ряд фрагментов посткраниальных костей. До 2002 г. считалось, что возраст этих материалов составляет около 20 тл. ТУ датирование по образцам туфа показало, что та часть пещерных отложений, с которой, как предполагается, были, скорее всего, связаны находки, имеет возраст не моложе 68 тлн, а вероятнее всего

около 111–139 тлн (Shen et al. 2002). Однако точная страгиграфическая привязка человеческих костей в данном случае совершенно невозможна, и потому не может быть никакой уверенности в том, что полученные абсолютные даты действительно имеют отношение к антропологическим материалам. Аналогичная или еще более сложная (ввиду спорного таксономического статуса антропологических находок) ситуация имеет место и на других китайских памятниках, фигурирующих в работах исследователей, стремящихся доказать большую древность *Homo sapiens* в Восточной Азии. В этой связи нельзя не упомянуть о результатах проведенного недавно прямого датирования костей современного человека с Ордосского плато в северо-западном Китае, для которых традиционно предполагался позднплейстоценовый возраст. Оказалось, что их древность не превышает нескольких сотен лет (Keates et al. 2007).

Расширение ареала *Homo sapiens* в северном направлении (точнее, вторая и успешная попытка такового) началось, видимо, где-то в интервале от 50 до 40 тлн. Ближний Восток в это время был еще заселен неандертальцами. Скучность антропологических материалов и отсутствие надежных датировок не позволяют точно определить, когда один вид уступил здесь место другому, но есть основания думать, что это произошло не ранее середины КИС 3. Все те немногочисленные человеческие кости, которые хотя бы предположительно могут быть отнесены к первой половине этой стадии, либо наверняка принадлежат неандертальцам (Кебара, Дедерьех, Табун С1), либо имеют ряд неандертальских признаков (верхняя челюсть из слоя XXV грота Кзар Акил), тогда как древнейшие останки человека современного анатомического типа (детский череп и нижняя челюсть из слоя XVII грота Кзар Акил) имеют древность не более 40 тл, а, скорее всего, около 35 тл (см. 5.9). Вполне возможно, что, вопреки традиционной точке зрения, миграционная волна или поток генов, ставшие причиной очередной смены антропологического типа обитателей региона, пришли не с юга, из Африки, а с востока, из Передней Азии, или даже с севера, из Европы. Последняя в этом случае должна была бы заселяться *Homo sapiens* через Малую Азию или юг Русской равнины. Многие генетики сейчас считают, что продвижение людей современного анатомического типа на север, за пределы тропиков и субтропиков, шло не непосредственно из Африки (через долину Нила, Ближний Восток и т. д.), а скорее откуда-то из района Персидского залива, будучи сравнительно поздним ответвлением от первоначальной волны исхода, направленной на восток (Оппенгеймер 2004; Macaulay et al. 2005).

В Европе люди современного анатомического типа впервые появляются, вероятно, где-то в интервале от 35 до 40/42 тлн. Костные останки первых европейских *Homo sapiens* значительно уступают по возрасту не только многим африканским находкам, но и ряду находок из Восточной Азии и Австралии. Моляр из нижнего слоя Костенок 17 и сильно стертая коронка зуба ребенка из слоя IV6 Костенок 14, скорее всего, имеют возраст не менее 38 тл (см. 5.18), но опыт показывает, что точно определить по одному зубу, а тем более фрагменту, принадлежал ли он неандертальцу или человеку современного анатомического типа, весьма сложно. В большинстве подобных случаев антропологи расходятся во мнениях (слой E Ля Феррасси, Бачо Киро, Оби-Рахмат, находки из мустьерских слоев алтайских памятников и т. д.). Нижняя челюсть *Homo sapiens* из пещеры Оасе в Румынии, найденная в 2002 г., согласно результатам прямого РУ датирования, имеет возраст около 35 тл (Trinkaus et al. 2003, 2003a), и близкая древность предполагается для обнаруженного годом позже в этой же пещере в сходных условиях черепа с открытой датой ≥ 28 тлн

(Rougier et al. 2007). Прямое РУ датирование черепов из пещер Младеч в Чехии и Муерий в Румынии дало даты 30–32 тлн (Wild et al. 2005; Soficaru et al. 2006). Аналогичный возраст, судя по одному прямому РУ определению (31 ± 0.5 тлн) и трем датам по сопутствующим материалам (30–33 тлн), имеют две фаланги пальцев рук взрослого человека, происходящие из граветского (павловского) слоя пещеры Облазовой в Польше. В Западной Европе, если не считать обломок верхней челюсти из Кентс Кэверн в Англии, имеющий прямую РУ дату около 31 тлн и довольно неопределенный таксономический статус⁷, неизвестно пока останков *Homo sapiens*, о которых с уверенностью можно было бы сказать, что их древность превышает 30 тл⁸. Правда, согласно результатам новых анализов, РУ возраст костей животных, сопутствующих челюсти из Кентс Кэверн, составляет 35–37 тлн (Higham et al. 2006: 555), но предпочтение, видимо, следует все же отдавать результатам прямого датирования. В последние годы этому было получено множество подтверждений. Многие европейские антропологические находки, традиционно считавшиеся останками людей начала верхнего палеолита, при прямом датировании дали весьма поздние, финально-плейстоценовые или голоценовые даты. Среди резко помолодевших подобным образом материалов кости из Фогельхерда, Великой Печины, Конепрус, Свитавки, Ханёферзанда и т. д. (Conard et al. 2004; Trinkaus 2005: table 3).

Ареал *Homo neanderthalensis* по мере распространения *Homo sapiens* все более и более сокращался и в конце концов распался на ряд небольших изолированных областей. Последние представители этой формы гоминид продолжали обитать на крайнем западе Европы и, вероятно, еще в каких-то районах (например, на Балканах, возможно, в Крыму) почти до самого конца КИС 3. Наиболее поздние из найденных до сих пор останков неандертальцев имеют возраст около 30–32 тл (Garcaldá 1997; Higham 2006).

2.4. Проблема гибридизации между *Homo sapiens* и *Homo neanderthalensis*

Итак, судя по генетическим и палеоантропологическим данным, широкое распространение людей современного анатомического типа за пределы Африки началось около 60–65 тлн. Сначала, по всей видимости, ими были колонизированы южные районы Азии и Австралия, а в период примерно от 40 до 30/28 тлн они заселили почти всю Европу и начали освоение Северной Азии. Имело ли при этом место смешение автохтонного и пришлого населения — до конца неясно. Антропологи расходятся во мнениях на этот счет. Тем не менее в последнее время явно наблюдается некоторое сближение позиций сторонников противоборствующих точек зрения, благодаря, прежде всего, отказу от некоторых крайностей. С одной стороны, сейчас уже мало кто отстаивает тезис об абсолютной невозможности даже минимальной гибридизации, а с другой — лишь очень немногие продолжают утверждать, что го-

⁷Хотя эту находку часто относят к числу древнейших антропологических свидетельств появления на западе Европы людей современного анатомического типа, многие исследователи считают ее точное видовое определение невозможным.

⁸В этом плане стоило бы, по-видимому, обратить внимание на лишенную каких-либо явных архаичных черт лобную кость, найденную в Фонтешеваде в 1947 г. Первоначально она была датирована временем не ранее последнего межледниковья и послужила одним из оснований, на которых базировалась известная «теория пресапиенса». Сейчас установлено, что фаунистические материалы, сопутствовавшие этой находке, относятся к КИС 3 (Chase et al. 2007).

миниды, предшествовавшие *Homo sapiens* в Европе и Азии, внесли такой же вклад в генофонд современного человечества, как и последние.

Наиболее активно проблема гибридизации между поздними видами гоминид изучается применительно к европейским неандертальцам. Приняли ли они какое-то участие в формировании позднейшего палеолитического населения Европы? Сопоставление размаха внутри- и межвидовой вариабельности у разных групп приматов, включая неандертальцев и людей современного анатомического типа, а также результаты палеогенетических исследований предполагают, по мнению некоторых специалистов, скорее отрицательный, чем положительный, ответ на этот вопрос, тогда как анализ остеологических материалов, напротив, свидетельствует, как будто, в пользу гибридизации.

Сравнительными краниометрическими исследованиями с использованием аппарата статистического анализа было показано, что по основным метрическим параметрам черепа *Homo neanderthalensis* и *Homo sapiens* различаются между собой больше, чем черепа современных людей разных рас (включая людей верхнего палеолита), а также черепа горилл, шимпанзе, павианов и макак разных подвидов и видов. Результаты этих работ, по мнению их авторов, подтверждают точку зрения, согласно которой неандертальцы должны рассматриваться как обособленный биологический вид, отделенный от *Homo sapiens*, возможно, и не совсем непроницаемым, но все же труднопреодолимым барьером репродуктивной изоляции (Schillaci, Froehlich 2001; Harvati et al. 2004).⁹

Сходные выводы были сделаны и на основании палеогенетических данных. К концу 2006 г. пригодные для анализа участки ДНК удалось извлечь более чем из 15 неандертальских костей и зубов, и результаты изучения 12 таких образцов были опубликованы. Они происходят со следующих пещерных стоянок: Фельдхофер (две кости), Виндия (три кости), Анжи, Ля Шапелль-о-Сен, Эль Сидрон, Рош де Вилленев, Складина, Монте Лессини, Мезмайская, Тешик-Таш. Кроме того, генетический материал был получен и из нескольких костей *Homo sapiens* ранней поры и середины верхнего палеолита (Пальиччи 25 и 12, Младеч 2 и 25С, Сунгирь и ряд других). Сопоставление последовательностей нуклеотидов в ДНК неандертальцев и современных людей позволило установить, что разница между первыми и вторыми в три с лишним раза превышает генетическое расстояние между ныне существующими расовыми группами человека (Krings et al. 1997, 2000; Ovchinnikov et al. 2000). Сравнение аналогичных участков цепей ДНК поздних *Homo neanderthalensis*, верхнепалеолитических *Homo sapiens* и современных людей показало, что если между последними двумя группами, несмотря на хронологический разрыв в 20 с лишним тысяч лет, нет сколько-нибудь заметных различий, то неандертальцы явно стоят особняком. В частности, от людей из грота Пальиччи, живших 23–25 тлн, их отделяет такая же генетическая дистанция, как и от современных людей (Caramelli et al. 2003). Ни один из изученных до сих пор образцов ДНК *Homo sapiens* — современ-

⁹ С другой стороны, если судить по аналогии с некоторыми современными приматами, то может показаться вполне вероятным, что, несмотря на внешние различия, вообще все виды рода *Homo*, включая людей современного физического типа и неандертальцев, потенциально были интерфертильны, т. е. способны скрещиваться и давать при этом плодовитое потомство (Holliday 2003). Такая ситуация зафиксирована, например, для рода *Papio*, скрещивающиеся, но морфологически заметно различающиеся между собой виды которого, дивергировали примерно в то же время, что и виды рода *Homo* (около 1,7 млн лет назад). Более того, в отдельных случаях плодовитое потомство появляется и в результате скрещивания разных родов приматов, в частности таких, как павианы *Papio* и гелады *Theropithecus* (Фридман 1979: 162).

ных и палеолитических — не дал последовательности, типичной для неандертальцев (Serre et al. 2004), а все неандертальцы, из какой бы части Европы ни происходили их останки и каким бы временем ни датировались,¹⁰ оказались в генетическом плане в целом довольно сходны между собой (Krings et al. 2000; Schmitz et al. 2002; Beauval et al. 2005; Lalueza-Fox et al. 2005, 2006; Orlando et al. 2006). Тем не менее, по мнению большинства генетиков, имеющиеся данные не исключают полностью вероятности гибридизации между людьми современного анатомического типа и неандертальцами, а лишь свидетельствуют о том, что вклад последних в генофонд *Homo sapiens* был, скорее всего, весьма ограничен (Pearson 2004). При этом количественные оценки возможной степени гибридизации могут очень сильно различаться, варьируя от 0,1 до 25% (ср. Serre et al. 2004 и Currat, Excoffier 2004).¹¹ Более того, в самое последнее время в геноме как неандертальцев (Green et al. 2006), так и современных людей (Evans et al. 2006), были выявлены некоторые особенности, которые, по мнению описавших их исследователей, проще всего объясняются, если допустить вероятность обмена генетическим материалом между этими группами гоминид.

Наиболее правдоподобной кажется так называемая «ассимиляционная модель», сторонники которой, признавая африканское происхождение *Homo sapiens*, предполагают, что в процессе расселения последних за пределы их прародины имела место скорее частичная ассимиляция, нежели полная аннигиляция автохтонного населения других регионов. Эта модель базируется, прежде всего, на анализе остеологических материалов. Так, по мнению Э. Тринкауса, скелетные останки первых *Homo sapiens* в большинстве районов земли, идет ли речь о Северной Африке (Назлет Хатер), Центральной Европе (Оасе, Младеч), Западной Европе (Ле Руа, Лагар Велхо), или Восточной Азии с Австралией, несут те или иные архаичные черты. Подобно некоторым ископаемым гоминидам из Африки к югу от Сахары, они, будучи «современными», не являются все же полностью таковыми. Понять разнообразные особенности морфологии ранних людей современного типа за пределами Восточной Африки, полагает Тринкаус, можно, лишь допустив ту или иную степень смешения с автохтонными популяциями более «архаичных» гоминид, причем получить достоверную оценку этой степени на основании имеющихся и ожидаемых в будущем остеологических и молекулярных данных вряд ли удастся (Trinkaus 2005).

Что касается неандертальцев, то действительно, ряд общих черт в морфологии поздних представителей этого вида и ранних анатомически современных европейцев позволяет предполагать, что их сосуществование сопровождалось некоторым обменом генами и ассимиляцией первых вторыми (Smith et al. 1989, 2005; Козинцев 1994, 2003; Churchill, Smith 2000a: 106–107; Wolpoff et al. 2004; Trinkaus 2005, 2006, 2007; Zilhão 2006). Особенно показательно то обстоятельство, что на черепах европейских *Homo sapiens* ранней поры верхнего палеолита бывают довольно отчетливо выражены некоторые признаки, отсутствующие или крайне редкие у людей группы Схул-Кафзех и у позднепалеолитических европейцев, но обычные для неандертальцев. Это, например, значительный среднелицевой прогнатизм и наличие хорошо выраженного затылочного валика. В частности, последний отмечен на 80% (8 из

¹⁰Возраст неандертальских костей, давших генетический материал, варьирует от 100 тл (Складина) до 30 тл (Виндия).

¹¹Очень интересно, какие результаты дало бы сопоставление ДНК неандертальцев и верхнепалеолитических *Homo sapiens* с ДНК ранних африканских людей современного физического типа. К сожалению, вероятность получить когда-либо достаточный для анализа генетический материал из костей последних крайне невелика.

10) черепов европейских неандертальцев и 68% (13 из 19) черепов ранних людей современного физического типа Европы, но ни разу не зафиксирован ни на черепаках людей из Схул и Кафзех, ни на черепаках ранних *Homo sapiens* Африки (Smith et al. 2005: table 2). Факты такого рода свидетельствуют в пользу присутствия неандертальского анатомического компонента у европейцев ранней поры верхнего палеолита¹², наиболее простым и правдоподобным объяснением чего является гибридизация.

Несколько труднее пока продемонстрировать присутствие сапиентного компонента у поздних неандертальцев, живших в период, когда в Европе уже появились *Homo sapiens*. Хотя в некоторых случаях (Сен-Сезер) наличие «промежуточных» анатомических признаков кажется вполне очевидным (см. напр.: Дробышевский 2006: 206–212), их, по мнению ряда антропологов, следует объяснять не гибридизацией, а либо большой вариабельностью морфологии самих неандертальцев, либо же адаптацией последних к меняющимся условиям существования (Hublin, Bailey 2006).

В свете археологических данных допущение возможности гибридизации и вообще неантагонистических контактов между неандертальцами и людьми современного анатомического типа выглядит вполне приемлемым. Во всяком случае, оно позволило бы объяснить те несколько случаев, когда можно предполагать, что носителями одной и той же традиции на разных этапах ее развития были гоминиды разного типа (эмиран-ахмар, стрелецкая культура; подробнее об этом говорится в главе 6).

2.5. Причины исчезновения неандертальцев

Тот факт, что к концу КИС 3 неандертальцы исчезли, а *Homo sapiens*, напротив, расселились почти по всей земле, кроме Америки, уже сам по себе неопровержимо доказывает, что в чем-то последние имели преимущество. Однако в чем именно оно состояло, определить совсем непросто. Есть несколько вариантов решения этой проблемы.

Традиционная точка зрения, согласно которой все объясняется интеллектуальным превосходством людей современного анатомического типа над прочими современными им формами гоминид, включая неандертальцев, основана в большей степени на присущем *Homo sapiens* убеждению в уникальности собственных способностей, нежели на фактах. Она игнорирует то широкоизвестное обстоятельство, что по абсолютному размеру мозг неандертальцев превосходил мозг современных людей, а также то, что и первые и вторые в течение десятков тысяч лет практически ничем не отличались по уровню культурного развития. Возможно, определенное умственное

¹²Иногда отдельные анатомические особенности, свойственные в гораздо большей степени неандертальцам, нежели *Homo sapiens*, довольно четко прослеживаются даже на антропологических находках голоценового возраста. Наиболее известный пример тому — лобная кость из Ханёферзанда (север Германии), найденная в 1973 г. вне археологического контекста и по ошибке или в результате фальсификации получившая РУ дату 36 тлн. Последующая проверка показала, что действительный возраст этой находки составляет около 7500 лет (Street et al. 2006), но неандерталлоидные черты, а именно массивность и сильно развитый надглазничный рельеф, которые первоначально послужили основанием для интерпретации ее как «переходной» или «гибридной» (Bräuer 1981), от передатирования никуда не исчезли. Эти же черты, усугубляемые еще и сильно выступающими носовыми костями, зафиксированы на найденном в 1997 г. неолитическом черепе из грота делла Росса в центральной части Италии (D'Amore et al. 2007).

превосходство действительно было, но этот тезис отнюдь не очевиден, он не следует с абсолютной неизбежностью из имеющихся антропологических и археологических данных и нуждается в доказательстве. История живой природы знает тысячи случаев вытеснения одних видов другими, и далеко не всегда при этом «победители» отличаются более высоким интеллектом. Конечно, нельзя исключить, что даже при примерно равном интеллектуальном потенциале люди современного анатомического типа, когда они пришли в Европу, были все-таки несколько лучше организованы, лучше оснащены технически, имели более разнообразный арсенал средств и способов жизнеобеспечения, но и это тоже не более чем предположение, которое пока не получило сколько-нибудь серьезного обоснования.

Какую-то роль в вымирании неандертальцев сыграли, возможно, некоторые их анатомо-физиологические особенности, приобретенные в условиях жесткой конкуренции двух экологически близких видов, приобретшие в условиях жесткой конкуренции двух экологически близких видов негативное значение. Одной из таких особенностей могла быть, например, массивность тела, из-за которой приходилось затрачивать слишком много усилий, времени и энергии на добывание пищи. В условиях соперничества за одни и те же ресурсы это могло дать людям современного физического типа, с их «облегченной» анатомической конструкцией, определенное преимущество.

Согласно еще одной гипотезе, исход конкуренции двух форм гоминид предрешило просто отсутствие у неандертальцев иммунитета против какой-то тропической инфекции (или инфекций), принесенной *Homo sapiens* с их прародины в Европу. Это предположение пока непроверяемо и недоказуемо, но вполне вероятно, что, по крайней мере, отдельные популяции коренного населения в результате контактов с пришельцами могли сильно пострадать от каких-то эпидемических заболеваний. Как известно, такое не раз случалось в историческое время.

Некоторую популярность в последние годы приобрела гипотеза, согласно которой вымирание неандертальцев было исключительно следствием похолодания и резкой дестабилизации климата в Европе в конце КИС 3 и никак не связано с экспансией анатомически современных людей (Finlayson et al. 2001; Stewart 2005). Эта точка зрения основывается, главным образом, на сомнительных манипуляциях с естественнонаучными данными и абсолютными датами и совершенно игнорирует то обстоятельство, что еще раньше, чем в Европе, неандертальцы исчезли и на Ближнем Востоке, где климат был много мягче. Кроме того, не следует забывать, что климатические изменения — колебательный процесс, и похолоданию, наступившему в конце мегантерстадиала, предшествовал целый ряд подобных же эпизодов. В частности, период, соответствующий КИС 4, характеризовался не менее суровыми природными условиями, но его неандертальцы, не стесненные присутствием по-соседству конкурентных видов гоминид, благополучно пережили, расширив свой ареал в южном и восточном направлениях.

Согласно одному из наиболее интересных предположений, выдвинутых в последние годы, причиной исчезновения неандертальцев могла стать их слишком однообразная диета — калорийная, но состоявшая в основном из продуктов животного происхождения (Hockett, Haws 2005). Благодаря широкому применению методики, позволяющей определять характер питания людей и других животных минувших эпох по соотношению содержания ряда стабильных изотопов в их костях (^{13}C , ^{15}N и др.), можно считать твердо установленным, что неандертальцы (по крайней мере, европейские) находились почти на самой вершине трофической цепи, т. е. были среди наиболее плотоядных хищников. Мясо занимало в их рационе примерно такое же

место, какое оно занимает в рационе волков и гиен, причем эта их характеристика весьма постоянна в пространстве и во времени (Bocherens et al. 2005: 79; Beauval et al. 2006). Характер питания, как известно, оказывает большое влияние на успешность вынашивания плода, а также на смертность в младенческом и вообще раннем возрасте. Важно, чтобы оно было не просто достаточным с энергетической точки зрения, т. е. калорийным, но еще и разнообразным, богатым витаминами и различными микроэлементами. Разнообразие и сбалансированность рациона способствуют снижению материнской и младенческой смертности, обеспечивают более высокую среднюю продолжительность жизни. По всем этим параметрам неандертальцы, как предполагается, должны были проигрывать *Homo sapiens*, которые в равной мере отдавали должное и животной, и растительной пище. Однообразие рациона вело к дефициту в организме неандертальских женщин ряда важных элементов, таких, например, как витамины А, С и Е, а это в свою очередь имело следствием большую частоту выкидышей и мертворождений, а также высокую младенческую смертность (Hockett, Haws 2005). Таким образом, даже при прочих равных условиях на стороне *Homo sapiens* могло оказаться демографическое преимущество, достаточное для того, чтобы решить исход конкуренции двух видов в их пользу. Согласно расчетам демографов, всего лишь двухпроцентная разница в смертности между популяциями неандертальцев и анатомически современных людей привела бы к полной смене первых вторыми за приблизительно 30 поколений, или 1000 лет (Zubrow 1989).

К сожалению, выводы Хокетта и Хоуса основаны на сопоставлении данных по неандертальцам с данными по людям граветтского времени, а не раннего верхнего палеолита. Это серьезно ослабляет их аргументацию, поскольку нельзя исключить, что и по характеру питания, и по связанным с ним демографическим параметрам люди середины верхнего палеолита отличались от первых *Homo sapiens* Европы так же, как и от неандертальцев. Тем не менее далеко не новая и очень простая гипотеза, согласно которой вымирание неандертальцев было предопределено численным превосходством *Homo sapiens*, остаётся наиболее правдоподобной. В самом деле, откуда бы ни пришли первоначально люди современного анатомического типа в Европу — с юга или с востока — их исходный ареал (Африка) по площади был в несколько раз больше ареала неандертальцев (Европа), а его несущая способность была выше (Zilhão 2006: 192–193). Следовательно, демографический потенциал *Homo sapiens* должен был значительно превышать демографический потенциал *Homo neanderthalensis*, что и сыграло, вероятно, решающую роль, когда два этих вида пришли в соприкосновение.

Глава 3

«ЭВОЛЮЦИОННОЕ РАНЖИРОВАНИЕ» ИНДУСТРИЙ СРЕДНЕГО И РАННЕГО ВЕРХНЕГО ПАЛЕОЛИТА КАК МЕТОД АНАЛИЗА КУЛЬТУРНОЙ ДИНАМИКИ

Основными составляющими анализа культурной динамики являются оценка и сопоставление интенсивности культурных изменений в разных регионах и в разные периоды, оценка и сопоставление направленности культурных изменений в разных регионах и в разные периоды и, наконец, оценка и сопоставление степени «продвинуто-сти» или, иными словами, эволюционного (периодизационного) статуса отдельных индустрий и культур. На практике археологи чаще всего сталкиваются именно с последней задачей, тогда как первым двум аспектам изучения культурной динамики в палеолите в силу их отвлеченного характера до сих пор уделялось сравнительно мало внимания.

Для материалов времени перехода, рассматриваемых в этой работе, проблема определения периодизационного статуса может стоять очень остро. Несмотря на известные всем многочисленные различия средне- и верхнепалеолитической эпох (см. напр.: Ваг-Йосеф 2002: 365–369), на практике вопрос об отнесении той или иной индустрии к среднему или верхнему палеолиту нередко вызывает серьезные разногласия. Эти разногласия могут касаться не только памятников с бедным инвентарем и неясной хронологией, но и вполне представительных, относительно надежно датированных комплексов и даже целых культур. Для запада Европы до сих пор, например, существует проблема статуса шательперрона, который одни авторы относят к верхнему палеолиту, а другие — к среднему. Вполне возможны расхождения и при оценке отдельных комплексов североафриканского атера, культуры, «разжалованной» в свое время из верхнего палеолита в средний, но не лишившейся от этого хорошо выраженных верхнепалеолитических черт в типологии. Не совсем ясно также положение целого ряда центрально- и восточноевропейских индустрий с листовидными бифасами, относящихся к хронологическому диапазону 50–30 тлн, т. е. к периоду перехода от среднего палеолита к верхнему. Наконец, несколько памятников со спорным периодизационным статусом есть на востоке Евразии. Самый известный тому пример — Оби-Рахмат.

В качестве одного из возможных путей решения такого рода проблем и был предложен первоначально способ эволюционного ранжирования индустрий периода перехода (Вишняцкий 2002, 2004). Речь шла о попытке создания системы количественной оценки степени «продвинуто-сти» среднепалеолитических и ранних верхнепалеолитических комплексов, с помощью которой можно было бы определить, какое место каждый из них занимает в последовательности промежуточных состо-

яний, располагающихся между двумя крайними полюсами — идеальным средним палеолитом и идеальным верхним палеолитом.

Каждый из двух названных полюсов характеризуется идеальным набором непрерывающихся состояний признаков. При этом в расчет принимаются только такие параметры индустрий, которые можно более или менее уверенно оценить на материале любого сколько-нибудь представительного памятника. В идеале средний и верхний палеолит различаются по технологии первичного расщепления, технике скола, характеру заготовок, типологическому составу орудийного набора, технологии изготовления составных орудий, технологии обработки кости, количеству и степени выразительности свидетельств символизма (табл. 3.1). Другие различия, включаемые порой в перечень черт, разделяющих средний и верхний палеолит (изменение структуры поселений, методов и стратегий жизнеобеспечения и т. д.), гораздо менее четко представлены в археологическом материале, так что не только их степень, но и само существование пока под вопросом.

Таблица 3.1. Основные различия между индустриями среднего и верхнего палеолита

Параметр	Идеальный средний палеолит	Идеальный верхний палеолит
Заготовки	Отщепы	Пластины
Нуклеусы	Плоские	Объемные
Техника скола	Некраевая	Краевая
Орудия	Остроконечники, скребла, зубчато-выемчатые и др.	Скребки, резцы, долотовидные и др.
Каменные орудия с подготовкой к креплению	Нет или редки	Обычны
Формальные костяные орудия	Нет	Обычны
Свидетельства символизма	Нет	Обычны

Понятно, что полярные состояния признаков, показанные в табл. 3.1, отражают лишь общие тенденции изменений каменного и костяного инвентаря при переходе от среднего палеолита к верхнему. В реальности все гораздо сложнее, и большинство конкретных индустрий располагается между идеальными полюсами. Тем не менее ни пластинчатые мустьерские комплексы, ни верхнепалеолитические комплексы со скреблами и плоскими нуклеусами, ни другие отклонения от нормы эту норму все же ни в коей мере не отменяют, и, как правило, сравнивая средне- и верхнепалеолитические памятники, мы наблюдаем эволюцию от плоскостного расщепления к объемному, от некраевого скалывания к краевому, от оббитых костяных изделий к вырезанным, выструганным и шлифованным, от скребла к скребку и от отщепа к пластине, а не наоборот. Оценка состояния индустрии в каждом из перечисленных отношений позволяет вывести количественный показатель степени ее «продвинутости» или, иначе говоря, индекс соотношения в ней среднепалеолитических и верхнепалеолитических черт — индекс СП-ВП. Как будет показано ниже, этот индекс может быть полезен не только для уточнения периодизационного статуса отдельных комплексов и индустрий, но и, что не менее важно, для оценки и сопоставления

интенсивности и направленности культурных изменений в разных регионах и в разные периоды.

Расчет индекса СП-ВП для каждой индустрии производится по 11 параметрам: 1) отщепы, 2) плоскостное расщепление, 3) некраевое скалывание, 4) среднепалеолитические типы орудий, 5) пластины, 6) объемное расщепление, 7) краевое скалывание, 8) верхнепалеолитические типы орудий, 9) подготовка камня к креплению, 10) формальные костяные орудия, 11) символизм. В зависимости от степени выраженности каждого из этих признаков его состояние оценивается как 0; 0,5 или 1. Для признаков 1–8 оценка 0 означает, что данная черта в индустрии отсутствует или встречается крайне редко, 0,5 — обычна, 1 — типична. Черта считается редкой или отсутствующей, если ее индекс менее 10%, обычной — когда он составляет от 10 до 30% и типичной при индексе свыше 30%. Для признаков 9–11 индексы не выводятся. Здесь 0 соответствует полному отсутствию данной черты в комплексе, 0,5 означает, что она встречается, а 1 — обычна. Все значения, полученные для признаков 1–4, берутся со знаком минус, а для признаков 5–11 — со знаком плюс. Таким образом, идеальная среднепалеолитическая индустрия будет иметь итоговую оценку -4, а верхнепалеолитическая +7 (табл. 3.2).

Таблица 3.2. Индексы СП-ВП для идеального среднего и идеального верхнего палеолита

Индустрия	СП черты (-)				ВП черты (+)							Индекс СП/ВП
	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	
Идеальный верхний палеолит	0	0	0	0	1	1	1	1	1	1	1	7
Идеальный средний палеолит	1	1	1	1	0	0	0	0	0	0	0	-4

Рубежи в 10 и 30% были выбраны исходя из предшествующего опыта работы с коллекциями и литературными данными. Разумеется, они субъективны, но, как показала специально проведенная проверка, замена их, скажем, на 8 и 25% влечет за собой крайне мало изменений в итоговых оценках индустрий. Тем не менее, когда для той или иной черты мы получаем значение, близкое к пограничному, недобором или перебором в десятые доли процента можно либо пренебречь (скажем, пластины составляют всего 9,5% заготовок, но при этом морфологически они весьма совершенны), либо дать двойную оценку (0–0,5 или 0,5–1). Что касается трехчастной системы оценки, то она, конечно, не является единственно возможной, но кажется, тем не менее, наиболее предпочтительной. Двухчастная система (0 или 1) слишком груба и не способна отразить многие важные нюансы, а более дробная градация оценок сделала бы их настолько субъективными, что сопоставление данных разных авторов стало бы попросту пустой тратой времени.

Индекс отщепов и пластин (признаки 1 и 5) — это их процент от общего числа заготовок (включая использованные для изготовления орудий). Технические сколы и отщепы длиной менее 2 см из подсчета исключаются.

Индекс плоскостного и объемного расщепления (признаки 2 и 6) — это процент соответственно плоских и объемных (поворотных и полуповоротных) нуклеусов от общего числа определяемых ядрищ. Оценка этого параметра — особенно если делать ее приходится по литературным данным — наиболее проблематична и субъективна, поскольку здесь возникает ряд вопросов, на которые трудно дать точный ответ.

Во-первых, среди нуклеусов всегда есть переходные, промежуточные формы, которые нельзя с уверенностью отнести ни к первому типу, ни ко второму. Во-вторых, существует проблема неполноты отражения технологического процесса в продуктах расщепления. Как стало окончательно ясно после внедрения в практику археологических исследований методики ремонтажа, «морфология нуклеусов часто дает лишь очень смутное представление о процессе раскалывания» (Marks, Kaufman 1983: 113–114). Для индустрий периода перехода это было особенно убедительно показано сначала на материалах стоянки Бокер Тахтит (Volkman 1983), а затем на материалах богунце Странска скалы (Škrdla 2003a). В последнем случае в коллекциях представлены почти исключительно плоские остаточные нуклеусы, тогда как реконструированная посредством ремонтажа технология получения заготовок является объемной. Вследствие нерешенности проблем такого рода, признаки 2 и 6 часто приходится оставлять без оценки.

Индексом краевого скалывания (признак 7) предлагается называть процент точечных и линейных площадок среди всех определимых ударных площадок сколов. Этот показатель очень важен, поскольку краевое скалывание в гораздо большей степени характерно для верхнего, чем для среднего палеолита, и даже индустриям ранней поры верхнего палеолита оно далеко не всегда свойственно в полной мере, а то и вообще не свойственно. Другой возможный путь определения индекса краевого скалывания — подсчет процентной доли редуцированных площадок (Нехорошев 1999: 14–23). Последний способ кажется более сложным (хотя бы уже потому, что в публикациях гораздо чаще можно найти данные о количестве точечных и линейных площадок, чем о количестве площадок редуцированных) и потому менее предпочтительным, хотя, как показывает опыт, результаты в обоих случаях часто оказываются весьма близкими. Это вполне естественно, поскольку сколы, снятые с редуцированной площадки, как правило, имеют тонкий проксимальный конец. Что касается скалывания с помощью посредника, которое, согласно довольно распространенному мнению, якобы отличает верхнепалеолитическую технологию получения пластин от среднепалеолитической (Mellars 2005), то, строго говоря, доказательства использования этого приема имеются лишь для самого конца позднего палеолита или даже начала мезолита (Pelegrin 2000).

При определении индексов средне- и верхнепалеолитической групп орудий (признаки 4 и 8) учитываются лишь изделия с вторичной обработкой. Формы без таковой, традиционно включаемые в тип-листы (например, неретушированные левалуазские острия или ножи с естественным обушком и необработанным лезвием), в расчет не принимаются. Среднепалеолитическую группу орудий составят скребла, остроконечники, лимасы, зубчато-выемчатые изделия (с некоторыми исключениями), бифасиальные (микокские) ножи, рубила; верхнепалеолитическую — скребки (с некоторыми исключениями), резцы (кроме плоских), долотовидные изделия, ножи и острия некоторых типов (шательперрон, эль-вад и т. д.), листовидные и черешковые наконечники, типичные проколки, геометрические орудия и ряд специфических форм, имевших ограниченное распространение во времени и пространстве (например, орудия с поперечной фаской — *pièces à chanfrein*). Многие изделия с вторичной обработкой не попадут ни в первую группу, ни во вторую, но при подсчете общего количества орудий они обязательно учитываются.

Разумеется, при работе с коллекциями не следует подходить к определению состава средне- и верхнепалеолитической групп формально. В качестве примера могут послужить зубчато-выемчатые изделия и скребки. Зубчато-выемчатые формы

больше характерны для среднепалеолитических индустрий, но все же само по себе наличие выемки или зубчатости еще не влечет автоматически включения в первую группу. Скажем, пластина с «талией», несмотря на наличие двух выемок, типично верхнепалеолитическая форма, а пластины и отщепы с изолированными ретушными выемками в равной мере обычны в комплексах и среднего, и верхнего палеолита. Это же касается и так называемых атипичных скребков, которые также правильной оставлять в нейтральной группе. Конечно, при решении такого рода вопросов неизбежны определенные расхождения между разными исследователями, но вряд ли их влияние на итоговые оценки будет значительным.

При определении индекса верхнепалеолитической группы орудий надо иметь в виду, что каждый учтенный признак должен работать не более одного раза. Поэтому в данную группу не включаются, скажем, пластины с ретушью, верхнепалеолитический облик которых определяется характером не вторичной обработки, а заготовки, т. е. чертой, уже учтенной как признак 5.

Каменные орудия со специальной подготовкой для крепления (признак 9) — это разнообразные черепковые формы, наконечники с утончением основания (стрелецкие, эмирейские и т. д.), пластинки и микропластинки с притушенным краем, геометрические микролиты и т. д. Они характерны в основном для верхнего палеолита и крайне редко встречаются в предшествующие эпохи. Конечно, относительно правомерности включения в эту группу некоторых из перечисленных форм возможны сомнения (например, пластинки дюфур, по мнению ряда исследователей, слишком изогнуты, чтобы использоваться в качестве вкладышей). Большинство орудий с подготовкой для крепления будет работать и на типологический индекс верхнего палеолита (признак 8), поскольку, как правило, их верхнепалеолитический облик определяется не только наличием черепка или утонченного основания, но и морфологией других, неаккомодационных частей. Например, атерийский скребок и без черепка останется скребком и будет смотреться вполне уместно в верхнепалеолитическом контексте, как и большинство известных типов наконечников. Одним из возможных исключений являются эмирейские остря, которые, не будь у них бифасиальной подтески основания, выглядели бы как чисто среднепалеолитическая форма.

Формальные костяные орудия (признак 10) — это изделия из кости, рога или бивня, изготовленные не оббивкой (как делали в нижнем и среднем палеолите), а посредством шлифовки, резания, строгания, сверления. Сам термин, представляющий собой кальку с английского *formal bone tools*, по-русски звучит не очень хорошо, и я пользуюсь им лишь за неспособностью придумать лучший.

Свидетельства символизма (признак 11) — это украшения, орнаменты, сюжетные изображения. То обстоятельство, что данному признаку придается здесь не больший вес, чем всем остальным, может вызвать и наверняка вызовет возражения, но в контексте рассматриваемой в данном случае проблемы такой «уравнительный» подход оправдан. Единственное, что, возможно, имело бы смысл сделать, — это отделить сюжетные изображения (живопись, графика, скульптура) от украшений (бусы, подвески и т. д.), что дало бы нам два признака вместо одного. В любом случае, наличие или отсутствие свидетельств символизма работает не столько на различение средне- и верхнепалеолитических комплексов, сколько на ранжирование культур в рамках уже верхнего палеолита.

Важно отметить, что среди перечисленных признаков практически нет таких, между которыми существовала бы жесткая взаимозависимость. Правда, объемное

расщепление, как правило, предполагает преобладание среди заготовок пластин, но последнее нередко имеет место и при плоскостном раскалывании. Кроме того, с объемным расщеплением часто связан еще такой признак, как краевое скалывание, и все же первое не обязательно влечет за собой второе, особенно на ранних стадиях перехода к верхнему палеолиту.

Самая серьезная проблема, которая возникает при переходе от теории к практике, т. е. при попытках применить описанную выше систему оценки к конкретным палеолитическим комплексам, — это репрезентативность имеющихся материалов. Во-первых, вряд ли стоит анализировать описанным способом небольшие коллекции. Во-вторых, при сопоставлении оценок, полученных для разных памятников, обязательно следует учитывать функциональный характер последних. Мастерские по первичной обработке сырья, вероятно, лучше вообще исключить из анализа. Наконец, необходимо принимать в расчет возможное действие тафономических факторов. Особенно это касается признаков 10 и 11, нулевое значение которых часто может объясняться плохой сохранностью органических материалов, а не отсутствием формальных костяных орудий или украшений в культуре обитателей данной стоянки. Например, на большинстве известных памятников ахмара вследствие особенностей вмещающих отложений костяные изделия отсутствуют, но в тех редких случаях, когда условия залегания позволяют органике сохраняться в ископаемом состоянии, и орудия из кости, и украшения на ахмарских местонахождениях представлены.

В главах 4 и 5 в примечаниях к каждой из таблиц, содержащих результаты оценки индекса СП-ВП для конкретных палеолитических комплексов, дается список тех из включенных в нее памятников, где органика совсем или почти не сохранилась, а, значит, отсутствие костяных орудий и свидетельств символизма может быть следствием тафономических причин. Кроме того, учитывается и разнотипность памятников. Названия пещер, гротов и навесов в таблицах даются **жирным шрифтом**, названия открытых стоянок со слоем обычным шрифтом, а местонахождений подъемного материала — *курсивом*. В тех случаях, когда в таблицах фигурируют комплексы нескольких слоев одного памятника, они всегда идут в стратиграфической последовательности сверху вниз. Номер слоя отделяется от названия памятника запятой.

Как на практике производится расчет индекса СП-ВП, лучше всего показать на конкретном примере. Описанная выше методика была использована, в частности, при работе с коллекциями из слоев 22–27 Кзар Акила, хранящимися в музее Пибоди в Гарварде. Материалы слоев 27 и 26 относятся к финалу среднего палеолита, а слоев 24–22 — к периоду перехода к верхнему палеолиту. Для слоя 25, также относимого к периоду перехода, подсчеты не проводились из-за малочисленности коллекции. Об индустрии слоев 26 и 27 можно получить некоторое представление еще из статьи Э. Маркса и П. Волкмана (Marks, Volkman 1986), тогда как ранневерхнепалеолитическая часть гарвардской коллекции остается практически неописанной. Известные работы И. Азури (Azouri 1986) и К. Онумы (Ohnuma 1988) базировались исключительно на материалах лондонской коллекции.

Слой 27. Индекс отщепов (Ио) — 77.4, пластин (Ипл) — 22.6. Индекс плоскостного расщепления (Ипр) близок к 100, объемного (Иор) — к 0. Индекс краевого скалывания (Икс) — 5.7. Индекс среднепалеолитической группы орудий (СПтип) — 61.5, верхнепалеолитической (ВПтип) — 13.3. Каменных орудий с подготовкой для крепления, формальных костяных орудий и свидетельств символизма нет.

Слой 26. Ио — 77.8. Ипл — 22.2. Ипр близок к 100. Иор близок к 0. Икс — 3.7. СПтип — 61.9. ВПтип — 5.2. Каменных орудий с подготовкой для крепления, формальных костяных орудий и свидетельств символизма нет.

Слой 24. Ио и Ипл > 30. Ипр — 20.8. Иор — 79.2. Икс — 6.3. СПтип < 10. ВПтип > 30. Каменных орудий с подготовкой для крепления и формальных костяных орудий нет. Свидетельства символизма, вероятно, встречаются. С. Кун с соавторами полагают, что часть раковин мелких моллюсков из верхнепалеолитических слоев Кзар Акила использовалась в качестве бус (Kuhn et al. 2001).

Слой 23. Ио — 37.4. Ипл — 62.6. Ипр — 10.8. Иор — 89.2. Икс — 4.7. СПтип — 7.7. ВПтип — 79.0. Каменных орудий с подготовкой для крепления и формальных костяных орудий нет. Свидетельства символизма, вероятно, встречаются.

Слой 22. Ио — 26.5. Ипл — 73.5. Ипр > 30. Иор > 30. Икс — 6.9. СПтип — 3.3. ВПтип — 88.0. Каменных орудий с подготовкой для крепления и формальных костяных орудий нет. Свидетельства символизма, вероятно, встречаются.

Полученные данные трансформируются в итоговую таблицу 3.3 следующим образом:

Таблица 3.3. Индексы СП-ВП для комплексов 22–27-го слоев Кзар Акила

Слой	Признак											Сумма
	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	
22	0.5	1	1	0	1	1	0	1	0	0	0.5	1
23	1	0.5	1	0	1	1	0	1	0	0	0.5	1
24	1	0.5	1	0	1	1	0	1	0	0	0.5	1
26	1	1	1	1	0.5	0	0	0	0	0	0	-3.5
27	1	1	1	1	0.5	0	0	0.5	0	0	0	-3

Таким же образом впоследствии была произведена оценка материалов Кара-Бома, а затем, уже в основном по литературным данным, еще целого ряда индустрий среднего и ранней поры верхнего палеолита. На основании сопоставления полученных результатов было предложено те комплексы, индекс СП-ВП которых варьирует примерно от минус 1 до плюс 2–2.5, обозначать термином «архаичный верхний палеолит» (Вишняцкий 2004). В отличие от терминов ранний и начальный верхний палеолит, он указывает не на хронологию комплексов, а на их специфический облик, на наличие в технологии и/или типологии значительного количества архаичных, среднепалеолитических элементов (Вишняцкий 2004: 47). В таком смысле этот термин используется и в настоящей работе. Кроме того, для обозначения индустрий, индекс СП-ВП которых выше 2.5, в ней используется термин «развитой верхний палеолит».

Разумеется, описанный здесь способ эволюционного ранжирования среднепалеолитических и ранних верхнепалеолитических индустрий не решает всех проблем и не может заменить традиционные методы анализа и интерпретации материала. Тем не менее есть основания надеяться, что, по крайней мере, в отдельных случаях он способен послужить небесполезным дополнением к этим методам и поможет прояснить некоторые вопросы, нередко вызывающие разногласия. Первые попытки применения этого способа для решения ряда конкретных задач, предпринятые разными авторами, показали его работоспособность (Вишняцкий 2002, 2004; Рыбин 2003; Анисюткин 2005). Способ довольно прост, базируется на применении вполне

традиционных, в общем-то, критериев и хотя не исключает известной доли субъективности в оценках, все же дает некий «общий знаменатель» для сопоставления разных индустрий и данных разных авторов. Речь при этом, конечно, идет не о выявлении генетических связей и степени культурной близости разных комплексов, а лишь об их периодизации, эволюционном ранжировании и об оценке интенсивности и направленности развития культуры в среднем и раннем верхнем палеолите. Как именно описанный метод может использоваться для анализа направленности культурной динамики, показано в следующей главе.

Глава 4

ПРОБЛЕМА НАПРАВЛЕННОСТИ КУЛЬТУРНОЙ ДИНАМИКИ В СРЕДНЕМ ПАЛЕОЛИТЕ

Не вызывает сомнения, что на протяжении среднего палеолита культура не оставалась неизменной. Во всех регионах, где имеется достаточно большое количество представительных и более или менее надежно датированных памятников этой эпохи, относящихся к разным хронологическим периодам, наблюдается чередование во времени различающихся в технико-типологическом отношении индустрий. Возникает вопрос: как соотносятся и соотносятся ли вообще эти изменения с теми, которые имели место при переходе от среднего палеолита к верхнему? Можно ли в диахронной динамике среднепалеолитических комплексов видеть постепенное движение к этому переходу, его подготовку, или же она имеет иное направление, а развитие культуры в верхнем палеолите представляет собой не продолжение ранее намечившейся линии, а скорее крутой поворот, перелом прежней тенденции? Правы ли те, кто рассматривает становление верхнепалеолитической культуры как революцию, перерыв постепенности развития, или же никакой революции на самом деле не было, а было длительное постепенное вызревание и накопление новых культурных элементов (McBrearty, Brooks 2000; McBrearty, Tryon 2006: 270), приведшее в конце концов к закономерному и предсказуемому финалу?

С одной стороны, хорошо известно, что практически все черты, определяющие своеобразие верхнепалеолитической эпохи по сравнению с предшествующим периодом, хоть и не очень часто и, как правило, в несколько незаконченной форме, но все же встречаются в среднем, а иногда и в нижнем палеолите. С другой стороны, однако, без специального исследования трудно сказать, появляются ли такие черты в среднепалеолитических индустриях со временем все чаще и чаще, или же никакого «поступательного» движения здесь нет, и ни о какой эволюции в направлении верхнего палеолита говорить не приходится.

Чтобы ответить на поставленные вопросы, необходимо сопоставить между собой индустрии, существовавшие на разных хронологических этапах среднего палеолита на предмет содержания в них верхнепалеолитических элементов. Разумеется, сначала сравнения следует проводить в пределах отдельных регионов, причем это должны быть такие регионы, где среднепалеолитические индустрии неплохо датированы и образуют сколь можно более полную последовательность, охватывающую всю или почти всю рассматриваемую эпоху. Подобная ситуация имеет место пока только в Южной Африке, на Ближнем Востоке и в Западной Европе.

4.1. Южная Африка

На юге Африки местный средний палеолит, или, как его здесь чаще называют, средний каменный век (далее MSA), сменяет нижний палеолит, или ранний каменный век (далее ESA) примерно 250 тлн. ОСЛ даты для песков, подстилающих и перекрывающих верхний ашельский слой памятника Дюйнефонтейн 2, говорят о том, что он не древнее 290 и не моложе 270 тл (Cruz-Uribe et al. 2003). Фауна ашельских памятников региона также указывает на то, что ни один из них не может датироваться временем моложе 250 тл (Klein 2000: 109). Возраст самых поздних комплексов индустрии форсмит, занимающей, как считается, промежуточное положение между ранним и средним каменным веком Южной Африки, составляет, судя по трем почти идентичным ТУ датам из пещеры Вандерверк, примерно 250–300 тл (Beaumont, Vogel 2006: 220, table 2). Древнейшая дата для MSA региона происходит с местонахождения Флорисбад, где, судя по единственному ЭПР определению, соответствующие материалы появляются 279±47 тлн (Kuman et al. 1999). В пещере Бордер ЭПР даты для древнейших слоев MSA указывают на возраст свыше 200 тл (Grün, Beaumont 2001), в пещере 13В на южном побережье мыса Доброй Надежды древнейшие слои MSA имеют даты 180 тл, а в пещере Вандерверк их возраст, согласно результатам ТУ датирования, составляет 150–200 тл (Beaumont, Vogel 2006: 220, table 2).

Главным признаком начала новой археологической эпохи является исчезновение рубил, кливеров и вообще крупных бифасов. Они еще довольно часто встречаются в форсмите, сочетаясь там с леваллуазскими нуклеусами, пластинами и даже крупными сегментами (рис. 4.1.1), и в полной мере свойственны для санго, тоже занимающего, по-видимому, промежуточное положение между ESA и MSA¹, но в индустриях собственно среднего каменного века Южной Африки практически неизвестны. Кроме того, для MSA характерны подготовленные нуклеусы и, соответственно, серийные сколы, но этот критерий не столь абсолютен, как предыдущий, поскольку, во-первых, картина сильно варьирует от памятника к памятнику, а во-вторых, такие нуклеусы и сколы встречаются и в конце ашеля, и, как уже было сказано, в форсмите.

Хотя памятников, относящихся к началу среднего каменного века, в регионе известно пока не так много, и изучены они гораздо хуже, чем памятники середины и конца этой эпохи, имеющиеся данные позволяют говорить о том, что изменчивость южноафриканских индустрий MSA во времени имела в целом общую направленность. В своем развитии они прошли через ряд сходных стадий, которые сейчас рисуются следующим образом. Для самых ранних комплексов (стадия MSA 1) характерно пластинчатое расщепление, ориентированное на местное сырье (в основном кварцит), и преобладание среди заготовок пластин и удлинённых острий при очень небольшом, как правило, количестве изделий с вторичной обработкой. На следующей стадии (MSA 2) острия становятся более многочисленными, чем пластины, а пропорции тех и других несколько укорачиваются. Ретушированных изделий по-прежнему мало. Затем в регионе распространяются индустрии, широко использующие импортное сырье (различные мелкозернистые породы) и отличающиеся наличием иногда большего, иногда меньшего количества стандартизированных орудий,

¹Ареал форсмита ограничен, судя по всему, районами к югу от р. Лимпопо, тогда как область распространения санго охватывает огромные территории Центральной, Восточной и Западной Африки, лежащие между Лимпопо и Сахарой.

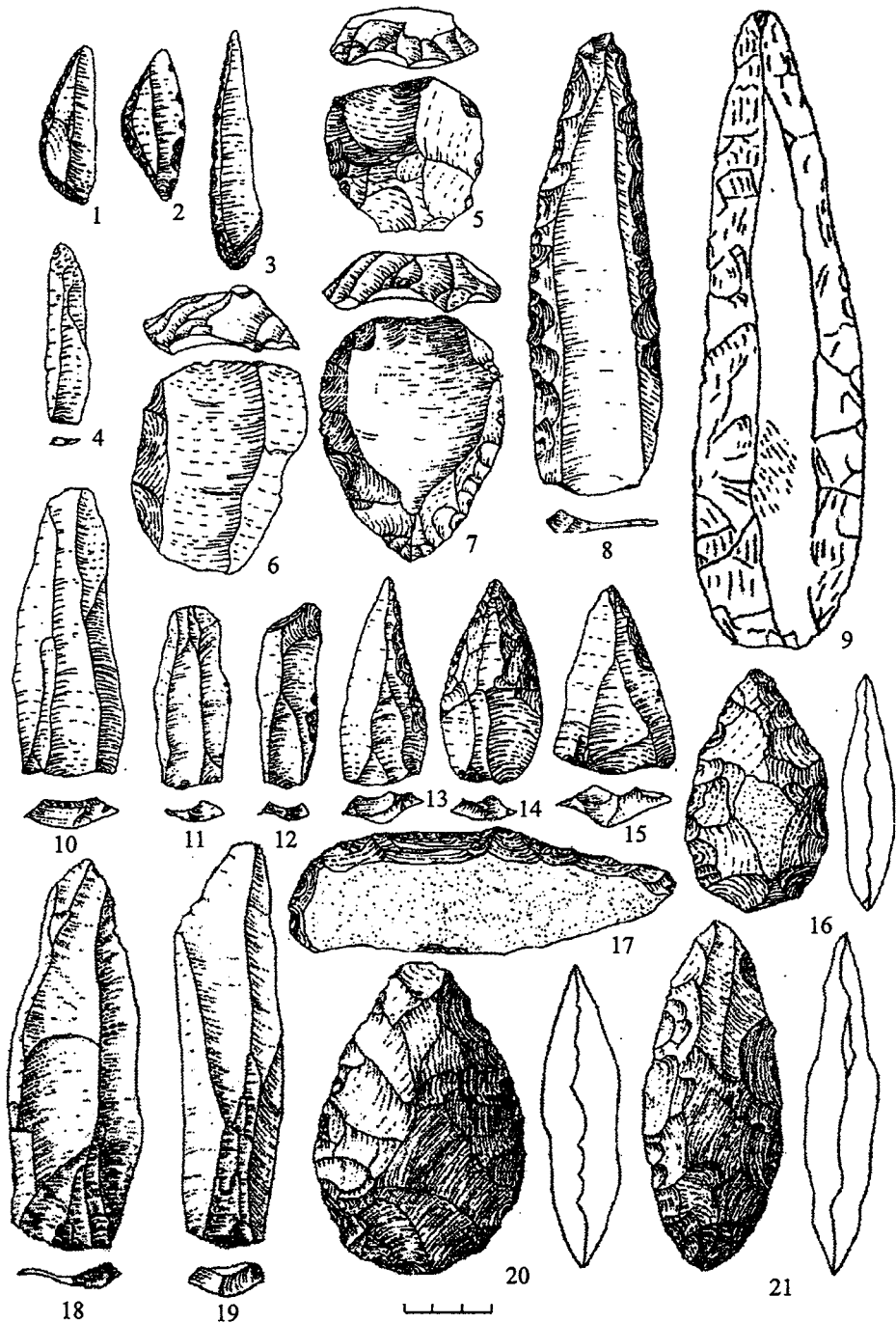

Рис. 4.1.1. Форсмит. Сегменты (1, 2), острие с притупленным краем (3), пластины (4, 10–12, 18, 19), нуклеусы (5–7), удлиненные остроконечники — острия типа хагенштад (8, 9), леваллуазские острия с ретушью (13, 15), остроконечник (14), рубила (16, 20), скребло (17), орудие, типологически промежуточное между рубилом и наконечником типа лупемба (21). 1–6, 10, 13–17 — Катю Пан; 7, 8, 11, 12 — Ройдам; 9 — Флорисбад 18–21 — Вандерверк (по Beaumont, Vogel 2006).

специально подготовленных для крепления. Сначала это бифасиальные наконечники с утончением основания (стадия стилбей), а затем к ним добавляются крупные сегменты и другие геометрические формы с притупленным отвесной ретушью краем (стадия ховисонс порт). Им на смену вновь приходят типологически невыразительные в большинстве своем комплексы с непластичатой технологией (стадия MSA 3), которые продолжают существовать вплоть до начала южноафриканского позднего каменного века (далее LSA), хронологически отчасти сопоставимого с евразийским верхним палеолитом.

Описанная последовательность неизменно прослеживается там, где есть мощные толщи позднеплейстоценовых напластований с культурными остатками. Конечно, далеко не везде представлены все перечисленные стадии, но в то же время не описано пока и ни одного случая, когда бы культурная стратиграфия конкретного археологического памятника находилась в противоречии со схемой MSA 1 > MSA 2 > ховисонс порт > MSA 3. Впервые такая периодизация была построена Сингером и Уаймером на материалах многослойных пещерных стоянок в устье реки Класиес (Singer, Wymer 1982). С тех пор она получила широкое признание и в целом, несмотря на некоторые уточнения и попытки заменить одни названия другими, выдержала проверку временем (табл. 4.1.1). Стадии, выделенные в Класиес, оказались вполне пригодными для культурно-хронологического упорядочивания комплексов других многослойных памятников, известных в регионе (пещеры Бордер, Бумплаас, Роуз Коттедж, Аполло 11, Сехонгхонг, Умхлатузана и др.). Даже те южноафриканские исследователи, которые считают, что «однозначное отнесение конкретных коллекций к той или иной стадии обычно невозможно, поскольку, за исключением комплексов ховисонс порт, в них нет четких технологических и типологических маркеров» (Thackeray 2000: 149), признают факт общей направленности изменений в MSA и пользуются периодизацией, введенной Сингером и Уаймером.

Таблица 4.1.1. Основные стадии MSA и их примерная древность

Singer, Wymer 1982	Volman 1984	Wurz 2002	Хронология
MSA III-IV	Пост-Ховисонс	Пост-Ховисонс	25/30-60/70
Ховисонс Порт	Ховисонс Порт	Ховисонс Порт	55/60-80/85
		Стилбей	
MSA II	MSA 2b	Моссел Бэй	> 80
MSA I	MSA 2a	Класиес	

Таблица 4.1.2. Хронология MSA в пещере Бордер

Стадия	ЭПР (Grün, Beaumont 2001)	РУ (Beaumont et al. 1978)	РУ (Bird et al. 2003)	ТЛ (Bird et al. 2003)	АКР (Miller et al. 1999)
MSA/LSA	36±1	33-39(5)*, 45±2(1)	38±1 (1)		
MSA 3	40-65	Сл. 2BS.UP: 45-50 (2), >49 (2)	Сл. 2BS.UP 40-49 (4) Сл. 2BS.LR 47-61 (8) Сл. 2WA 52-61 (5)	2BS.LR 57±7	42-76
Х. Порт	60-80	> 48			56-80
MSA 1	80-230				> 100

* В скобках указано количество дат. Для переходных (MSA/LSA) слоев Бордер всего имеется более двух десятков РУ определений, и почти все они дают возраст от 33 до 40 тлн.

За последние несколько лет с помощью разных методов было получено множество абсолютных датировок, позволяющих более или менее уверенно определить хронологические рамки основных стадий MSA. Особенно важны результаты датирования образцов из отложений пещеры Бордер, где представлена не только наиболее продолжительная последовательность слоев MSA, но и слои, соответствующие, как считается, времени начала перехода к LSA (табл. 4.1.2).

Кроме того, несколько серий дат было получено разными методами для многослойной последовательности комплексов MSA из пещер в устье р. Класиес, а еще для ряда памятников имеются определения возраста отдельных слоев, сделанные одним или двумя методами (табл. 4.1.3).

Таким образом, и стратиграфия многослойных памятников, и имеющиеся абсолютные даты свидетельствуют о том, что в Южной Африке индустрии, характеризующиеся такими чертами, как преобладание пластин среди заготовок и наличие среди орудий изделий с подготовкой для крепления, существовали на ранних и средних стадиях местного среднего палеолита. В конце этой эпохи их сменили комплексы, лишенные каких бы то ни было верхнепалеолитических элементов как в технологии, так и в типологии. Вопреки возможным ожиданиям, материалы стадии MSA 3 выглядят архаичней, чем гораздо более древние материалы стадии MSA 1, не говоря уже о ховисонс порте.

Чтобы проверить и конкретизировать общие наблюдения, была предпринята попытка оценить степень «продвинутой» разновременных индустрий способом, описанным в главе 3. К сожалению, подобная оценка, даже весьма приблизительная, пока возможна лишь для крайне небольшого числа комплексов, поскольку в подавляющем большинстве случаев публикации, посвященные южноафриканским памятникам каменного века, не содержат подробного описания археологических материалов, а многие важные для характеристики индустрий параметры вообще остаются обойденными вниманием их исследователей. В то время как почти в любой работе можно найти самые детальные сведения об использовавшемся сырье, такие признаки, как характер заготовок и виды ударных площадок, если и характеризуются, то очень бегло и, как правило, без приведения необходимых количественных данных. Орудия и нуклеусы тоже зачастую описываются более чем суммарно, а используемая при этом терминология бывает настолько своеобразна, что понять, о чем идет речь, сложно даже читателю, обычно не испытывающему лингвистических трудностей. Лишь в последние годы появился ряд публикаций, где описание коллекций среднего палеолита Южной Африки приближено к общепринятым нормам. Особенно повезло в этом отношении материалам пещеры Роуз Коттедж, анализ которых, данный в работе С. Сориано с соавторами (Soriano et al. 2007), позволяет расширить и уточнить существующие представления об особенностях каменных индустрий поздней и, особенно, средней (ховисонс порт) стадий MSA.

Что касается ранних стадий, предшествующих ховисонс порту, то сколько-нибудь подробная информация имеется только по слоям MSA 1 и 2 в пещерах Класиес. Правда, авторы, в работах которых эта информация содержится (Thackeray, Kelly 1988; Wurz 2002, 2003), приводят далеко не все необходимые количественные данные, и все же имеющиеся описания позволяют заполнить большинство позиций в таблице достаточно уверенно (табл. 4.1.4). Особо следует отметить, что в MSA 1, наряду с плоскими нуклеусами (рис. 4.1.2: 5–7), составляющими большинство, встречаются и полуповоротные пирамидальной формы (рис. 4.1.2: 8), причем и те и другие служили преимущественно для получения пластинчатых сколов (рис. 4.1.2: 1–4). С. Вюрц

Таблица 4.1.3. Хронология MSA Южной Африки

(по Miller et al. 1999; Feathers, Bush 2000; Vogel 2001; Feathers 2002; Tribolo et al. 2005; Valladas et al. 2005; Rigaud et al. 2006)

	Класиес					Флори- сбад ЭПР	Бумплаас			Бломбос ОСЛ, ТЛ, ЭПР	Дъепклоф		Роуз Коттедж	
	ОСЛ, ТЛ	ЭПР	АКР	ТУ	РУ		АКР	ТУ	РУ		РУ	ОСЛ, ТЛ	ОСЛ	ТЛ
MSA 3	50				> 45		40-48	33-38	32-38		> 55		30-60	37-60
Х. Порт	50-65	40-60		65	> 50		60-70	58-66	> 49		≥ 40	55-75	55-70	52-65
Стилбей										70-85				
MSA 2	70-85	60-93	90	77-101		115-180								60-90
MSA 1	110		90-110	> 108		279±47								

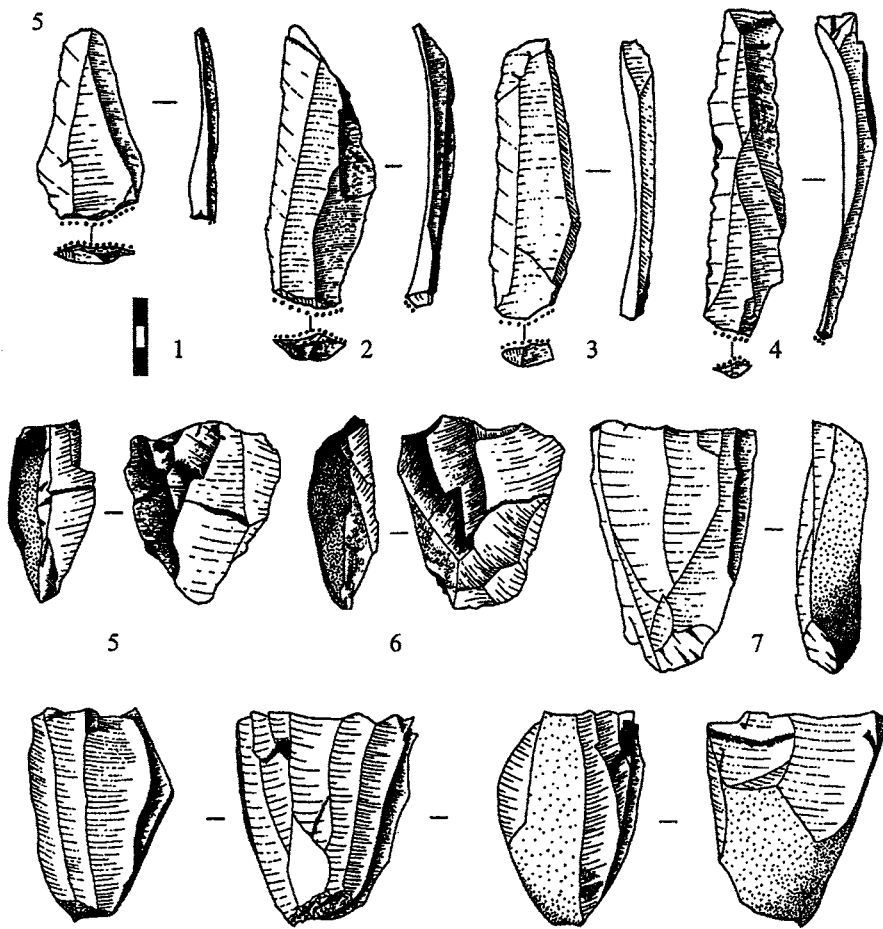
не приводит данных о количестве точечных и линейных площадок у сколов, но зато сообщает, что в 30% случаев на них наблюдаются следы давяще-сминающего (*crushing*) или абразивного удаления карниза (Wurz 2002: 1005). Однако, учитывая, что более половины площадок фасетированы, а их средняя толщина составляет 6,8 мм у пластин и 8,6 мм у острий, скалывание, видимо, следует все же считать полностью или, по крайней мере, преимущественно некраевым. В MSA 2 нуклеусов объемного расщепления нет, следов удаления карниза тоже нет, а площадки сколов еще толще (10–11 мм). Изделий с вторичной обработкой в обеих индустриях мало и среди них нет специфических типов.

Таблица 4.1.4. Индексы СП-ВП для индустрий ранних стадий MSA

Комплекс	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	Сумма	Источник
MSA1, Класиес	0.5	1	1	?	1	0.5	0–0.5	0	0	0	0	-2/-0.5	Wurz 2002; Wurz et al. 2003
MSA2, Класиес	1	1	1	?	0.5	0	0	0	0	0	0	-3.5/-2.5	Thackeray, Kelly 1988; Wurz 2002

Индустрия следующей стадии среднего каменного века Южной Африки, получившая, по имени эпонимного памятника, название ховисонс порт и отличающаяся, прежде всего, широким использованием импортного сырья сравнительно высокого качества и наличием большого количества орудий геометрических форм (сегментов, трапедий), долгое время считалась переходной между MSA и LSA. Однако на рубеже 70-х и 80-х годов прошлого века выяснилось, что это не так и что на самом деле на смену ховисонс порту вновь приходят обычные для MSA комплексы. В последнее десятилетие этот факт, установленный первоначально на основании стратиграфических наблюдений (пещеры Класиес, Бордер, Нельсон Бэй, Аполло 11 и др.), был подтвержден и результатами абсолютного датирования (см. табл. 4.1.2 и 4.1.3). На отдельных памятниках (пещеры Бордер, Дьепклоф, Нельсон Бэй, Пирса и др.) слоям с геометрическими орудиями предшествуют слои с бифасиальными лавроволистными наконечниками, имеющими, как правило, слегка приостренное основание и максимальную ширину на участке между нижней третью и серединой изделия (рис. 4.1.3). Комплексы с такими наконечниками принято относить к индустрии стилбей, которая особенно хорошо исследована в пещере Бломбос, где она надежно датирована интервалом от 70 до 85 тлн (Henshilwood 2004; d'Errico et al. 2005). Памятники ховисонс порта не известны севернее р. Замбези, а ареал находок стилбея, кажется, вообще ограничен пока только Капской провинцией. В пещере Умхлатузана (Karlan 1989, 1990) бифасиальные наконечники, отчасти напоминающие стилбей, но имеющие овальное основание, найдены вместе с орудиями, характерными для ховисонс порт (рис. 4.1.4), и такая же картина наблюдается еще на ряде памятников (см. Henshilwood et al. 2001a: 427). За редкими исключениями, бифасиальные наконечники не встречаются ни в верхах отложений, содержащих ховисонс порт (например, в Умхлатузанае они есть в слоях 30–25, но отсутствуют в слоях 24–22), ни в комплексах MSA 3.

О ховисонс порте написано довольно много (обзор и библиография: Lombard 2005), но в большинстве работ речь идет о хронологии, о сырье и о геометрических

8

Рис. 4.1.2. Сколы (1–4) и нуклеусы (5–8) стадии MSA 1 из Класиес (по Wurz 2002)

орудиях, тогда как многие базовые характеристики каменного инвентаря оставались до недавнего времени практически без внимания. В результате, несмотря на обилие публикаций, лишь единичные комплексы этой индустрии охарактеризованы достаточно подробно для того, чтобы можно было получить хоть сколько-нибудь удовлетворительное представление об ее технологии и типологии. Особенно выделяется на общем фоне своей детальностью и профессионализмом только что опубликованное описание материалов из пещеры Роуз Коттедж (Soriano et al. 2007).

Во всех комплексах ховисонс порт этого памятника основной формой заготовок являются пластины и пластинки (рис. 4.1.5: 9–13), ширина которых составляет в среднем 10–12 мм, а длина лишь в единичных случаях превышает 4 см (самая крупная пластина имеет длину 5.8 см). Малым размерам сколов отвечают размеры отдельностей породы, служивших в качестве сырья (окатаные желваки и плиты опалина), — их длина по большей части не достигает и 6 см. В нижних слоях ховисонс порт (EMD, MAS) пластины и пластинки составляют около 90% всех заготовок, а в верхних (SUZ, ETH), около половины. Скалывание начиналось, как правило, с

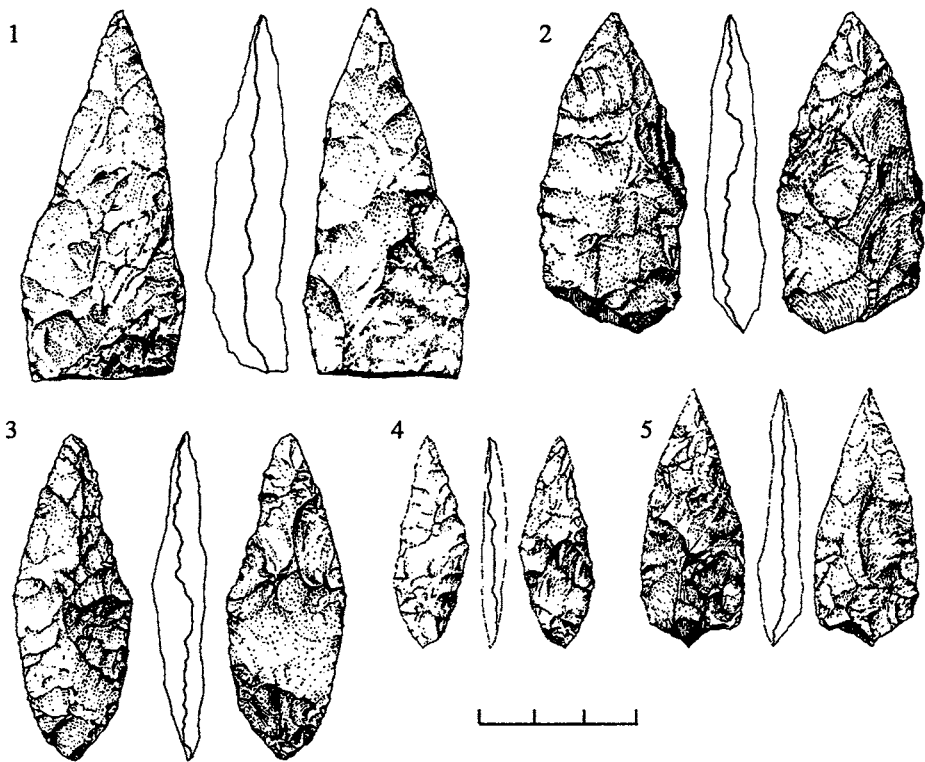

Рис. 4.1.3. Наконечники типа стилбей из пещеры Бломбос (по Henshilwood et al. 2001a).

естественного ребра на торце предмета расщепления, а затем часто переходило на одну из широких сторон, так что получавшиеся нуклеусы можно назвать полуповоротными. В некоторых случаях нуклеусы переоформлялись и ребро создавалось уже искусственным путем. В верхних слоях появляются леваллуазские ядрища, а нуклеусы для отщепов становятся более многочисленными, чем нуклеусы для пластин.

Сочетание приема реберчатого скола с объемной концепцией расщепления позволяет, по мнению С. Сориано с соавторами, рассматривать описанную ими технологию получения пластин как в основных чертах верхнепалеолитическую и сопоставлять ее с технологией шательперрона (Soriano et al. 2007: 693–694). Приводимые в публикации рисунки нуклеусов заставляют, однако, осторожно относиться к выводу об объемном расщеплении в ховисонс порте Роуз Коттедж (рис. 4.1.5: 14–18), и потому в соответствующей колонке таблицы 4.1.5 дана двойная оценка этого признака. Напротив, техника скола в данном случае явно верхнепалеолитическая: преобладает краевое скалывание. Доля площадок толщиной менее 2 мм колеблется от 80% в слое EMD до 60% в слоях ETH/SUZ, причем от двух третей (EMD) до четверти (ETH/SUZ) всех площадок несут следы абразивной подготовки дорсального края.

Более половины всех вещей с вторичной обработкой в ховисонс порте Роуз Коттедж — это изделия с притупленным краем на целых или фрагментированных пластинах и пластинках (рис. 4.1.5: 1–8). Среди них выделяется довольно большая

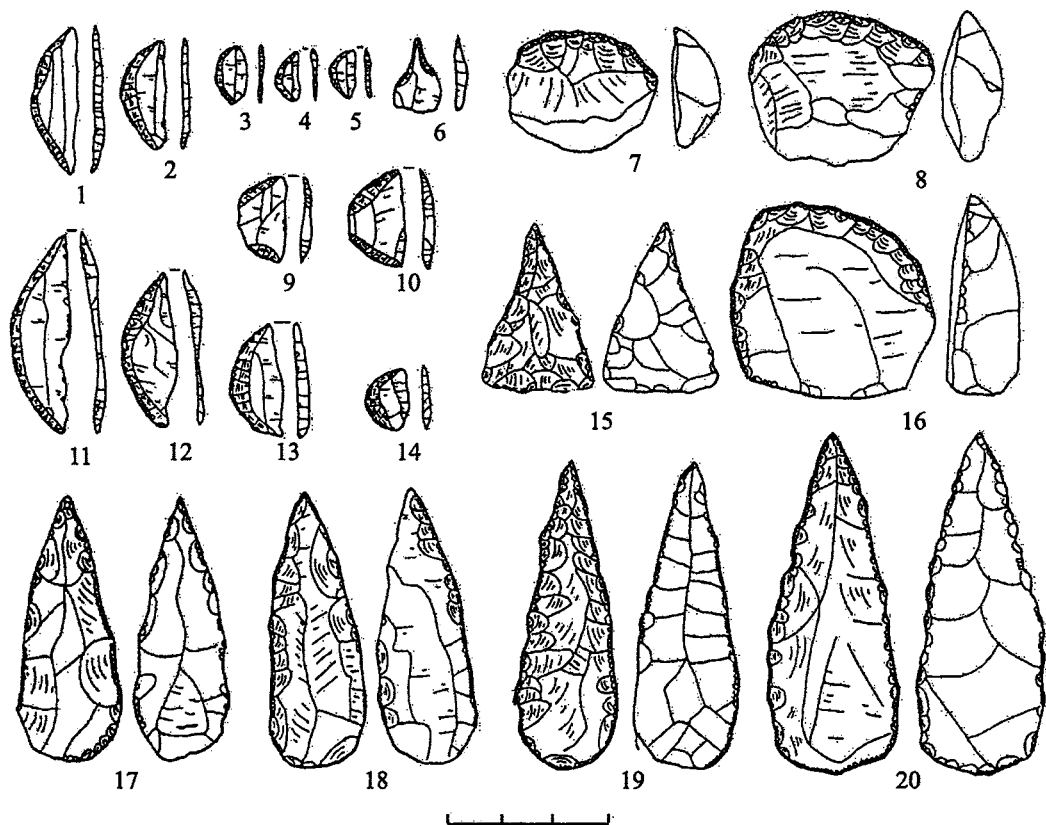

Рис. 4.1.4. Ховисонс порт. Орудия из слоев 25–30 грота Умхлатузана (по Kaplan 1990).

группа орудий геометрической формы, главным образом сегментов (треугольников только два, трапеций нет), имеющих среднюю длину около 3 см. Верхнепалеолитическая группа представлена также резцами (рис. 4.1.5: 19–20) и единичными *pieces esquillées*, скребок найден всего один. Орудия среднепалеолитической группы очень немногочисленны, в основном это простые и конвергентные скребла. Одно из последних при желании вполне можно определить и как остроконечник (рис. 4.1.5: 21), что для ховисонс порта большая редкость (в Сибуду и Класиес орудий этого типа, как будто, нет совсем).

Индекс СП-ВП всех комплексов ховисонс порта Роуз Коттедж оказывается неожиданно высок (см. табл. 4.1.5). Вероятно, его максимальные значения несколько завышены (например, вследствие отсутствия данных по позиции 2 и за счет переоценки по позиции 6), но в любом случае для слоев SUZ–ETH он не ниже 1, а для более ранних слоев EMD и MAS вряд ли ниже 2.5.

О ховисонс порте Класиес С. Вюрц сообщает, что пластины здесь — основная цель скалывания, что они короткие (в среднем 44 мм), тонкие, с относительно тонкой площадкой (в среднем 3,7 мм), а большинство нуклеусов имеет призматическую форму (рис. 4.1.6), хотя есть и плоские (Wurz 2002: 1009). В другой работе для несколько меньшей выборки пластин с того же памятника установлена средняя ширина площадки в 2,2 мм, причем 99% площадок гладкие, а в 11% случаев на-

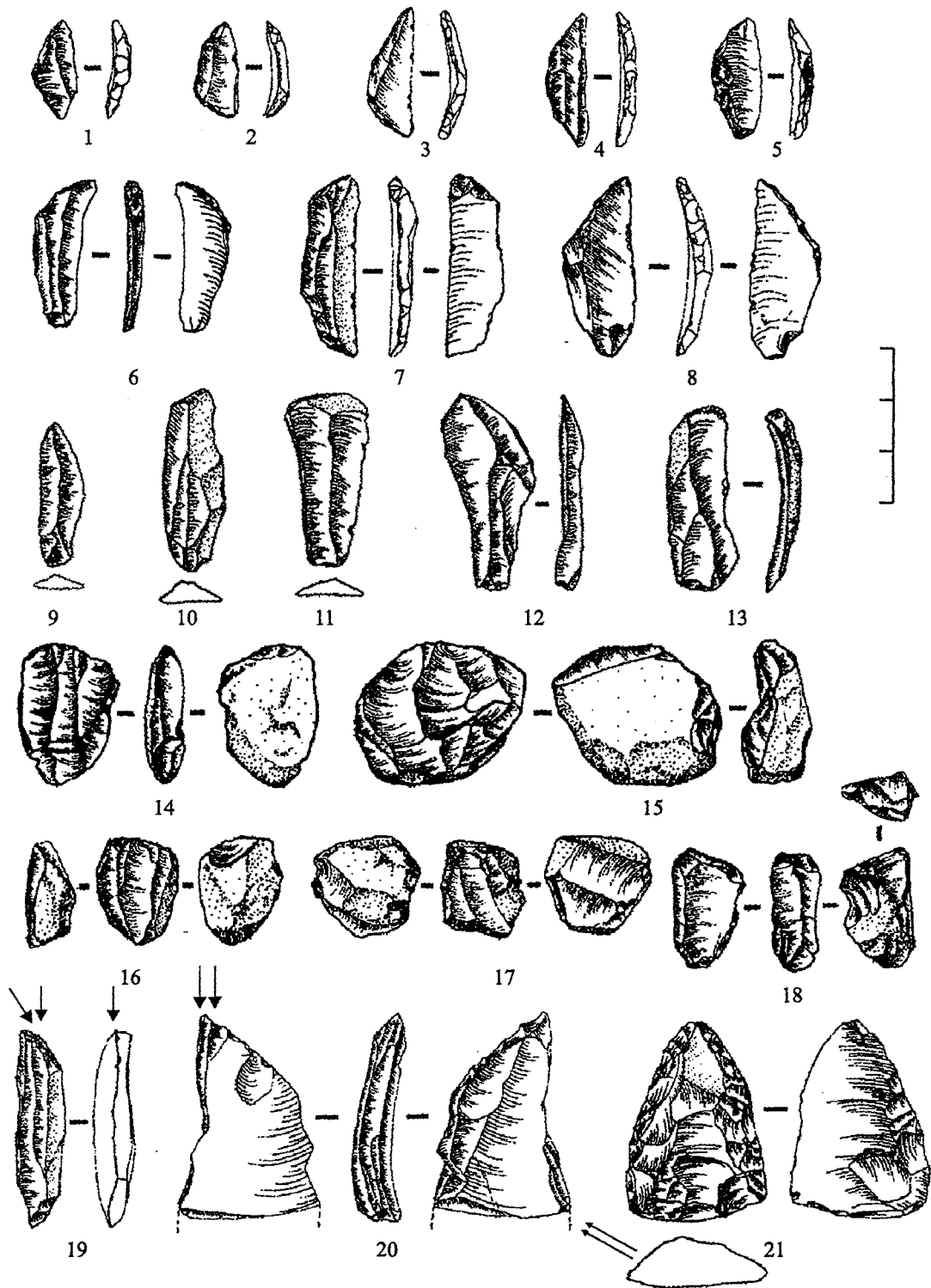

Рис. 4.1.5. Ховисонс порт. Орудия (1-8, 19-21), пластины (9-13) и нуклеусы (14-18) из пещеры Роуз Котгедж (по Soriano et al. 2007).

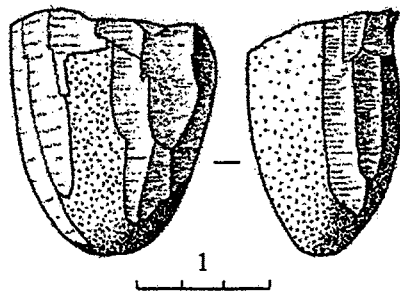

Рис. 4.1.6. Ховисонс порт. Нуклеус из Класиес
(по Wurz 2002).

блюдаются следы редукции их дорсального края посредством мелких снятий (Wurz 1999: 42). Говоря об орудиях, Вюрц упоминает лишь геометрические формы (сегменты и трапеции), хотя и в Класиес, и на других памятниках комплексы ховисонс порта включают, помимо этого, резцы, скребки, проколки, листовидные наконечники, скребла и т. д. (рис. 4.1.4; 4.1.5).

На основании наблюдений над коллекциями из Класиес было высказано мнение, что скалывание пластин на стадии ховисонс порт осуществлялось с помощью посредника (Singer, Wymer 1982: 93; Wurz 1999), но специальное изучение этого вопроса путем сопоставления экспериментальных изделий с археологическими материалами из Роуз Коттедж привело к прямо противоположному выводу (Winter 2000). Более того, тщательный анализ ударных площадок нескольких сотен пластин и пластинок из слоев ховисонс порт последнего памятника говорит о том, что для их снятия использовался каменный отбойник, хотя, по-видимому, предпочтение при этом отдавалось сравнительно мягким породам (Soriano et al. 2007: 690–692). По мнению исследователей материалов ховисонс порт из Дьепклоф, здесь снятие пластин с нуклеусов осуществлялось с помощью мягкого отбойника из органического материала, а отщепы скалывали твердым отбойником. Кроме того, в Дьепклоф, как и в Класиес и Роуз Коттедж, применялась абразивная подготовка края площадки нуклеусов (Rigaud et al. 2006: 845).

Индекс СП-ВП, полученный для ховисонс порт из Класиес, тоже весьма высок (табл. 4.1.5). Даже если брать минимально возможное его значение (0), оно окажется не ниже, а то и выше, чем у ряда «переходных» индустрий Евразии. Возможно, правда, что в данном случае оценка несколько завышена за счет позиции 6, но, с другой стороны, нельзя исключить, что она занижена за счет позиции 10, если костяной наконечник, найденный в слое 19 пещеры Класиес 1А (Singer, Wymer 1982: fig. 8.4), действительно происходит из этого слоя. Долгое время его считали интрузивным, но главным основанием для такого мнения была несовместимость этой находки с твердо, казалось бы, установленным фактом отсутствия формальных костяных орудий в среднем палеолите. Теперь, когда такие орудия найдены и на ряде других памятников MSA, включая расположенную неподалеку пещеру Бломбос, наконечник из Класиес уже не кажется столь уж необычным для своего контекста. Правда, морфологически, технологически и по размерам он напоминает костяные наконечники стрел, типичные для LSA (d'Errico, Henshilwood 2007), но при этом обнаружен он был в слое, лишенном каких бы то ни было признаков нарушений, а по цвету и со-

стоянию поверхности ничуть не отличался от других костей из этого же слоя (Singer, Wymer 1982: 115). Следует также иметь в виду, что хотя в Класиес не найдено никаких свидетельств символизма, в некоторых других комплексах ховисонс порт они, хоть и очень редко, но встречаются (две перфорированные раковины *Copus* из Бордер, фрагменты скорлупы с процарапанным сетчатым узором из Дьепклоф), а в стилбее пещеры Бломбос представлены в большом количестве.

К сожалению, каменный инвентарь стилбейского комплекса пещеры Бломбос, в отличие от костяных орудий и украшений, описан пока лишь в самых общих чертах, и с полной уверенностью в приводимой ниже таблице можно заполнить лишь позиции 1–3 и 9–11 (см. табл. 4.1.5). В коллекции этого комплекса сейчас уже около 400 бифасиальных наконечников (см. рис. 4.1.3), не менее трех десятков костяных орудий и четырех десятков бусин из раковин *Nassarius kraussianus* (d'Errico et al. 2005; d'Errico, Henshilwood 2007). Многие каменные наконечники имеют тонкий профиль и овальное основание. Сообщается даже, что некоторые из них, возможно, обработаны с помощью отжима. Костяные орудия изготовлены посредством строгания, а для отделки трех из них была применена и шлифовка абразивами. Судя по морфологии и следам износа, в основном это были шилья, а три шлифованных изделия, вероятно, являлись наконечниками (Henshilwood et al. 2001; d'Errico, Henshilwood 2007). В качестве заготовок служили в основном фрагменты трубчатых костей бовид, либо намеренно откалывавшиеся, либо получавшиеся в результате добывания костного мозга. Попадание костяных орудий и бус в слои MSA из вышележащих слоев LSA практически исключено, поскольку соответствующие отложения разделены достаточно мощной толщей стерильных дюнных песков, ОСЛ анализ которых показал отсутствие в них каких-либо поздних примесей. Судя по множеству хорошо согласующихся между собой ЭПР, ОСЛ и ТЛ дат, полученных для слоев стилбея, а также для перекрывающего их песка (палеодюна), все перечисленные выше находки имеют возраст от 70 до 85 тл (Henshilwood 2004; d'Errico et al. 2005).

Таблица 4.1.5. Индексы СП-ВП для индустрий средней стадии MSA (ховисонс порт в Класиес и Роуз Коттедж, стилбей в Бломбос)

Комплекс	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	Сумма	Источник
Класиес	?	1	1	?	1	1	0.5	0.5–1	1	0	0	0/2.5	Wurz 2002
Роуз Коттедж, SUZ+ETH	1	1	1	0.5	1	0.5–1	1	1	1	0	0	1/1.5	Soriano et al. 2007
Роуз Коттедж, MAS	0.5	?	0.5	0	1	0.5–1	1	1	1	0	0	2.5/4	–
Роуз Коттедж, EMD	0–0.5	?	0.5	0	1	0.5–1	1	1	1	0	0	2.5/4.5	–
Бломбос	1	1	1	?	0?	0?	0?	?	1	1	1	≥ 0	Henshilwood et al. 2001, 2001a

Индустрии позднего MSA (MSA 3), сменившие ховисонс порт где-то в интервале от 60 до 70 тлн (см. табл. 4.1.3), разительно отличаются от него и по технологии, и по типологии. Расщепление здесь ориентировано, прежде всего, на получение укороченных острий и отщепов, нуклеусы практически все плоские, орудия с подготовкой для крепления, будь то наконечники с утончением основания или изделия с притупленным краем, отсутствуют или единичны, а господствующими формами среди ве-

щей с вторичной обработкой являются зубчато-выемчатые формы и скребла, иногда дополняемые остроконечниками (рис. 4.1.7). Формальных костяных орудий и свидетельств символизма в слоях MSA 3, если не брать самые поздние, относящиеся ко времени перехода к LSA, тоже нет (Wadley 2001: 203). Лишь после 40 тлн, т. е. уже в процессе перехода, эта довольно монотонная в целом картина начинает очень медленно меняться и разнообразиться (см. главу 5), но в целом ряде случаев даже комплексы, имеющие возраст моложе 30 тл, сохраняют в общем типичный для MSA 3 облик.

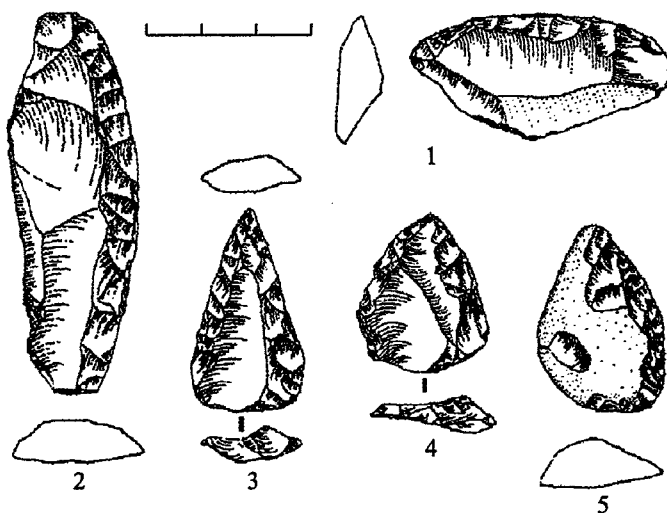

Рис. 4.1.7. Скребла (1, 2, 5) и остроконечники (3, 4) заключительной стадии MSA из пещеры Роуз Коттедж (по Soriano et al. 2007).

Объем и степень детальности информации, которую можно извлечь из публикаций об индустриях стадии MSA 3, как и в случае с более ранними стадиями, оставляют желать много лучшего. Тем не менее появившиеся в последние годы описания ряда комплексов рассматриваемого периода все же позволяют заполнить большинство позиций в таблице достаточно уверенно (табл. 4.1.6), так что итоговые оценки не должны быть сильно занижены или завышены. Единственным исключением из сказанного является, возможно, комплекс слоя BYR пещеры Роуз Коттедж, давший слишком высокое значение индекса СП-ВП, явно выбивающееся из общего ряда. Это может быть следствием того обстоятельства, что данный слой непосредственно налегает на слой SUZ, содержащий материалы ховисонс порта, и, таким образом, здесь вполне вероятно частичное смешение двух комплексов. В любом случае, даже крайние значения индекса СП-ВП, полученные для ховисонс порта, с одной стороны, и MSA 3 — с другой, не перекрываются.

Возраст соответствующих слоев всех четырех памятников, фигурирующих в таблице, составляет, по оценкам их исследователей, от 40 до 70 тл. Для пещеры Ди Келдерс эта оценка подкреплена ЭПР и ОСЛ датами от 60 до 70 тлн, а для позднего MSA пещеры Сибуду, залегающего здесь над ховисонс портом, имеется 9 OSL дат от 35 до 65 тлн (Tribolo et al. 2005: 861; Valladas et al. 2005: 174). Одна из них — 53 тлн — относится к слою RSP, описание материалов которого послужило основой для определения индекса СП-ВП, приводимого в таблице. Для слоев BYR и ТНО

пещеры Роуз Коттедж получены ТЛ даты 50.5 ± 4.6 и 47.1 ± 10.2 тлн соответственно (Soriano et al. 2007: 682).

Таблица 4.1.6. Индексы СП-ВП комплексов позднего MSA

Комплекс	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	Сумма	Источник
Ди Келдерс	1	1	1	1	0-0.5	0	0	0	0	0	0	-4/-3.5	Thackeray 2000
Йстерфон-тэйн	1	1	1	1	?	0	0	0	0	0	0	-4/-3	Halkett et al. 2003; Klein et al. 2004
Сибуду, RSP	1	1	1	1	1	0-0.5	0	0	0-0.5	0	0	-3/-2	Villa et al. 2005
Роуз Коттедж, ТНО	1	1	1	1	0.5-1	0-0.5	1	0	0-0.5	0	0	-2.5/-1	Soriano et al. 2007
Роуз Коттедж, BYR	1	1	1	1	1	0-0.5	1	0.5	1	0	0	-0.5/0	-

Если сопоставить теперь итоговые оценки в таблицах 4.1.4-4.1.6, то окажется, что ни о каком постепенном движении от среднепалеолитического «полюса» к верхнепалеолитическому не может быть и речи. На протяжении всего среднего каменного века южноафриканские индустрии претерпевали скорее колебательные, чем направленные изменения, вектор культурной динамики во времени не был постоянным, и поворот, который он сделал в период от 40 до 25/20 тлн, кажется на этом фоне достаточно резким для того, чтобы рассматривать переход от MSA к LSA как культурную революцию (рис. 4.1.8).

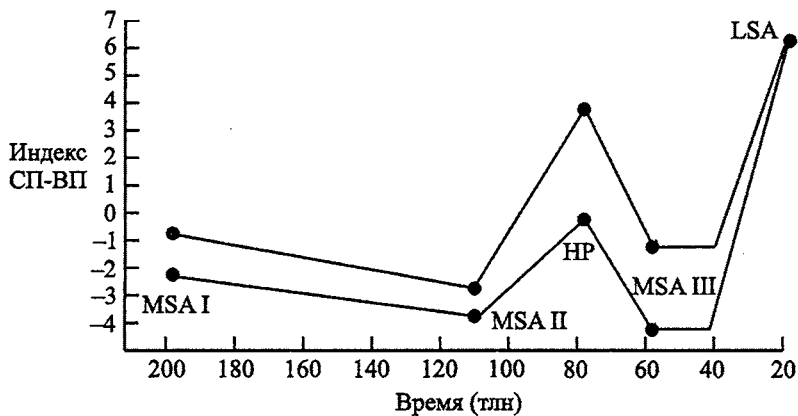

Рис. 4.1.8. Вектор эволюции индустрий MSA Южной Африки. HP — ховисонс порт.

В своей известной статье с красноречивым заголовком «Революция, которой не было», С. Макбрерти и А. Брукс утверждают, что в Африке, в отличие от Евразии, большинство перемен в культуре, традиционно связываемых с «верхнепалеолитической революцией», совершилось еще в среднем палеолите (McBrearty, Brooks 2000). Они приводят множество фактов, свидетельствующих о существовании в MSA технологий получения пластин, составных орудий, формальных костяных орудий, ве-

ественных символов и т. д., и представляют дело таким образом, будто, раз возникнув, эти и иные культурные «достижения» прочно укоренялись в поведенческом репертуаре человека, и их развитие было непрерывным (McBrearty, Brooks 2000: fig. 13). С этим выводом солидаризуются и некоторые другие исследователи (Finlayson 2005: 460). На самом деле, однако, ранняя история большей части перечисленных форм материальной культуры рисуется пока не как сплошная линия, а как пунктир, где разрывы между отдельными отрезками достигают десятков тысяч лет. Эти разрывы вряд ли можно объяснить только недостаточной исследованностью или тафономическими причинами, поскольку самый явный из них приходится на заключительный этап среднего каменного века, а это десятки памятников, включая множество комплексов с хорошей сохранностью органических материалов.

Даже если не ограничиваться только югом Африки, а взять весь этот континент в целом, окажется, что для периода от 65–70 до 40–45 тлн нет ни достоверных находок формальных костяных орудий, ни свидетельств символизма. Первые спорадически встречаются в начале и середине MSA. Три фрагмента костей, которые рассматриваются с некоторыми оговорками как вероятные обломки орудий, происходят с местонахождения Брокен-Хилл в Замбии. Относительно характера залегания и возраста археологических материалов этого памятника существует много неясностей, но авторы исследования, посвященного упомянутым костяным предметам, датируют их концом среднего плейстоцена и относят к одной из ранних стадий MSA (Barham et al. 2002). Несколько наконечников с зазубренным краем (гарпунов) найдено на стоянках Катанда 9, 2 и 16 в Конго (Yellen et al. 1995, Yellen 1998). Возраст этих находок, судя по результатам датирования разными методами, составляет более 70 тл. Наконечники изготовлены из ребер и трубчатых костей крупных млекопитающих посредством абразивной подготовки корпуса с последующим вырезанием шипов (рис. 4.1.9). Уже упоминавшиеся находки из пещеры Бломбос датируются интервалом от 70 до 85 тлн, и примерно такой же или чуть более поздний возраст могут иметь единичные костяные наконечники, предположительно связываемые с другими комплексами стадий ховисонс порт и стилбей (Класиес, Бордер, пещера Пирса), а также не описанные пока подробно изделия из кости со стоянки под открытым небом Лойянгалани в Серенгети, Танзания (Thompson et al. 2004). Что же касается комплексов MSA, хронологически промежуточных между ховисонс портом и началом перехода к LSA, то ни в одном из них формальных орудий из кости пока не обнаружено, хотя многие памятники этой стадии дали богатый фаунистический материал (Ди Келдерс, Сибуду, Класиес, пещера Очагов и т. д.), а на некоторых (пещера Страталан) сохранились даже остатки травы и веток (Wadley 2001: 203).

Аналогичным образом дело обстоит и со свидетельствами символизма. Макбрерти и Брукс в упоминавшейся уже статье пишут, что «несмотря на относительно небольшое число раскопанных памятников MSA, количество и качество свидетельств символического поведения на них далеко превосходит то, что известно для европейского среднего палеолита, где количество памятников в десять с лишним раз больше. Использование красящих веществ и производство бус, в частности, сопоставимы с тем, что мы видим в африканском LSA и европейском верхнем палеолите...» (McBrearty, Brooks 2000: 531). Это утверждение, однако, представляет собой явное преувеличение.

Во-первых, охра и иные естественные красители представлены и в среднем палеолите Европы, причем ничуть не хуже, чем в MSA Африки. Находки такого рода известны не менее чем на 40 мустьерских памятниках, и по характеру они не отли-

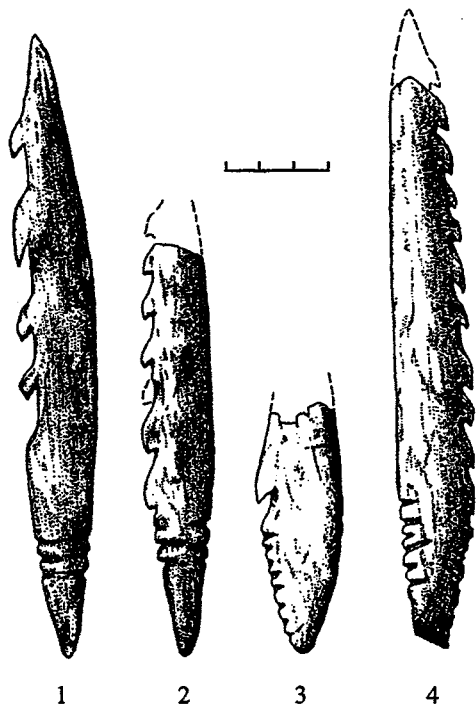

Рис. 4.1.9. Среднепалеолитические (MSA) костяные гарпуны из Катанды (по Yellen 1998).

чаются сколько-нибудь существенно от африканских находок (d'Errico et al. 2003: 19), а иногда превосходят их по выразительности контекста². Во-вторых, в подавляющем большинстве случаев охра могла выполнять не ритуальные, а чисто утилитарные функции, служа, например, для обработки шкур либо в качестве примеси к составам, использовавшимся для крепления каменных орудий к рукоятям (Wadley 2005). Определить по характеру стертости так называемых охряных «карандашей», служили ли они для нанесения изображений, или всего лишь как источник необходимого в быту порошка, как правило, невозможно. Что же касается бус, — и это в-третьих, — то в Африке они действительно появляются намного раньше, чем в Европе, но, как и формальные костяные орудия, до сих пор неизвестны в комплексах позднего MSA. Многочисленные бусы из ракушек есть в стилбее (Бломбос), единичные в ховисонс порте (Бордер), а кроме того, три бусины из скорлупы страусовых яиц найдены на стоянке Лойянгалани в Танзании, в слое, для которого получена ОСЛ дата 65 ± 4.4 тлн, подтверждающая ранее высказанное предположение, что возраст этого комплекса составляет около 70 тл (Thompson et al. 2004). Сообщалось также о находках единичных бус из скорлупы страусовых яиц в MSA грота Бушменов, пещеры Очагов и пещеры Зомпебата, однако возраст этих вещей, происходящих из старых раскопок, неясен. Наконец, одна целая и одна незаконченная бусины из скорлупы были найдены в MSA пещеры Бумплаас (Deacon 1995), но соответствующий слой относится уже к периоду перехода к LSA. Имеющиеся для него

²В пещере Чиоарей на юго-западе Румынии в среднепалеолитических слоях, для одного из которых получено четыре РУ даты от 47 до 55 тлн, вместе с 55 кусочками красной и желто-красной охры найдено восемь «контейнеров» из обломков сталагмитов. Контейнеры имеют овальную форму, диаметр 4–8 см, углубление около 1 см (рис. 4.1.10). В центре углублений видны следы скобления и полировки, а также охры, тогда как снаружи их нет. Иногда охра покрывает всю поверхность вогнутости и края (Svirciumaru et al. 2002).

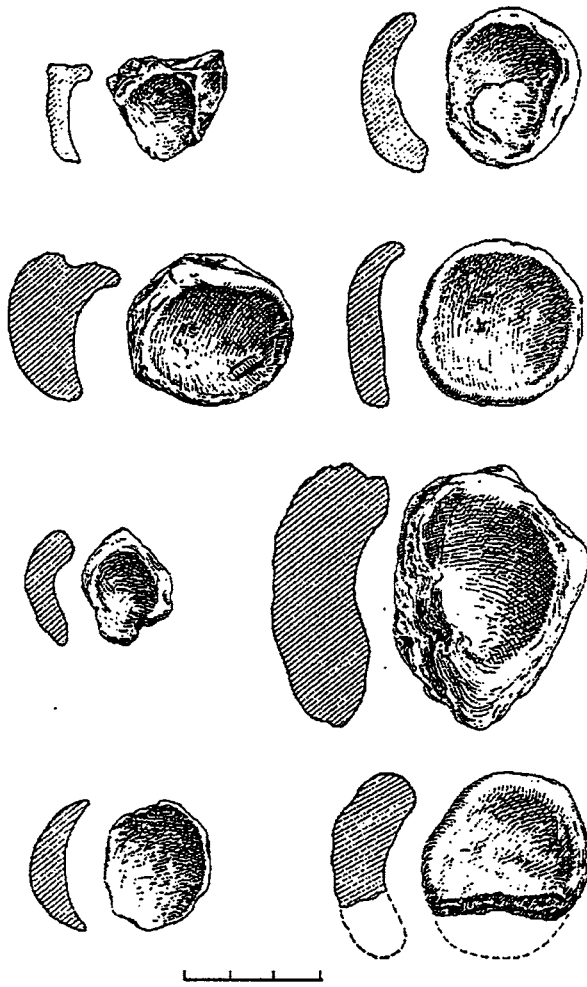

Рис. 4.1.10. Сосуды для охры и их фрагменты, сделанные из обломков пещерных сталагмитов. Средний палеолит, пещера Чиоарей-Бороштени, Румыния (по Cârciumaru et al. 2002).

РУ, АКР и ТУ даты согласно указывают на возраст от 35 до 45 тлн (d'Errico et al. 2005: 5). Говоря о свидетельствах символизма в MSA, нельзя, конечно, не вспомнить о плитах с изображениями из пещеры Аполло 11 (Wendt 1976), но слой, где они были найдены, тоже очень поздний. Его древность на основании РУ дат оценивается в 25–27 тл, а некоторые авторы полагают, что ближе к истине может быть дата в 19 тл, полученная по образцу, взятому по соседству (Wadley 1993: 276).

Таким образом, весьма раннее появление в Южной Африке формальных костяных орудий и свидетельств символизма само по себе вовсе не доказывает, что на протяжении среднего палеолита здесь имело место прогрессирующее развитие таких культурных элементов, которые в Евразии получают широкое распространение лишь в верхнем палеолите. Сделанный ранее вывод о том, что изменения, происходившие в MSA региона, имели скорее колебательный и обратимый, чем поступательный характер, остается в силе.

4.2. Ближний Восток

В этом регионе анализ направленности культурной динамики можно начинать не со среднего, а с конца нижнего палеолита, когда здесь существовала такая оригинальная и легко узнаваемая индустрия, как ябрудьен. Все известные комплексы ябрудьена сконцентрированы в северном и южном Леванте. Стратиграфически они вклиниваются между собственно ашелем и ранним левантийским мустье. Начало ябрудьена, судя по ТУ и ЭПР датировкам, полученным для соответствующих слоев в пещерах Табун и Кезем, приходится на время около 400 тлн (Barkai et al. 2003; Rink et al. 2004), а завершается он, как и нижний палеолит в целом, примерно 200 тлн или немного раньше, т. е. где-то в середине периода, соответствующего КИС 7 (Porat et al. 2002; Barkai et al. 2003).

Главная опознавательная черта ябрудийских комплексов — наличие большого количества скребел, среди которых всегда хорошо представлены поперечные, угловатые и кина. В большинстве случаев скреблам сопутствуют рубила. Техника первичного расщепления ориентирована на получение отщепов, леваллуазские нуклеусы и сколы, как правило, отсутствуют, фасетированные ударные площадки редки (Skinner 1970: 163; Muhesen 1992: 54).

Почти на всех памятниках, где ябрудьен был обнаружен, он включает индустрии, демонстрирующие известное отклонение от ниже/среднепалеолитических стандартов. В этих индустриях, известных под названиями преориньяк (Ябруд 1, слои 13 и 15) и амудьен (Табун, слой 75; грот Цумоффена, нижние слои; Эль Маслух, слои А и В, Кезем), пластины и пластинчатые отщепы становятся доминирующими формами заготовок, и в значительных количествах появляются орудия, больше характерные для верхнего, чем для нижнего или среднего палеолита: скребки, резцы, ножи с дугообразным ретушным обушком (рис. 4.2.1). Для некоторых комплексов отмечается наличие «частично призматических» нуклеусов (Monigal 2002: 272), хотя в целом технология расщепления остается плоскостной, а скалывание некраевым. Культурно-стратиграфические колонки пещер Ябруд 1 (Rust 1950), Табун (Garrod, Bate 1937; Jelinek 1990) и Кезем (Lemorini et al. 2006) не оставляют сомнений в том, что амудийские и преориньякские слои вклиниваются между собственно ябрудийскими, чему не противоречат и памятники с менее полной колонкой культурных слоев, где амудьен либо подстикает (грот Цумоффена), либо перекрывает (Эль Маслух) собственно ябрудьен. Принимая во внимание стратиграфическую позицию рассматриваемых индустрий и одинаковую в целом направленность демонстрируемых ими культурных трансформаций, их можно считать одновременными или, по крайней мере, очень близкими во времени явлениями, маркирующими период существенных, но оказавшихся обратимыми изменений внутри ябрудьена. Для обозначения этого периода предложено понятие «внутри-ябрудийский эпизод» (Вишняцкий 1998).

Ябрудьен сменяется левантийским мустье. Общего между этими двумя индустриями немного, и существование преемственности между ними кажется маловероятным. Правда, А. Джелинек, обосновывая возможность плавного перехода от ябрудьена к мустье, писал о постепенном увеличении числа продуктов леваллуа и уменьшении ашело-ябрудийских элементов в пачке слоев X Табуна (Jelinek 1982), но, по мнению других исследователей, это может быть скорее следствием механического смешения материалов двух независимых индустрий (Bar-Yosef 1994a: 254).

Левантийское мустье отличается от ябрудьена, во-первых, отсутствием рубил и бифасиальных орудий вообще, во-вторых, широким распространением технологий,

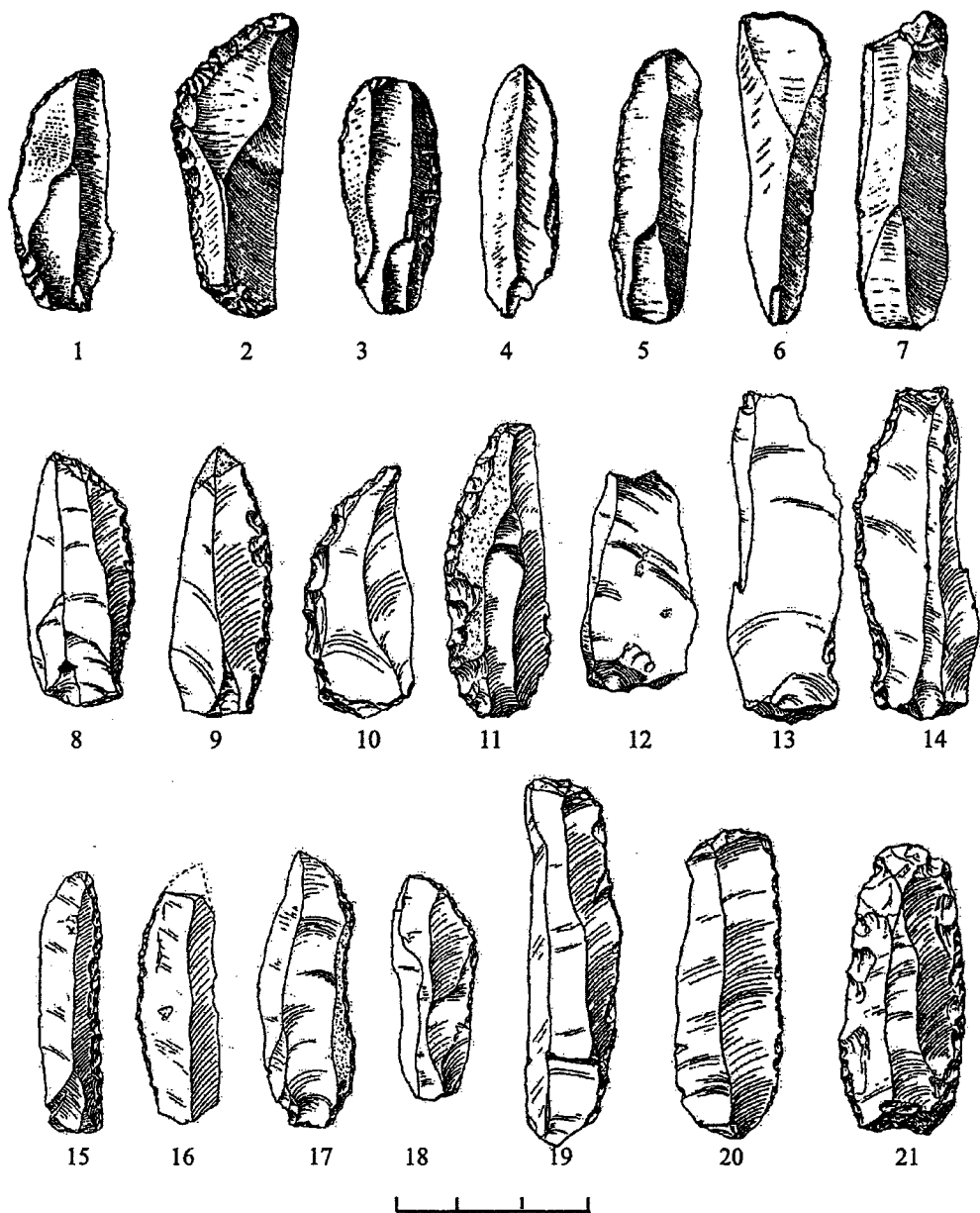

Рис. 4.2.1. Амудьен. Ножи с обушком (1, 2, 8-11, 15-18), пластины с ретушью и без (3-7), резцы (12, 13), скребки (19-21). Верхний ряд — Абри Цумофен, средний и нижний ряды — Табун (по Garrod, Bate 1937; Garrod, Kirkbride 1961).

предполагающих тщательную подготовку нуклеусов и получение серий стандартизированных сколов, и, в третьих, относительно небольшим количеством изделий с вторичной обработкой, которых почти всегда в десятки раз меньше, чем неретушированных заготовок. Для всех индустрий мустье Ближнего Востока характерны «технологии с относительно низким «порогом выбрасывания» каменных орудий. Ретушированные орудия на сколах наличествуют во всех левантйских среднепа-

леолитических комплексах, но интенсивно ретушированные или переоформленные орудия (скребла, рубила и т. д.) обычно редки. В этом отношении левантийское мустье контрастирует со среднепалеолитическими индустриями сопредельных частей Евразии и с непосредственно предшествующим ему ашело-ябрудьеном» (Shea 2001: 52) и, напротив, сближается с большинством индустрий среднего каменного века Африки к югу от Сахары.

Среднепалеолитические комплексы Ближнего Востока принято делить на три группы: мустье типа Табун D, C и B. Первую из них (хронологически наиболее древнюю) называют еще ранним левантийским мустье. Три названные группы со времени их выделения рассматривали как стадии эволюции среднего палеолита в регионе, хотя иногда высказывается мнение, что они скорее представляют собой три «отдельные технологические традиции», частично перекрывающиеся во времени (Kaufman 2002).

Для раннего левантийского мустье (типа Табун D) характерны заготовки пластинчатых пропорций (собственно пластины, а также остря), которые получали с одноплощадочных конвергентных, а также биполярных нуклеусов (рис. 4.2.2). Кроме того, материалы ряда памятников, относимых к этой стадии, свидетельствуют о довольно широком использовании, наряду с плоскостным, объемного принципа расщепления. Полуповоротные, а то и собственно призматические нуклеусы и классические реберчатые пластины представлены, в частности, в коллекциях Рош Эйн Мора (Marks, Monigal 1995: fig. 19.2), Айн Дифлы, Хайонима, Мислии (рис. 4.2.2: 6, 7 и 4.2.3). Среди изделий с вторичной обработкой, как правило, относительно немногочисленных, в комплексах типа Табун D преобладают скребла, удлинённые остроконечники и резцы. Обилием пластин и удлинённых острий отличается также уммален Эль Коюма в Сирии, но здесь, в отличие от подавляющего большинства комплексов левантийского мустье, отсутствует, как считается, леваллуазское скалывание, да и стратиграфическое положение этой индустрии пока не совсем понятно.

Для комплексов стадии Табун C наиболее характерны дисковидные нуклеусы радиального скалывания, дополняемые биполярными нуклеусами, а основным типом заготовки здесь являются крупные отщепы, часто овальных очертаний. Острий немного, они подтреугольные, укороченных пропорций. Орудия представлены в основном скреблами и зубчато-выемчатыми изделиями. Наконец, мустье типа Табун B характеризуется одноплощадочными конвергентными нуклеусами (в поздних памятниках к ним добавляются радиальные нуклеусы)³, леваллуазскими острями (часто короткими и широкими), тонкими отщепами, редкими пластинами (хотя иногда последние составляют до 25% заготовок). Характер орудийного набора остается тем же, что и в Табун C (Bar-Yosef 2000b; Shea 2001, 2003; Henry 2003).

Хронология ранней стадии среднего палеолита Ближнего Востока базировалась до недавнего времени исключительно на данных, полученных для Табуна, и была в высшей степени гипотетичной, поскольку определения возраста одних и тех же слоев этого памятника, сделанные разными методами, сильно различались между собой (табл. 4.2.1). Большинство исследователей отдавало предпочтение более «длинной» ТЛ хронологии. В последние годы, однако, были опубликованы результаты датирования ряда других памятников конца нижнего и начала среднего палеолита, которые лучше согласуются с «короткой» ЭПР хронологией Табуна и заставляют

³Полуповоротные нуклеусы на этой стадии тоже встречаются (например, в Тор Фарадже, см.: Demidenko, Usik 2003: fig. 6.25-a, b), но гораздо реже, чем на предыдущей.

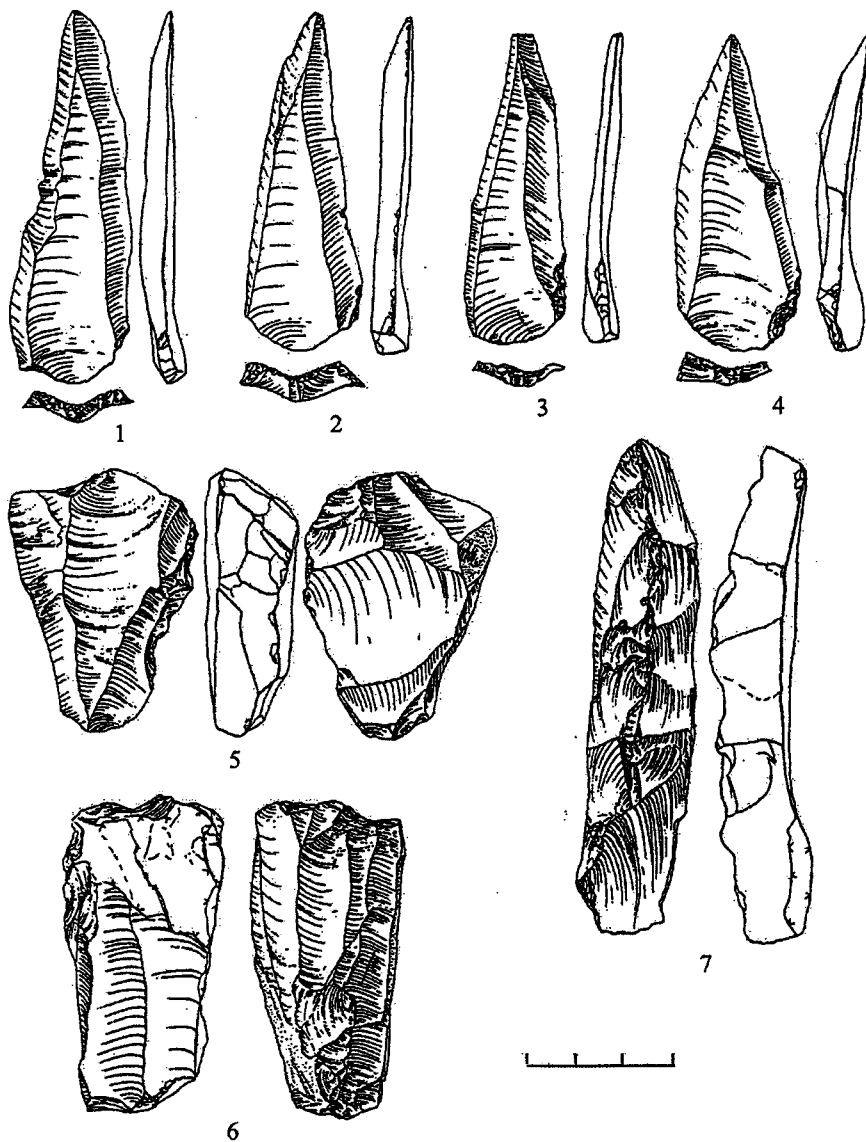

Рис. 4.2.2. Удлиненные острия (1–4), нуклеусы (5, 6) и ребрчатая пластина (7) из пещеры Айн Дифла (по Clark et al. 1997).

думать, что мустьерские индустрии появляются в регионе около 200 тлн или лишь немногим ранее. Об этом говорят, во-первых, довольно поздние ОСЛ, ТЛ, ТУ и ЭПР даты, полученные для слоев конца нижнего палеолита в Холоне, Ябруде 1, Умм Катафе, Эль Коюме и Кеземе (Porat et al. 2002; Barkai et al. 2003), а во-вторых, новые ЭПР, ТЛ и ТУ определения возраста слоев раннего левантийского мустье в пещере Хайоним и на открытой стоянке Рош Эйн Мор (табл. 4.2.2).

Высказывалось мнение, что комплексы раннего левантийского мустье, вопреки своему названию, существовали не только на первой стадии среднего палеолита региона, но и много позже, вплоть до перехода к верхнему палеолиту (Marks 1983). Возникновение такой точки зрения вполне понятно, поскольку индустрии типа Та-

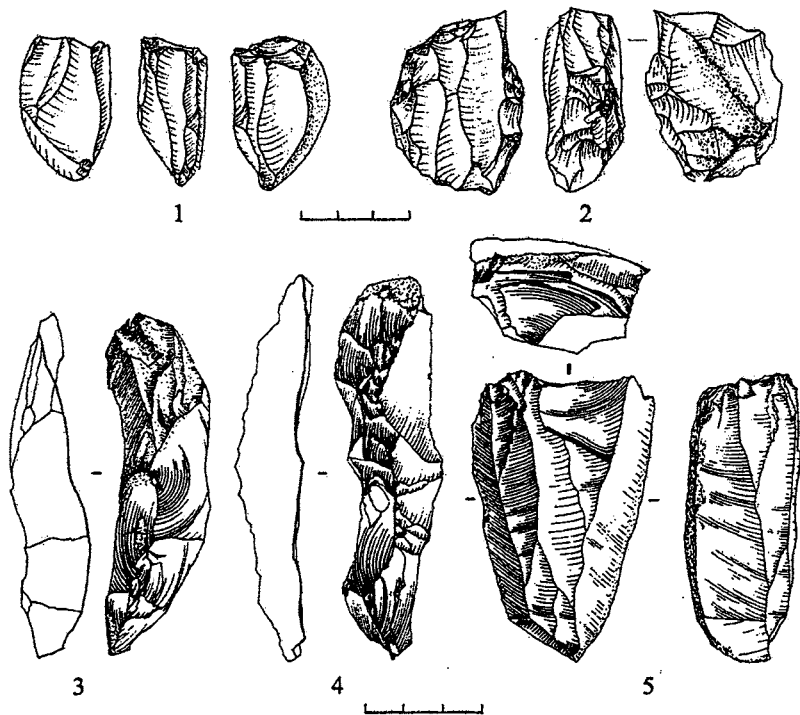

Рис. 4.2.3. 1, 2 — нуклеусы из пещеры Мислия (по Weinstein-Evron et al. 2003).
3-5 — реберчатые пластины и нуклеус из низов слоя Е пещеры Хайоним
(по Meignen 1998).

бун D с их пластинчатой технологией и наличием в орудийном наборе резцов и скребков кажутся куда более подходящей основой для становления верхнего палеолита, чем мустье типа Табун С или В⁴. Однако в колонках многослойных памятников, где представлено более одного варианта левантийского мустье, индустрии типа D неизменно залегают ниже остальных (Табун, Хайоним), а самые поздние из имеющихся для них абсолютных дат всегда древнее 100 тл. В пещере Мислия возраст мустье типа Табун D определяется пока единственной и, как предполагается, минимальной ОСЛ датой 130 ± 33 тлн (Weinstein-Evron et al. 2003). На стоянке Айн Дифла для аналогичных материалов получена ТЛ дата 105 ± 15 тлн и ЭПР даты от 102 ± 13 до 162 ± 18 тлн (Clark et al. 1997)⁵. ТУ дата 80 ± 10 тлн, опубликованная для Нахал Акева, на самом деле относится к травертинам, лежащим выше слоев с ранним левантийским мустье, и, следовательно, последние могут быть значительно древнее (Shea 2003: 343–344). Единственным исключением является индустрия нижних слоев стоянки Бокер Тахтит, возраст которой, судя по РУ датам, составляет не более 50 тл. Однако, ввиду значительного хронологического разрыва с ранним левантийским мустье, ее следует рассматривать, по-видимому, не как продолжение

⁴Здесь уместно вспомнить, что на тех же основаниях и ховисонс порт рассматривался как переходное звено между MSA и LSA Южной Африки до тех пор, пока многочисленные стратиграфические наблюдения и абсолютные датировки не заставили пересмотреть привычные и вполне, казалось бы, логичные представления о последовательности развития местных индустрий.

⁵Относительно правомерности отнесения комплекса Айн Дифлы к мустье типа Табун D иногда высказываются сомнения (Монигал 2001: 17).

последнего, а как результат вторичного и независимого появления в технологии и типологии переходных комплексов ряда тех же черт, что некогда были свойственны мустье типа Табун D.

Таблица 4.2.1. Хронология ябрудьена и среднего палеолита в пещере Табун

Слой (по Гаррод)	ТУ (McDermott et al. 1993)	ЭПР (Grün, Stringer 2000)	ТЛ (Mercier, Valladas 2003)
B	50-100	85-140	
C	105	105-160	150-180
D/C			175-250
D	110-160	120-230	230-280
Ea	165-170	150-245	235-290
Eb		150-230	295-355
Ec		150-280	
Ed		130-210	275-330

Таблица 4.2.2. Хронология среднего палеолита Ближнего Востока (по Bar-Yosef 2000b; Porat et al. 2002; Shea 2003; Rink et al. 2003, 2004a; Mercier et al. 2007)

Тип индустрии	Хайоним		Рош эйн Мор ТУ	Кафзех		Схул ТЛ	Тор Фарадж Тор Сабиха		Кебара ТЛ, ЭПР	Амуд ТЛ
	ЭПР	ТЛ		ТЛ	ЭПР		АКР	ТЛ*		
Табун В							63-75	42-55	40-70	45-80
Табун С		115-175		80-115	75-145	100-170				
Табун D/C	165-197	140-250								
Табун D	180-200		190-210							

* ТЛ даты есть только для Тор Фараджа.

Таким образом, судя по стратиграфии многослойных памятников и имеющимся абсолютным датам, индустрии, характеризующиеся развитой пластинчатой технологией и наличием среди орудий относительно большого количества вещей верхнепалеолитических типов, существовали в Леванте в конце нижнепалеолитического и начале среднепалеолитического времени. Затем их сменили комплексы, лишённые каких бы то ни было верхнепалеолитических элементов как в технологии, так и в типологии. Материалы позднего левантийского мустье типа Табун С и В выглядят явно архаичней, чем гораздо более древние материалы мустье типа Табун D, а также чем индустрии внутриябрудийского эпизода. Это подтверждают и приводимые ниже индексы СП-ВП для разных комплексов каждой стадии (табл. 4.2.3, 4.2.4, 4.2.5).

Таблица 4.2.3. Индексы СП-ВП для индустрий конца нижнего палеолита (ябрудьен и внутриябрудийский эпизод)

Комплекс	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	Сумма	Источник
Преориныяк, Ябруд 1, 15	1	1	1	0.5	1	0-0.5	0	1	0	0	0	-1.5/-1	Коллекция; Вишняцкий 1998
Ябрудьен, Табун, Е (низ)	1	1	1	1	0	0	0	0.5	0	0	0	-3.5	Shifroni, Ronen 2000
Ябрудьен, грот Цумоффена, 8-5	1	?	1	1	0.5	?	0	0	0	0	0	-3.5/-1.5	Garrod, Kirkbride 1961

Таблица 4.2.4. Индексы СП-ВП комплексов раннего левантийского мустье

Комплекс	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	Сумма	Источник
Айн Дифла	1	1	1	1(?)	0.5	0.5	0	0.5	0	0	0	-2.5	Lindly, Clark 1987; Clark et al., 1997
Рош Эйн Мор	1	1	1	1	0.5	0.5-1	0	0.5-1	0	0	0	-2.5/-1.5	Crew 1976; Marks, Monigal 1995
Нахал Акев, 1	1	1	1	1	0.5	0	0	1	0	0	0	-2.5	Munday 1977
Нахал Акев, 2	1	1	1	1	0.5	0	0	0.5	0	0	0	-3	-
Нахал Акев, 3	1	1	1	1	0.5	0	0	0.5	0	0	0	-3	-

* Органика почти не сохранилась в Нахал Акев.

Таблица 4.2.5. Индексы СП-ВП для индустрий позднего левантийского мустье (Табун С и В)

Комплекс	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	Сумма	Источник
Кеуз, 1	1	1	1	1	0.5	0	0	0.5	0-0.5	0	0	-3/-2.5	Nishiaki, Copeland 1992
Кеуз, 2	1	1	1	1	0.5	0	0	0	0	0	0	-3.5	-
Кеуз, 3	1	1	1	1	0.5	0	0	0.5	0	0	0	-3	-
Кзар-Акил, 26	1	1	1	1	0.5	0	0	0.5	0	0	0	-3	Коллекция
Кзар-Акил, 27	1	1	1	1	0.5	0	0	0	0	0	0	-3.5	Коллекция
Тор Фарадж	1	1	1	1	0.5	0-0.5	0	0.5	0	0	0	-3/-2.5	Henry 1995, 2003; Demidenko, Usik 2003
Эль Вад, G	1	1	1	1	0.5	0	0	0	0.5	0	0	-3	Garrod 1951; коллекция

* Органика почти не сохранилась в Тор Фарадже.

Следовательно, можно заключить, что в Леванте, как и в Южной Африке, не прослеживается постепенной эволюции культуры от среднепалеолитического «полюса» к верхнепалеолитическому. Ближневосточные индустрии конца нижнего и

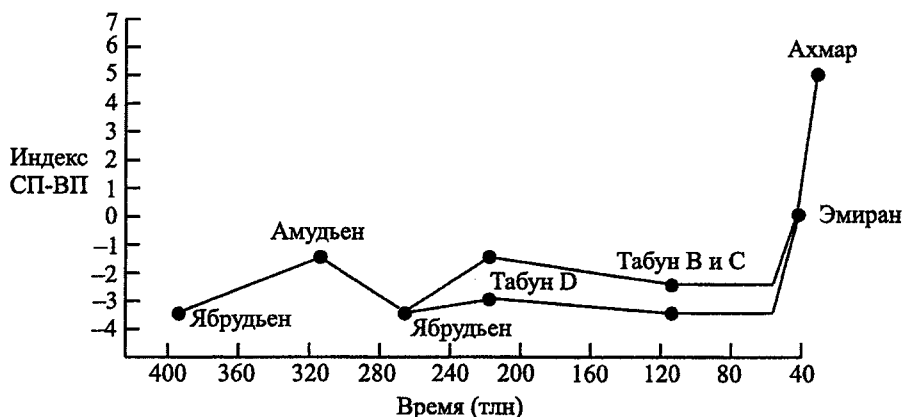

Рис. 4.2.4. Вектор эволюции индустрий Леванта от конца нижнего до начала верхнего палеолита.

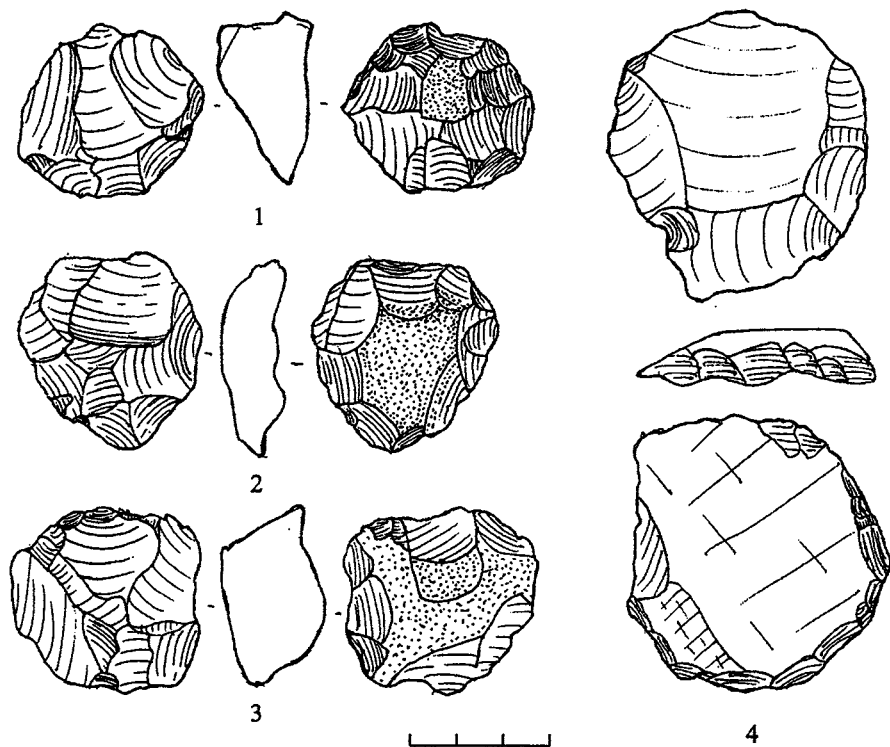

Рис. 4.2.5. Кзар Акил, слой 27. Нуклеусы.

всего среднего палеолита испытывали колебательные изменения, и вектор культурной динамики во времени здесь тоже не был постоянным (рис. 4.2.4). Аналогичный вывод был сделан Э. Ховерс, показавшей, что для индустрий конца среднего палеолита Леванта нельзя говорить о каких-то направленных изменениях в технологии, тенденциях развития (Hovers 1998: 155), а также Дж. Ши, посвятившим этому вопросу специальную статью (Shea 2006).

К сказанному можно добавить, что даже если обратиться к материалам самых верхних мустьерских слоев Кзар Акила (27 и 26), непосредственно предшествующих слоям переходным и, судя по всему, связанных с ними генетически (см. 5.9), то и здесь ничто, как будто, не предвещает грядущих перемен. Это обычный средний палеолит с плоскими нуклеусами радиального и, реже, параллельного скалывания, с преобладанием среди заготовок отщепов и леваллуазских острий, имеющих толстые, часто фасетированные площадки, и с классическим мустьерским орудийным набором, главное место в котором занимают скребла и остроконечники (рис. 4.2.5–4.2.7).

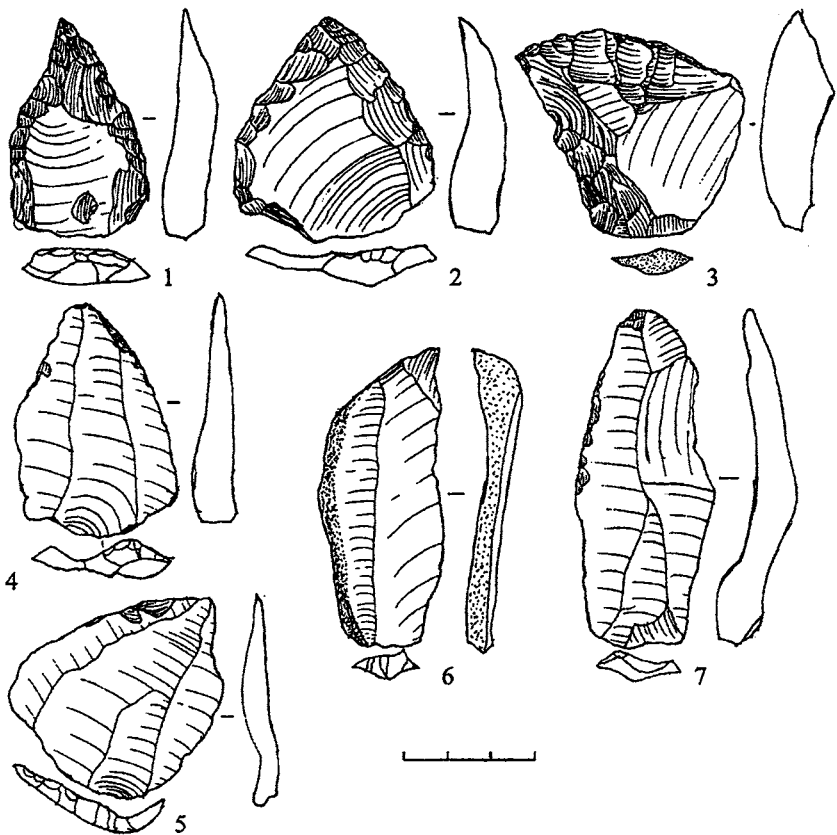

Рис. 4.2.6. Кзар Акил, слои 26 (3, 6, 7) и 27 (1, 2, 4, 5).
 Остроконечники (1, 2), угловатое «ябрудийское» скребло (3),
 отщепы с ретушью (4, 5),
 «нож» с естественным обушком (6), пластина с ретушью (7).

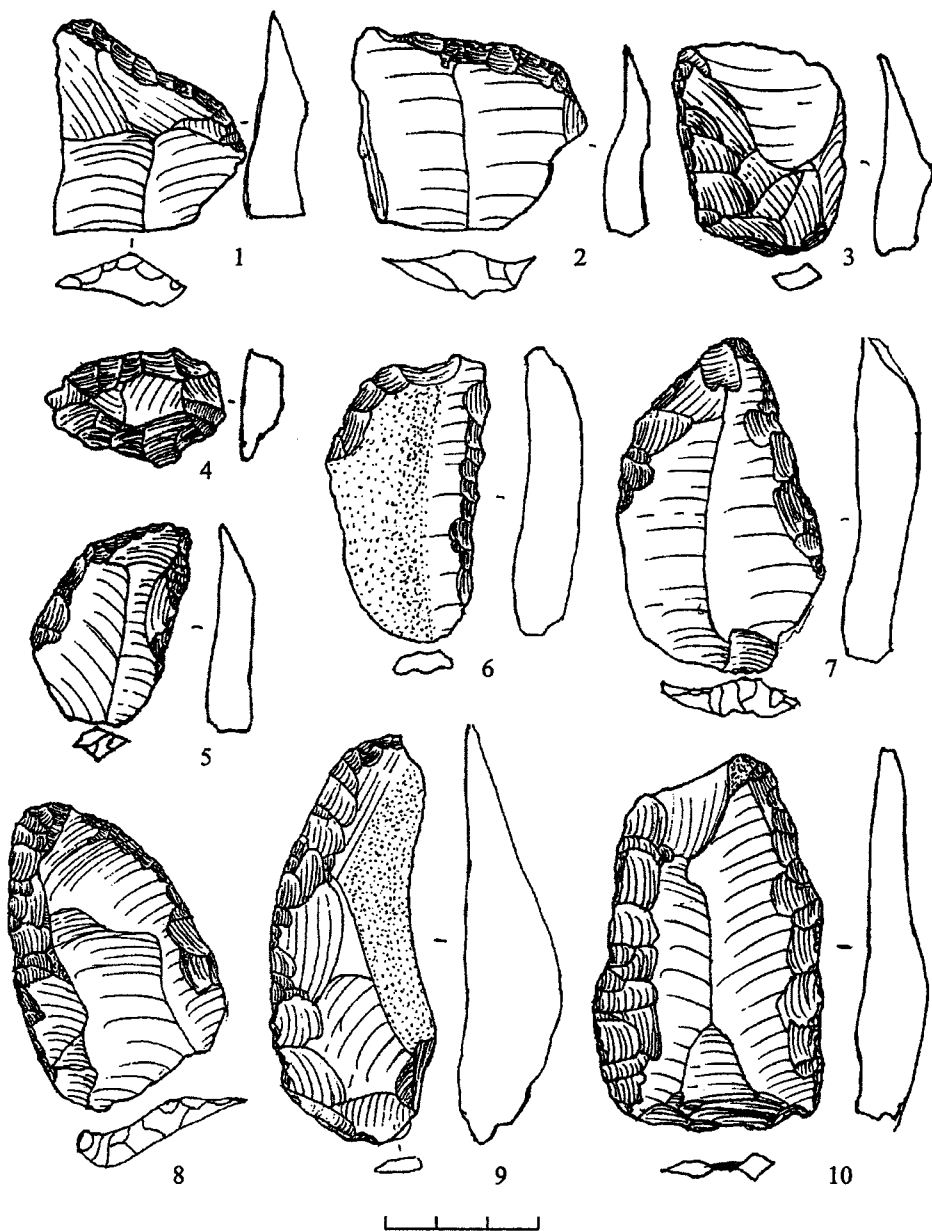

Рис. 4.2.7. Кзар Акил, слои 26 (1, 4-10) и 27 (2, 3).
Скробла (1-3, 5-10) и лимас (4).

4.3. Западная Европа

В среднем палеолите Западной Европы тоже известна индустрия с довольно развитым объемным расщеплением, высокой долей пластин среди заготовок и наличием среди орудий относительно большого количества вещей верхнепалеолитических типов (рис. 4.3.1–4.3.3), но, как и в предыдущих двух регионах, она появляется и исчезает здесь задолго до начала перехода к верхнему палеолиту. Речь идет о секлэнъене, памятники которого находятся в основном на севере Франции и в Бельгии и датируются серединой КИС 5. Помимо самого Секлэна, это Рьенкур ле Бопом, Рокур, Беттанкур, Сен Жермен де Во и еще ряд стоянок (Tuffreau et al. 1985; Otte et al. 1990; Ameloot-van der Heijden 1993, 1993a; Revillion 1994, 1995; Revillion, Tuffreau 1994; Loch 2002)⁶. Судя по подробному описанию инвентаря слоя СА Рьенкур ле Бопома, сопровождаемому множеством хороших рисунков (Ameloot-van der Heijden 1993), индекс СП-ВП, по крайней мере некоторых комплексов секлэнъена, достигает –2 (табл. 4.3.1). Это не много по сравнению с южноафриканским ховисопс портом, но вполне сопоставимо с ранним левантйским мустье и, наверняка, выше, чем у всех или почти всех хронологически более поздних индустрий среднего палеолита Западной Европы, за исключением, возможно, отдельных комплексов самого конца этой эпохи.

Таблица 4.3.1. Индекс СП-ВП для секлэнъена

Комплекс	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	Сумма	Источник
Рьенкур ле Бопом, СА	1	1	1	1	0.5	0.5	0.5	0.5	0	0	0	-2	Ameloot-van der Heijden 1993

Факт существования такой индустрии, как секлэнъен, показывает, что среднепалеолитические обитатели Западной Европы, подобно их современникам в Южной Африке и на Ближнем Востоке, были вполне способны к различным поведенческим и, в частности технологическим инновациям. Тем не менее вплоть до финальной стадии существования местного мустье в нем не прослеживается сколько-нибудь заметных изменений в направлении верхнего палеолита (см. также: Delagnes, Meignen 2006; Kuhn 2006). Они начинаются лишь в преддверии периода перехода, около 50 тлв, и могут быть связаны как с традициями, получившими продолжение в раннем верхнем палеолите (например, МТА, см.: Soressi 2002), так и с традициями, которые исчезли, не успев дать начало какой-либо культуре последующей эпохи (например, нерон, см.: Slimak 2007).

Таким образом, ни для одного из трех регионов мира, занимающих лидирующее положение по степени изученности среднего палеолита, нет оснований говорить о каких-то долгосрочных поступательных тенденциях в развитии индустрий этой эпохи. Собственно, даже и о самом развитии, если понимать под ним эволюцию в направлении усложнения, сопровождаемую появлением нового, говорить тоже не

⁶Иногда к этой группе относят еще Тоншесберг 2В, Рейндален В1 и некоторые другие памятники, расположенные на западе Германии (Conard 1992), хотя, насколько можно судить по публикациям, черты, которые определяют секлэнъен, выражены здесь гораздо слабее.

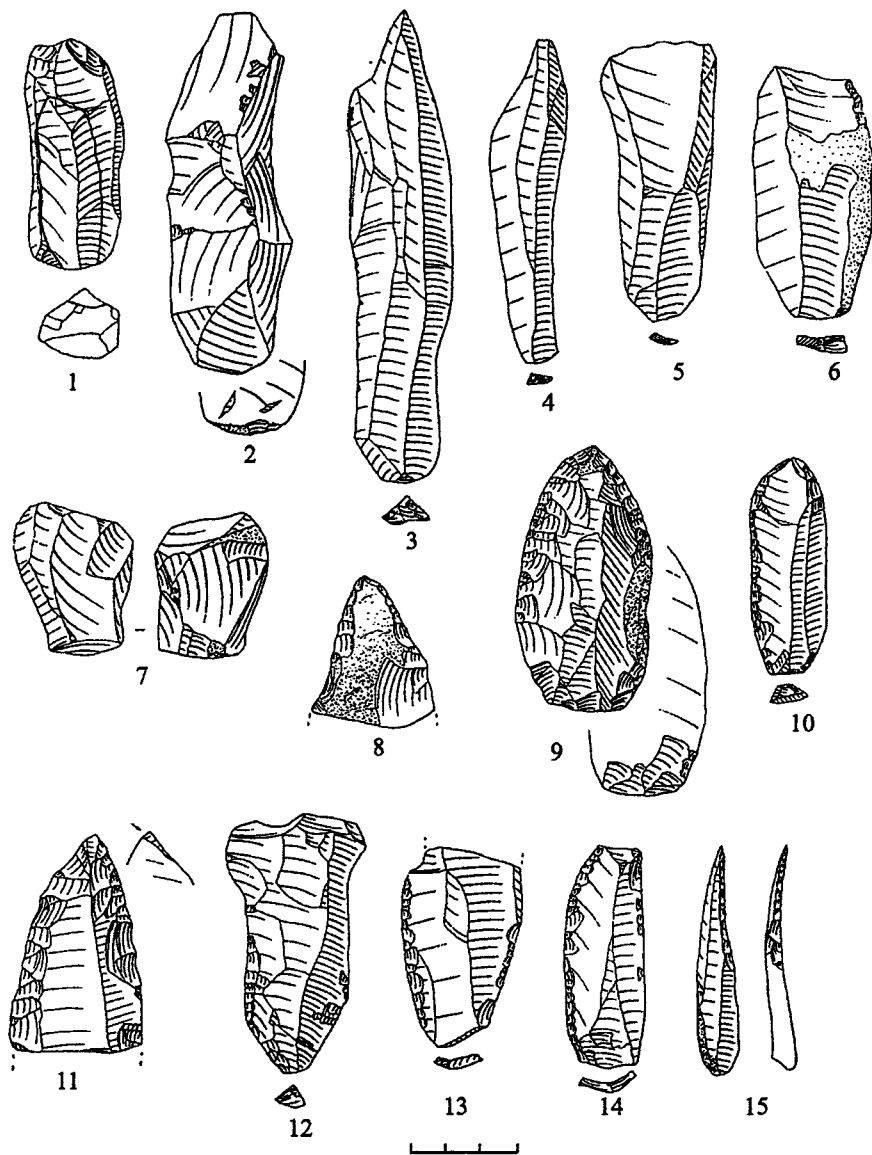

Рис. 4.3.1. Нуклеусы (1, 7), реберчатая пластина (2), пластины (3–5), пластины и обломки с ретушью (6, 10, 12–14), обломки остроконечников (8, 11), конвергентное скребло с утончением основания (9) и острие с притупленным краем (15) из Секлена (по Tuffreau et al. 1985).

приходится. Если в культуре среднепалеолитического времени и происходило некое подспудное движение к верхнепалеолитическому «полосу», то в изменчивости каменного и костяного инвентаря это вплоть до начала периода перехода никак не проявилось. На протяжении сотен тысяч лет изменения палеолитических индустрий носили колебательный, «рекурсивный» характер. С началом же перехода к верхнему палеолиту вектор культурной эволюции резко изменился и приобрел четко выраженную направленность, которую с той поры уже не утрачивал.

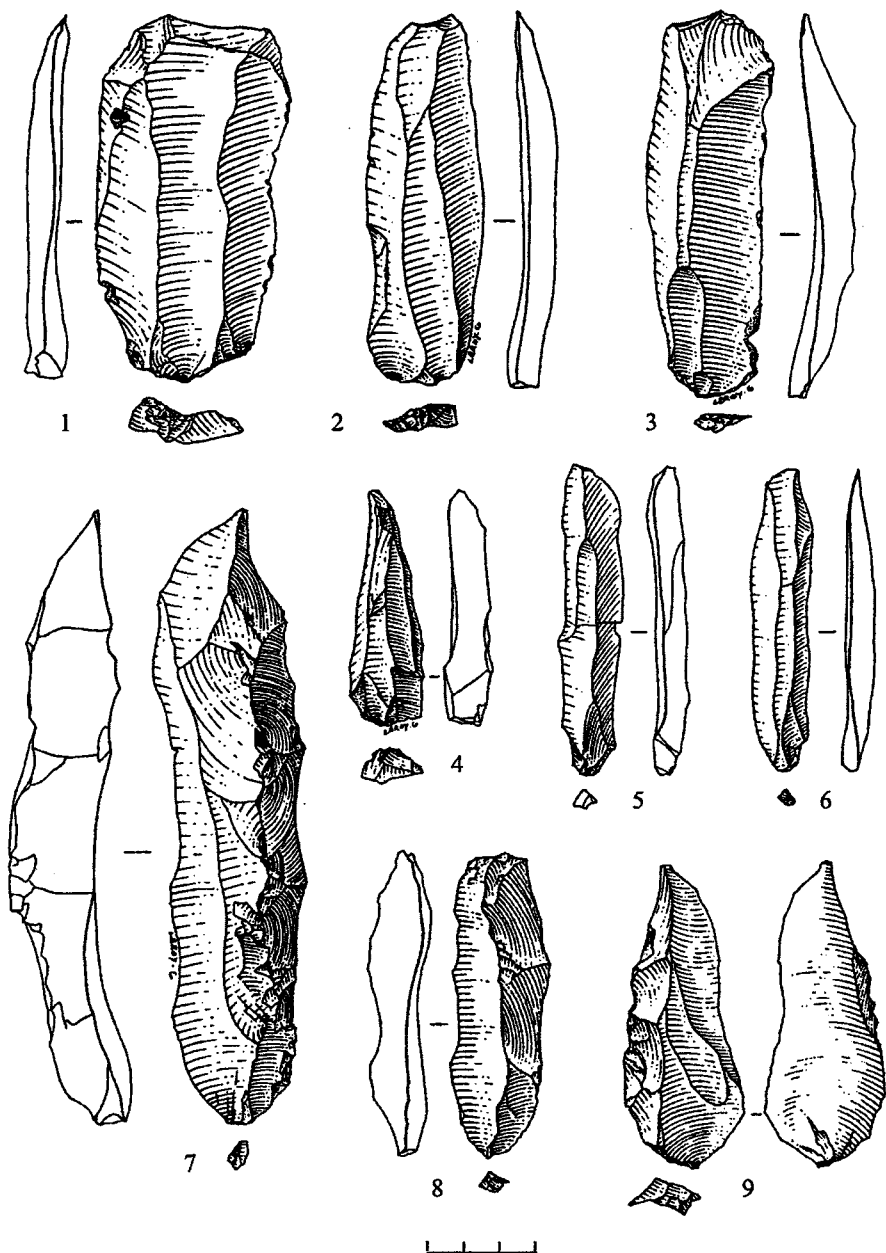

Рис. 4.3.2. Пластины (1-6) и реберчатые пластины (7-9) из слоя С стоянки Рьенкур-ле-Бопом (по Ameloot-van der Heijden 1993a).

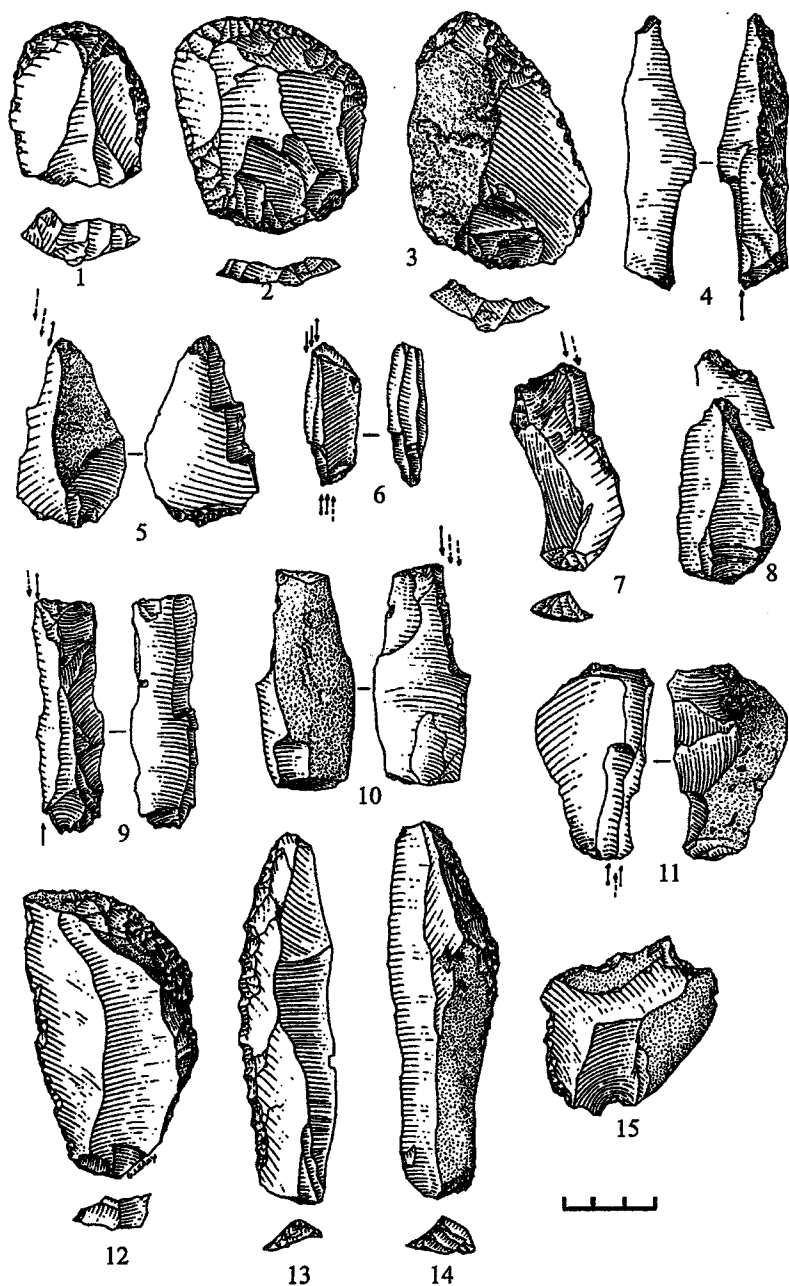

Рис. 4.3.3. Скребки (1-3), резцы (4-11), ножи с ретушным обушком (12-14) и проколка (15) из слоя С стоянки Рьенкур-ле-Бопом (по Ameloot-van der Heijden 1993a).

Глава 5

СТАНОВЛЕНИЕ ВЕРХНЕГО ПАЛЕОЛИТА: ПАНОРАМА ИНДУСТРИЙ ПЕРИОДА ПЕРЕХОДА

Понять, *почему* произошел переход к верхнему палеолиту, не установив предварительно, хотя бы в общих чертах, *как* совершался этот процесс, какова была пространственно-хронологическая динамика изменений, невозможно. Происходило ли становление верхнего палеолита независимо в разных регионах, или первоначально он появился где-то в одном месте, откуда впоследствии культурные новации и/или их носители стали распространяться все шире и шире? Если верно первое, то где находились центры становления, и сколько их было? Если верно второе, то, опять же, где находился центр и какую роль в процессе перехода за его пределами играли такие процессы, как диффузия идей, миграции их носителей и аккумуляция автохтонного населения тех или иных регионов населением пришлым? Все эти проблемы активно обсуждаются на протяжении вот уже многих десятилетий, и по каждой из них, как водится, высказывались разные, подчас взаимоисключающие точки зрения, хорошо известные большинству специалистов. Чтобы оценить степень правдоподобия существующих гипотез, необходимо представлять, что происходило в каждом из обитаемых регионов мира в период, соответствующий концу среднего и началу верхнего палеолита, какие именно изменения претерпевали местные культуры, каковы были масштаб и хронология этих изменений, кто выступал в качестве их проводников. Панорама перехода, которая дается в этой главе, как раз и имеет целью суммировать информацию такого рода, чтобы затем на ее основе попытаться выявить общие закономерности в хронологической и пространственной динамике культурных процессов рассматриваемого периода. Материал анализируется по регионам начиная с Южной Африки и далее с юга на север и с запада на восток. Для регионов, где раннего верхнего палеолита нет и процесс перехода как таковой не прослеживается, анализ ограничивается в основном установлением этого факта. Для регионов, где есть ранний верхний палеолит, обязательным является рассмотрение вопросов о возрасте индустрий периода перехода (*хронология*), об их истоках (*генезис*), об их положении на шкале «идеальный средний палеолит — идеальный верхний палеолит» (*эволюционный статус*) и о видовой принадлежности их носителей (*антропология*).

5.1. Южная Африка

В предыдущей главе было показано, что, хотя отдельные культурные элементы, характерные для LSA и верхнего палеолита, спорадически встречаются и в среднем палеолите (MSA) Южной Африки, говорить о какой бы то ни было общей

тенденции, о поступательной направленности изменений в течение этой эпохи нет оснований. Более того, индустрии заключительной стадии местного MSA выглядят во многих отношениях (и в целом) гораздо более архаично, чем индустрии предшествующих периодов. Лишь в самых поздних слоях южноафриканского среднего палеолита вновь появляются каменные артефакты с подготовкой для крепления, единичные украшения и формальные костяные орудия, но они относятся уже ко времени перехода к LSA, а, кроме того, в ряде случаев нельзя исключить попадание таких вещей в комплексы MSA из вышележащих отложений.

Полностью сформировавшиеся индустрии LSA, древнейшей из которых считается робберг, распространяются в Южной Африке лишь в финальном плейстоцене. В основном они моложе 16 тл (см. напр.: Wadley 1993: tabl. 1). Их главными отличительными особенностями являются микролитовидность и обилие пластинок, в том числе с притупленным краем. Правда, следует иметь в виду, во-первых, что в это время известны и памятники, где почти нет ни того, ни другого, а во-вторых, что многие микролитовидные комплексы состоят почти исключительно из аморфных кварцитовых сколов и бессистемных ядрищ при полном отсутствии стандартизированных заготовок и орудий (Wadley 1993: 262; Ambrose 2002: 12).

Что касается перехода от MSA к LSA, то сколько-нибудь детально проследить этот процесс пока невозможно, поскольку на большинстве памятников, где есть первый, второго либо нет вообще, либо он очень поздний. Вероятно, это объясняется неблагоприятными (гипераридными) природными условиями в период, соответствующий позднеледниковому максимуму, когда, как считается, население региона сократилось, и многие из традиционных мест обитания были оставлены людьми (Deacon, Thackeray 1984). Аналогичная хронологическая брешь, кстати, имеет место и в других частях Африки, включая резко выделяющийся в культурном плане север континента, где атер и иберомаврикий разделяет ничем не заполненный разрыв продолжительностью в несколько тысяч лет.

Тем не менее на юге Африки все же известен ряд памятников, относящихся к периоду от 40 до 20 тлн, когда должен был происходить переход от местного среднего каменного века к позднему. Их можно разделить на две группы. Первую составляют комплексы, которые, судя по имеющимся, весьма общим, описаниям, не выходят за рамки изменчивости, свойственной MSA, и соответственно трактуются их исследователями как MSA. Древность самых поздних из них, обнаруженных в пещерах Страталан, Аполло 11, Роуз Коттедж и гроте Дрикоппен, определяется РУ датами от 23 до 28 тлн (Opperman, Heydenrych 1990; Wadley 1993), а в пещерах Бумплаас, Сехонгхонг и гроте Сибебе их РУ возраст порядка 30–32 тл (Deacon 1989; Mitchell 1994; Wadley 2001). Вторую группу образуют собственно переходные комплексы, где наряду с чертами, обычными для позднего MSA (леваллуазские и дисковидные нуклеусы, отщепы с фасетированными площадками, острия и остроконечники, скребла), достаточно явственно представлены и элементы, более характерные для LSA (пластинки, скребки, долотовидные изделия, орудия с подготовкой для крепления, формальные костяные орудия, украшения). Еще недавно такие материалы часто описывали как «ранний LSA», но сейчас этот термин почти вышел из употребления, поскольку не получил сколько-нибудь четкого определения и в итоге стал просто все включающей категорией для комплексов, которые нельзя было определить ни как настоящий MSA, ни как собственно LSA. По мнению многих археологов, работающих в Южной Африке, термина «ранний LSA» лучше просто избегать, нежели пытаться его переопределить, поскольку по-

следнее лишь поведет к дополнительной путанице (Mitchell 1994: 23; Clark 1997: 119).

Наиболее представительные и притом относительно надежно датированные переходные комплексы происходят из пещер Бордер, Уайт Пэйнтингс, Роуз Коттедж, Сехонгхонг и Умхлатузана. К сожалению, материалы большинства этих памятников описаны очень кратко, и даже в тех немногих случаях, когда имеются пространственные публикации, некоторые важные для характеристики индустрий параметры оказываются обойденными вниманием авторов. Затрудняет их понимание и то обстоятельство, что типология каменных артефактов LSA остается слабо разработанной, а типологические термины используются в некоторых публикациях настолько своеобразно, что понять, о чем идет речь, можно лишь при наличии хороших иллюстраций¹, но таковые — большая редкость. В табл. 5.1.1 суммированы те характеристики перечисленных выше переходных индустрий, о которых можно получить более или менее ясное представление из литературы. Таблица, однако, показывает лишь присутствие или отсутствие тех или иных элементов, не отражая их количественной динамики, увеличения или уменьшения их роли, и поэтому к ней необходимы комментарии.

Таблица 5.1.1. Некоторые характеристики индустрий финала MSA и периода перехода от MSA к LSA

1 — леваллуазские и радиальные нуклеусы, 2 — MSA типы (скребла, остря, остроконечники), 3 — пластинки, 4 — LSA типы (скребки, долотовидные, резцы), 5 — каменные орудия с подготовкой для крепления, 6 — формальные костяные орудия, 7 — символизм («+» — наличие, «-» — отсутствие, «?» — данных нет).

Памятник, слой	Даты*	1	2	3	4	5	6	7	Источник
Роуз Коттедж, G	>15, <20	-	+	+	+	+	-	-	Clark 1997, 1999
Роуз Коттедж, G2	19-21 (2)	+	+	+	+	+	-	-	
Роуз Коттедж, Ru	26-29 (4)	+	+	+	+	+	-	-	
Сехонгхонг, OS	20	-	-	+	+	-	-	-	Mitchell 1994
Сехонгхонг, MOS	20-21 (2)	-	-	+	+	-	+	-	
Сехонгхонг, RFS	25-26 (2)	+	+	+	-	-	-	-	
Умхлатузана, 15	27-28 (1)	?	+	+	?	+	-	-	Kaplan 1989, 1990
Умхлатузана, 16		?	+	+	?	+	-	-	
Умхлатузана, 17	28-32 (1)	?	+	+	?	+	-	-	
Умхлатузана, 18	35-36 (2)	?	+	+	?	+	-	-	
Умхлатузана, 19		?	+	+	?	+	-	-	
Умхлатузана, 20	34-42 (5)	?	+	+	?	+	-	-	
Умхлатузана, 21	37-38 (1)	?	+	+	?	+	-	-	Beaumont et al. 1978
Бордер, 1BS.LR/1WA	35-40	+	?	?	?	?	+	+	
Уайт Пэйнтингс, 3b-5	26-35 (7)	-	?	+	+	+	?	+	Robbins et al. 2000
Уайт Пэйнтингс, 6-7a	35->41 (4)	-	?	+	+	+	+	-	
Уайт Пэйнтингс, 7b-8		+	?	+	+	?	-	-	
Уайт Пэйнтингс, 9-11	> 50 (4), 38 (1)	+	+	+	+	-	-	-	

* Все РУ, исключая Уайт Пэйнтингс, 9-11 (все ОСЛ), Уайт Пэйнтингс, 6-7a (две из четырех дат ОСЛ) и Бордер (см. табл. 4.2). В скобках указано количество дат.

Как видно из таблицы, формальные костяные орудия и украшения появляются

¹ Например, А. Кларк ссылается на ножи из Роуз Коттедж как на тип, характерный для MSA, считая их присутствие в слоях G и G2 архаичным признаком. На самом же деле, судя по рисунку, в ножи зачислены совершенно разные вещи, от типичных двойных скребел (Clark 1997: fig. 8.1) до многочисленных пластинок и микропластинок с ретушью, в том числе с притупленным краем (Clark 1997: fig. 8.2-6), которые с MSA ничего общего не имеют.

ся уже на ранней стадии перехода, не позже, чем 35 тлн. Из слоя 7а пещеры Уайт Пэйнтингс происходят фрагменты десяти костяных изделий, включая наконечники и зубчатые гарпуны, причем на одном из наконечников имеется 36 насечек то ли функционального, то ли символического назначения. Более красноречивых свидетельств символизма в этом слое нет, но в вышележащих отложениях встречены фрагменты заготовок бусин из скорлупы страусиных яиц с прямыми РУ датами порядка 30–32 тлн. В слоях 1BS.LR и 1WA пещеры Бордер, наряду с костяным шлифованным наконечником, тоже найдены бусы из скорлупы страусиных яиц и просверленный камень. Однако в более поздних комплексах, относящихся к периоду примерно от 30 до 21 тлн, ни орудия из кости, ни свидетельства символизма пока не встречены, несмотря на довольно хорошую сохранность органики на всех включенных в таблицу памятниках². Неизвестны вещи такого рода и на других памятниках этого периода (обзор см. в Wadley 1993: 273–277), исключая, возможно, Аполло 11 (см. 4.1). Лишь около 21 тлн, судя по находкам в Сехонгхонге, Бумплаасе и Нельсон Бэй, в Южной Африке вновь начинается распространение бус, шлифованных костяных орудий и тому подобных изделий.

Пластинки наличествуют почти во всех комплексах³, включая те, что принято рассматривать как финальный MSA (Уайт Пэйнтингс, сл. 9–11, Умхлатузана, сл. 19–21, Роуз Коттедж, сл. Ru), но их роль со временем постепенно возрастает, что четко прослеживается на материалах всех многослойных памятников, для которых есть соответствующая информация (Умхлатузана, Сехонгхонг, Роуз Коттедж). В слоях возрастом до 25 тл пластины весьма редки и составляют не больше (а порой много меньше) 3% всех сколов, а затем их процентная доля возрастает, достигая, например, в слое G Роуз Коттедж 14%. Аналогичным образом изменяется и частота нуклеусов для пластинок, к числу которых южноафриканские археологи относят и *pièces esquillées*, именуя их при этом биполярными нуклеусами.

Типичные для MSA нуклеусы и орудия, равно как и сколы с фасетированными площадками, встречаются на протяжении долгого времени, но число их постепенно уменьшается. Высказывалось предположение, что наличие таких вещей в некоторых комплексах LSA (в частности, в Умхлатузана и Роуз Коттедж) может объясняться не сохранением старых технологий, а просто тем, что люди находили эти вещи и приносили их на свои стоянки, иногда перерабатывая затем в другие изделия, а иногда сохраняя в первозданном виде (Kaplan 1990: 78–79).

В целом, таким образом, материалы памятников рассматриваемого периода демонстрируют медленные и постепенные изменения. Имеющиеся археологические и хронологические данные говорят о том, что переход от MSA к LSA в Южной Африке произошел позже и совершался дольше, чем переход от среднего к верхнему палеолиту в Европе и Азии. Судя по всему, апогея своего этот процесс достиг в начале КИС 2, т. е. в период последнего ледникового максимума, когда окончательно исчезают индустрии, характеризующиеся преобладанием черт, типичных для MSA, а культурные элементы, связываемые с LSA, получают, напротив, широкое распространение (превращаются из аномалии в норму).

Единственной антропологической находкой в Южной Африке, которую с доста-

²Правда, ни в Бордер, ни в Уайт Пэйнтингс материалов этого периода нет вообще, но зато они есть в Умхлатузана, Сехонгхонге и Роуз Коттедж.

³Единственным исключением является, возможно, Бордер, где, по словам С. Эмброуза, представлены «скорее очень мелкие отщепы, нежели пластины и пластинки, а изделия с притупленным краем, как и другие формальные орудия, по существу отсутствуют вообще» (Ambrose 2002: 10).

точной степенью уверенности можно отнести к периоду перехода от MSA к LSA, является череп человека современного анатомического типа из Хофмейра (Восточная Капская провинция). Комбинированное ОСЛ/ТУ датирование, проведенное по заполнению его мозговой полости, указывает на возраст в интервале от 33 до 40 тлн. В морфологическом плане эта находка являет больше сходства с черепами верхнепалеолитического времени из Евразии, нежели с более поздними африканскими материалами (Grine et al. 2007).

5.2. Центральная и Западная Африка

Стратифицированных памятников со сколько-нибудь достоверно датированными отложениями рассматриваемого здесь периода в регионе пока очень мало. На крайней северо-западной его оконечности, на территории Мали в районе плато Догон, граничащего с Сахарой, в течение ряда лет исследуется многослойная стоянка Унжугу, где выявлен ряд слоев с материалами среднего палеолита (Robert et al. 2003). Согласно ОСЛ датам их возраст от 70 до 22 тл. В качестве сырья использовались небольшие кварцевые гальки или кварцитовый песчаник. Отмечается, что некоторые индустрии, существовавшие ранее 30 тлн и включавшие выразительный леваллуазский компонент, вполне сопоставимы по своему характеру со средним палеолитом Западной Европы. Учитывая географическое положение памятника, это не удивительно: ведь мустьерские индустрии существовали в соседней Северной Африке. После 30 тлн в Унжугу их сменяют нелеваллуазские комплексы с орудиями, которых не было на предыдущих стадиях, включая крупные листовидные бифасы, небольшие бифасиальные острия и даже кливеры архаичного облика. После 22 тлн в заселении наступает перерыв вплоть до начала голоцена.

О долгом, вплоть до начала КИС 2, существовании среднепалеолитических традиций на севере Западной Африки и последовавшем затем перерыве в обитании свидетельствуют и результаты изучения многослойной стоянки Бирими в Гане. Здесь для отложений, содержащих материалы, относимые к MSA, получены ОСЛ даты от 23.6 ± 2.9 до 40.8 ± 11.8 тлн (в правильной последовательности), а залегающий выше LSA (с керамикой) относится уже к голоцену (Quickert et al. 2003). К сожалению, о характере археологических находок не сообщается ничего, кроме того, что среди них нет крупных ланцетовидных бифасов, характерных для MSA Центральной Африки, а именно для лупембана.

Для юга Западной Африки и обширной центральной части континента имеются, как полагают некоторые авторы (Mercader, Brooks 2001: 212; Cornelissen 2002), свидетельства сосуществования MSA (представлен, прежде всего, лупембаном) с ранними памятниками LSA. Однако так это или нет, судить крайне трудно. Несмотря на интенсификацию в последние годы исследований в этом регионе, вопрос о характере, возрасте и соотношении местных индустрий позднего плейстоцена остается крайне запутанным. Даже для отдельных комплексов сангоана, с его, казалось бы, прочно установленной позицией на рубеже ESA и MSA, иногда постулируется финальноплейстоценовый возраст. Что же касается других выделяемых в Центральной Африке традиций, таких как лупембан, бамбатан, чангулан, читолий и кварцитовая микроиндустрия, то с их хронологией дело обстоит и того хуже. Вообще необходима, по-видимому, полная ревизия как самих этих материалов, так и используемого для их описания понятийно-терминологического аппарата.

По мнению Э. Корнелиссена, все центральноафриканские памятники конца плейстоцена можно разделить на две группы, которые он рассматривает как частично перекрывающиеся во времени «культурные или технологические традиции». Одна из них — это лупембан. Вторая — микролитовидная индустрия на кварцитах (Cornelissen 2002: 208). Лупембан, по Корнелисену, вырастает из сангоана и в самом конце плейстоцена эволюционирует в читолий (ibid.: 211). Проблема, однако, в том, что и на юге, и на севере Африки те комплексы лупембана, для которых есть более или менее надежные определения абсолютного возраста (Твин Риверс, Каламбо Фоллиз, Сай Айленд), относятся к концу среднего и началу позднего плейстоцена (Clark, Brown 2001; Varham 2002; Van Peer 2004: 218), а все РУ даты, как следует из их обзора самим Корнелисеном (Cornelissen 2002: 211–214), либо являются открытыми, либо получены по образцам, связь которых с лупембаном сомнительна. Кварцитовые микролитовидные индустрии, напротив, в большинстве своем явно моложе 40 тл, но при этом долгое время они практически лишены тех черт, которые отличают LSA от MSA. В них нет или почти нет пластинок и микропластинок, среди вещей с вторичной обработкой трудно выделить какие-либо устойчивые формы, очень редки геометрические орудия и изделия с притупленным краем, орудия из кости и украшения также отсутствуют. Не случайно те комплексы грота Матупи (Конго), для которых была получена дата 40 тлн и которые раньше считали древнейшими индустриями LSA в Центральной Африке (Ван Нотен 1988), сейчас относят к MSA. Эта

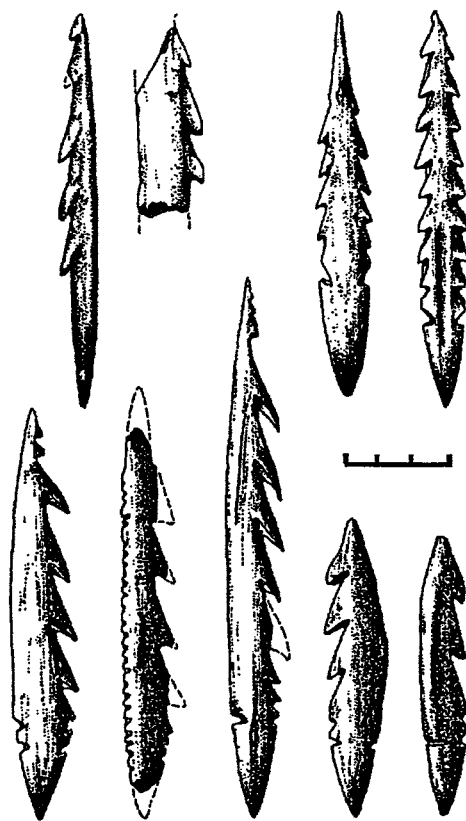

Рис. 5.2.1. Костяные гарпуны со стоянки Ишанго (по Yellen 1998).

переоценка сделана на том основании, что в них нет ни нуклеусов для микропластинок, ни изделий с притупленным краем, а микролитовидность инвентаря сама по себе вряд ли может служить в данном случае достаточным критерием (McBreathy, Brooks 2000: 490; Mercader, Brooks 2001: 212). Близкий характер имеют материалы грота Шум Лака в Камеруне (Lavachery et al. 1996: 201–202; Cornelissen 2003), открытой стоянки Нжуинье в той же стране и ряда других центральноафриканских памятников с датами примерно от 40 до 20 тлн.

Интересно, что и каменная индустрия основного слоя стоянки Ишанго (Заир), давшего серию совершенных костяных гарпунов (рис. 5.2.1) и имеющего возраст 21–25 тл, не содержит абсолютно никаких элементов LSA. Она состоит в основном из отщепов неправильной формы и обломков, и в ней нет ни стандартизированных изделий, ни даже микролитов (Ван Нотен 1988: 42; Vermeersch 1992: 112).

Подводя итог, можно заключить, что те немногие западно- и центральноафриканские индустрии, которые сейчас можно более или менее уверенно датировать временем, соответствующим периоду перехода от MSA к LSA, демонстрируют весьма невысокую степень дифференциации каменного инвентаря и отсутствие сложных технологий, нацеленных на получение стандартизированных изделий. В целом они выглядят менее развитыми, чем синхронные им индустрии в других частях Африки.

Достоверных антропологических находок рассматриваемого времени в регионе пока неизвестно.

5.3. Восточная Африка

Восточная Африка — совершенно уникальный по своему значению для древнейшей истории человечества район, с которым, если не считать последние 30 тысяч лет, связаны чуть ли не все важнейшие вехи нашей биологической и культурной эволюции. Отсюда происходят не только кости первых гоминид, но и останки самых ранних представителей рода *Homo* и вида *Homo sapiens*. Здесь же найдены самые древние каменные орудия, самые древние ашельские комплексы с рубилами и самые древние свидетельства существования технологий, ориентированных на производство пластин. Наконец, есть основания думать, что именно в этом регионе раньше, чем где бы то ни было еще, начинается средний палеолит (MSA), а впоследствии появляются самые древние индустрии позднего каменного века (LSA).

Древнейшую в мире пластинчатую индустрию дало позднеашельское, по С. Макбрерти, местонахождение GnJh-03, связанное с отложениями формации Каптурин, обнажающимися к западу от озера Баринго в Кении. Рисунков пластин с этого памятника в публикациях почти нет (из работы в работу кочуют изображения одних и тех же пяти предметов), как нет и статистических данных, но упоминается, что в одном случае к нуклеусу (на массивном сколе) удалось подобрать 11 пластин. Скалывание в этом случае велось встречное, возможно, мягким отбойником. Пластины в итоге получались тонкие, прямые, с отношением длины к ширине от 3.4 до 4.2 (McBrearty 1999: 150). Согласно последним калий-аргоновым датировкам, возраст этой индустрии не менее 284 тл (Deino, McBrearty 2002; Tryon, McBrearty 2002). Интересно, что ниже прослая пемзы, для которого была получена эта дата, обнаружено несколько комплексов, отнесенных к MSA (Tryon, McBrearty 2006).

Из других восточноафриканских находок доверхнепалеолитического времени можно отметить костяные орудия и бусины из скорлупы страусиных яиц из Лойян-

галани в Танзании, упоминавшиеся уже в предыдущей главе (см. 4.1). Их возраст определяется единственной пока ОСЛ датой 65 ± 4.4 тлн. Из одного с ними слоя происходит каменная индустрия, относимая к MSA, и многочисленные фаунистические остатки, среди которых значительная часть принадлежит рыбе и водным животным (Thompson et al. 2004). В этой связи интересно отметить, что признаки интенсивной эксплуатации акваторических ресурсов зафиксированы и на двух других африканских памятниках середины MSA, давших столь необычные для своего времени артефакты, как украшения и костяные наконечники или гарпуны, а именно в пещере Бломбос (ЮАР) и на стоянке Катанда (Заир). В пещере Уайт Пэинтингс (Ботсвана) аналогичная картина, т. е. сочетание гарпунов, украшений и останков водной фауны, наблюдается на самой ранней стадии LSA (см. табл. 5.1.1).

Данные о времени и характере культурных изменений, маркирующих начало перехода к LSA в Восточной Африке, получены в основном благодаря исследованию двух гротов: Мумба на севере Танзании и Энкапуне Йя Муто в Кении. Кроме того, интересные материалы предположительно близкого возраста представлены в слоях 15 и 16 открытой стоянки Нтумот (Кения), но, за исключением очень краткой характеристики в одной обобщающей работе (Ambrose 2002: 14), они остаются пока неописанными.

В гроте Мумба переходная индустрия зафиксирована в слое V, для которого имеется несколько РУ дат от 29 до > 37 тлн, ТУ даты от 35 до 65 тлн и АКР дата 52 тлн (Mehlman 1991; d'Errico et al. 2005). Таким образом, этот слой как минимум древнее 35 тл, почти наверняка древнее 40 тл, и, скорее всего, сформировался где-то в интервале от 40 до 50/52 тл (вниз за эти рамки выходит лишь одна из четырех имеющихся ТУ дат). Происходящий из него материал, судя по краткому описанию и многочисленным рисункам (Mehlman 1991), характеризуется смешением MSA и LSA черт. Здесь представлены леваллуазские нуклеусы и сколы, а среди орудий встречено много небольших остроконечников на отщепках и пластинах, обработанных с одной стороны иногда по всей поверхности (такие вещи часто имеют закругленное основание), а иногда лишь по краям (рис. 5.3.1: 14–19). Наряду с этим, в коллекции имеются десятки крупных и несколько микролитовидных сегментов классической формы (рис. 5.3.1: 1–7, 11–13), изготовленных с помощью отвесной ретуши на сечениях пластин посредством создания дугообразного обушка, а также крупные трапеции (рис. 5.3.1: 8–10) и ногтевидные скребки. Есть также изделия, морфологически близкие ножам типа шательперрон (Mehlman 1991: fig. 13, y). Из этого же слоя происходит несколько бусин из скорлупы страусиных яиц. Некоторые авторы, стремясь, по-видимому, доказать отсутствие резких перерывов постепенности развития в каменном веке Африки, определяют данную индустрию как поздний MSA (McBrearty, Brooks 2000: 490), но, как бы мы ее ни называли, факт одновременного появления большого количества новых признаков налицо. Интересная индустрия происходит из нижележащего недатированного слоя VIA, который в публикации Мельмана рассматривается как MSA. Здесь, наряду с классическими леваллуазскими отщепками, а также односторонними и бифасиальными остроконечниками, встречены изделия с резцовыми сколами (многофасеточные резцы), и целая серия скребков (в основном на отщепках), в том числе и вполне ориньякские формы (рис. 5.3.1: 20–23). Следует отметить также, что некоторые вещи, найденные в этом слое, сделаны из обсидиана, происходящего из источника, удаленного от памятника на 320 км (McBrearty, Brooks 2000: 515).

В Энкапуне Йя Муто (Ambrose 1998) для слоя DBL1 с бусами из скорлупы (най-

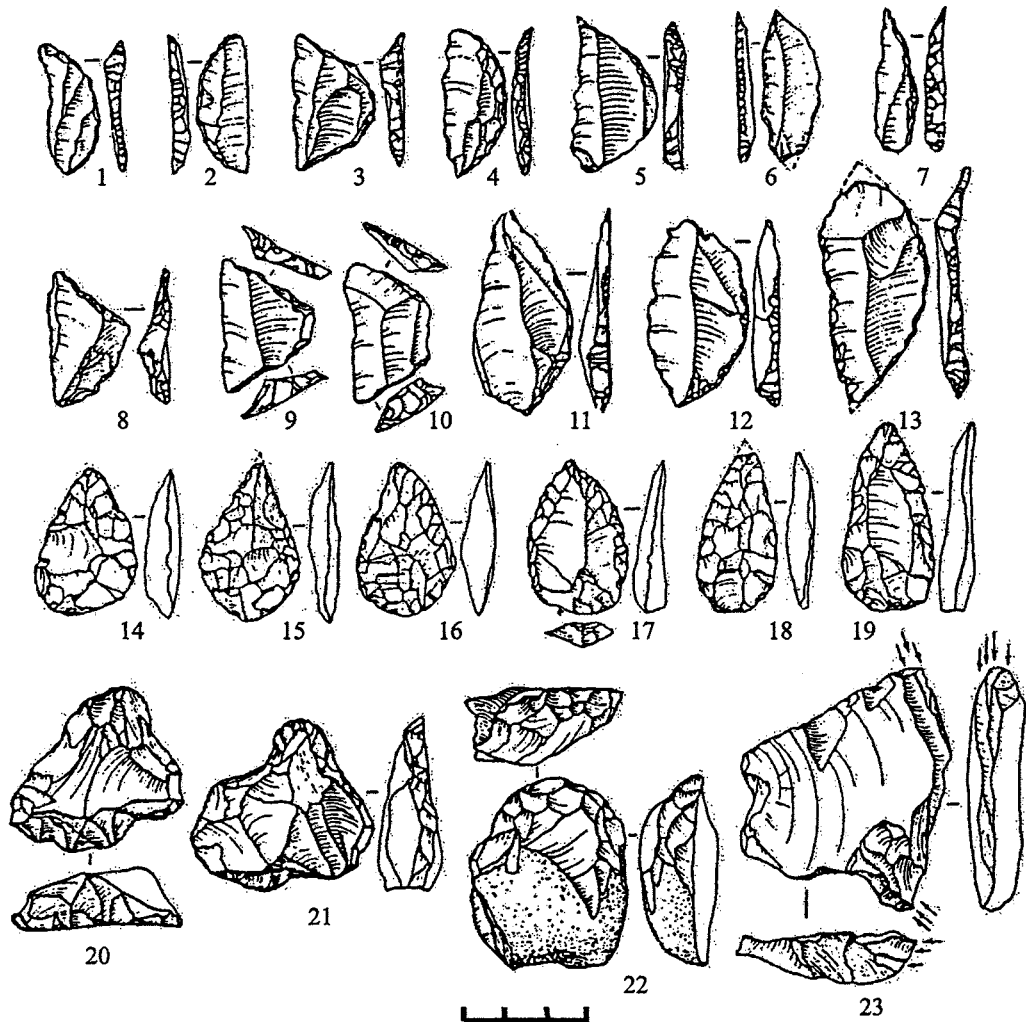

Рис. 5.3.1. Сегменты и трапеции (1-13), наконечники (14-19), скребки (20-22) и резец (23) из слоев V (1-19) и VIA (20-23) грота Мумба (по Mehlman 1991).

дено 13 целых бусин и 12 перфорированных заготовок), ногтевидными скребками, долотовидными изделиями, мелкими частично бифасиальными ножами (типа микокских, но меньше по размеру) и пластинками с притупленным дугообразным краем из обсидиана (рис. 5.3.2: 1-13) имеется пять РУ дат. Из них две рассматриваются как заведомо омоложенные, а три остальные указывают на возраст от 35 до 40 тлн. Интересно, что две из этих трех дат получены по внутренней и наружной поверхностям одного и того же фрагмента скорлупы, причем дата по материалу с внутренней стороны, менее подверженной контаминации, оказалась, как и следовало ожидать, несколько более древней (39.9 против 37 тлн). В нескольких нижележащих слоях обнаружена обсидиановая индустрия с геометрическими микролитами, крупными пластинами с дугообразным обушком и немногочисленными резцами и скребками

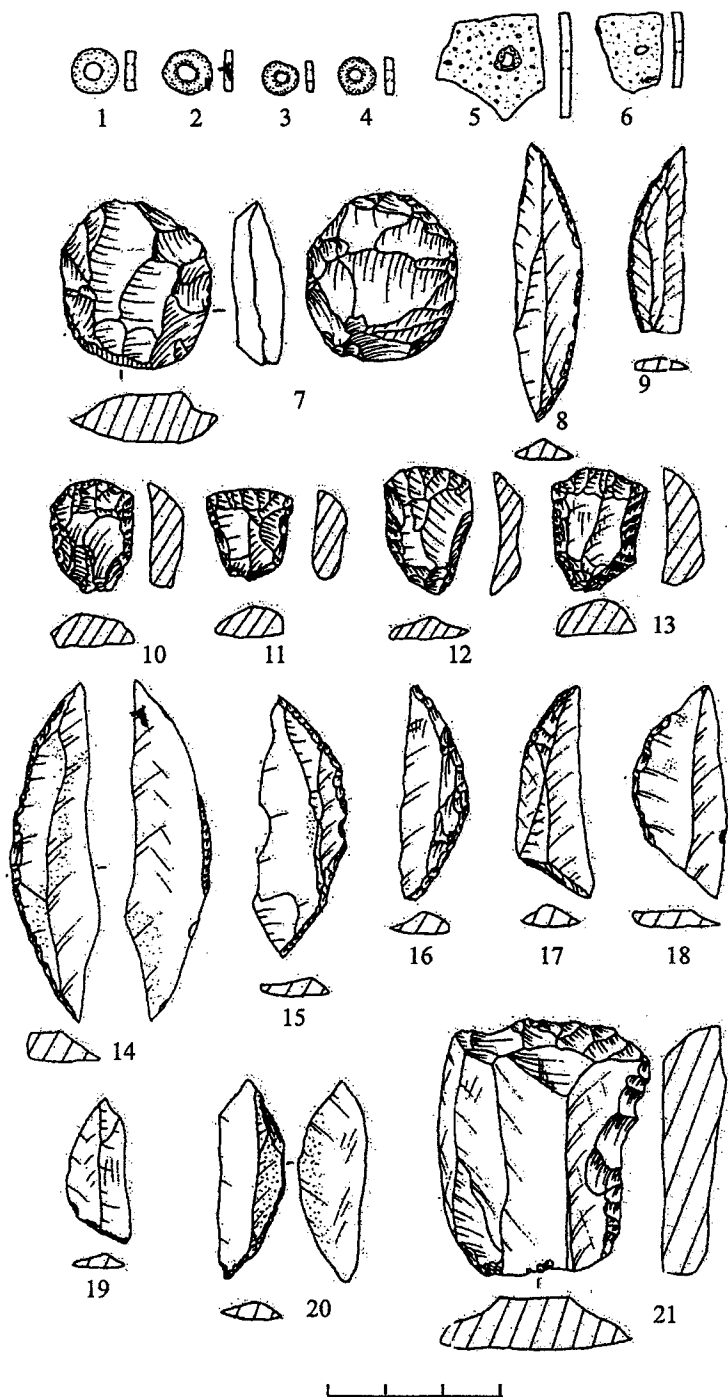

Рис. 5.3.2. Бусины и заготовки бусин из скорлупы страусиных яиц (1-6), скребки (7, 10-13, 21) и пластины с дугообразным притупленным краем из слоев DBL1 (1-13) и GG (14-21) грота Энкапуне Йя Муто (по Ambrose 1998).

(рис. 5.3.2: 14–21), для которой на основании даты по гидрации обсидиана и расчетов путем экстраполяции темпов осадконакопления постулируется возраст 50 тл. Насколько правомерно такое предположение, могут показать лишь новые исследования (для подстилающего слоя MSA с несколькими сегментами имеется РУ дата 41.4 ± 0.7 тлн), но, во всяком случае, ясно, что вполне сформировавшиеся комплексы LSA появились здесь не позже 40 тлн.

Если об индустриях, существовавших в Восточной Африке на рубеже MSA и LSA, можно составить сравнительно целостное представление, то о более поздних стадиях процесса перехода почти ничего определенного сказать нельзя. Для периода от 35 до 20 тлн в этом регионе, отнюдь не обделенном вниманием археологов, пока не выявлено представительных памятников, а те материалы, что есть, остаются в основном неопубликованными (если не считать кратких сообщений). Интересно, что, согласно наблюдениям некоторых авторов, микролиты с притупленным краем в этих материалах, в отличие от более ранних, очень редки или вообще отсутствуют (Ambrose 2002: 16). Кроме того, судя по находкам из грота Кисесе 2 и слоев 6–7 грота Насера (оба в Танзании), имеющим РУ даты, соответственно, 31 тлн и 22–26 тлн, их обитатели еще продолжали использовать типичные для MSA нуклеусы. В то же время производство бус из скорлупы приобрело массовый характер, а в каменном инвентаре Насеры появились и торцово-клиновидные нуклеусы для микропластинок (Mehlman 1991: fig. 10).

5.4. Аравийский полуостров

Более чем вероятно, что среди многочисленных средне- и верхнепалеолитических памятников этого региона (Амирханов 1991, 2006; Petralgia, Alsharekh 2003) есть такие, которые относятся к периоду перехода, но выделить их крайне трудно, поскольку практически ни для одного комплекса нет сколько-нибудь надежных определений возраста. Последнее обстоятельство объясняется, прежде всего, спецификой геоморфологических и тафономических условий на большей части территории Аравии, где процессы денудации преобладают над процессами аккумуляции отложений, а органические остатки, включая кость, как правило, не сохраняются долго даже в погребенном состоянии. Исходя из технико-типологических характеристик каменного инвентаря, можно предполагать, что коллекция В местонахождения Аль-Габр II и коллекция Б местонахождения Хаджарейн на юге полуострова (вади Хадрамаут) датируются ранней порой верхнего палеолита (Амирханов 1991: 311), но речь в данном случае идет о подъемных материалах, и их гомогенность далеко не очевидна. Кроме того, и эти, и большинство других коллекций рассматриваемого периода, насколько можно судить по публикациям, лишены оригинальных, самобытных черт, которые позволили бы пойти дальше самых общих суждений при сопоставлении их с индустриями сопредельных регионов и рассмотрении вопроса об их возможном генезисе. Таким образом, пока приходится констатировать почти полное отсутствие данных, могущих пролить свет на проблемы хронологии и истоков местного верхнего палеолита.

Памятники среднего палеолита, как и верхнепалеолитические, тоже не имеют надежной привязки к временной шкале, но, тем не менее, среди них есть, по крайней мере, два комплекса, которые, благодаря своему типологическому своеобразию, находят вполне определенные аналогии вне Аравии. Они важны для выявления

возможных путей миграций людей за пределы Африки в период перехода и/или непосредственно предшествовавшую ему эпоху.

Одно из местонахождений на юго-западной окраине пустыни Руб аль Хали да-ло материал, несомненно, относящийся к атеру (McClure 1994). На площади около 100 м² было собрано 300 изделий, среди которых преобладают односторонне об-работанные наконечники с черешком (рис. 5.4.1: 1, 2, 14, 17), а также скребки с черешком и без (рис. 5.4.1: 8-13, 15, 16), листовидные бифасы (рис. 5.4.2: 3-7) и

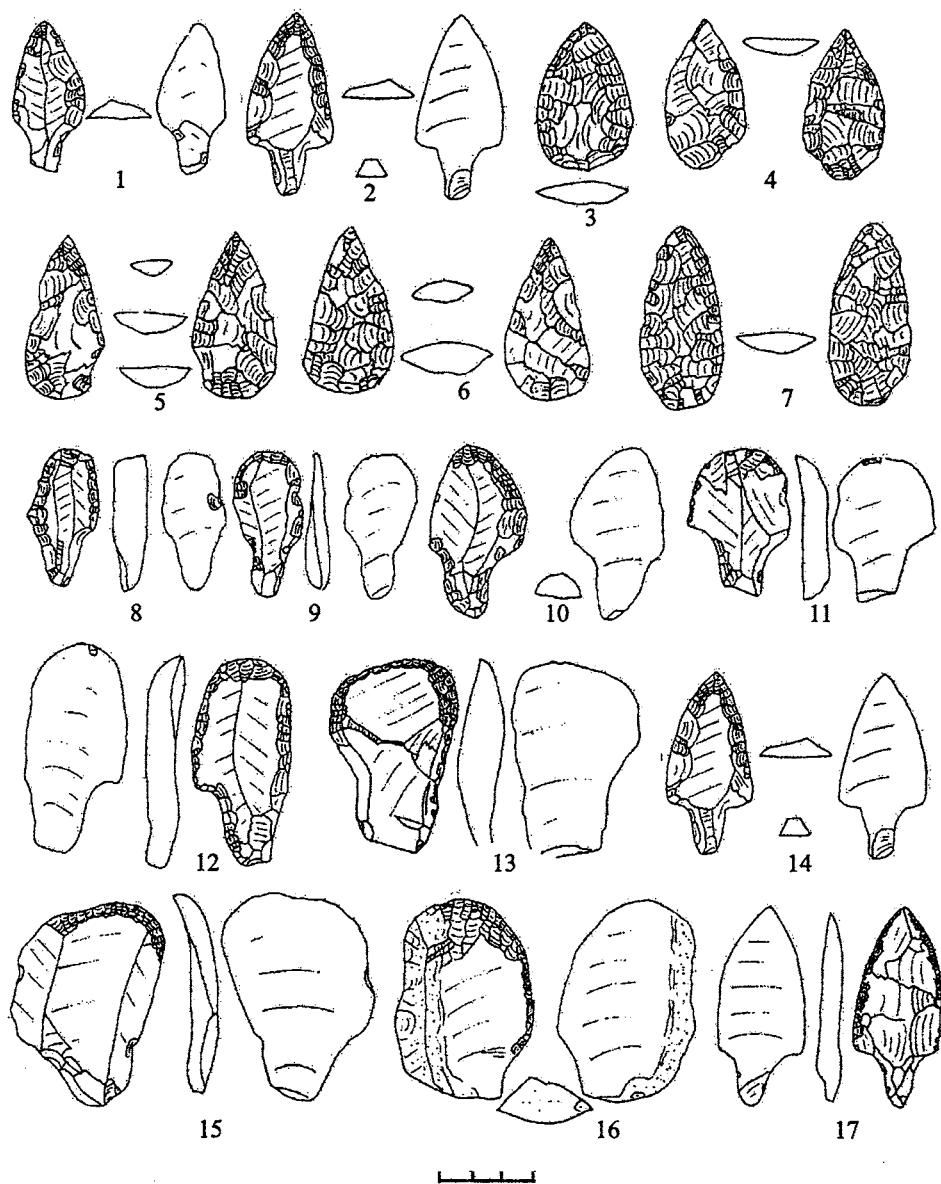

Рис. 5.4.1. Атер Аравийского п-ва. Наконечники с черешком (1, 2, 14, 17), скребки с черешком и без (8-13, 15, 16) и листовидные бифасы (3-7) с местонахождения в пустыне Руб аль Хали, (по McClure 1994).

зубчатые изделия. Все вещи изготовлены из одного вида кремня. К сожалению, среди них нет ни нуклеусов, ни даже просто сколов без ретуши, но опубликованные орудия не оставляют сомнений в том, что этот материал полностью идентичен североафриканскому атеру, от ближайшего памятника которого его отделяет расстояние около полутора тысяч километров (в Северной Африке атер неизвестен к востоку от Нила). Нельзя не обратить внимание на то обстоятельство, что на юге Аравии это не единственный комплекс, где есть орудия с черешком и бифасиальные формы. И первые и, в меньшей степени, вторые представлены в среднепалеолитической «индустрии Б» местонахождения Аль-Габр I в Западном Хадрамауте (Амирханов 1991: 220–232). Наличие столь явных параллелей между каменными индустриями, существовавшими в расположенных на одной широте пустынях Северной Африки и Аравии, может объясняться только миграцией носителей атерских традиций в восточном направлении. Очень трудно представить, чтобы орудийные наборы совершенно одинакового состава и притом включающие морфологически полностью идентичные формы таких специфических типов изделий, как наконечники с черешком, скребки с черешком и листовидные бифасы, появились в результате конвергенции, сходной направленности адаптаций в сходных условиях существования. Отсутствие каких бы то ни было следов атера между Нилом и Красным морем заставляет предполагать, что миграция была разовой, скоротечной и, видимо, не очень масштабной, но все же она была, и, следовательно, атер нельзя уже считать исключительно североафриканской индустрией. Что касается возраста аравийского атера, то, по мнению Х. Макклюра, описанный им материал, скорее всего, относится к периоду от 20 до 35 тлн, поскольку в это время, судя по РУ датам для палеозерных отложений, в районе местонахождения существовали сравнительно влажные условия (McClure 1994: 3).

В Южном Омане на местонахождении Бир Хасфа собрана небольшая коллекция орудий из кремнистой породы, представленных в основном скреблами на сколах отделки бифасов и самими бифасами, в т. ч. листовидной формы. Есть также двусторонние нуклеусы радиального скалывания. По мнению исследователя этого памятника, он может датироваться одним из относительно влажных периодов в рамках или на рубеже верхнего плейстоцена (5e, 5d, или 3), поскольку в остальное время условия в регионе были слишком засушливыми для человека. Предполагается, что наиболее вероятным источником этой индустрии была Восточная Африка, так как в других соседних регионах (Ближний Восток, Загрос) бифасиальные орудия в среднем палеолите неизвестны (Rose 2004a).

Антропологических материалов рассматриваемого периода в регионе пока нет.

5.5. Южная Азия

К сожалению, о среднем и верхнем палеолите Южной Азии, которые здесь часто называют также средним и поздним каменным веком, известно очень немного. Результаты полевых исследований публикуются крайне редко (по крайней мере, в доступных за пределами региона изданиях) и к тому же, как правило, не слишком квалифицированно, обобщающие же работы единичны (Kennedy 1999; Misra 2001, 2001a; James, Petralgia 2005) и не содержат сколько-нибудь развернутых характеристик археологического материала. По сути дела, самой информативной и профессионально выполненной сводкой данных по археологии каменного века Ин-

дии и Пакистана по сей день остается вышедшая более трети века назад книга П. И. Борисковского (Борисковский, 1971).

Сколько-нибудь надежных данных по хронологии памятников позднего плейстоцена почти нет. Немногочисленные РУ и ТЛ даты, полученные еще в 80-е годы прошлого века для ряда местонахождений в Раджастанхана, Махараштре и Мадхья Прадеше указывают, по мнению В. Мишры, на то, что верхний палеолит в Индии имеет возраст от 30 до 10 тл (Misra 2001a: 498). Судя по этим датам, а также по скудным описаниям археологических материалов и немногочисленным рисункам, на протяжении большей части периода, соответствующего переходу к верхнему палеолиту, в регионе, по-видимому, продолжали существовать среднепалеолитические индустрии. Технологически относительно простые и типологически слабо дифференцированные, они, как кажется, гораздо ближе к синхронным им индустриям Восточной Азии, чем к среднему палеолиту более западных и северных районов, и, как не раз отмечалось, не являются мустьерскими (Борисковский 1971: 83–89; Вишняцкий 1996: 170; Ранов, Лаухин 2000: 60). На смену им в конце КИС 3 или начале КИС 2 приходит сразу поздний палеолит с микролитами и орудиями геометрических форм. Микролитовидная индустрия из пещеры Фа Хьен на Цейлоне, где были найдены также древнейшие в регионе скелетные останки *Homo sapiens*, имеет дату 33 тлн (Kennedy 1999: 172), а около 28 тлн здесь и в расположенной неподалеку пещере Батадомба Лена появляются геометрические микролиты (Kennedy 1999: 182; James, Petralgia 2005: 12–13). На последнем памятнике им сопутствуют бусы из скорлупы страусиных яиц, являющиеся древнейшим достоверным свидетельством символизма, известным в регионе.

В последнее время в связи со все более широким распространением гипотезы, согласно которой первая и, возможно, единственная крупная миграция *Homo sapiens* за пределы Африки состоялась 60–65 тлн и проходила через прибрежные районы Южной и Восточной Азии (см. 2.3), часто высказывается предположение, что ее археологические следы находятся на морском дне (Field, Lahr 2005: 4; Field et al. 2007: 12). Трудно сказать, удастся ли когда-либо проверить эту идею, но она кажется вполне правдоподобной. Уровень мирового океана сейчас значительно выше, чем он был в конце КИС 4 и начале КИС 3, и стоянки, располагавшиеся в литоральной зоне, вполне могли оказаться впоследствии затопленными.

5.6. Восточная и Юго-Восточная Азия

Судя по археологическим данным, в этом регионе вплоть до заключительного этапа плейстоцена изменения в культуре происходили гораздо медленней, чем в Западной Азии, Африке и Европе. По своим технико-типологическим характеристикам большинство индустрий рассматриваемого в этой работе периода должно быть отнесено, несмотря на возраст, скорее еще к нижнему, чем к среднему или, тем более, верхнему палеолиту. Наличие на некоторых памятниках среднего и первой половины верхнего плейстоцена немногочисленных или вовсе единичных изделий, морфологически близких сколам леваллуа или мустьерским остроконечникам (см. напр. Zhonglang 1992), общей картины не меняет. Высказанное недавно предложение делить весь палеолит Китая на ранний и поздний, относя к первой стадии и индустрии, хронологически эквивалентные среднему и раннему верхнему палеолиту (Gao, Norton 2002), кажется вполне справедливым. По-видимому, его можно распространить

на всю Восточную и Юго-Восточную Азию. Фактически, эпоха нижнего палеолита заканчивается здесь лишь на рубеже КИС 3 и 2, около 25 тлн, причем сменяется она не средним и даже не верхним, а сразу поздним палеолитом, представленным комплексами с микролитическим инвентарем.

На территории Китая вплоть до позднего верхнего плейстоцена первичное раскалывание оставалось весьма простым и ситуационным, т. е. осуществлялось не в соответствии с какой-то заранее избранной стратегией, а в зависимости от морфологии исходного предмета расщепления, следуя по пути наименьшего сопротивления. На нуклеусах нет следов систематической подготовки площадок или рабочих поверхностей, а сколы обычно имеют неправильную форму и маленькие размеры. Ретушь, как правило, не играет формообразующей роли, и изделия с интенсивной вторичной обработкой очень редки. Первые свидетельства подготовки нуклеусов, применения мягкого отбойника и существования пластинчатых технологий относятся к рубежу КИС 3 и 2 и зафиксированы на таких памятниках, как Шуйдунгоу, Шайси, Циашуань и ряде других, где для соответствующих комплексов получены РУ даты 23–27 тлн⁴. В это же время или чуть позже появляются микропластинки и нуклеусы для их получения, а также происходит увеличение типологического разнообразия каменных индустрий, сопровождаемое распространением таких орудий, как скребки, резцы проколки и т. п. (Gao, Norton 2002; Tang 2000). Изменениям в технологии обработки камня сопутствуют и изменения в технологии обработки органических материалов, что, в частности, находит выражение в появлении формальных костяных орудий. Древнейшие в регионе изделия такого рода, имеющие возраст около 27 тл, происходят из Верхней пещеры Чжоукоудяня, (Gao, Norton 2002). Свидетельства символизма появляются лишь в самом конце палеолита (Bednarick 1995; Keates 1997), причем и в памятниках этого времени они встречаются крайне редко (подвески/бусы из зубов и раковин в погребении Верхней пещеры Чжоукоудяня, фрагмент рога благородного оленя с гравировкой из пещеры Лонггу в провинции Хэбэй).

На Корейском полуострове ни среднего, ни верхнего палеолита, судя по всему, тоже нет, а есть лишь нижний и поздний палеолит. В период перехода и ранней поры верхнего палеолита здесь продолжали существовать галечные индустрии с чопперами и невыразительными орудиями на отщепках (Ли Хонджон 2003), в общем, практически не отличающиеся от материалов предшествующего периода.

Аналогичная картина наблюдается на территории Вьетнама (Анисюткин 2002), а также других стран Индокитайского полуострова. Типична она и для островной части Юго-Восточной Азии. На юге Таиланда галечные орудия и отщепы встречены в гроте Ланг Ронгриен и пещере Моу Хью. В первом случае они (всего 36 артефактов) залегали в слоях с датами 27–>37 тлн, и во втором могут иметь примерно такой же возраст, поскольку для перекрывающих отложений получена дата порядка 26 тл.

⁴Индустрия стоянки Шуйдунгоу, которую Ф. Борд определял как «развитое мустье» (Bordes 1968: 129–130), рассматривается теперь как ранневерхнепалеолитическая (Brantingham et al. 2001, 2004). Судя по опубликованным описаниям и немногочисленным рисункам, все нуклеусы здесь плоские, орудий верхнепалеолитических типов немного, площадки сколов в основном фасетированные. Индекс СП-ВП не выше –2. Тем не менее все девять новых РУ дат, полученных по древесному углю из очагов, укладываются в интервал от 24 до 29 тлн, а семь из них в интервал от 25 до 27 тлн. (Madsen et al. 2001). Авторы последних публикаций находят сходство между ранним верхним палеолитом Гоби и Южной Сибири, с одной стороны, и Шуйдунгоу — с другой, и оценивают последнюю как «самый поздний ранневерхнепалеолитический комплекс, известный в Евразии» (*ibid.*: 715).

Эта дата, кстати, определяет возраст погребения, где обнаружен хорошо сохранившийся скелет, по всем параметрам близкий скелетам ранних обитателей Австралии (Matsumura, Pookajorn 2005). Индустрия, связанная с погребением, отличается от находок из нижележащего слоя, главным образом, по сырью. В Кота Тампан на Малайском полуострове есть как будто находки старше 30 тл, а на острове Сулавеси в пещере Леанг Бурунг для слоя с индустрией отщепов имеется дата порядка 30 тлн. Аналогичная, судя по имеющимся кратким описаниям, индустрия предположительно такого же возраста представлена и в филиппинской пещере Табон (Pawlik, Ronquillo 2003), более известной палеоантропологическими находками (см. главу 2). В пещере Лене Хара на востоке острова Тимор древнейшие следы обитания человека (индустрия, базирующаяся на небольших отщепах, подобная тем, что характерны для ранних комплексов Северной Австралии) зафиксированы в слоях, имеющих возраст от 30 до 35 тл (O'Connor et al. 2002).

5.7. Австралия

Заселение людьми Сахула, т. е. Австралии и составлявших с ней в середине позднего плейстоцена единое целое территорий Новой Гвинеи, Тасмании и еще ряда теперешних островов, приходится, судя по имеющимся сейчас данным, как раз на период, соответствующий концу среднего и началу верхнего палеолита. Правда, в 90-е годы прошлого века в результате широкого проникновения в археологию методов ОСЛ и ТЛ датирования одно за другим стали появляться сообщения об удревнении возраста отдельных памятников до 60 тл (Roberts et al. 1994; Chappell et al. 1996) и даже за 100 тл (Fullagar et al. 1996), но последующий анализ показал, что во всех без исключения подобных случаях имели место ошибки в интерпретации данных и в соотношении датированных образцов с археологическими находками (O'Connell, Allen 1998).

Скорее всего, Сахул заселялся по морю с северо-запада, где в периоды понижения уровня океана образовывались цепочки островов, связывавших этот континент с Индонезийским архипелагом, а через него с материковой Азией. Не случайно самые древние из известных в регионе археологических памятников, за исключением местонахождения Мунго в Новом Южном Уэльсе, находятся на северном (Карпентерс Гэп, Риви, Малакуанджа) и западном (Дэвилс Лэйр) побережьях Австралии, а также в Новой Гвинее (находки на полуострове Хуон и острове Новая Британия). Если руководствоваться только проверенными датировками, связь которых с археологическими комплексами надежно документирована и не вызывает сомнений, то можно сделать вывод, что первые поселенцы проникли в Австралию примерно 45 тлн и не ранее 50 тлн (Gillespie 2002; Allen, O'Connell 2003; Bowler et al. 2003; O'Connell, Allen 2004). Этот вывод косвенно подтверждают и данные, имеющиеся для Юго-Восточной Азии, где также нет следов пребывания людей современного физического типа древнее 45 тлн (см. главу 2). Для того, чтобы достичь южной оконечности континента, каковой тогда была Тасмания, человеку потребовалось, возможно, около 10 тл — возраст древнейших памятников на этой территории, являющейся сейчас островом, составляет 35 тл (Cosgrove 1999).

Хотя сейчас известно уже довольно много памятников, давших свидетельства обитания человека в период, соответствующий началу верхнего палеолита, среди них нет ни одного с массовым археологическим материалом. Единственный вывод, ко-

торый можно сделать на основании имеющихся немногочисленных и разрозненных в пространстве и времени находок, заключается в том, что вплоть, как минимум, до времени последнего ледникового максимума, если не до голоцена, каменные индустрии Сахула выглядят скорее как нижнепалеолитические, нежели верхнепалеолитические. Они базируются на отщепках и отдельностях породы, тогда как технологии получения пластин и вообще стандартизированных сколов отсутствуют, вторичная обработка играет незначительную роль и типологическое разнообразие комплексов невелико (Holdaway 1995; Brumm, Moore 2005: 162; Mellars 2006b: 798). Правда, считается, что в Австралии и на Новой Гвинее, как и в ряде районов Восточной Азии, довольно рано появляются топоры со шлифованным лезвием (Brumm, Moore 2005: table 1), но, во-первых, они крайне редки и представлены в основном трудноопределимыми фрагментами, а во-вторых, их датировки, как правило, относятся уже к середине верхнепалеолитического времени и, таким образом, выходят за рамки рассматриваемого здесь периода. Лишь в одном случае, на полуострове Хуон на северо-востоке Новой Гвинеи, для них постулируется возраст более 40 тл, но характер залегания археологических материалов на этом памятнике допускает разные варианты соотношения их с датированными образцами.

На памятнике Кадди Спрингс в юго-восточной Австралии обнаружено несколько десятков терочников, использовавшихся, по заключению трасологов, для обработки семян и других материалов, преимущественно растительного происхождения (Fullagar, Field 1997). Находки подобных изделий известны и в других районах Австралии, но если там они относятся ко времени не древнее последнего ледникового максимума, то в Кадди Спрингс значительная часть этих вещей происходит из слоев, РУ возраст которых составляет от 29 до 33.5 тл. Предполагается, что в данном случае имела место локальная «революция широкого спектра», то есть расширение рациона за счет включения в него низкоранговых ресурсов, причиной чего могло быть усиление аридизации, действительно фиксируемое в данном регионе в соответствующий период, а также оскудение пищевой базы в результате вымирания (истребления?) мегафауны, останки которой в Кадди Спрингс, как и на других австралийских памятниках, не встречаются в слоях моложе 28 тлн.

Формальные костяные орудия, представленные наконечниками и шильями, встречены на ряде пещерных памятников Южной Австралии (Дэвилс Лэйр) и Тасмании (Боун, Уоррин) в слоях возрастом от 20 до 30 тл (Dortch 1979: 270; Cosgrove 1999: 382), а обломок костяного острия из 29-го слоя Дэвилс Лэйр может, согласно новым данным о возрасте отложений этого памятника (Turney et al. 2001), иметь даже возраст около 40 тл (впрочем, сам по себе этот предмет невыразителен и характер обработки здесь не совсем ясен).

На ряде памятников обнаружены и довольно древние свидетельства символизма. В гроте Манду Манду Крик на западе Австралии в самых низах толщи рыхлых отложений, близ скального дна, было найдено два десятка целых и фрагментированных бусин из раковин *Conus*. Две РУ даты, полученные (тоже по раковинам) для этого слоя, указывают на возраст от 30 до 35 тлн (Morse 1993). Из пещеры Дэвилс Лэйр происходят шлифованные костяные бусы, возраст которых около 15 тл (Dortch 1979: 270). Что касается наскальных изображений, то среди них пока нет ни одного, которое бы можно было с уверенностью датировать временем более ранним, чем самый конец плейстоцена (Brumm, Moore 2005: 163–165).

5.8. Северная Африка

Здесь в период перехода выделяются три культурные зоны — сахаро-атласская, киренаикская и нильская, — индустрии которых различались между собой по технико-типологическим характеристикам, имели разную историю и разные истоки. Если в двух последних зонах комплексы конца среднего и начала верхнего палеолита в целом вполне сопоставимы с ближневосточными и восточноафриканскими, то в первой ситуация совершенно иная. На территории от Мавритании до Ливийской пустыни и от бассейна озера Чад до средиземноморского и атлантического побережья нет верхнего палеолита и хронологически позднего мустье, а их место занимает атер, представляющий собой весьма специфическое явление, не имеющее явных аналогий за пределами Северной Африки и юга Аравийского полуострова.

Атер

Хронология. Хронологически атер соответствует концу среднего и началу верхнего палеолита. Об этом свидетельствуют следующие факты. Во-первых, из двух с лишним десятков имеющихся для разных атерских комплексов радиоуглеродных дат подавляющее большинство находится в диапазоне от 30 до 40 тл, либо указывает на запредельный возраст образцов. Во-вторых (и это, пожалуй, еще важнее), в стратиграфических колонках тех памятников, где представлено также и мустье, атер всегда залегает над ним (Григорьев 1977: 129; Wendorf, Schild 1992: 49; Clark 1993; Wengler 1997). В-третьих, ЭПР датирование зубов копытных из пятого и шестого слоев пещеры Мугарет эль Алия, давших атерскую индустрию с большим количеством бифасиальных орудий и несколькими изделиями с черешком, свидетельствует о том, что эти слои сформировались в интервале от 35 до 60 тлн, т. е. в течение КИС 3 (Wynn, Rink 2003). Наконец, для слоя IV местонахождения Уан Табу в северо-западной Ливии, представленного эоловыми песками и содержащего типичные атерские наконечники с черешком, получена ОСЛ дата 61 ± 10 тлн (Garcea 2001). Начало атера, судя по ТЛ датам, полученным по обожженному халцедону для слоев 3b (мустье) и 3a (протоатер) пещеры Рафас, приходится на период от 80 до 60 тлн (Mercier et al. 2007a). Самые поздние атерские памятники могут относиться ко времени от 30 до 22 тлн, о чем, помимо климатостратиграфических корреляций, говорят несколько РУ дат (Wengler 1997: 454-455)⁵ и ОСЛ дата порядка 28 тлн для стоянки Шаперон Руж 1 (Texier et al. 1988). Около 20 тлн атер в Магрибе сменяется иберо-маврусийской культурой (финальный палеолит), причем не исключено, что их разделяет несколько тысячелетий, когда не только Сахара, но и значительная часть средиземноморского побережья Северной Африки не имели постоянного населения.

Генезис. Согласно широко распространенной и, как будто, не имеющей серьезных альтернатив точке зрения, корни атера уходят в мустье Северной Африки (Bordes 1975-1976; Ferring 1975; Debenath 1992, 1994; Straus 2001: 95). Наиболее наглядно существование эволюционной преемственности между ними демонстрируют материалы пещеры Рафас. В нижней части отложений этого памятника представлено мустье, а вверх по разрезу от слоя к слою увеличивается количество атерских элементов (Wengler 1997; Mercier et al. 2007a).

⁵Их надежность ставится под сомнение (Garcea, Giraudi 2006: 412).

Эволюционный статус. По мнению большинства современных исследователей, атер является среднепалеолитической индустрией (Debenath et al. 1986; Vermeersch 1992: 107), причем иногда даже подчеркивается, что эта индустрия лишена признаков, которые можно было бы истолковать как свидетельства влияния верхнего палеолита (Wendorf, Schild 1992: 55) или внутреннего развития в верхнепалеолитическом направлении (Van Peer 1998: 129). Между тем когда-то атер рассматривали именно как верхний палеолит, и основанием для этого служил не только его предположительно поздний возраст, но и ряд типологических характеристик (см. напр.: Ефименко 1953: 605). Ф. Борд, выделявший в развитии атера две стадии (протоатер и собственно атер), указывал на постепенное возрастание роли верхнепалеолитических типов и черешковых форм и уменьшение роли скребел (Bordes 1976–1977). Л. Страус считает, что «атер — это эпимустьерская, или “переходная”, индустрия» (Straus 2001: 95).

Если применить для оценки положения атера на шкале «идеальный средний палеолит — идеальный верхний палеолит» способ эволюционного ранжирования, описанный в предыдущих главах, то окажется, что подавляющее большинство атерских комплексов имеет индекс СП-ВП от -2.5 до -1 (табл. 5.8.1). Все они характеризуются полным набором технологических и типологических элементов, свойственных среднему палеолиту, а именно плоскостным расщеплением, направленным на получение, главным образом, отщепов, некраевым скалыванием и доминированием скребел в орудийном наборе (рис. 5.8.1: 6, 8, 9, 14–16). Верхнепалеолитические элементы, напротив, в технологии отсутствуют совсем, а в типологии хоть и представлены, но занимают, как правило, подчиненное положение.

Таким образом, в целом атер — это формально все еще средний палеолит. Тем не менее к предшествующему ему мустье он относится примерно так же, как шательперрон относится к мустье с апельской традицией (см. 5.13), а селет к микроку (см. 5.14). И дело здесь не только в хронологическом соотношении индустрий, но и в содержании изменений, наблюдаемых при переходе от мустье к атеру. С типологической точки зрения атер явно индустрия более высокого уровня развития, он богаче и сложнее, а его руководящий тип — наконечник с черешком (рис. 5.8.1: 1–3) — более специфичен и оригинален даже по сравнению с руководящими формами шательперрона и селета, не говоря уже о мустье. Широкое распространение изделий с черешком в атерских комплексах — а помимо разного рода наконечников и острий, это могут быть скребла, скребки, проколки и, практически, любые другие типы артефактов (их тип-лист см. в Tixier 1967: 790) — свидетельствует о систематическом использовании составных орудий и о наличии надежных средств и способов их крепления. Для некоторых комплексов атера характерны также бифасиальные листовидные острия, в том числе двуконечные, причем лучшие их экземпляры по совершенству формы и обработки, а также по отношению ширины к толщине (4:1 и более, судя по иллюстрациям), вполне вписываются в верхнепалеолитические стандарты. Последнее относится и к скребкам, которые хоть и сравнительно малочисленны, но все же встречаются чаще, чем в мустье (Tixier 1967: 795), а главное, представлены во многих случаях вполне типичными верхнепалеолитическими формами (рис. 5.8.1: 10–12). Нередко к тому же они имеют тщательно выделенный анкошами или ретушью черешок (рис. 5.8.1: 4, 5).

Есть сведения об обнаружении в атерских слоях пещеры Эль Мнасна в Марокко фрагментов костяных орудий, изготовленных посредством строгания и обработки абразивами (Najraoui 1994). Для трех комплексов атера сообщалось и о находках

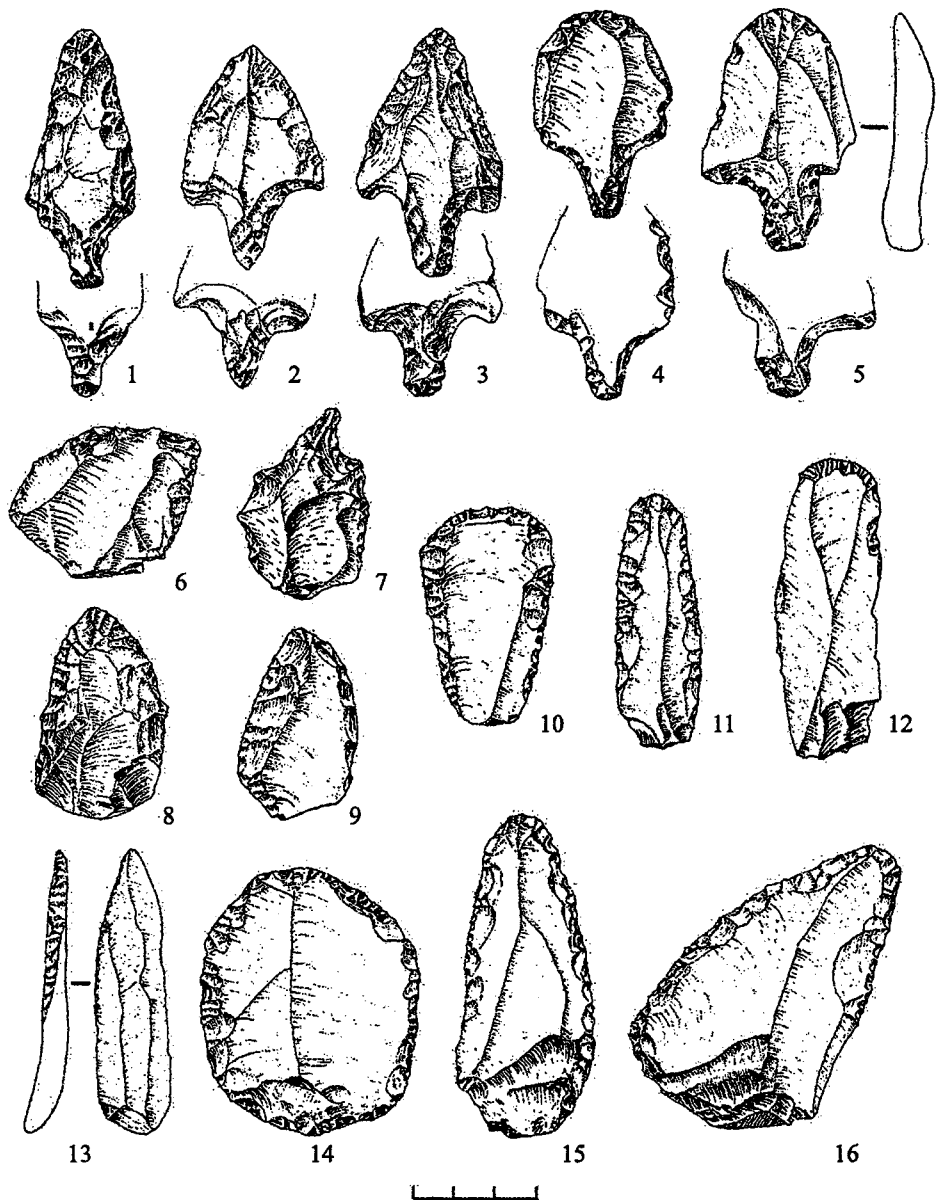

Рис. 5.8.1. Атер Северной Африки. Наконечники (1-3) и скребки (4, 5) с черешком, скребла угловатые (6, 16), проколка (7), скребла конвергентные (8, 9), скребки на пластинах (10-12), нож шательперрон (13), округлый скребок (14), скребло двойное (15) с местонахождения Джебанна близ Бир-эль-Атера (по Morel 1974).

свидетельств символизма: костяной подвески в гроте Зухра в Марокко, четырех просверленных кварцитовых отщепов в Сеггедиме в восточном Нигере и перфорированной раковины на эпонимном памятнике Уэд Джебанна близ Бир эль-Атера в Алжире (McBrearty, Brooks 2000: 521). Стоит отметить также, что для атера зафиксирована весьма дальняя (280 км) транспортировка сырья (Clark, 1993).

Таблица 5.8.1. Индексы СП-ВП для комплексов атера

Памятник, слой	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	Сумма	Источник
Д'Аруаким	1	1	1	1	0	0	0	1	1	0	0	-2	Pasty 1998
Эль Азраг	1	1	1	1	0.5	0	0	0.5	1	0	0	-2	Pasty 1997
Рафас	1	1	1	1	0	0	0	0.5	1	0	0	-2.5	Wengler 1997
Вади Ган	1	1	1	1	0.5	0.5	0	1	1	0	0	-1	McBurney, Hey 1955
Мнасра I, V	1	1	1	1	0	?	?	0.5	1	0-0.5	0	≥ -2.5	Bouzougar 1997;
Мнасра I, III	1	1	1	1	0.5	?	?	0.5	1		0	≥ -2	Hajraoui 1994
Фум эль Хартани	1	1	1	1	0	?	0.5	0.5	1	0	0	≥ -2	Chavaillon 1985
Шаперон-Руж, I	1	1	1	1	0	0	0	0	1	0	0	-3	Texier 1985-1986
Асса	1	1	1	1	0	0	0	0.5	1	0	0	-2.5	Rodrigue 1992
Эль Алия, VI	1	1	1	1	0.5	0	0.5	0	1	0	0	-2	Bouzougar et al. 2002
Джеббанна	1	1	1	0.5	1	0	0	1	1	0	0.5?	-0.5/0	Morel 1974
Общая оценка	1	1	1	1	0-0.5	0	0	0.5-1	1	0-0.5	0-0.5	-2.5/-0.5	

* На большинстве памятников органика совсем или почти не сохранилась.

Антропология. В Северной Африке наблюдается преемственность в развитии от мустье к атеру, и «сходная преемственность кажется заметной и для связанных с этими комплексами гоминид» (Hublin 2000: 160). Человеческие костные останки, обнаруженные в слоях с североафриканским мустье (Джебел Ирхуд, Хауа Фтеа) и атером (Дар эс Солтан, Мугарет эль Алия, Зухра, Темара), принадлежат индивидам, явно отличавшимся от неандертальцев и приближавшимся по ряду важных признаков к людям современного анатомического типа (Klein 1989:307; Hublin 1992, 2000; Vermeersch et al. 1998; Debnath 2000). В то же время, некоторым из них свойственны и отдельные неандерталоидные черты (например, наличие затылочного валика у черепа из Ирхуд), что, по мнению ряда антропологов, может быть следствием контактов между разными популяциями гоминид циркум-Средиземноморского региона в конце среднего и начале верхнего плейстоцена (Simmons, Smith 1991; Trinkaus 2005).

Даббан

Киренаика, небольшая историческая область на северо-востоке Ливии, является единственным местом в Африке, где известен ранний верхний палеолит в собственном смысле этого понятия. Он представлен первой фазой индустрии, именуемой дабба, или даббан, комплексы которой обнаружены в пещерах Хауа Фтеа (McBurney 1967) и Хагфет-эд-Дабба (McBurney, Hey 1955).

Хронология. В Хауа Фтеа эта индустрия появляется, если судить по старой РУ дате для слоя XX, не позже 31.5 тлн. Тот факт, что ниже залегают еще несколько даббанских слоев (до XXV-го включительно), указывает на возможность гораздо более раннего начала верхнего палеолита в Киренаике, и многие авторы, вслед за Ч. Макберни, оценивают возраст XXV-го слоя в 38-40 тл. Близкую древность имеет материал нижних слоев (7-4) пещеры Хагфет-эд-Дабба, на что, помимо старой РУ даты (38.5 ± 1.6 тл), указывает и технико-типологическое сходство ранних верхнепалеолитических комплексов обоих памятников. В качестве дополнительного аргумента в пользу реалистичности предложенной исследователем памятника датировки можно рассматривать наличие в слоях XX-XXI Хауа Фтеа и 4-7 Хагфет-эд-Даббы

большого количества (десятков и даже сотен) орудий с поперечной фаской (*pièces à chanfrein*), которые на соседнем Ближнем Востоке встречаются именно в комплексах с РУ датами порядка 38–40 тлн.

Генезис. Согласно широко распространенному мнению, собственно переходных индустрий в Хауа Фтеа нет, и смена мустье верхним палеолитом происходит здесь внезапно (McBurney 1967: 326; Григорьев 1977: 163; Vermeersch 1992: 109).⁶ Эта точка зрения выглядит вполне обоснованной, хотя следует иметь в виду, что самые поздние среднепалеолитические и самые ранние верхнепалеолитические слои пещеры (XXX–XXVI и XXV–XXIII) дали сравнительно малочисленные и не слишком представительные коллекции.

Особое значение для решения вопроса о генезисе даббана имеет наличие среди орудий большого количества столь специфических вещей, как изделия с поперечной фаской (рис. 5.8.2: 1–8), для обозначения которых в русской литературе иногда используется также их французское название *pièces à chanfrein*. Это обстоятельство сближает ранний верхний палеолит Киренаики с ранним верхним палеолитом Ближнего Востока. За пределами этих двух регионов, если не считать единичные и типологически спорные находки⁷, орудия с поперечной фаской были встречены еще только на местонахождении Наг Хамади (или Шам де Багас) в долине Среднего Нила близ египетского города Луксор (рис. 5.8.2: 9–14). По-видимому, даббан предположительно можно рассматривать как южносредиземноморский вариант среднего или позднего эмирана (см. 5.9), памятники которого рассеяны вдоль восточного побережья Средиземного моря от юга Турции до Израиля. Помимо общего и весьма оригинального «руководящего ископаемого» (пластины с поперечной фаской), даббан сближает с этой индустрией и сохранение некоторых среднепалеолитических приемов в технологии (некраевое скалывание), и характер части скребков на отщепках. Правда, в среднем эмиране практически нет пластин с притупленным краем, доминирующих в орудийном наборе даббана, но они появляются в позднем эмиране. Основная разница между индустриями Киренаики и Ближнего Востока, таким образом, в том, что в первом регионе такие пластины сосуществуют с *pièces à chanfrein*, а во втором эти два типа связаны с разными фазами эволюции эмирана. То обстоятельство, что у среднего и позднего эмирана на Ближнем Востоке корни есть (в раннем эмиране и мустье), а у даббана в Киренаике корней нет (или, во всяком случае, пока неизвестно), позволяет предполагать распространение последнего с северо-востока⁸. О сходстве материалов Хауа Фтеа, Хагфет-эд-Дабба и раннего верхнего палеолита Ближнего Востока писал Ч. Макберни (McBurney 1967: 170–178). Сопоставив даббан с индустрией нижних слоев Абу Халки, он отметил, однако, что последняя несколько более архаична (McBurney, Heu 1955: 216–217; McBurney 1967: 178), что, в общем, подтверждает и сравнение индексов СП-ВП (ср. табл. 5.8.2 и 5.9.3).

Эволюционный статус. Индексы СП-ВП большинства комплексов даббана невозможно оценить точно, поскольку многие важные технологические парамет-

⁶ В Хагфет-эд-Дабба среднепалеолитических слоев нет.

⁷ Иногда *pièces à chanfrein* выделяют в ориньяке Европы, но, судя по рисункам, речь при этом идет о вещах, имеющих крайне мало общего с настоящими орудиями этого типа (см. напр.: Allard 1978: fig. 25: 335–338).

⁸ Гипотеза о приходе носителей даббана в Северную Африку из Леванта нашла недавно дополнительное подтверждение в генетических исследованиях (Olivieri et al. 2006). Даже время предполагаемой миграции — 40–45 тлн, — рассчитанное генетиками по своим данным, находится в полном соответствии с современными представлениями о возрасте среднего эмирана (см. 5.9) и даббана.

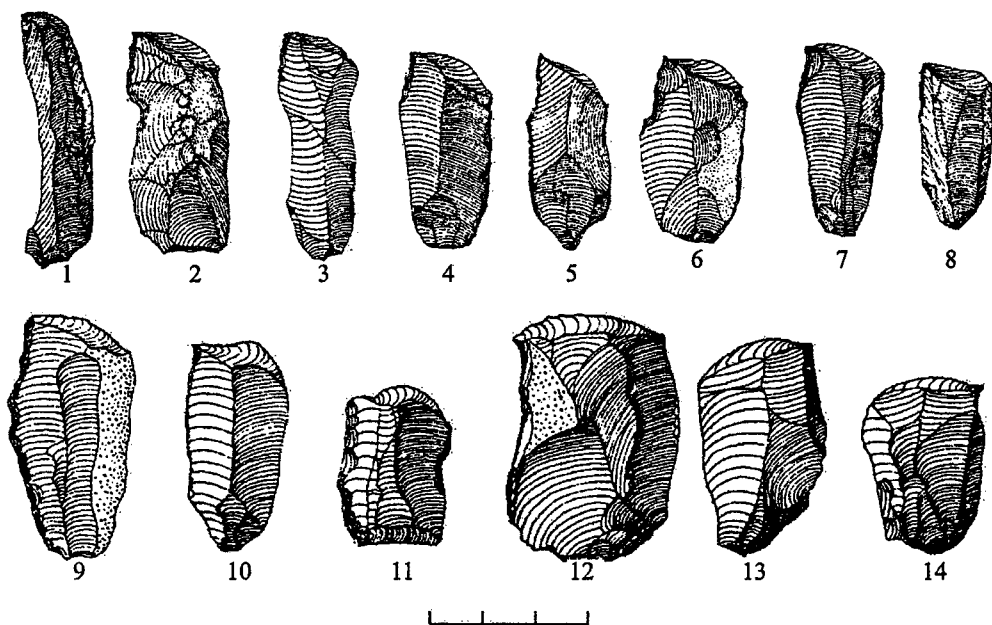

Рис. 5.8.2. Даббан. Изделия с поперечной фаской. 1-8 — грот Хагфет-эд-Дабба, слой IV-VII; 9-14 — местонахождение Наг Хамади (по McBurney, Hey 1955).

ры остались неохарактеризованными (см. табл. 5.8.2). Тем не менее для индустрии в целом он явно не ниже 1 и не выше 4 и, скорее всего (если судить по наиболее подробно описанным коллекциям), варьирует от 2 до 3.

Таблица 5.8.2. Индексы СП-ВП для комплексов ранней фазы даббана

Комплекс	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11*	Сумма	Источник
Хауа Фтеа, 20	1	1	1	0	1	1	1	1	1	0	0	2	McBurney 1967
Хауа Фтеа, 21/20	1	?	?	0	1	1	?	1	1	0	0	1/4	McBurney 1967
Хауа Фтеа,	1	?	?	0	1	1	?	1	1	0	0	1/4	McBurney 1967
Хауа Фтеа, 22/21	1	?	0.5	0	1	1	1	1	1	0	0	2.5/3.5	McBurney 1967
Хагфет, 4	?	?	?	0	1	1	?	1	1	0	0	?	McBurney, Hey 1955
Хагфет, 6	?	?	?	0	1	1	?	1	1	0	0	?	McBurney, Hey 1955
Хагфет, 7	?	?	?	0	1	1	?	1	1	0	0	?	McBurney, Hey 1955

* Ч. Макберни отмечает наличие одной или двух морских раковин в каждом из основных слоев Хагфет эт Даббы и высказывает предположение, что их могли собирать, чтобы использовать потом как украшения (McBurney, Hey 1955: 211).

Антропология. Данных нет.

Ситуация в северо-восточной части региона, включающей Нубию и долину Нижнего Нила, крайне запутанная. Один только перечень среднепалеолитических ин-

дустрий, выделенных здесь разными исследователями, включает не менее десятка названий (харган, себилиан, лупембан, нубийское мустье, зубчатое мустье, сафахан, нижненильский комплекс, тарамсан, халфан, идфуан). Возможно, это изобилие является следствием того факта, что долина Нила была наиболее удобным, а часто и единственно доступным путем («коридором») для миграций носителей самых разных традиций с юга на север и наоборот, хотя нельзя исключить, что некоторые из перечисленных терминов — всего лишь плод слишком рьяного классифицирования. Следует иметь в виду также, что почти все памятники, относимые в нильской зоне к среднему и началу верхнего палеолита, представляют собой мастерские на выходах сырья, что, естественно, накладывает свой отпечаток на характер инвентаря и затрудняет решение вопросов хронологии. Комплексов, которые бы с уверенностью можно было поместить в интервал от 30 до 50 тлн, в регионе единицы, да и отложения соответствующего возраста тоже встречаются очень редко (Van Peer 2004: 221–222).

К раннему верхнему палеолиту относят кремнедобывающую мастерскую Назлет Хатер 4 в долине Нижнего Нила в Египте, давшую пластинчатую индустрию с немногочисленными орудиями, среди которых отмечаются зубчатые изделия, скребки и резцы (Vermeersch 1992). Сначала на основании РУ дат ее относили ко времени около 33–35 тлн, теперь с учетом ОСЛ дат удрешили до 38–45 тлн. Более поздние верхнепалеолитические памятники появляются здесь, как считается, не ранее 25 тлн. (Vermeersch 1992; Van Peer, Vermeersch 1990). На некотором расстоянии от Назлет Хатер 4 было обнаружено погребение человека современного анатомического типа, которое по находкам типичных для индустрии Назлет Хатер изделий датировали тем же временем (Vermeersch et al. 1984). Сейчас говорят уже о двух погребениях и обозначают их как Назлет Хатер 2. Для одного из них по древесному углю получена РУ дата около 37 тлн. Хотя принадлежность костных останков к *Homo sapiens* не оспаривается, для костей лицевого скелета отмечается наличие ряда архаичных черт (Crevecoeur, Trinkaus 2004).

Выделяют в долине Нижнего Нила и переходные с технологической точки зрения комплексы. В таком ключе, по мнению Ф. Ван Пира, следует рассматривать индустрию, именуемую тарамсан, где крупные нуклеусы служили для получения серий пластин (Van Peer 2004). Ван Пир рассматривает тарамсан как позднюю фазу так называемого нубийского комплекса. Судя по ОСЛ датам для мастерской Тарамса 1, древность этой индустрии 50–70 тл, хотя две РУ даты для этого памятника и для давшего похожий материал местонахождения Назлет Сафаха указывают на возраст порядка 38 тл (Van Peer 1998: 126–127). С мастерской Тарамса 1 связывают детское погребение *Homo sapiens* с рядом архаичных черт и ОСЛ датами примерно 55 тлн (Vermeersch et al. 1998). По мнению Ван Пира, появление индустрии нубийского комплекса на севере долины Нила может быть связано с распространением современных людей из районов к югу от Сахары в Северную Африку.

До сих пор не ясен вопрос о статусе таких индустрий долины Нила, как халфан и идфуан, которые характеризуются сочетанием среднепалеолитической технологии с верхнепалеолитическими орудиями и РУ датами, указывающими на возраст моложе 25 тл. Одни авторы при их оценке придают большее значение технологии и рассматривают эти комплексы как переходные от среднего к верхнему палеолиту (Van Peer 1993; Van Peer, Vermeersch 1990) или как поздний средний палеолит (Vermeersch 2001: 105), другие же считают, что типология и имеющиеся датировки

не оставляют сомнений в том, что халфан и идфуан — это поздний палеолит (Marks 1975: 441; Schild 1998: 134). Сторонники первой точки зрения пытались обосновать тезис о том, что РУ даты неверны и халфан следует относить к КИС 5, но впоследствии признали поздний возраст этой индустрии (Van Peer 2004: 219).

Индустрия переходного характера, имеющая, как кажется, общие черты с эмираном Ближнего Востока, обнаружена в пещере Содмейн, находящейся в горах на территории египетской Восточной пустыни (Van Peer et al. 1996). Здесь под двумя верхнепалеолитическими слоями, нижний из которых имеет РУ дату по древесному углю порядка 25–26 тлн, залегает количественно небольшой комплекс рассеянных по вертикали артефактов, содержащий нуклеусы для пластин (в основном сильно сработанные), несколько леваллуазских сколов, резцы на пластинах и два наконечника с вентральным утончением основания, определяемых как эмирейские (судя по рисунку одного из этих изделий, такое определение неоспорно, хотя и не совсем обосновательно). Возраст этой индустрии пока неясен. Для нижележащего среднепалеолитического слоя имеются две РУ даты по древесному углю: 29–30 и >30 тлн, а для самого нижнего пятого слоя пещеры, относимого к так называемому нубийскому комплексу, получено шесть ТЛ дат, указывающих на возраст 118 ± 8 тлн (Mercier et al. 1999).

Там же в Восточной пустыне, но уже на территории Судана, обнаружено недавно местонахождение, давшее кварцевую индустрию с леваллуазскими и дисковидными нуклеусами и несколькими листовидными бифасами. Оно получило название Стоянка один (Station One). По мнению исследователя этого памятника, его следует рассматривать как свидетельство проникновения ранних людей современного анатомического типа из Восточной Африки в Северную (Rose 2004). Предполагается, однако, что дальше Суданской Нубии им в этом направлении продвигаться не удалось, поскольку территории к северу уже были заняты носителями мустьерских традиций Ближнего Востока, где прослеживается преемственность в развитии автохтонной культуры от нижнего палеолита до верхнего и не просматривается никакого влияния MSA. Следовательно, считает Роуз, единственным доступным для *Homo sapiens* путем расселения за пределы Африки был в раннем верхнем плейстоцене путь через аравийский коридор (Rose 2004: 214)⁹.

5.9. Ближний Восток

В этом небольшом регионе комплексов конца среднего и начала верхнего палеолита известно больше, чем где бы то ни было еще за пределами Европы. Многие из них, к тому же, обнаружены на многослойных памятниках, что дает возможность представить картину перехода в динамике. Индустрии ранней поры верхнего палеолита на Ближнем Востоке — это ахмар, левантийский ориньяк и предшествующий им эмиран, который можно разделить на несколько фаз, различающихся по руководящим типам орудий.

⁹Роуз ничего не говорит о том, как, по его мнению, следует в этом случае объяснять появление на Ближнем Востоке ранних *Homo sapiens* группы Схул-Кафзех. Считать ли их коренными обитателями Леванта, или все же выходцами из Африки, каким-то образом сумевшими продвигаться дальше Суданской Нубии?

Эмиран

Эмиран — это индустрия в прямом смысле слова переходная от среднего к верхнему палеолиту. Технология на ее ранних стадиях еще не выходит за рамки изменчивости, свойственной левантийскому мустье, но орудийный набор, наряду со скреблами и остроконечниками, изначально включает многочисленные скребки и резцы, а также ряд специфических типов каменных артефактов, таких как леваллуазские острия с бифасиальным утончением основания (эмирейские острия) и изделия с поперечной фаской (*pièces à chanfrein*). Две последние формы появляются еще в

Таблица 5.9.1. Встречаемость эмирейских острий и изделий с поперечной фаской в позднемустьерских (выделено жирным шрифтом) и ранних верхнепалеолитических комплексах Ближнего Востока.

Где возможно, указано общее число вещей с вторичной обработкой в коллекции (по Garrod 1951, 1955, Binford 1966; Newcomer 1968-1969; Copeland 1970, 2001; Azoury 1986; Marks, Kaufman 1983; Volkman, Kaufman 1983; Kuhn 2004; Сарель 2005)

Памятник, слой	Эмирейские острия	Изделия с поперечной фаской	Всего вещей с вторичной обработкой
Шуббабик	2		178
Эль Вад, F	3		400
Эль Вад, G	2		319
Эмире	7		295
Кафзах, E	2		
Сефуним, D	1		
Эт-Таббан, B	1		
Кебара, E (III-IV)*	≥ 2		
Бокер Тахтит, 3	1		19
Бокер Тахтит, 2	14		229
Бокер Тахтит, 1	3		78
Ракефет, VI	1		
Ракефет, VII		1	
Кеуз	1(?)	1	87
Кзар Акил, 19-17		5 (л)**	
Кзар Акил, 20		5 (л)	
Кзар Акил, 21		7 (л)	
Кзар Акил, 22		40(г)+228(л)	241 (г)
Кзар Акил, 23		36(г)+263(л)	143 (г)
Кзар Акил, 24		55 (л)	
Кзар Акил, 25	1	27 (л)	
Кзар Акил, 26		2 (г)	173
Абу Халка, 4e	2	40	183
Абу Халка, 4f	4	26	115
Антелиас, V	1 (VII-V ?)	73	194
Ючагизли, I		Есть	

* Отложения Кебары, обозначенные Д. Гаррод как слой E, по номенклатуре, принятой современными исследователями памятника, соответствуют слоям III-IV (Bar-Yosef et al. 1996).

** Цифры для слоев 17-21, 24 и 25 относятся лишь к лондонской (л) части коллекции Кзар Акила (по Newcomer 1968-1969), цифры для слоя 26 — лишь к гарвардской (г) части (подсчеты автора), а для слоев 22-23 к обеим частям.

конце мустье¹⁰, но расцвет их, как кажется, приходится на разные этапы эволюции переходной индустрии (см. табл. 5.9.1). Для ее ранней фазы (можно назвать ее ранний эмиран) обычны эмирейские острия (рис. 5.9.1: 1–9; 5.9.2), тогда как изделия с поперечной фаской совсем или почти не встречаются (Бокер Тахтит, 1–3; возможно также Эль Вад, F; Эмире и еще ряд комплексов). Затем, наоборот, *pièces à chanfrein* становятся едва ли не преобладающей группой орудий (рис. 5.9.3: 1–10; 5.9.5: 1–5), а эмирейские острия сначала отходят по сравнению с ними на задний план (Кзар Акил, 25; Абу Халка, F-E), а потом и вовсе исчезают (Кзар Акил, 24–22; Антелиас V; Ючагизли, I-H). Если самостоятельность этой фазы эволюции переходной индустрии подтвердится, ее можно будет обозначать как средний эмиран. Помимо стратиграфии и очень немногочисленных абсолютных дат (см. ниже), на более поздний возраст комплексов с *pièces à chanfrein* косвенным образом указывает то обстоятельство, что ареал их намного шире ареала комплексов с эмирейскими остриями. Первые распространены от Северного Леванта до Киренаики, а вторые, если не считать сомнительные экземпляры из пещеры Содмейн (см. 5.8), известны лишь в центре этой зоны, т. е. в Южном Леванте.

На следующей фазе (поздний эмиран) орудия с поперечной фаской почти перестают встречаться, но начинают появляться различные формы приостренных ретушью пластин (например, острия типа кзар-акил), часто сопровождаемых многочисленными леваллуазскими остриями сильно вытянутых пропорций (острия типа умм эль тлель). Кроме того, здесь, по-видимому, уже зарождаются технологии, ориентированные на производство пластинок. К позднему эмирану с большей или меньшей степенью уверенности можно отнести Бокер Тахтит, 4; Ючагизли, G-F; Тор Садаф, A и B; Кзар Акил, 21–19 и так называемый «промежуточный палеолит» (*Paléolithique intermédiaire*) из Умм эль Тлель (слои III2b, III2a и II'низ) и ряда других памятников Эль Коюма и Пальмиры (Voëda, Bonilauri 2006). Некоторые из этих комплексов, в частности, 4-й слой стоянки Бокер Тахтит, иногда относят к ахмару, но это вряд ли правильно, поскольку ничего похожего на ахмарский руководящий тип — острия эль-вад — здесь нет¹¹.

К сказанному выше о типах орудий, характеризующих переходную индустрию на Ближнем Востоке, следует добавить еще, что «ориньякские» формы скребков (кареноидные, с плечиком, с рыльцем) встречаются здесь крайне редко, а вот стрельчатые (*ogival*) скребки с приостренным и, как правило, скошенным концом, напротив, могут, видимо, рассматриваться в качестве еще одного руководящего типа. Во всяком случае, они обычны для ряда комплексов среднего (Кзар Акил, 25–22; Абу Халка, F) и позднего (Бокер Тахтит, 4) эмирана (рис. 5.9.3: 12–14; 5.9.5: 11, 12). Встречаются ли они в раннем эмиране, не столь ясно. В нижних слоях Бокер Тахтита их нет,

¹⁰Но не в Амуде, где Х. Ватанабе выделил множество *pièces à chanfrein*, приняв за них обломки пластин с ретушью. Его определение используется в некоторых позднейших работах (см. напр.: Коробков 1978: 76–78), хотя еще в 60-е годы прошлого века М. Ньюкамер отметил, что вещи, изображенные на рисунках в статье Ватанабе, не являются *pièces à chanfrein* (Newcomer 1968–1969: 180). Позднее Э. Ховерс, работавшая с коллекцией, подчеркнула полное отсутствие орудий с поперечной фаской во всех без исключения слоях Амуда (Hovers 1998: 151). Таким образом, для мустье известны лишь единичные находки эмирейских острий и орудий с поперечной фаской.

¹¹Исследователи Тор Садафа сближают комплексы A и B, представляющие собой пачки условных горизонтов, с 4-м слоем Бокер Тахтит и слоями 23–21 Кзар-Акила, но полагают, что их материал несколько ближе к ахмару (Fox, Coinman 2002: 112). Действительно, в горизонтах комплекса B встречаются уже единичные острия эль-вад.

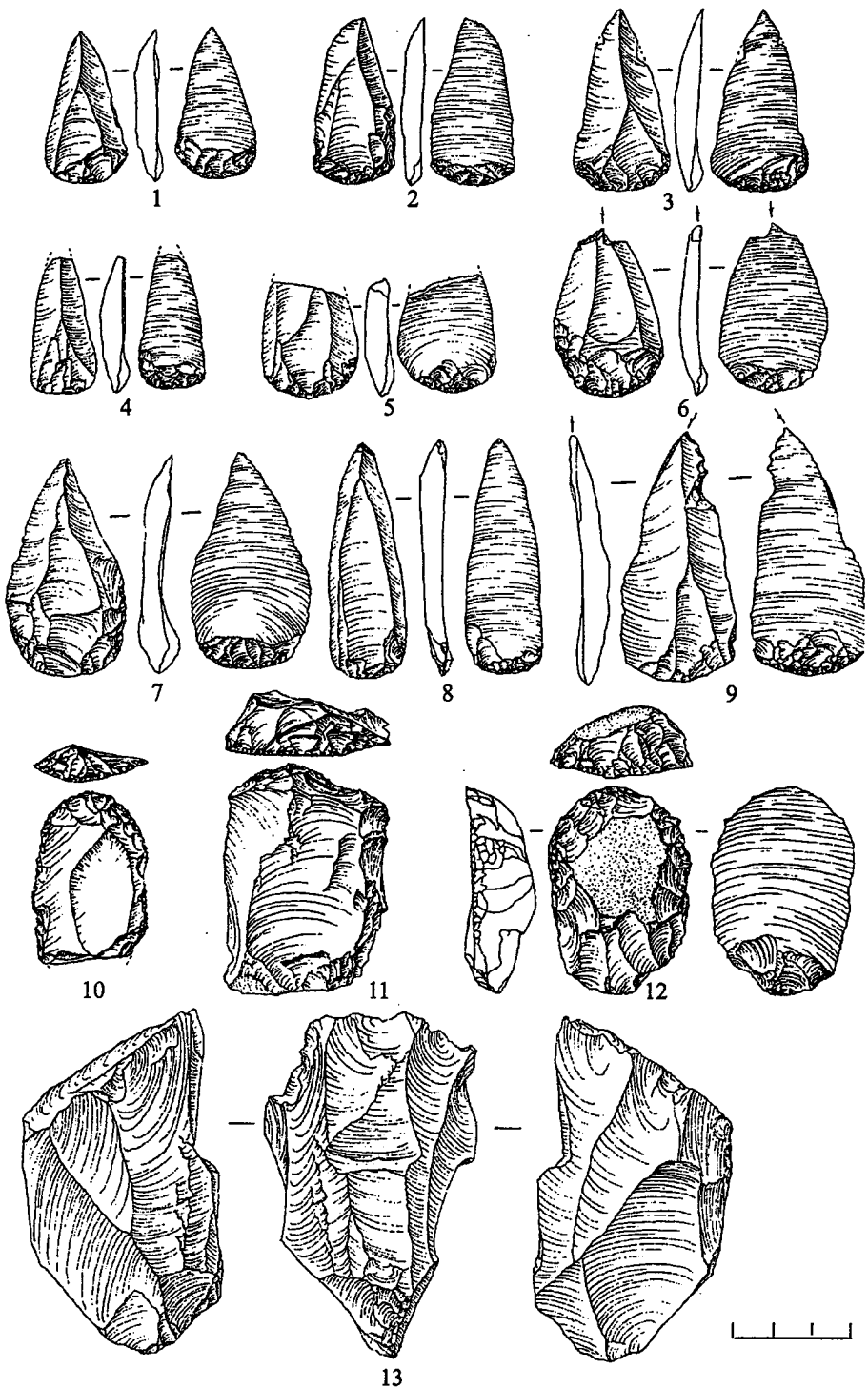

Рис. 5.9.1. Ранний эмиран. Эмирейские острия (1-9), скребки (10-12) и нуклеус (13) из слоя 2 стоянки Бокер Тахтит (по Marks, Kaufman 1983).

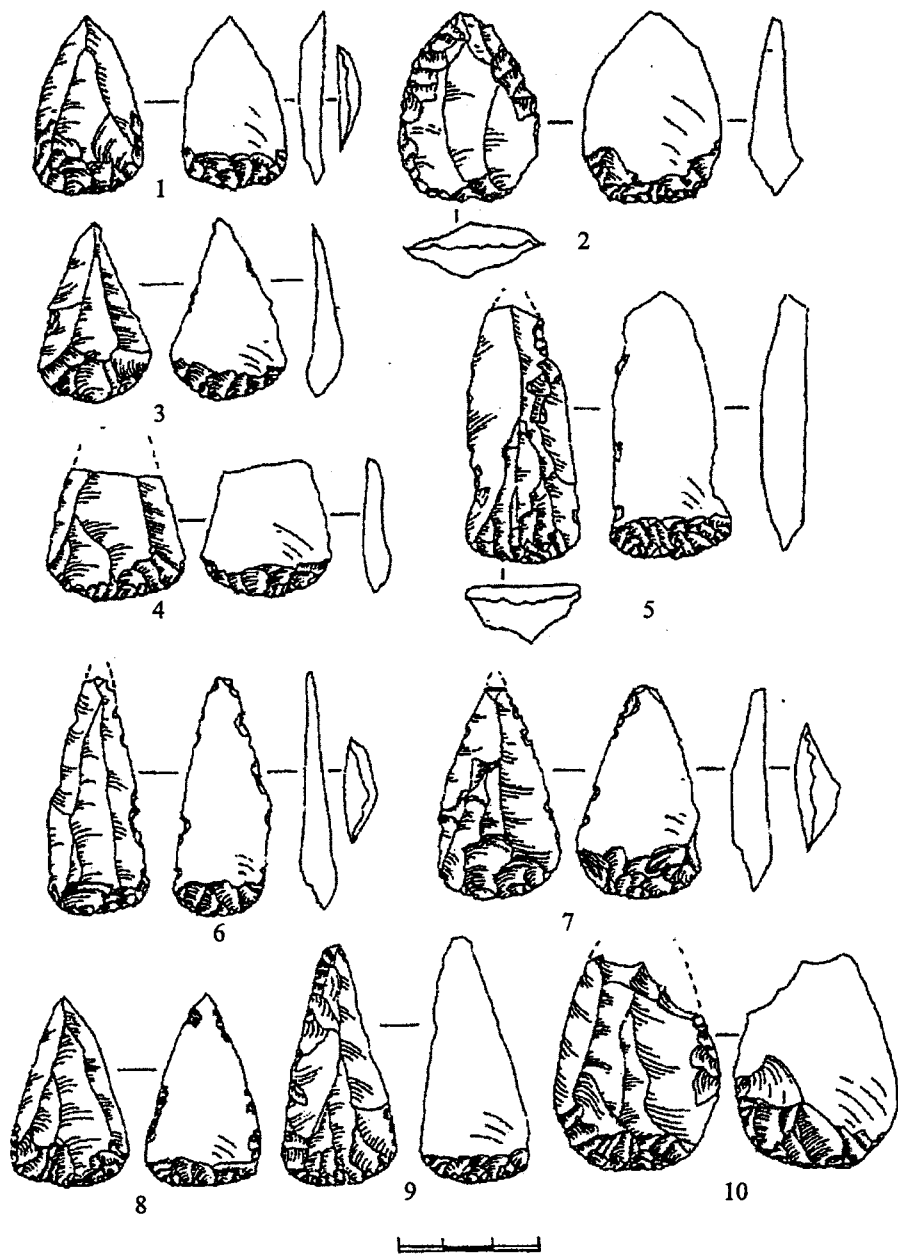

Рис. 5.9.2. Эмирейские остря. 1, 6, 7 — Бордж Бараджне; 2 — Кзар Акил, слой XXV; 3-4 — Мейруба; 5 — Антелиас, предположительно слои VII-V; 8-10 — Абу Халка, слой f (по Copeland 2001).

однако они есть в слое В Эт-Таббана, где орудия с поперечной фаской отсутствуют, но зато имеется одно эмирейское остряе.

Хронология. Начало эмирана, а вместе с ним и перехода к верхнему палеолиту на Ближнем Востоке обычно относят ко времени от 43 до 47 тлн, поскольку именно такой возраст, согласно данным РУ датирования, должен иметь нижний (1-й)

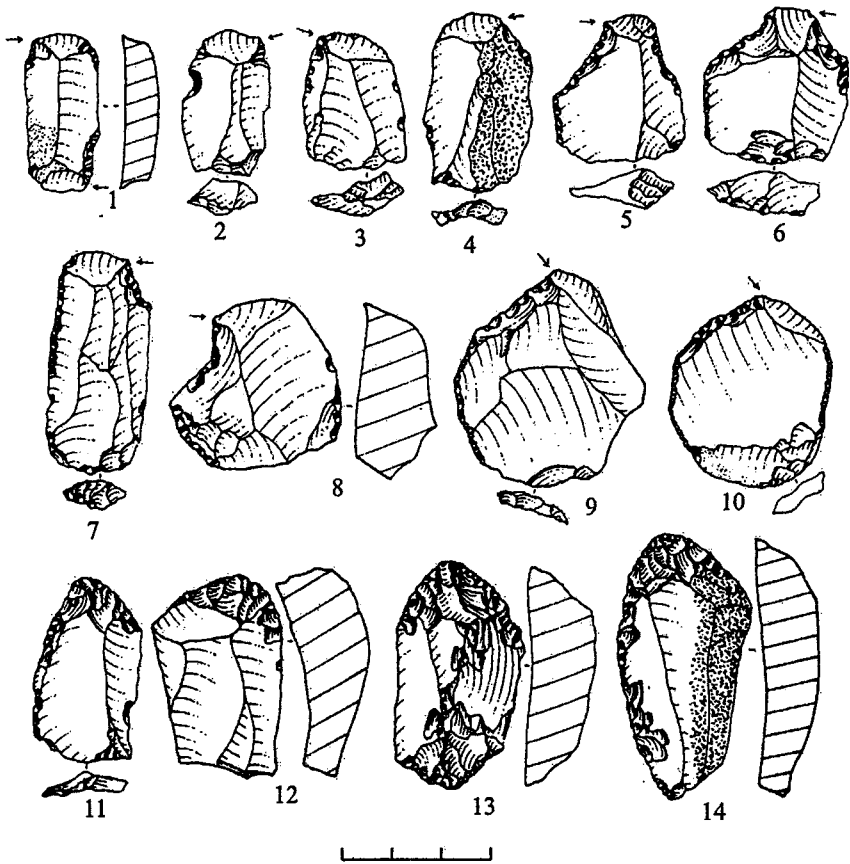

Рис. 5.9.3. Абу Халка. Изделия с поперечной фаской (1-8),
резцы (9-10) и скребки (11-14) из слоя F (по Azoury 1986).

слой стоянки Бокер Тахтит в пустыне Негев на юге Израиля. По древесному углю из кострища для этого слоя определены четыре даты, две из них открытые (>33 и >43.6 тл), а еще две порядка 45 тл с отклонением в одном случае 2.5 тл, а в другом 9 тл (Marks 1983a: 37). Поскольку даты получены давно (до появления техники АМС), имеют большое отклонение и находятся на пределе возможностей метода, к ним следует относиться с особой осторожностью. К сожалению, для других комплексов раннего эмирана абсолютных определений возраста нет, и единственный способ хоть как-то оценить реалистичность имеющихся дат — это сопоставить их с данными о верхней хронологической границе среднего палеолита на Ближнем Востоке¹². В Джерф Айле ТЛ анализ 8 обожженных кремней из позднемустьевого слоя С дал среднюю дату 33.3 ± 2.3 тлн (Richter et al. 2001), в Кунейтре для мустье получены ЭПР даты 39.2-53.9 тлн (Ziaei et al. 1990), в Умм эль Тлеле для верхнего

¹²В одной из первых публикаций, посвященных Бокер Тахтит, Э. Маркс бегло упоминает о том, что в кострище, откуда происходит использованный для РУ анализа уголь, было обнаружено также множество сильно обожженных фрагментов кремня (Marks 1977: 64). Как известно, обожженный кремнь с успехом применялся в качестве образца для ТЛ датирования многих памятников среднего и верхнего палеолита Ближнего Востока и Европы, однако Бокер Тахтит в их число пока не попал.

мустьерского слоя получена ОСЛ дата 42.5 ± 5.9 тлн (Bourguignon 1998), в Кебаре ТЛ датирование пяти обожженных кремней из слоя VI дало среднюю дату 48.3 ± 3.5 тлн (Valladas et al. 1987) и, наконец, для слоя 26 Кзар Акила имеется РУ дата 43.7 ± 1.5 тлн и ТУ дата 47 ± 9 тлн, а для слоя 32 этого же памятника получены ТУ даты 51 ± 4 и 49 ± 5 тлн. Таким образом, в четырех случаях даты для слоев конца среднего палеолита, полученные четырьмя разными методами, примерно такие же или чуть древнее, чем даты по Бокер Тахтит, и лишь Джерф Айла явно выбивается из общей картины. При этом следует отметить, что в Умм эль Тлеле, Кебаре и Кзар Акиле продатированные мустьерские слои залегают непосредственно под слоями со средним или поздним эмираном. Все это позволяет считать, что начало переходной индустрии действительно приходится на период примерно от 42/43 до 47/48 тлн.

Большая часть комплексов среднего эмирана, т. е. тех, где есть многочисленные изделия с поперечной фаской и иногда еще встречаются единичные эмирейские острия, остается недатированной, и лишь для слоя I Ючагизли, давшего несколько несомненных орудий à *chanfrein* (Kuhn 2004: 254), определено три РУ даты порядка 40 тлн и одна порядка 35 тлн. Для вышележащего слоя H этого памятника, где также, возможно (не точно), есть руководящий тип среднего эмирана, имеется пять РУ дат от 35 до 41 тлн (Kuhn 2004: 257). Чтобы определить возраст слоев 24–21 Кзар Акила, предложено два варианта экстраполяции от РУ датировки в 32 тлн, полученной для одного из ориньякских комплексов грота: 50–52 тлн при среднем темпе осадконакопления и 43 тлн при быстром осадконакоплении (Mellars, Tixier 1989). Второй вариант кажется гораздо более реалистичным, особенно если принять во внимание даты для нижележащих мустьерских слоев (см. выше). Наконец, для слоя IV пещеры Ракефет, перекрывающего слой, давшие эмирейское острие и орудие с поперечной фаской, имеется РУ дата порядка 34 тлн (Сарель 2005). Таким образом, учитывая известное отставание РУ возраста от календарного, можно предположить, что, скорее всего, древность среднего эмирана на Ближнем Востоке составляет примерно от 43 до 40 тлн. Подобная датировка вполне согласуется как с возрастом, предполагаемым для североафриканского варианта этой индустрии, т. е. для даббана (см. 5.8), так и с РУ датами, имеющимися для комплексов позднего эмирана в Ючагизли, Бокер Тахтите и Умм эль Тлель. Почти все они укладываются в интервал от 34 до 36 тлн, и лишь для слоя G Ючагизли получена дата 39 тлн.

Генезис. Согласно одной точке зрения, ближневосточный верхний палеолит вообще и эмиран в частности имеют местные корни (Gagrod 1951; Copeland 1970; Marks 1975, 1983, 1993). Согласно другой появление верхнего палеолита на Ближнем Востоке было скорее результатом миграции извне, нежели автохтонным процессом (McBurney 1967). О. Бар-Йозеф, не говоря прямо о миграции, пишет в ряде своих статей о возможности становления эмирана в результате аккультурации, или диффузии (Bar-Yosef 1994, 20006), причем в качестве вероятного источника последней рассматривается Северная Африка, в частности тарамсан (Мегнин, Бар-Йозеф 2002: 173). Стремление сообразовать археологические данные с антропологическими и найти истоки верхнего палеолита в районе, через который мог пролегать путь древнейшего расселения людей современного физического типа, в общем, вполне понятно. Проблема в том, что, по признанию самого Бар-Йозефа, данные по Африке «недостаточны для полтверждения этой гипотезы» (там же: 173). Кроме того, возникает вопрос, а зачем вообще искать так далеко истоки индустрии, все основные

технологические и типологические элементы которой вполне отчетливо представлены в среднем палеолите Ближнего Востока? Даже оба руководящих типа эмира — эмирейские остря и орудия с поперечной фаской — хоть и нечасто, но все же встречаются в позднем мустье региона (см. табл. 5.9.1). Правда, строго говоря, для Эль Вада и Кзар Акила нельзя исключить вероятность попадания таких вещей в мустьерские слои из вышележащих верхнепалеолитических. Однако для Кеуз и Шуббабика такая возможность, по-видимому, исключена, поскольку верхнего палеолита на этих памятниках нет. Можно обратить внимание и на то обстоятельство, что оба *pièces à chanfrein* из 26-го слоя Кзар Акила сделаны на широких отщепах, тогда как почти все вещи данного типа, происходящие из верхнепалеолитических слоев, оформлены на удлинённых заготовках.

Эволюционный статус. Материалы нижних слоев Бокер Тахтита в технологическом плане ближе к среднему палеолиту, чем к верхнему (Marks, Kaufman 1983: 70–71; Volkman 1983: 185). Расщепление здесь еще в значительной степени плоскостное, скальвание исключительно некраевое, да и среди изделий с вторичной обработкой преобладают леваллуазские остря с ретушью и зубчато-выемчатые изделия. Тем не менее, благодаря наличию свидетельств объемного расщепления (рис. 5.9.1: 13), а также достаточно большого числа верхнепалеолитических орудий (рис. 5.9.1: 10–12) и орудий с подготовкой для крепления (эмирейские остря), индекс СП-ВП этих комплексов (–0.5/0) позволяет определить их как архаичный верхний палеолит (табл. 5.9.2). Примерно такие же индексы получены для слоев VIII–VI Ракефета и

Таблица 5.9.2. Индексы СП-ВП комплексов раннего эмира

Памятник, слой	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	Сумма	Источник
Эль Вад, F	1	1	1	1	0.5	1	??*	1	1	0	0	–0.5/0.5	Garrod 1951; Сарель и др. 2000; коллекц.
Ракефет, VI	1	1	1	0.5	1	0.5–1	0.5	0.5	0.5	0	0	–0.5/0	Сарель 2005
Ракефет, VII	1	1	1	0.5	0.5–1	0.5–1	0.5	0.5	0	0	0	–1.5/–0.5	Сарель 2005
Ракефет, VIII	1	1	1	0.5	0.5–1	0.5–1	0.5	0.5	0	0	0	–1.5/–0.5	Сарель 2005
Бокер Тахтит, с.2	1	1	1	1	1	1	0	1	1	0	0	0	Marks, Kaufman 1983
Бокер Тахтит, с.1	1	1	1	1	1	1	0	0.5	1	0	0	–0.5	Marks, Kaufman 1983

* Органика совсем или почти не сохранилась в Бокер Тахтит.

** Если руководствоваться данными о характере площадок сколов, приводимыми Д. Гаррод, то в колонке 7 для Эль Вада, F следует поставить 1. Однако при ознакомлении с небольшой гарвардской коллекцией из этого слоя среди 37 определенных площадок удалось найти лишь 1 точечную, в то время как фасетированных оказалось 26. Это заставляет воздержаться от однозначной оценки данного параметра.

Таблица 5.9.3. Индексы СП-ВП комплексов среднего эмира

Памятник, слой	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	Сумма	Источник
Абу Халка, 4e	1	1	1	0	0.5	1	0.5	1	0–0.5	0–0.5	0	0/1	Azoury 1986
Абу Халка, 4f	1	1	1	0	1	1	0.5	1	0.5	0	0	1	Azoury 1986
Антелиас, V	1	1	1	0	1	1	0.5	1	0 (?)	0	0	1	Copeland 1970
Кзар Акил, 22	0.5	1	1	0	1	1	0	1	0	0	0.5	1	Коллекция; Ohnuma 1988
Кзар Акил, 23	1	0.5	1	0	1	1	0	1	0	0	0.5	1	Коллекция; Ohnuma 1988
Кзар Акил, 24	1	0.5	1	0	1	1	0	1	0	0	0.5	1	Коллекция
Ючагизли, I	1	1	1	?	1	?	0	1	0	0(?)	0.5–1	–1.5/1	Kuhn 2004

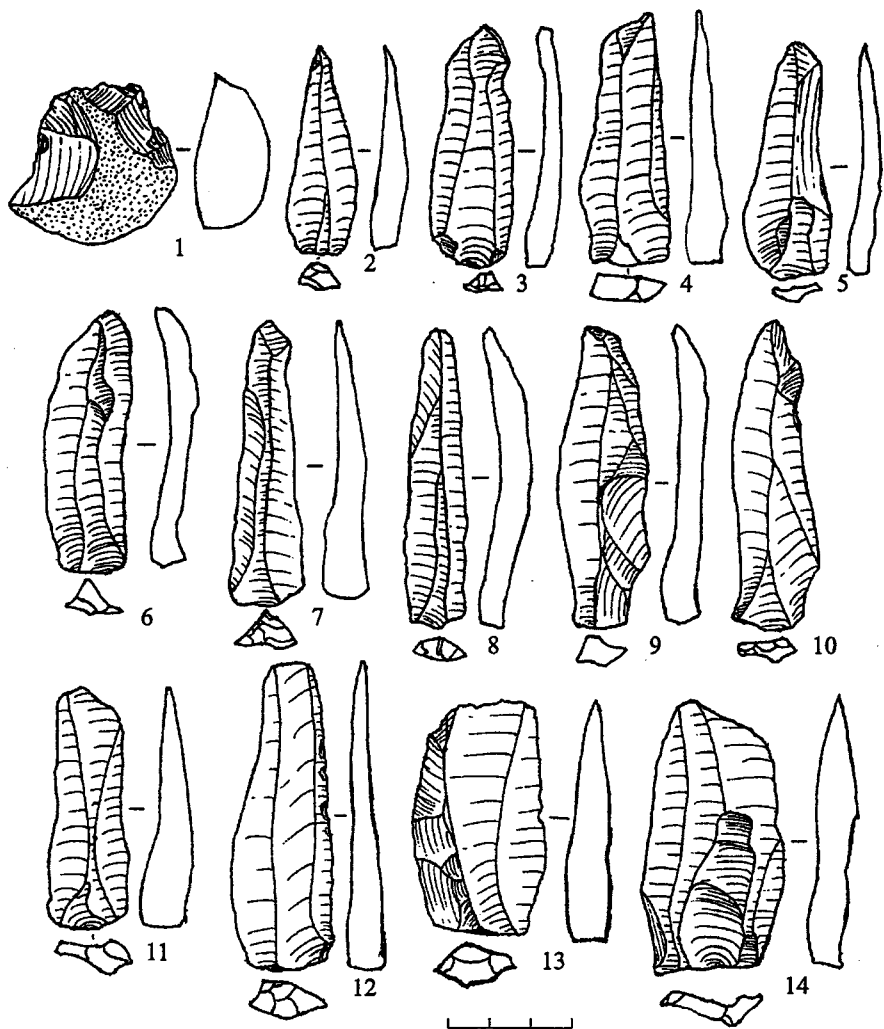

Рис. 5.9.4. Средний эмиран. Кзар Акил, слои 23 (1-4, 11) и 22 (5-10, 12-14).
Скребок (1), острие (2), пластины (3-12) и отщепы (13, 14).

слоя F Эль Вада, которые сугубо предположительно тоже можно отнести к раннему эмирану. Лишь чуть более высокие показатели дает средний эмиран (табл. 5.9.3). Технологически комплексы этой стадии тоже еще сохраняют много общего со средним палеолитом, но в их орудийном наборе уже явно преобладают типичные скребки, резцы и другие изделия, характерные для верхнего палеолита, тогда как мустьерские формы сравнительно редки (рис. 5.9.4, 5.9.5). То же самое можно сказать и о позднем эмиране, т.е. о комплексах, где уже нет эмирейских острий и орудий с поперечной фаской и еще нет острий эль-вад. Их индекс СП-ВП колеблется от 0.5 до 2 (табл. 5.9.4), и, таким образом, они, как и весь эмиран в целом, подпадают под определение архаичный верхний палеолит.

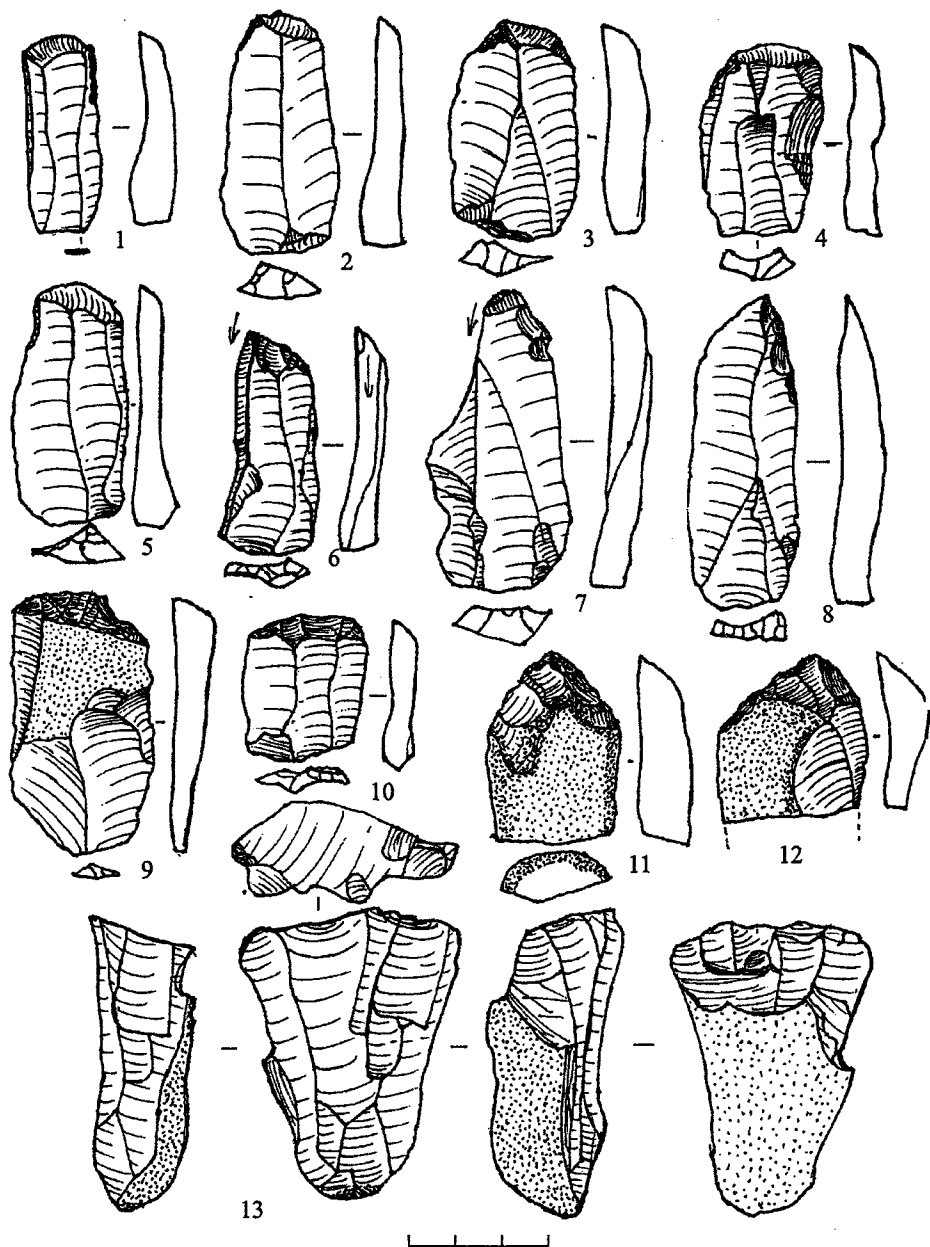

Рис. 5.9.5. Средний эмиран. Кзар Акил, слой 22. Изделия с поперечной фаской (1-5), резцы (6, 7), пластина с ретушью (8), скребки (9-12), нуклеус (13).

Таблица 5.9.4. Индексы СП-ВП комплексов позднего эмирана

Памятник	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	Сумма	Источник
Ючагизли F	1	1	1	0	1	0.5	0.5	1	0-0.5	0.5	1	1.5-2	Kuhn et al. 1999, 2004
Ючагизли G	1	1	1	0	1	0.5	0	1	0-0.5	0	1	0.5-1	Kuhn et al.
Ючагизли H	1	1	1	0.5	1	0.5	0	1	0	0.5	1	0.5	Kuhn et al. 1999, 2004
Бокер Тахтит, 4	1	0-0.5	1	0-0.5	1	1	0.5	1	0	0	0	0.5/1.5	Коллекция; Marks 1983; Volkman 1983

* Органика совсем или почти не сохранилась в Бокер Тахтит.

Антропология. Единственной антропологической находкой, которая могла бы прояснить вопрос о видовой принадлежности носителей эмирана (или, по крайней мере, раннего эмирана), является фрагмент верхней челюсти взрослого человека, обнаруженный в слое 25 Кзар Акила.¹³ Дж. Юинг, опубликовавший описание и фотографии челюсти, определил ее как «неандерталоидную», ссылаясь, прежде всего, на такие признаки, как уплощенность области клыковых ямок (т.е. отсутствие *fossa canina*, характерной для современных людей) и вогнутость дна носовой полости (Ewing 1963). При этом, однако, он отметил и ее сходство с челюстью Схул 5, которая в середине прошлого века считалась неандертальской, но теперь приписывается *Homo sapiens*. По мнению К. Стрингера, имеющиеся описания и изображения челюсти из 25-го слоя Кзар Акила недостаточны для надежного установления ее таксономического статуса (Bergman, Stringer 1989: 110), сама же эта находка долгое время считалась утерянной и лишь недавно была вновь обнаружена в Бейруте.

Ахмар

Для этой индустрии характерна развитая пластинчатая технология (биполярные и одноплощадочные призматические и торцово-клиновидные нуклеусы) и неизменное преобладание в орудийном наборе ретушированных пластинок и острий на пластинках (типов эль-вад, кзар-акил и листовидных односторонних — *pointes à face plan*), которые в отдельных случаях составляют до 90% всех изделий с вторичной обработкой (рис. 5.9.6 и 5.9.7). Производство серий стандартизированных заготовок для этих острий являлось, как правило, конечной целью процесса расщепления, тогда как остальные орудия (скребки, зубчато-выемчатые, резцы) изготавливались на сколах, получавшихся в процессе первичной подготовки и переоформления нуклеусов (Ferring 1988; Goring-Morris, Davidzon 2006). Таким образом, и в типологическом, и в технологическом плане ахмар характеризуется гораздо меньшим внутренним разнообразием, чем большинство других индустрий раннего верхнего палеолита, где нет столь явного количественного преобладания одной категории орудий над всеми остальными и где фиксируется, как правило, не одна, а несколько разных стратегий срабатывания нуклеусов.

¹³Высказывалось мнение, что на самом деле эта находка может происходить из слоя 24 (Ewing 1963: 101). В некоторых отечественных сводках она ошибочно соотносится со слоем 26 (Коробков 1978: 150; Дробышевский 2006: 121), а некоторые зарубежные авторы ошибочно датируют ее 1947 г. (Stringer, Bergman 1989: 110).

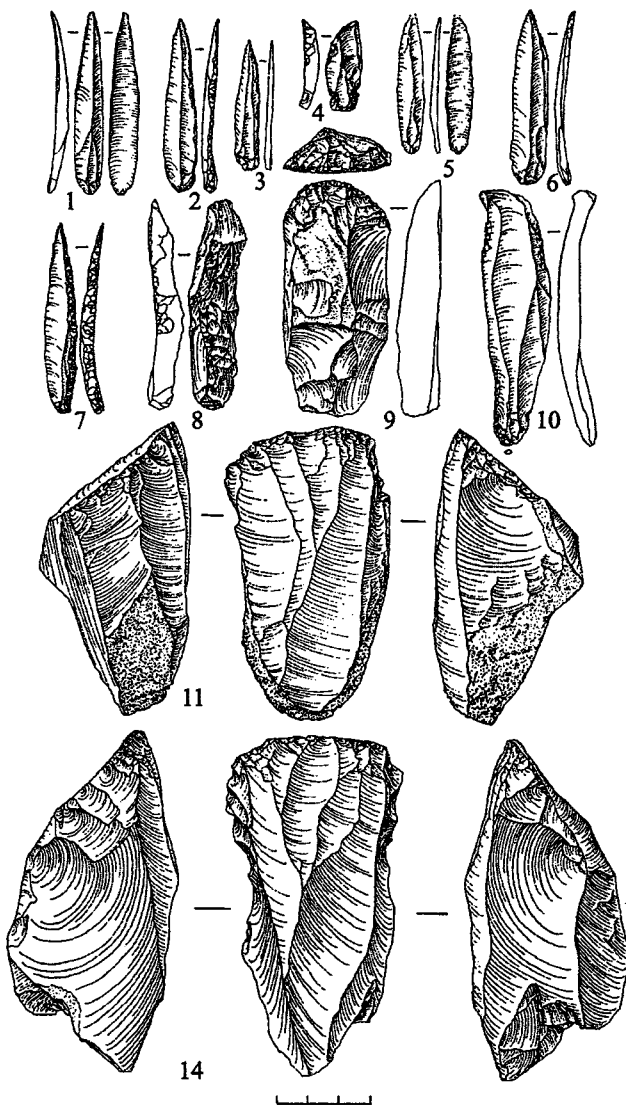

Рис. 5.9.6. Ахмар. Острия типа эль-вад (1-3, 5-7), пластина с черешком (?) и частично притупленным краем (4), реберчатая пластина (8), скребок (9), пластина с ретушью (10) и нуклеусы (11, 12) со стоянки Бокер А (по Jones et al. 1983).

Хронология. Иногда начало ахмара относят ко времени около 42-43 тлн (Bar-Yosef, Belfer-Cohen 1996; Bar-Yosef et al. 1996), но материалы слоев III-IV Кебары, для которых получена эта дата, остаются неопубликованными, а относительно определения связанной с ними индустрии существуют серьезные разногласия. Для ахмара в этой индустрии слишком мало ретушированных пластинок и пластинок вообще, слишком много скребков (ср. Bar-Yosef, Belfer-Cohen 1996: table 1 и Gilead, Bar-Yosef 1993: table 2), в технологии отмечается сохранение среднепалеолитических элементов (Сарель и др. 2000). Возможно, правильной было бы рассматривать

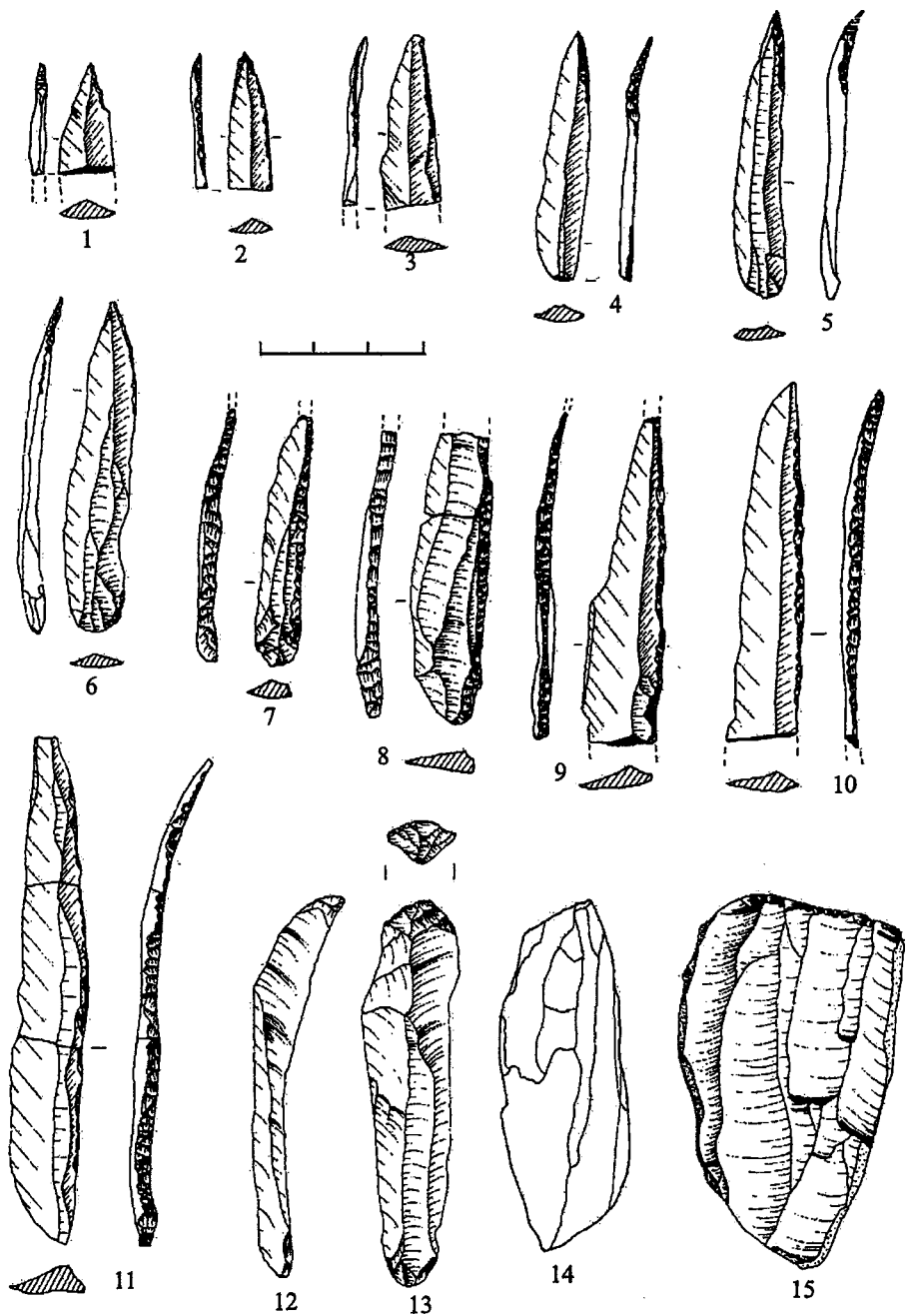

Рис. 5.9.7. Ахмар. Острия на пластинах и их фрагменты (1–11), скребок (12) и нуклеус (13) с местонахождений в районе Кадеш Банеа (по Gilead 1989).

ее как эмиран, тем более что именно с ней, а точнее с бывшим слоем E, обозначаемым теперь как слои III–IV, связано несколько найденных в Кебаре эмирейских острий (см. табл. 5.9.1). РУ возраст древнейших достоверно ахмарских комплексов (Бокер А, Абу Нофра I) составляет 36–38 тлн (Phillips 1994). На севере Израиля и в

Ливане ахмар, как кажется, прекращает свое существование после появления ориньяка (Belfer-Cohen, Bar-Yosef 1999: 127), но в некоторых периферийных районах Ближнего Востока эта традиция доживает до начала КИС 2.

Генезис. По общему мнению, которое нет, как будто, никаких оснований оспаривать, ахмар вырос из эмирана (Belfer-Cohen, Bar-Yosef 1999: 127; Kuhn 2003: 66; Marks 2005: 84; Goring-Morris, Davidzon 2006). Постепенная трансформация второго в первый довольно четко прослеживается по материалам таких многослойных памятников, как Тор Садаф (Coinman, Fox 2000; Fox, Coinman 2004) и Ючагизли (Kuhn 2004). Единственная и до конца пока не решенная проблема заключается в том, где и по каким критериям проводить границу между этими двумя индустриями. Поэтому С. Кун, например, определяет слои E-D Ючагизли как переходные между начальным нижним палеолитом (так он именует эмиран) и ахмаром, не рискуя отнести их ни к одной из этих двух индустрий, но отмечая несколько большую близость к последней (Kuhn 2004: 254).

Эволюционный статус. Ахмар почти лишен среднепалеолитических черт как в технологии, так и в типологии, если не придавать большого значения присутствию в инвентаре некоторых памятников (Кадеш Барнеа, Бокер А) многочисленных зубчато-выемчатых изделий. Верхнепалеолитические элементы, напротив, представлены в полном объеме. Наличие выразительных костяных орудий и свидетельств символизма в слоях В-С Ючагизли позволяет думать, что отсутствие таких вещей во многих других комплексах ахмара является следствием тафономических причин. Общий индекс СП-ВП этой индустрии от 4 до 6.5 (табл. 5.9.5).

Таблица 5.9.5. Индексы СП-ВП комплексов ахмара

Памятник, слой	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10*	11	Сумма	Источник
Тор Садаф, верх	0.5	0	0	0	1	1	1	1	1	0	0	4.5	Coinman, Fox 2000; Fox, Coinman 2004
Кадеш Барнеа 501, 601, 9	0.5	?	?	0.5	1	1	1	1	1	0	0	2/4	Gilead, Bar-Yosef 1993; Gilead 1991
Абу Ношра I	0.5	0	0	0	1	1	1	1	1	0	0	4.5	Phillips 1988
Абу Ношра II	1	0	0	0	1	1	1	1	1	0.5	0	4.5	Phillips 1988
Бокер А	0.5	0	0	0.5	1	1	1	1	1	0	0	4	Коллекция; Jones et al. 1983
Лагама III D	1	?	?	0	1	1	1	1	1	0	0	2/4	Gisis, Gilead 1977
Лагама VII и VIII	0.5-1	?	?	0	1	1	1	1	1	0	0	2/4.5	Bar-Yosef, Belfer 1977
Ючагизли, В-С	0.5-1	?	0-0.5	0	1	?	1	1	1	1	1	3.5/6.5	Kuhn 2004

* Органика совсем или почти не сохранилась в Тор Садафе, Кадеш Барнеа, Бокере и Лагаме.

Антропология. Судя по морфологии черепа и нижней челюсти из 17-го слоя Кзар Акила (сохранились только реплики), их обладатель был человеком вполне современного физического типа (Bergman, Stringer 1989). Индустрию этого слоя обычно определяют как ахмар.

Основные, т. е. наиболее представительные и четко идентифицируемые комплексы этой индустрии, сосредоточены в северном и центральном Леванте, где они встречаются на ряде пещерных памятников (Кзар Акил, Хайоним, Кебара, Эль Кузейр, Ябруд 2 и др.). В более аридных южных и восточных районах ориньяк пока либо не обнаружен, либо, в силу недопредставленности некоторых важных категорий инвентаря, идентифицируется с меньшей степенью определенности (см. напр.: Williams 2003). Последнее относится, в частности, к материалам ряда открытых стоянок в пустыне Негев, таких как Эйн Акев и Арков, и может объясняться отчасти их поздним возрастом (предположительно конец КИС 3 — начало КИС 2), а отчасти тафономией (плохая сохранность органики и, как следствие, отсутствие костяных орудий и украшений).

Хронология. Древнейшая РУ дата для ориньяка региона получена по образцу, происходящему из слоя II Кебары: 36 ± 1.6 тлн (Bar-Yosef, Belfer-Cohen 1996; Bar-Yosef et al. 1996). В Кзар Акиле для ориньяцкого слоя 6, ниже которого залегает еще ряд комплексов этой индустрии¹⁴, есть три РУ даты порядка 31–32 тлн (Mellars, Tixier 1989). В тех случаях, когда поздний эмиран или ахмар, с одной стороны, и ориньяк — с другой, представлены на одном многослойном памятнике, первые всегда залегают ниже второго (Кебара, Кзар Акил, Ябруд 2, Антелиас, Умм эль Тлель).

Генезис. На Ближнем Востоке пока неизвестно поздних среднепалеолитических или ранних верхнепалеолитических индустрий, в которых бы с достаточными на то основаниями можно было видеть источник или промежуточное звено формирования местного ориньяка. Преимущество с ахмаром теоретически допустимо, но в целом пока складывается впечатление, что ориньяк появляется на Ближнем Востоке сразу во вполне сложившемся виде (рис. 5.9.8), а это заставляет рассматривать его как скорее пришлую, чем автохтонную, индустрию, сформировавшуюся за пределами региона. По возрасту левантский ориньяк, похоже, несколько уступает и европейскому, и переднеазиатскому (барадосту), что совместимо с гипотезой его прихода с севера или с востока. На север ориентируют некоторые аналогии в типах украшений и костяных наконечников (рис. 5.9.8: 1–3). Кроме того, анализ технологии производства пластинок в слое D Хайонима показал ее тождество с той, что использовалась в ориньяке Франции (Chazan 2001). С другой стороны, территориально барадост, конечно, намного ближе, и к тому же в регионах, лежащих между Ближним Востоком и Европой (Малая Азия, Кавказ), через которые только и могло бы проходить распространение ориньяка на юг, никаких следов этого процесса пока не обнаружено.

Эволюционный статус. Очень низкое значение минимально возможного индекса СП-ВП для слоя D Хайонима — всего 1.5 — не более чем формальное следствие отсутствия данных о характере нуклеусов и ударных площадок сколов этого комплекса (табл. 5.9.6). Если принять для него по позициям 2, 3, 6 и 7 те же показатели, что и для ориньяцких слоев пещеры Антелиас, то индекс возрастет до 4.5.

¹⁴Ориньяцкий характер слоя 7, во всяком случае, сомнений ни у кого не вызывает, а вот слои 8–13 сейчас часто относят не к ориньяку, а к ахмару, хотя обоснована эта точка зрения пока не очень убедительно (ее критику см. в Mellars 2006).

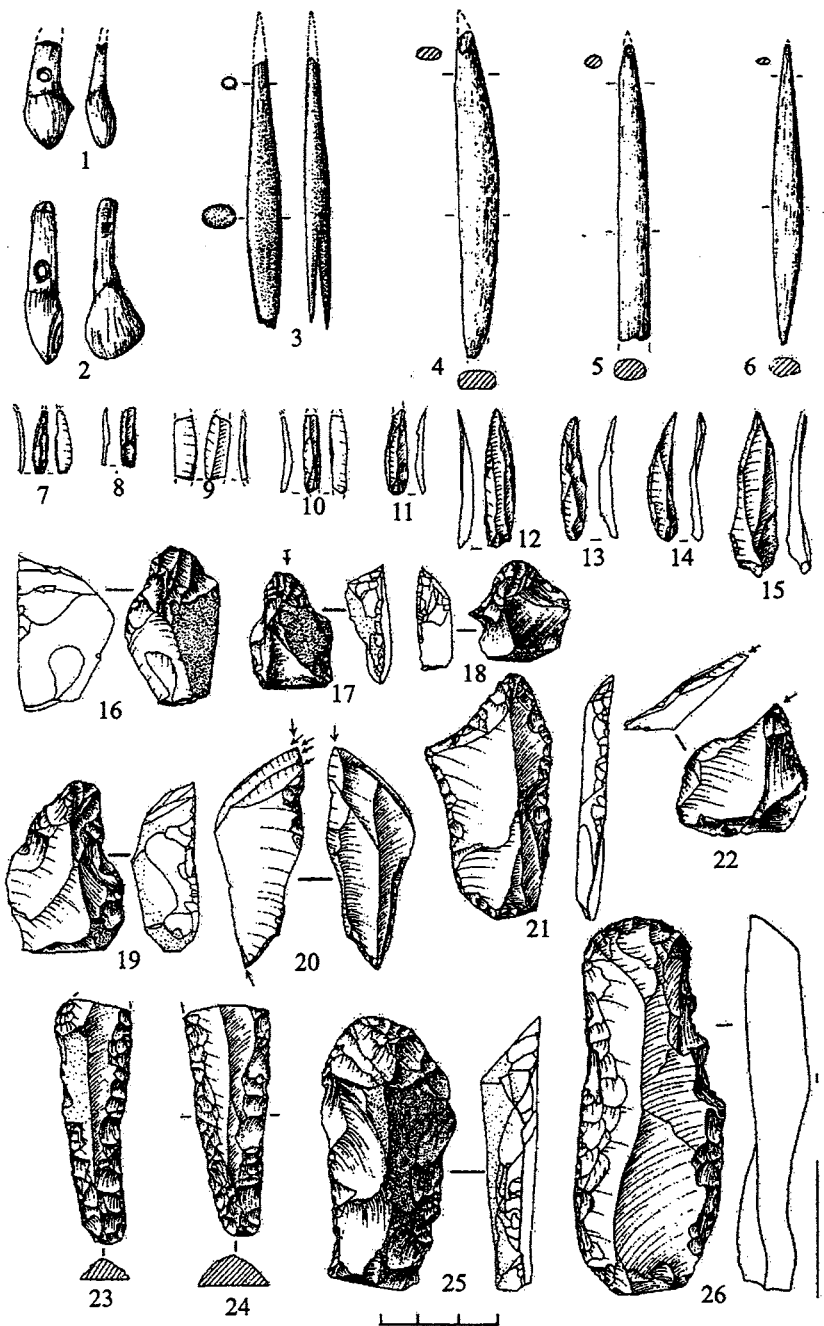

Рис. 5.9.8. Левантйский ориньяк. Подвески из зубов из пещеры Хайоним (1, 2), наконечник с расщепленным основанием из Кебары (3), костяные и каменные орудия (4-26) из пещеры Хайоним (по Bar-Yosef 20006).

Таблица 5.9.6. Индексы СП-ВП комплексов левантийского ориньяка

Памятник, слой	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	Сумма	Источник
Хайоним, D	1	?	?	0.5	1	?	?	1	1	1	1	1.5/5.5	Belfer-Cohen, Bar-Yosef 1981
Антелиас, III	0.5	0	1	0	1	1	1	1	1	0	0	3.5	Copeland, Hours 1971
Антелиас, IV	0	0	1	0	1	1	1	1	1	0	0	4	Copeland, Hours 1971

Антропология. Данных нет.

5.10. Передняя Азия

В конце 30-х годов прошлого века Д. Гаррод выдвинула гипотезу, что именно Переднюю Азию, а точнее Иранское плато, следует считать местом рождения верхнего палеолита. Позднее подобное же предположение высказывалось для Северного Афганистана (Durgee 1967: 18). Однако попытки Л. Дюпри, а затем Ч. Макберни обнаружить в этих регионах переходные индустрии закончились неудачей. Тем не менее ранний верхний палеолит в Передней Азии есть. Он представлен здесь, прежде всего, барадостом — ориньякоидной индустрией, которая впервые была выделена в пещере Шанидар в Ираке, а затем еще как минимум на пяти пещерных памятниках в иранском Загросе (Варвази, Гхари Хар, Яфтех, Гар Арженех, Па Сангар).

Барадост

Хронология. Ф. Хоул и К. Флэннери выделяли в развитии барадоста две фазы, отнеся более раннюю из них ко времени от 38 до 30 тлн (Hole, Flannery 1967: 153). Действительно, многочисленные РУ даты, полученные к началу 1970-х годов, говорят о том, что, по крайней мере, в Яфтехе и Шанидаре древность рассматриваемой индустрии составляет не менее 36–38 тл. Такому предположению не противоречат и две новые датировки средних уровней барадоста в Яфтехе: 35.5 ± 0.6 и 33.4 ± 0.8 тлн (Otte et al. 2007: table 5). Работы на этом памятнике продолжаются, и вскоре можно ожидать появления дат для нижележащих слоев.

Генезис. Барадост обладает многими чертами, свойственными ориньяку. Для него характерны кареноидные скребки и резцы, пластинки дюфур, острия фон-ив (арженех), широкие пластины с непрерывной ретушью, технология получения пластинок с кареноидных нуклевидных орудий и одноплощадочных нуклеусов. Есть и костяные наконечники (их тип, ввиду малочисленности и фрагментарности находок, пока неопределим), и подвески из зубов животных, и бусины из перфорированных раковин. В то же время такой важный стилистический элемент, как скребки с выделенной рабочей частью (с плечиком и рыльцем), в существующих публикациях комплексов барадоста не упоминается и на рисунках не представлен. Д. Ольшевски и Х. Диббл определили эту индустрию как «загросский ориньяк» (Olszewski, Dibble 1994: 73) и обосновали гипотезу о вероятном происхождении ориньяка именно от мустье Загроса и последующем его распространении из этого региона в Европу и Левант¹⁵. Эту идею поддерживает и М. Отт, указывая на бытование мустьерских элементов в нижних слоях барадоста Яфтехе (Otte, Biglari 2004: 247).

¹⁵Позже Д. Ольшевски высказывалась в пользу полицентрического происхождения ориньяка, рассматривая Загрос как один из нескольких центров его становления (Olszewski 1999: 176).

Теоретически генетическая связь между мустье Загроса и барадостом вполне допустима, но доказать преемственность между этими индустриями на основании имеющихся материалов крайне трудно. Переходные комплексы отсутствуют, хотя, как сообщается, в Гар Арженех, Варвази и Гхари Хар средне- и верхнепалеолитические слои не разделены стратиграфическим хиатусом (Smith 1986: 25). В пользу преемственности свидетельствует тот факт, что для самых ранних слоев барадоста в Шанидаре, Варвази и Яфтехе свойственно обилие скребел, наличие остроконечников, преобладание отщепов среди заготовок и бытование плоских (дисковидных) нуклеусов (Olszewski, Dibble 1994; Olszewski 1999: 176; Otte, Kozłowski 2004). С другой стороны, даже для самых поздних мустьерских индустрий Загроса характерно практически полное отсутствие верхнепалеолитических элементов и в технологии (если не считать высокий индекс пластинчатости некоторых комплексов), и в типологии.

Археологи, работавшие с мустьерскими коллекциями из Загроса, пишут об их «поразительной типологической и технологической однородности» (Baumler, Speth 1993: 20). Изучение коллекций Кунжи, Варвази и Биситуна, а также литературных данных по другим среднепалеолитическим памятникам региона действительно приводит к выводу, что по основным параметрам они не различаются. Повсеместно наблюдается параллельное скалывание на начальных стадиях расщепления нуклеусов и радиальное скалывание на заключительных стадиях, интенсивное использование сырья и при первичном, и при вторичном расщеплении, близкие индексы фасетирования (от 23 до 39), систематическое использование приема ядрищного утончения, высокий индекс скребел (53–68), преобладание среди скребел двойных, а среди последних орудий со сходящимися краями, редкость орудий верхнепалеолитических типов, а также зубчатых и выемчатых изделий и отсутствие бифасов. Кроме того, мустьерские памятники Загроса очень близки по характеру использовавшегося сырья (радиолярит, обычно в виде небольших желваков), геоморфологическому и гипсометрическому положению, доминирующим видам промысловых животных. Что касается данных по абсолютной хронологии среднего палеолита Передней Азии вообще и мустье Загроса в частности, то они очень скудны. Есть две РУ даты для верхов слоя Д Шанидара (45–50 тл), две РУ даты для Кунжи (обе открытые), и ТУ дата для слоя 2а Хумиана (148±35 тл).

Таблица 5.10.1. Индексы СП-ВП комплексов барадоста

Памятник, слой	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	Сумма	Источник
Яфтех, верх и середина*	0.5-1	1	?	0	1	1	?	1	1	0.5	1	2.5/5	Otte et al. 2007
Шанидар, С	1	?	?	0.5	1	1	1	1	0.5	0	0	2.5	Olszewski, Dibble 1994
Варвази, P-Z	0.5	?	?	0-0.5	1	1	1	1	1	0	0	2/4.5	Olszewski, Dibble 1994
Варвази, AA-CC	1	?	?	0.5-1	1	1	1	1	1	0	0	1/3.5	Olszewski, Dibble 1994
Варвази, DD-FF	1	1	?	1	1	1	1	0.5	0.5	0	0	0/1	Olszewski, Dibble 1994
Варвази, GG-LL	1	1	?	1	0.5	1	1	0.5	0.5	0	0	-0.5/0.5	Olszewski, Dibble 1994

* Подсчеты произведены суммарно для всех слоев, вскрытых шурфом 2005 г. В этой более чем двухметровой толще представлены, вероятно, и ранний, и поздний барадост.

Эволюционный статус. Сведения, имеющиеся в литературе, недостаточны для того, чтобы с уверенностью заполнить все позиции в таблице (табл. 5.10.1), что обуславливает весьма приблизительный характер даваемых здесь оценок. Судя по доступным сведениям, индекс СП-ВП для раннего барадоста (Шанидар С и Варвази DD-LL) может составлять от 0 до 3, а для позднего (Варвази AA-CC и P-Z) от 2 до 5. Это чуть выше, чем следует из цифр в таблице, поскольку в дополнение к приведенным в ней данным следует учитывать, что для барадоста в целом есть упоминания о немногочисленных и не очень выразительных костяных орудиях, предположительно наконечниках и/или шильях (Smith 1986). Кроме того, два костяных орудия (шило и предмет, предположительно идентифицируемый как фрагмент наконечника), а также украшения из зубов животных, раковин и мягкого камня были найдены в ходе возобновленных недавно работ в Яфтехе (Otte et al. 2007).

Антропология. Анатомический тип носителей барадоста неизвестен. Мустье в Загросе связано с неандертальцами (Шанидар).

За пределами Загроса в Передней Азии известен пока лишь один памятник, который с большой степенью уверенности можно отнести к раннему верхнему палеолиту. Это слой III пещеры Кара-Камар в северном Афганистане. По древесному углю из этого слоя еще в середине 50-х годов прошлого века было получено семь дат, из которых четыре предполагают возраст более 25 тл, а остальные более 32 тл. Р. Дэвис считает, что в любом случае слой III должен быть в широких рамках одновременен с самой ранней фазой барадоста Загроса (Davis 1978: 50), хотя отмечает при этом, что типологически его трудно связать с последним (*ibid.*: 53). В коллекции слоя III нет ни резцов, ни ретушированных пластинок, ни пластин с «ориньякской» ретушью, а по поводу имеющихся нуклеидных скребков Р. Дэвис замечает, что они одни вряд ли могут служить в качестве диагностической формы для ориньяка, поскольку имеют широкое распространение во времени и пространстве и часто встречаются в неориньякских контекстах (Davis 1978: 53; 2003: 216). Впрочем, вполне вероятно, что отсутствие иных, кроме высоких скребков, характерных для ориньяка/барадоста форм, объясняется утратой большей части коллекции (более трех тысяч предметов), которую «в ее нынешнем виде вряд ли можно рассматривать как полноценный археологический комплекс» (Виноградов 2003: 75).

Антропологических находок в третьем слое Кара-Камара не было. Височная кость человека из расположенной неподалеку стоянки Дарай-Кур, происходящая как будто бы (не точно) из слоя со среднепалеолитическим инвентарем и РУ датой около 30 тл, и иногда упоминавшаяся в связи с присущими ей якобы неандерталоидными особенностями, по мнению изучившего ее недавно К. Кеннеди, принадлежит *Homo sapiens* (Kennedi 2001: 171).

5.11. Малая Азия

О раннем верхнем палеолите этого полуострова, занимающего столь важную географическую позицию на стыке Европы и Азии, известно пока немного. Единственный опубликованный комплекс, относящийся к рассматриваемому периоду, происходит из грота Караин (Yalçinkaaya, Otte 2000). Он, несомненно, является ориньякским, поскольку содержит и характерные для этой индустрии ретушированные пластины, и высокие кареноидные скребки, и многофасеточные резцы, и пластинки дюфур.

По древесному углю для вмещающего слоя получена дата порядка 28 тлн. Вторая дата, по кости, вероятно, омоложена (19 тлн). Нижележащий слой — мустьерский.

5.12. Кавказ

Верхний палеолит появился на Кавказе сравнительно поздно, о чем, помимо весьма молодых дат для первых верхнепалеолитических комплексов, свидетельствует и длительное существование в регионе среднего палеолита. РУ даты, полученные для самых верхних микокских и мустьерских слоев таких северокавказских пещер, как Мезмайская и Мыштулагты-Лагат, практически идентичны — около 32–33 тлн (Golovanova et al. 1999; Golovanova, Doronichev 2003; Hidjrati et al. 2003). ЭПР даты для того же (второго) слоя Мезмайской пещеры несколько древнее (36–37 тлн) и соответствуют РУ датам для нижележащего слоя 2А этого памятника (Skinner et al. 2005). Для слоя 4 В-С пещеры Матузка имеется РУ дата 34.2 ± 1.4 тлн (Golovanova, Doronichev 2003). Примерно такова же, судя по ТУ датировке (35 ± 2 тлн), и древность самого позднего мустьерского комплекса в Ахштырской пещере (Любин 1989: 74). По Закавказью данных пока меньше и они более противоречивы. Для верхнего среднепалеолитического слоя 5 грота Ортвале Клде получено три РУ даты 36–37 тлн и четыре ТЛ даты со средним значением 44.1 ± 2.1 тлн (Adler et al. 2006). Считается, что ТЛ дает возраст более близкий к календарному, чем РУ, но в данном случае смущает то обстоятельство, что даты, полученные первым методом для нижележащего слоя 7, оказались в среднем на 2 тл моложе (42.5 ± 1.5).

РУ возраст нижнего верхнепалеолитического слоя 1С в Мезмайской пещере, согласно серии дат, около 32–33 тл (Golovanova et al. 2006), такую же древность имеют и низы слоя D Дзудзуаны (Bar-Yosef et al. 2006), для седьмого слоя Апианчи в литературе фигурирует дата 32.8 тлн (Kozlowski, Otte 2000: 525), а для низов четвертого слоя Ортвале Клде имеется большая серия дат от 34.6 ± 0.6 до 32.3 ± 0.5 тлн (Adler et al. 2006; Bar-Yosef et al. 2006). Таким образом, судя по имеющимся сейчас данным, в кавказском регионе смена среднего палеолита верхним произошла где-то в интервале от 32 до 36 тлн.

Происходил ли этот процесс исключительно или преимущественно за счет эволюции местных индустрий, либо же ведущую роль здесь сыграло воздействие извне (например, приход в регион нового населения)? Имеющиеся сейчас данные свидетельствуют скорее в пользу второго варианта развития событий. Правда, индустрию из четвертого слоя грота Ортвале Клде, где наряду с мустьерскими и верхнепалеолитическими орудиями было встречено изделие, определяемое как эмирейское острие (Tushabramishvili et al. 1999: fig. 9, 5), одно время предположительно рассматривали в качестве переходной. Однако последующие работы на этом памятнике показали, что в данном случае имело место смешение материалов из разных горизонтов и что на самом деле смена среднего палеолита верхним происходит в Ортвале Клде резко, без какого бы то ни было плавного перехода (Bar-Yosef et al. 2006). Индустрию слоя 1С Мезмайской пещеры ее исследовательница сближает с ахмаром, отмечая сходство острий на пластинках (Голованова 2000: 175). Слой 7 Апианчи рассматривают иногда как классический ориньякский комплекс (Kozlowski, Otte 2000: 525). По мнению других авторов, ни на одном из грузинских памятников настоящего ориньяка нет (Meshveliani et al. 2004: 143).

Судя по довольно многочисленным, хотя в большинстве своем очень фрагментарным антропологическим находкам, среднепалеолитические памятники Кавказа были оставлены неандертальцами (Баракаевская, Мезмайская, Матузка и др.), а физический тип создателей ранних верхнепалеолитических индустрий пока неизвестен.

5.13. Средняя Азия

В этом регионе количество комплексов, надежно датированных концом среднего и началом верхнего палеолита, очень невелико, хотя в принципе можно предполагать, что вообще все мустьерские памятники Средней Азии имеют весьма поздний возраст (Vishnyatsky 1999: 105)¹⁶. Особый интерес в связи с проблемой перехода представляют стоянка под открытым небом Худжи в Таджикистане и грот Оби-Рахмат в Узбекистане, относящиеся ко времени, непосредственно предшествующему началу верхнего палеолита.

Для культурного слоя Худжи еще в 70-е годы прошлого века по древесному углю была получена РУ дата 38.9 ± 7 тлн, реалистичность которой подтверждают пять новых дат от 36 до 42 тлн (Ранов, Лаухин 2000). Пластинчатый характер индустрии этого памятника привел Й. Шефера и В. А. Ранова к предположению, что ее, возможно, следовало бы рассматривать в качестве переходной (Schäfer, Ranov 1998: 796–797), но ни развернутого обоснования, ни дальнейшего развития эта гипотеза не получила. Хотя пластин в Худжи действительно много (почти столько же, сколько отщепов), и на них сделано около половины орудий, по совокупности технологических и типологических характеристик этот памятник все же явно еще относится к среднему палеолиту (рис. 5.13.1).

Таблица 5.13.1. Индексы СП-ВП комплексов Оби-Рахмата

Памятник, слой	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	Сумма	Источник
Оби-Рахмат, 2–5	1	1	1	0.5	1	0	0	0.5	0	0	0	-2	Деревянко и др. 2001
Оби-Рахмат, 6–9	1	1	1	0.5	1	0	0	0.5	0	0	0	-2	
Оби-Рахмат, 10–14	1	1	1	1	1	0	0	0.5	0	0	0	-2.5	

Для верхних слоев Оби-Рахмата есть серия из восьми РУ дат от 30 до 48 тлн (имеются также три явно омоложенных даты менее 20 тлн) и пять ТУ дат, предполагающих в два раза больший возраст (Ринн и др. 2004). Материалы этих слоев (рис. 5.13.2), по мнению некоторых исследователей, являют картину постепенного превращения мустьерской индустрии в верхнепалеолитическую (Сулейманов 1972, Деревянко и др. 2001). Другие авторы считают, что материалы мало различаются по слоям и в целом не выходят за рамки технико-типологической вариабельности, свойственной среднему палеолиту (Вишняцкий 1996: 126; Schäfer, Ranov 1998: 794). На основании данных, представленных сторонниками первой точки зрения (Деревянко и др. 2001), была произведена оценка индекса СП-ВП для тех комплексов

¹⁶ Среднеплейстоценовый возраст, постулировавшийся одно время для находок мустье в лесовых толщах Таджикской депрессии, в свете последних данных о древности соответствующих отложений кажется маловероятным (Поспелова и др. 2005). Скорее всего, он не выходит или лишь немного выходит за рамки КИС 3.

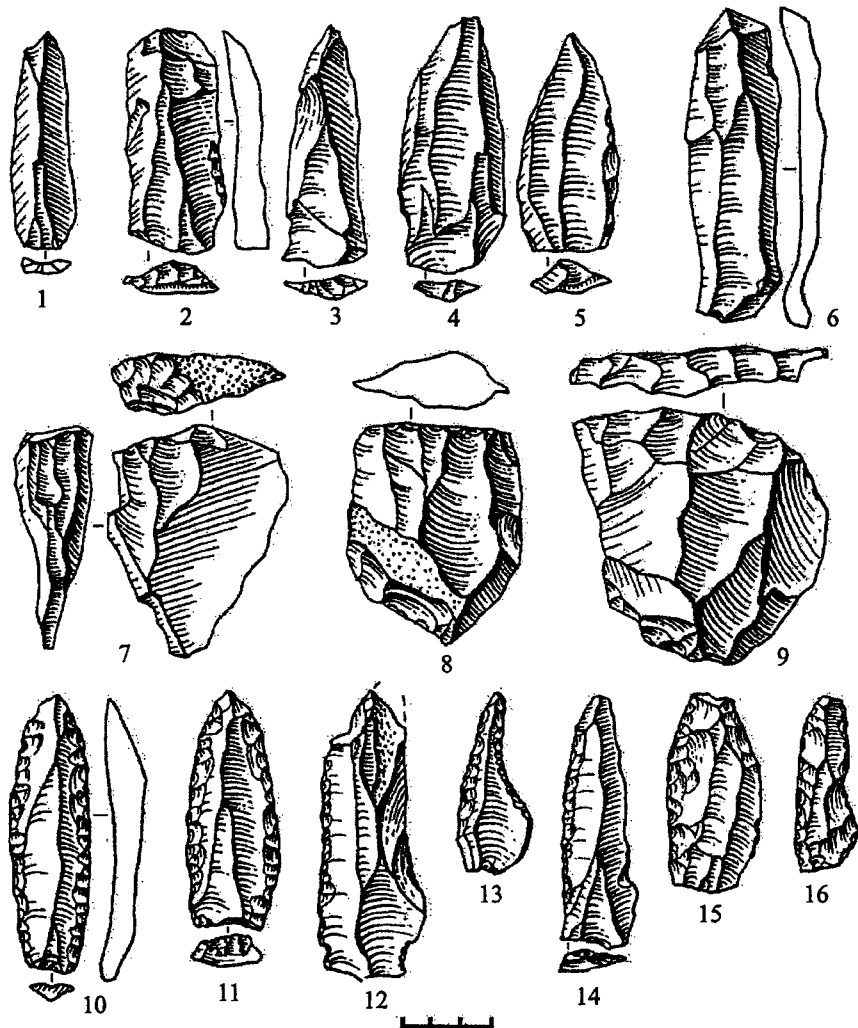

Рис. 5.13.1. Заготовки (1-6), нуклеусы (7-9) и орудия (10-16) со стоянки Худжи (по Ранову, Амосовой 1984).

Оби-Рахмата, стадияльная принадлежность которых является предметом разногласий. Речь идет о слоях 2-14. Их принято делить на три пачки: верхняя — слои 2-5, средняя — 6-9, нижняя — 10-14. Результаты оценки показаны в таблице 5.13.1 (подробней см.: Вишняцкий 2004).

Следует иметь в виду, что в данном случае общая сумма скорее завышена, чем занижена. Как показало ознакомление со значительной частью старых и новых материалов Оби-Рахмата, вещи, которые определялись как боковые скребки, трудно считать скребками в собственном смысле. Большую их часть правильнее было бы рассматривать как мелкие скребла и отщепы с ретушью, и потому при подсчете соответствующих показателей вряд ли правомерно включать их в группу верхнепалеолитических орудий. Если ввести эту поправку, то, вероятно, значение признака 8 придется исправить на 0, и тогда оценка комплексов слоев 2-5 и 6-9 будет -2.5, а индустрии слоев 10-14 -3. Впрочем, на общей картине данное уточнение отразилось

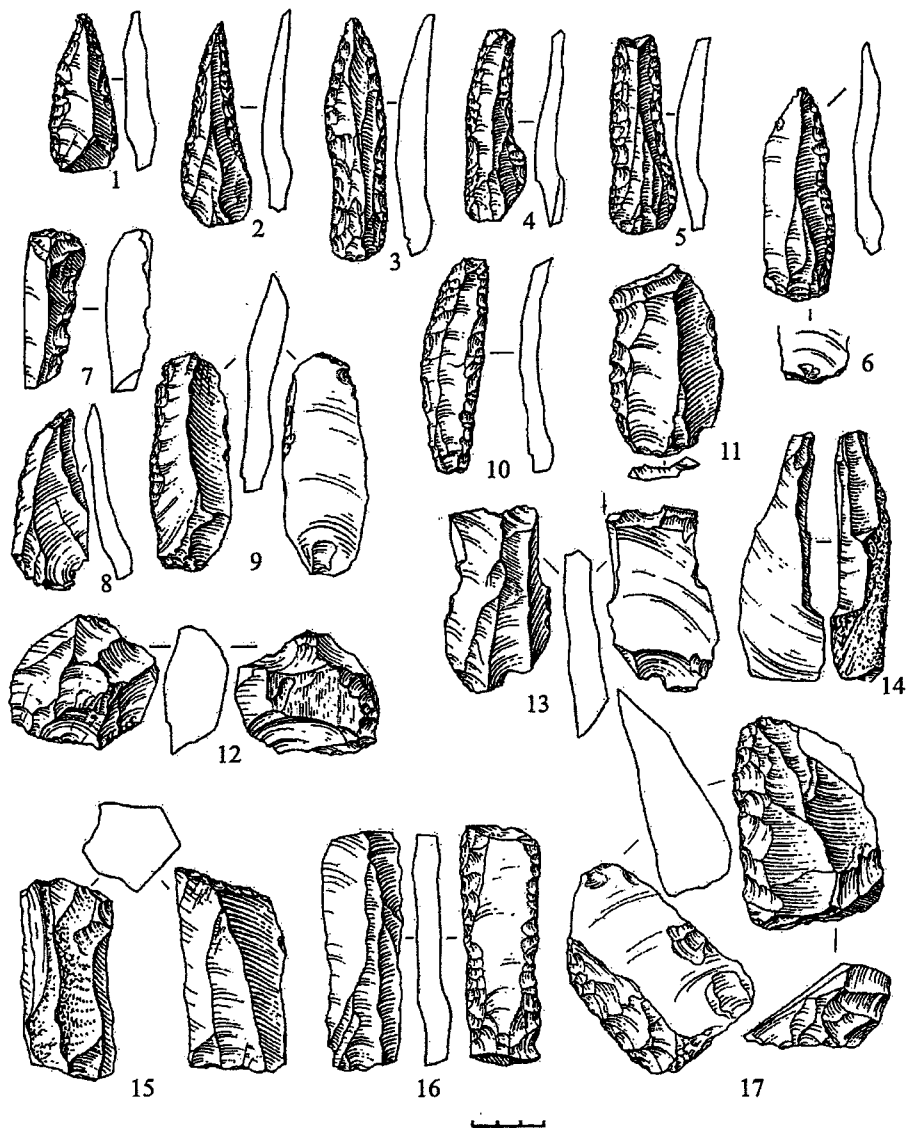

Рис. 5.13.2. Оби-Рахмат (по Сулейманову 1972).

бы крайне мало. Даже в этом случае, как легко заметить, значения индекса СП-ВП явно тяготеют к среднепалеолитическому «полюсу» и не дотягивают до значений, характерных для самого архаичного верхнего палеолита.

Верхнепалеолитических памятников на территории бывшей советской Средней Азии и Казахстана известно очень немного, на порядок меньше, чем среднепалеолитических (Вишняцкий 1996). В западных районах (Прикаспий) их, по существу, нет вообще (по крайней мере, достоверных), и лишь на востоке и юго-востоке (Тянь-Шань и Памир) верхний палеолит может быть выделен с уверенностью (Самаркандская стоянка, Ходжамазгиль, Сиабча, верхние слои Кульбулака, первый и второй слои Шугноу, Карасу, Шульбинка и несколько других, менее представительных, комплексов). Однако что касается его генезиса, то на этот счет, ввиду крайней скудо-

сти добротных археологических данных и полного отсутствия внушающих доверие датировок, сейчас невозможны не только выводы, но даже и сколько-нибудь далеко идущие предположения. Можно отметить лишь, что для большинства известных индустрий, таких как Кульбулак, Карасу, Шугноу, при всей их взаимонепохожести, характерно существование в технологии и/или типологии выраженных среднепалеолитических элементов, что дает некоторые основания осторожно допускать возможность их формирования на местной мустьерской почве, без резких перерывов постепенности развития (Vishnyatsky 2004).

Антропологических материалов, которые можно было бы с уверенностью связывать с комплексами верхнего палеолита, в Средней Азии нет. Кости анатомически современного человека с Самаркандской стоянки имеют не совсем ясное происхождение и их связь с палеолитическими слоями ставится под сомнение (Несмеянов 1980: 43). Мустьерские памятники, судя по находке в Тешик-Таше, были оставлены неандертальцами, что подтверждают и палеогенетические данные (Krause et al. 2007). Зуб (второй нижний резец) ребенка 3–5 лет из Худжи не поддается точному таксономическому определению (Trinkaus et al. 2000), как и зубы с фрагментами черепа, найденные в Оби-Рахмате (Гланц и др. 2004).

5.14. Балканы

Судя по имеющимся сейчас данным, история разных частей этого региона в период перехода складывалась неодинаково. На северо-западе и особенно северо-востоке Балканского полуострова верхний палеолит появляется довольно поздно. На юге, напротив, есть ряд памятников, где выявлены материалы, хронологически и по своему эволюционному статусу сопоставимые с эмираном. Основные индустрии ранней поры верхнего палеолита, известные сейчас на Балканах — это бачокиро и ориньяк. Кроме того, в пещерах Темната, Козарника (обе в Болгарии), Клисуре 1 и Лаконис 1 (обе в Греции) имеются комплексы, датируемые самым началом верхнепалеолитической эпохи, но не имеющие пока явных аналогий в регионе и не могущие быть отнесенными ни к одной из перечисленных выше групп.

Индустрия слоя VI сектора TD-I Темнаты, возраст которого определяется пока единственной ТЛ датой 67 ± 11 тлн, одно время расценивалась как «позднейшая фаза балканского мустье-леваллуа, эволюционирующего в сторону обретения некоторых верхнепалеолитических черт, подобно индустриям Бокер Тахтит в Леванте» (Kozłowski 1992: 8–9). Допускалась даже генетическая связь между этой индустрией и богунице (ibid.: 10). Впоследствии, однако, идея о переходном характере слоя VI сектора TD-I была ее автором оставлена (напр.: Kozłowski 2004a: 265). Действительно, в опубликованном кратком описании инвентаря этого слоя (Ginter et al. 1996: 178–180) ничто не указывает на наличие каких бы то ни было типологических или технологических черт, более свойственных верхнему, чем среднему палеолиту. Такие черты появляются лишь в слое VI сектора TD-II, который, как свидетельствуют стратиграфическая корреляция и абсолютные даты (ТЛ и РУ), моложе слоев VI и V сектора TD-I, но явно древнее 39 тл и, возможно, даже несколько древнее 45 тл. Здесь наряду с ядрищами плоскостного принципа расщепления, мустьерскими остроконечниками и скреблами (рис. 5.14.1: 4–6, 9, 10) представлены полуповоротные нуклеусы (рис. 5.14.2: 18, 19), а также многочисленные и вполне типичные скребки (рис. 5.14.2: 1, 2, 7–9). Индекс СП-ВП этого комплекса (табл. 5.14.1) позволяет

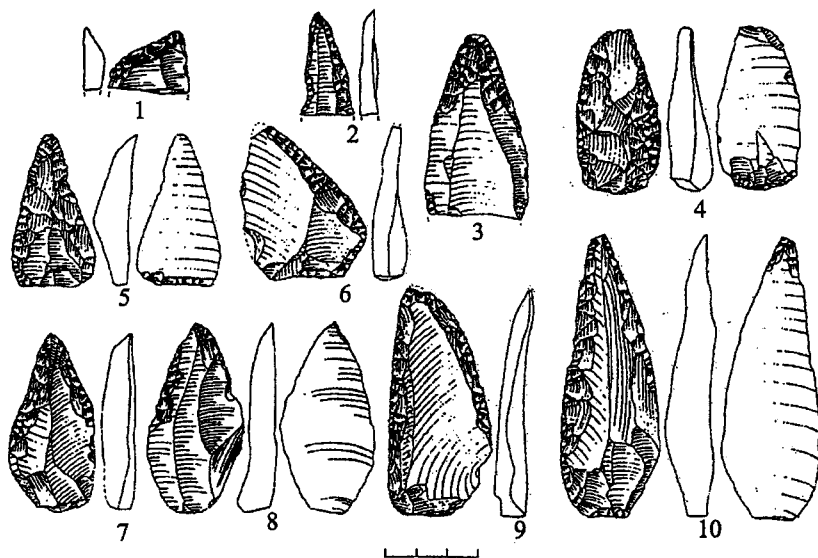

Рис. 5.14.1. Орудия из слоя VI сектора TD-II (4–6, 9, 10) и слоя 4 сектора TD-I (1–3, 7, 8) пещеры Темнаты (по Kozłowski 2004).

рассматривать его как архаичный верхний палеолит. Исследователи Темнаты характеризовали индустрию слоя VI сектора TD-II как переходную от местного мустье-леваллуа к верхнему палеолиту с леваллуазской технологией (Ginter et al. 1996: 177, 183, 189; Drobniewicz et al. 2000: 277), указывая при этом, что, хотя мощность слоя составляет до 2 м, «диагностичные» артефакты рассеяны по его толще равномерно, и потому «переходный» характер вряд ли может объясняться в данном случае механическим смешением материалов из более ранних мустьерских и более поздних верхнепалеолитических комплексов (Drobniewicz et al. 2000a: 249).

Я. Козловский в последних работах высказывает сомнения относительно местного генезиса индустрии слоя VI, указывая на ряд различий с мустье нижележащих слоев. Он считает более вероятным ближневосточное происхождение этой «переходной индустрии», ссылаясь, помимо технологических параллелей, на наличие в слое VI двух эмирейских острий (Kozłowski 2004a: 270). Не отрицая сходства с эмираном в технологии, следует все же заметить, что вещи из Темнаты, рассматриваемые как эмирейские острия, трудно признать таковыми даже при самом широком подходе к определению этого типа (ср. рис. 5.9.1: 1–9 и 5.9.2 с рис. 5.14.1: 5, 10). Во-первых, края у них обработаны непрерывной ретушью на всю длину, тогда как эмирейские острия в классическом своем виде — это именно острия, а не остроконечники, т. е. ретушь краев для них вообще не характерна. Во-вторых, в плане основание у изделий из Темнаты прямое, а у эмирейских острий оно всегда овальное. В третьих (и это, пожалуй, главное), у рассматриваемых орудий нет бифасиального утончения основания, а есть лишь его усечение, что дает совершенно иной, по сравнению с эмирейскими остриями, профиль проксимального конца. Впрочем, как минимум одно орудие с овальным двусторонне утонченным основанием в коллекции все же есть (рис. 5.14.1: 4), и хотя эмирейским острием оно тоже не является (края ретушированы на всю длину, спинка сплошь покрыта негативами ретуши, ударный бугорок утончением не снят), наличие сходного приема обработки налицо.

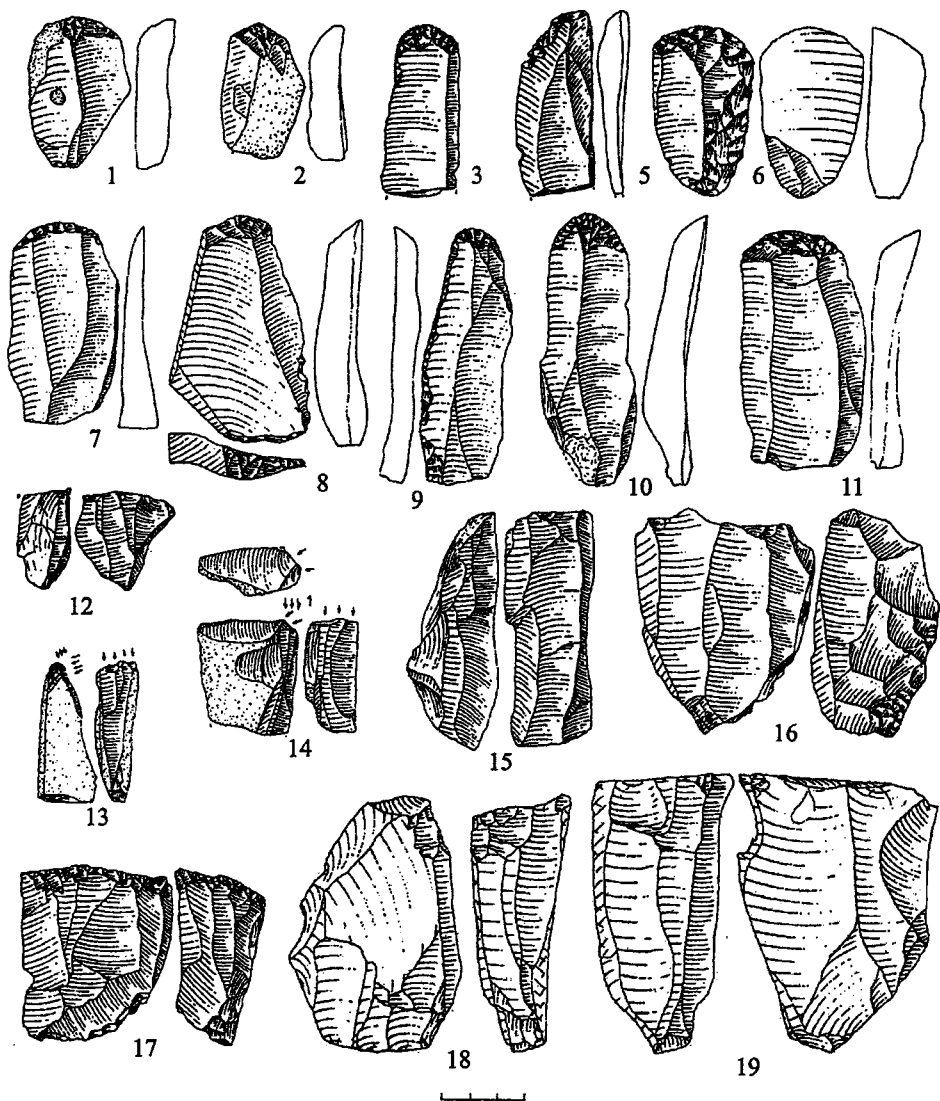

Рис. 5.14.2. Скребки и нуклеусы из слоя VI сектора TD-II (1, 2, 7-9, 18, 19) и слоя 4 сектора TD-I (3-6, 10-17) пещеры Темната (по Kozłowski 2004).

Исследователями Темнаты было предложено рассматривать в качестве «переходных» также слои 4-1 Самуилицы II (Drobniiewicz et al. 2000: 182), ранее определявшиеся как типичное мустье фации леваллуа (Sirakov 1983; Allsworth-Jones 1990: 212-213), но археологических аргументов в пользу пересмотра прежней оценки этого материала пока не представлено. Если судить об индустрии верхних слоев Самуилицы по описаниям (для сколов и орудий весьма подробным) и рисункам в работе Н. Сиракова (Sirakov 1983), то единственно возможным кажется вывод о чисто среднепалеолитическом характере всех четырех комплексов, для верхнего из которых есть РУ дата 42.8 ± 1.3 тлн (Kozłowski 2004a: 264).

В пещере Лаконис 1, находящейся на крайнем юге острова Пелопоннес, слой архаичного верхнего палеолита (Ia) с удлинненными леваллуазскими остриями, скреб-

лами, скребками, резцами и ретушированными пластинками, снятыми с вторичных нуклеусов, налегает непосредственно на среднепалеолитический (Ib) слой, причем для обоих получены практически идентичные РУ даты (две для Ia и три для Ib) от 38 до 44 тлн. Судя по данным ремонтажа, смешение материалов если и было, то очень незначительное. Наличие, с одной стороны, отдельных признаков объемного расщепления в позднем мустье слоя Ib, а с другой большого количества мустьерских элементов в типологии и технологии верхнепалеолитического комплекса говорит, по мнению исследователей пещеры, о том, что индустрия слоя Ia сформировалась *in situ* на местной основе (Panagopoulou et al. 2002–2004). В пользу этого косвенным образом свидетельствует и определение зуба (коренной третий левый нижний) из слоя Ia как неандертальского (Narvati et al. 2003). Индекс СП-ВП, судя по опубликованным данным, может составлять от -1 до 1 (табл. 5.14.1).

Таблица 5.14.1. Индексы СП-ВП для комплексов архаичного верхнего палеолита Балкан

Памятник, слой	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	Сумма	Источник
Темната TD-II, VI	1	1	1	0.5	1	1	?	0.5	0	0	0	-1/0	Ginter et al. 1996; Kozłowski 2004a
Лаконис 1, Ia	1	0.5	?	0.5	0.5	1	?	0.5	0	0	0	-1/1	Panagopoulou et al. 2002–2004
Клисура 1, V (улицо?)	1	1	?	0.5	0.5	?	?	1	1	0	0*	-1/2	Koumouzelis et al. 2001a
Бачокиро (Бачо Киро, 11+ Темната, 4)	1	1	0.5–1	0.5	0.5–1	0.5	?	1	0	0.5	0.5	-0.5/1.5	Kozłowski et al. 1982; Ginter et al. 1996; Kozłowski 2004a

* В одной из статей, посвященных Клисура, упоминается о находке в слое V дюжины с лишним раковин *Dentalium* (Koumouzelis et al. 2001: 528). В вышележащих ориньякских слоях такие раковины имеют искусственные отверстия, что указывает на их символическую функцию.

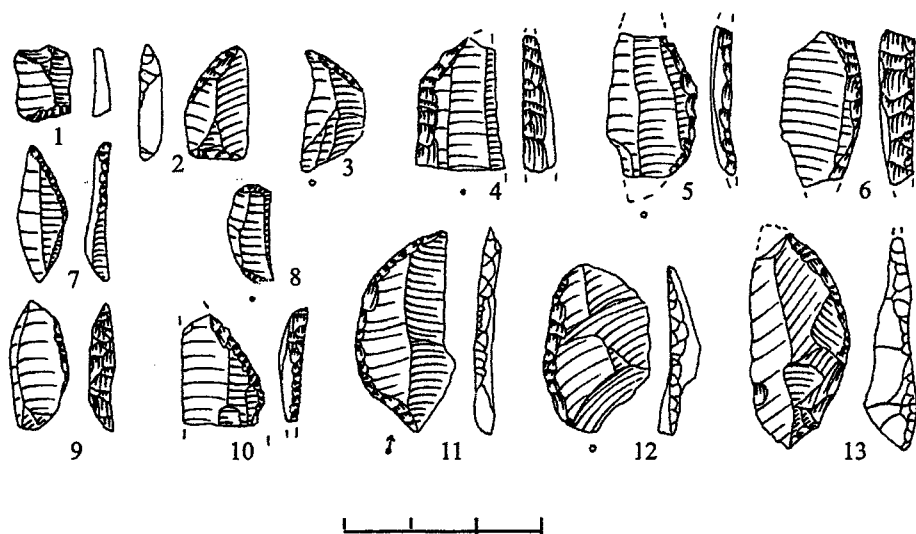

Рис. 5.14.3. Улицо (?). Сегменты пластинок и пластин с усечением (1–3, 8) и с дугообразным притупленным краем (4–7, 9–13) из слоя V пещеры Клисура (по Koumouzelis et al. 2001).

Не менее интригующий материал происходит с запада Пелопоннеса, из пещеры Клиссура 1 (Koumouzelis et al. 2001, 2001a). В слое V, залегающем между мустьерскими и ориньякскими слоями, выявлена оригинальная индустрия, характеризующаяся обилием долотовидных орудий и изделий с дугообразным притупленным краем (рис. 5.14.3) и сопоставляемая на этом основании с улущо Апеннин (см. 5.15). Для нее есть три РУ даты: две открытые (> 31 тлн) и одна около 40 тлн. Три РУ даты для вышележащих ориньякских горизонтов находятся в диапазоне от 31 до 35 тлн. Индекс СП-ВП, судя по опубликованным данным, может составлять от -1 до 2 (табл. 5.14.1).

Бачокиро

В слое 4 сектора TD-I и стратиграфически эквивалентном ему слое 4 сектора TD-V Темнаты представлена индустрия, которую, наряду с комплексом 11-го слоя пещеры Бачо Киро, часто определяли как ранний, или архаичный ориньяк, а когда хотели подчеркнуть ее специфику, именовали «бачокирьеном». Несмотря на то, что материалам Бачо Киро посвящена целая монография (Kozlowski 1982), а материалам Темнаты даже несколько томов (Ginter et al. 2000), информация о многих сторонах технологии и типологии бачокиро остается скудной, а кое в чем и противоречивой. Так, например, нуклусы в существующих публикациях охарактеризованы крайне сжато, об ударных площадках сколов сказано и того меньше, а новое описание инвентаря 11-го слоя Бачо Киро (Tsonova, Bordes 2003; Teyssandier 2005, 2006) в ряде отношений серьезно расходится со старым. В целом, судя по представленным в публикациях данным, для рассматриваемой индустрии свойственно сочетание во многом еще среднепалеолитической технологии с преимущественно верхнепалеолитическим орудийным набором (хотя имеются и скребла, и мустьерские остроконечники), лишенным, однако, каких-либо своеобразных, только ему присущих черт.

Хронология. Возраст слоев с материалами, относимыми к бачокиро, может быть определен лишь в очень широких пределах, поскольку каждый из них накапливался, по-видимому, в течение довольно продолжительного периода и включает несколько горизонтов. Древность низов и средней части слоя 4 Темнаты (фазы С и В), судя по пяти РУ датам не менее 36 и не более 40 тл, но для этих же отложений есть еще две ТЛ даты: 45 ± 7 и 46 ± 8 тлн (Ginter et al. 1996: 176; Drobniewicz et al. 2000a: 334). К тому же временному интервалу относятся и РУ датировки бачокиро на эпонимном памятнике. Самая древняя из них (> 43 тлн) была получена в начале 80-х годов прошлого века по древесному углю, а четыре даты, полученные по кости, зубу и древесному углю десять лет спустя укладываются в диапазон от 38.5 ± 1.7 до 33.8 ± 0.9 . В Темнате слой 4 перекрыт горизонтом вулканического пепла, аналогичного по текстуре и химическому составу пеплам кампанского игнимбритового извержения (Giaccio et al. 2007), происшедшего, согласно данным АА и КА датирования, скорее всего, где-то в интервале от 37 до 41 тлн (Ton-That et al. 2001; Fedele et al. 2002; Giaccio et al. 2006). Для низов залегающего над пеплом слоя 3 есть две РУ даты порядка 32-33 тлн. Таким образом, бачокиро наверняка не моложе 37 тл и, вероятно, не древнее 46 тл. Отт и Козловский (Kozlowski, Otte 2000) предлагают относить к бачокиро также небольшой комплекс второго слоя Виллендорфа, возраст которого, судя по РУ датам для вышележащих отложений, превышает 42 тл (Haesaerts, Teyssandier 2003).

Генезис. Раньше исследователи Темнаты и Бачо Киро писали об отсутствии признаков преемственности между бачокиро и комплексами нижележащих слоев этих

памятников, ссылаясь на то, что в первой индустрии нет якобы ни леваллуазского расщепления, ни среднепалеолитических типов орудий (Drobniwicz 2000a: 378). После появления работы Т. Цоновой и Ж.-Г. Борда, где утверждается, что в слое 11 Бачо Киро доминирует леваллуазская технология, а одним из основных типов орудий являются мустьерские остроконечники (Tsonova, Bordes 2003), Я. Козловский изменил свою первоначальную точку зрения. Теперь он допускает, что бачокиро генетически могло быть связано с индустрией слоя VI сектора TD-II Темнаты (Kozlowski 2004a: 271; Козловский 2005: 101–102). Такая связь, действительно, кажется вполне вероятной и, более того, трудно понять, а что, собственно, мешает рассматривать комплекс слоя VI как составную часть бачокиро? Между ними нет ни хронологического разрыва, ни сколько-нибудь резких технологических или типологических различий, так что подобное объединение выглядело бы вполне логичным. Гипотеза о ближневосточном происхождении «переходной индустрии» слоя VI может быть в этом случае распространена на бачокиро в целом, которое Т. Цонова и Ж.-Г. Борд, кстати, считают во многом близким богунице, с одной стороны, и эмирану — с другой (Tsonova, Bordes 2003).

Как уже говорилось, бачокиро часто рассматривали как ранний, или «архаичный» ориньяк (Kozlowski 1992: 11, 2000: 99; Straus 1993/1994: 196; Ginter et al. 1996: 190–198). Недавно Я. Козловский и М. Отт (Kozlowski, Otte 2000), а вслед за ними и некоторые другие авторы (Panagoroulou 2003–2004: 345) стали использовать для обозначения этой и ряда других верхнепалеолитических индустрий Балкан и Центральной Европы термин преориньяк. Они предлагают отказаться от традиционного употребления этого понятия (что чревато большой путаницей) и применять его в качестве названия таких индустрий, которые, во-первых, предшествуют классическому ориньяку и имеют больше общего с ним, чем с другими переходными индустриями, а во-вторых, в отличие от последних, являют технологический и типологический разрыв со средним палеолитом. Что касается термина протоориньяк, то его предлагается использовать лишь для описания «богатых пластинками раннеориньякских индустрий средиземноморского бассейна» (Kozlowski, Otte 2000: 514–515).

Характеризуя комплексы, относимые ими к преориньяку (Бачо Киро, 11; Темната, 4; Виллендорф II, 1, 2; Гейсенкlostерле, III), Козловский и Отт отмечают отсутствие в них кареноидных скребков и резцов, ориньякских пластин, ретушированных пластинок (дюфур), а также и костяных наконечников. Получается, таким образом, что ничего ориньякского в преориньяке нет¹⁷. Нет в нем, правда, по их мнению, и листовидных наконечников, острий с притупленным краем, а также «леваллуазской или мустьерской техник» (Kozlowski, Otte 2000: 516), но применительно к бачокиро это, как теперь известно, совсем не так. Для этой индустрии как раз не редкость и плоские нуклеусы (рис. 5.14.2: 16 и 5.14.4: 21), сочетающиеся с призматическими, полуповоротными и торцевыми для пластинок (рис. 5.14.2: 12–15, 17), и фасетированные площадки сколов, и мустьерские остроконечники (рис. 5.14.1: 3,

¹⁷ Следует заметить, что как бы ни называлась эта группа памятников, комплексу третьего слоя Гейсенкlostерле в ней явно не место. Он содержит в немалом количестве и кареноидные скребки, и скребки с носиком, и обработанную кость, причем показано, что вероятность того, что эти вещи попали в слой III из вышележащего ориньякского слоя II, ничтожно мала (Conard et al. 2003). Й. Хан называл комплекс слоя III «протоориньякским», по-видимому, главным образом из-за отсутствия в нем наконечников с расщепленным основанием, которые появляются лишь в слое III (Bolus 2003).

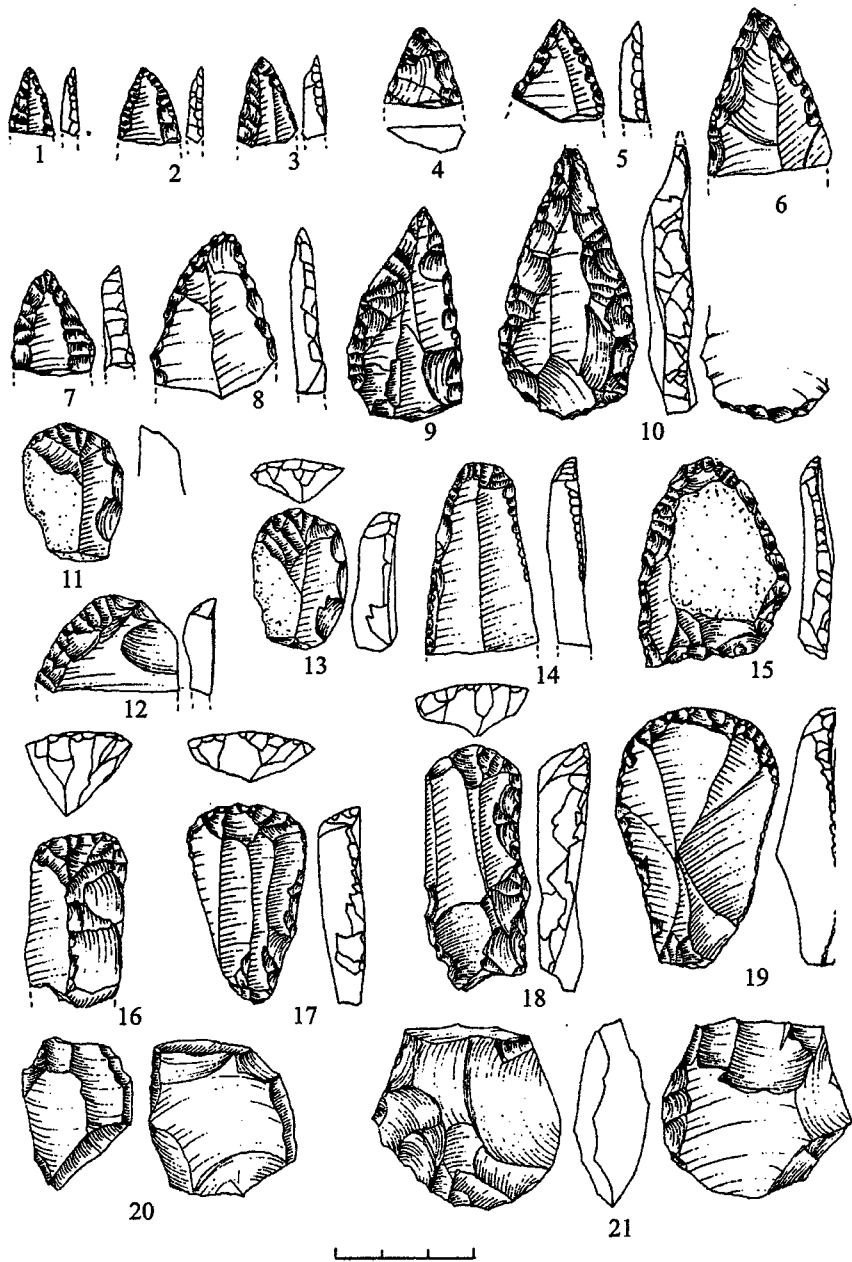

Рис. 5.14.4. Орудия (1-19) и нуклеусы (20, 21)
из 11-го слоя Бачо Киро (по Kozłowski et al. 1982).

7, 8; 5.14.4: 1-10). Помимо остроконечников, орудийный набор состоит почти исключительно из скребков и пластин с ретушью (рис. 5.14.2: 3-6, 10, 11; 5.14.1: 1, 2 и 5.14.4: 11-19), причем среди тех и других типичные ориньякские формы (кареноидные, с рыльцем, с талией) либо крайне редки, либо отсутствуют. В Темнаге есть, правда, несколько стрелчатых скребков (исследователи этого памятника относят

их к числу скребков с носиком, см. Drobniiewicz et al. 2000a: 357, fig. 9: 4, 6), но они часто встречаются и вне ориньяка. К тому же при описании материала отмечается, что форма рабочего края этих изделий в данном случае представляет собой, скорее всего, не стилистический элемент, а результат интенсивного использования и переоформления (Drobniiewicz et al. 2000a: 357). К сказанному следует добавить, что в бачокиро нет также ни кареноидных резцов, ни орудий на пластинках и микропластинках (Ginter et al. 1996: 192; Kozłowski 1999: 106). Таким образом, как уже не раз отмечалось (Zilhão, d'Errico 1999: 42–43; Вишняцкий 2000: 251; Tsonova, Borges 2003; Teyssandier 2005, 2006), отнесение материалов 11-го слоя Бачо Киро и 4-го слоя Темнаты к раннему, архаичному или какому бы то ни было другому ориньяку кажется пока недостаточно обоснованным, равно как и рассмотрение их в качестве его вероятной подосновы. Вместе с тем категорически отвергать последнюю гипотезу тоже было бы, пожалуй, несколько преждевременно, хотя бы уже только потому, что большинство других индустрий конца среднего и начала верхнего палеолита, известных сейчас в Европе, подходят на роль «родителей» ориньяка еще меньше, чем бачокиро.

Эволюционный статус. Хотя вследствие недостатка и противоречивости данных о некоторых сторонах технологии и типологии бачокиро, далеко не все позиции в таблице могут быть заполнены с уверенностью (см. табл. 5.14.1), кажется крайне маловероятным, чтобы индекс СП-ВП этой индустрии вышел за рамки, установленные для архаичного верхнего палеолита. Он может составлять от -0.5 до 2.5 , но, скорее всего, лежит где-то в интервале от 0 до 1.5 .

Антропология. Фрагмент детской нижней челюсти с одним моляром, происходящий из 11-го слоя Бачо Киро, упоминается в нескольких статьях Я. Козловского как принадлежащий *Homo sapiens* (Kozłowski 1992:12, 1996: 211), но на самом деле, по мнению антропологов, ни челюсть, ни зуб не поддаются точной диагностике (Glen, Kaszaniowski 1982; Churchill, Smith 2000a: 87, 102) и вполне могут быть неандертальскими (Wolpoff 1996: 58–59). Более того, даже зубы из вышележащих ориньякских слоев 6a, 6b и 7, по заключению специалистов, описывавших этот материал, «очень похожи на зубы неандертальцев» (Glen, Kaszaniowski 1982: 79). К этому можно добавить, что зуб из слоя 1a пещеры Лаконис, давшего индустрию, в общем, вполне сопоставимую с бачокиро, определяется как неандертальский (Harvati et al. 2003).

Ориньяк и ольшевий

Хронология и генезис. Если оставить в стороне слой VII грота Козарника, о котором говорится ниже, то самые ранние после бачокиро верхнепалеолитические комплексы, известные сейчас на Балканах, имеют РУ возраст порядка 31–34 тлн. На юге и северо-востоке полуострова их с достаточной степенью уверенности можно отнести к ориньяку (слои 9–6 Бачо Киро, слой 3 Темнаты, слой IV Клисурь 1, Миток-Малу Галбен), а на северо-западе к ольшевию (Велика Печина, i; Виндия, G1 и т. д.), который, впрочем, очень часто тоже рассматривается как разновидность ориньяка. Вплоть до появления ориньяка на севере Балкан были распространены среднепалеолитические индустрии. Многие из них имеют более поздний возраст, чем бачокиро, а некоторые, возможно, даже синхронны местному ориньяку (Cârciumaru 1995, 1998). Так, на территории Румынии памятники конца мустье связаны с отложениями охабского интерстадиала, эквивалентного интерстадиалу арси-штилфрид В-кессельт. Их поздний возраст подтверждают и РУ даты. Слой 4b стоянки Охаба

Понор имеет дату 28–29 тлн, для мустье пещеры Спурката получена дата порядка 28–32 тлн, а четыре даты для второго слоя стоянки Гура Чейи-Раснов варьируют от 28 до 34 тлн (Cârciumaru, Anghelinu 2000: 191). При этом несмотря на относительную близость Бачо Киро и Темнаты, памятников раннего верхнего палеолита до появления ориньяка в южнокарпатской области нет. РУ возраст древнейшего датированного ориньякского памятника, каковым является Миток-Малу Галбен, судя по пяти датам, составляет от 29 до 32 тлн (Chirica et al. 1996).

С Миток-Малу Галбен иногда синхронизируют ориньякские слои стоянок Тинкова, Ромэнешти-Думбрэвица и Кошава в Банате (Chirica et al. 1996: 128–138), но естественнонаучных данных по этим памятникам пока явно недостаточно для определения их возраста. Что же касается их каменного инвентаря, то он, как кажется, лишен черт, которые могли бы послужить в качестве надежных хронологических индикаторов. Нельзя исключить даже принадлежность перечисленных комплексов (или какой-то их части) к протоориньяку или, иначе говоря, ориньяку 0 (Демиденко 2003: 161–162), хотя не все имеющиеся данные одинаково хорошо согласуются с такой гипотезой. В протоориньяке Западной Европы пластинки дюфур и острия фон-ив составляют обычно около половины всех орудий (см. 5.15), тогда как в банатских коллекциях, судя по опубликованным цифрам (Chirica et al. 1996: 135–136), их доля колеблется от 1% (Кошава) до 23% (Тинкова), причем альтернативная и просто вентральная ретушь встречается очень редко. Кроме того, во всех коллекциях есть серии скребков с рыльцем и пластин с «ориньякской» ретушью (попадаются и типичные пластины с перехватом), что для протоориньяка не характерно¹⁸. С другой стороны, в непосредственной близости от Баната, на северо-западе Болгарии, известен теперь такой памятник, как грот Козарника, слой VII которого дал материалы, не без оснований сближаемые их исследовательницей с протоориньяком и ахмаром (Tsanova 2006: 379, 382). Здесь есть и типичные острия фон-ив (ibid.: fig. III.11), и пластинки с альтернативной ретушью (ibid.: fig. III.15), и пирамидальные нуклеусы для пластинок, и шлифованные костяные орудия, но нет ни характерных для классического ориньяка форм скребков (каренэ, с носиком) и ретушированных пластин (с перехватом, с непрерывной инвазивной ретушью), ни наконечников с расщепленным основанием. Протоориньякскому облику этого комплекса вполне соответствует и серия из четырех РУ дат от 36 до 39 тлн (ibid.: tabl. III.1).

Относительно генезиса балканского ориньяка пока трудно сказать что-либо определенное. Сравнительно поздний возраст и вполне сложившийся облик известных комплексов свидетельствуют против прямой связи с бачокиро или, тем более, местным средним палеолитом. Несколько ближе к этим комплексам и по своему характеру, и по хронологии индустрия слоя VII грота Козарника, хотя и в ней почти ничего специфически ориньякского еще нет. Возможно, внимание следует обратить на территориально близкие области юга Центральной Европы, где, судя по имеющимся сейчас данным, ориньяк появился как минимум на 2–3 тысячи лет раньше, чем на Балканах (см. 5.16). Однако, учитывая, что многие районы Балканского полуострова изучены еще не очень хорошо, легко допустить, что новые находки могут в корне изменить ситуацию.

Несколько особняком стоит ранний верхний палеолит крайнего северо-запада

¹⁸Протоориньяк (ориньяк 0) понимается здесь не как локальный (средиземноморский) вариант классического ориньяка, а как предшествующая ему индустрия, технологически и типологически близкая ахмару. Преемственность между ориньяком и протоориньяком при этом ни в коем случае не исключается (подробней см. 5.15).

Балканского полуострова, представленный рядом пещерных стоянок с немногочисленным, как правило, каменным инвентарем, и обязательным присутствием костяных и роговых орудий, включая наконечники. Это Виндия и Велика Печина в Хорватии, а также Потоцка Зиялка, Мокришка Яма и Дивье Бабе 1 в Словении¹⁹. Особенно интригующе выглядит индустрия слоя G1 Виндии, где скребла и зубчато-выемчатые формы сочетаются со скребками, резцами и листовидным бифасиальным изделием, а также четырьмя наконечниками из рога, один из которых имеет расщепленное основание, а три других относятся к младечскому типу (Karavanić, Smith 1998). К сожалению, попытка продатировать наконечник с расщепленным основанием закончилась неудачей, и остается пока неясным, имеем ли мы здесь дело со своеобразной переходной индустрией, или же сочетание мустьерских и ориньякских элементов объясняется смешением материалов из разных слоев. По останкам пещерного медведя из слоя G1 в разные годы и в разных лабораториях были получены РУ даты около 18, 33 и 46 тлн. Прямое датирование человеческих (неандертальских) костей первоначально показало возраст 28–29 тлн (Smith et al. 1999), а после применения усовершенствованной процедуры подготовки образцов — 32–33 тлн (Higham et al. 2006). Вполне возможно, что в результате криотурбации и биотурбации в слое G1 смешан разновременный археологический и антропологический материал, хотя ни каменные, ни роговые артефакты не несут на своих поверхностях следов, которые подтверждали бы такой ход событий, а кроме того, отмечается, что кости неандертальцев и наконечник с расщепленным основанием были найдены в отложениях, не затронутых криотурбацией (Karavanić 2000: 165; Ahern et al. 2004: 29).

Три фрагмента аналогичных роговых наконечников, а также три скребла, скребок и срединный резец найдены в слое i Великой Печины. В пещере Мокришка Яма 12 костяных наконечников (как минимум один из них с расщепленным основанием) и несколько каменных изделий. В слое 2 Дивье Бабе (РУ дата 35–36 тлн) наконечник с расщепленным основанием и одно точно неопределимое каменное орудие. По мнению И. Караванича, перечисленные комплексы, несмотря на наличие наконечников с расщепленным основанием и младечского типа, не содержат (за единичным исключением) типичных ориньякских форм и могут рассматриваться как региональная индустрия, имеющая корни в местном мустье. Для ее обозначения он предлагает использовать старое название ольшевий. Допуская правоту Й. Хана, по мнению которого специфика инвентаря перечисленных памятников объясняется их особой функцией (кратковременные охотничьи лагеря) и их следует считать фацией ориньяка (см. также Allsworth-Jones 2004: 288–289), Караванич отмечает все же, что они не дают явных свидетельств охотничьей деятельности (Karavanić 2000: 166). К ориньяку же он относит индустрию пещеры Потоцка Зиялка²⁰, где, наряду с костяными наконечниками (один из них с расщепленным основанием), представлены кареноидные скребки и скребки с носиком (плюс мустьерские формы), а также, с оговорками, инвентарь низов слоя F Виндии (четыре даты от 24 до 30 тлн).

Эволюционный статус. Судя по имеющимся в литературе данным, расщепление в ранних ориньякских комплексах Балкан в значительной степени ориентировано на получение отщепов, сколы нередко имеют фасетированные площадки (как в девятом слое Бачо Киро), а среди орудий часто отсутствуют пластинки с притушенным кра-

¹⁹Близкие по составу находок комплексы примерно такого же возраста известны и в соседних регионах, в частности, в австрийских Альпах и в Венгрии (Allsworth-Jones 2004: 289).

²⁰Хотя самим своим появлением термин «ольшевиян», предложенный в 1929 г. австрийским археологом Й. Байером, обязан именно этой пещере, находящейся на горе Ольшева в Южных Альпах.

ем и вообще изделия с подготовкой для крепления. Поэтому индекс СП-ВП раннего ориньяка региона относительно невысок (табл. 5.14.2). Тем не менее его максимально возможные значения существенно превышают максимальное значение, принятое для архаичного верхнего палеолита.

Таблица 5.14.2. Индексы СП-ВП для комплексов раннего ориньяка Балкан

Памятник, слой	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	Сумма	Источник
Клисура 1, III-IV	1	1	?	0	0.5	1	?	1	0	1	0.5	1-4	Koumouzelis et al. 2001a
Бачо Киро, 9-6	1	?	0.5-1	0	0.5-1	?	0.5-1	1	1*	1	0.5	1.5-5	Kozlowski et al. 1982

* Встречены только в слое 6а (микрочастицы с притупленным краем).

Антропология. Зубы из ориньякских слоев 6а, 6b и 7 Бачо Киро, по заключению специалистов, описывавших этот материал, хотя и не поддаются точному определению, но «очень похожи на зубы неандертальцев» (Glen & Kaczanowski 1982: 79). Это наблюдение приобретает особый интерес в свете результатов прямого РУ датирования двух костей неандертальцев из слоя G1 Винчи, для которых получены даты порядка 32–33 тлн (Higham et al. 2006). Лобная кость из слоя j Великой Печины, долгое время служившая главным доказательством связи раннего ориньяка с *Homo sapiens*, при прямом РУ датировании дала голоценовую дату и, скорее всего, является интрузивной (Smith et al. 1999).

5.15. Западная Европа

Основные западноевропейские индустрии периода перехода от среднего палеолита к верхнему — это ориньяк, распространенный здесь почти повсеместно, шательперрон, ареал которого ограничен западом Испании и востоком Франции, улущо, известное лишь на Апеннинском полуострове и нерон, представленный несколькими комплексами, локализующимися на юго-востоке Франции, в среднем течении Роны. К ним можно было бы добавить еще линкомб, ряд памятников которого также находится в Западной Европе, но по своему характеру и ареалу эта индустрия ближе к центральноевропейскому селету, и потому она рассматривается в следующем разделе.

Ориньяку, шательперрону, нерону и улущо предшествовали мустьерские индустрии. Кое-где они просуществовали почти до конца КИС 3. В первую очередь это относится к западной части Пиренейского полуострова, расположенной за р. Эбро, куда новые культурные веяния не проникали еще долгое время после того, как в соседней Франко-Кантабрии и к востоку от нее началась смена среднего палеолита верхним. Для целого ряда мустьерских памятников этого региона (Кова Негра, Зафарайя, Фигейра-Брава, Грута Нова да Колумбейра, Харама VI, пещера Горхэма и др.) получены серии РУ дат порядка 30–32 тлн, а иногда и несколько более поздние (Vega Toscano 1990; Straus et al. 1993; Straus 1996, 1997; Maroto et al. 1996; Villaverde et al. 1998; d'Errico et al. 1998; Pettitt 1999; Finlayson et al. 2006; Zilhão 2000, 2006a). При этом в развитии местных среднепалеолитических индустрий вплоть до самого их исчезновения не прослеживается абсолютно никаких признаков верхнепалеолитического влияния, не говоря уже об эволюции в направлении верхнего палеолита.

Ни шательперрон, ни протоориньяк, ни ранний ориньяк здесь также неизвестны (Zilhão 2006a: 66), а верхний палеолит впервые появляется в лице развитого ориньяка и граветта.

Носителями среднепалеолитических традиций на Пиренейском полуострове до самого конца были неандертальцы (Garralda 1997). Найдены их останки в весьма поздних мустьерских комплексах (Зафарайя, Колумбейра и Фигейра Брава), имеющих РУ возраст около или немногим более 30 тлн²¹. Можно упомянуть также, что даже в морфологии детского скелета из граветтского погребения в Лагар Велхо (Португалия), древность которого составляет 25 тл, по мнению некоторых антропологов отчетливо прослеживаются многочисленные неандертальские признаки (Duarte et al. 1999). Другие специалисты считают, однако, что скелет лишен не только специфических для неандертальцев особенностей, но и вообще каких бы то ни было намеков на неандертальскую морфологию (Tattersal, Schwartz 1999: 7119).

По сравнению с относительно простой ситуацией в западной части Пиренейского полуострова, в районах к востоку от р. Эбро картина гораздо более пестрая и сложная. Здесь первостепенное значение для понимания характера перехода к верхнему палеолиту имеет решение вопроса о хронологическом соотношении ориньяка с шательперроном, нероном и улущо. Техничко-типологические характеристики названных индустрий достаточно специфичны и оставляют мало сомнений в их обособленности и в том, что возникли они на разной основе, но относительно того, как происходило их становление и, главное, играло ли при этом какую-то роль влияние одной на другие или взаимовлияние мнения сильно расходятся.

Шательперрон

Это одна из наиболее важных индустрий, маркирующих переход от среднего к верхнему палеолиту в Европе. Область ее распространения включает северо-восток Испании и юго-запад Франции, а также некоторые центральные районы последней (север Бургундии). Шательперрон выделяется прежде всего благодаря специфическим ножам на пластинах с ретушным дугообразно изогнутым (чаще лишь в дистальной части, реже по всей длине) обушком, именуемым ножами типа шательперрон (рис. 5.15.1: 1-7; 5.15.2: 1-4)²². В орудийном наборе большинства комплексов сочетаются верхнепалеолитические и среднепалеолитические формы: скребки, резцы, долотовидные орудия, скребла, зубчато-выемчатые изделия (рис. 5.15.1 и 5.15.2).

Вместе с тем несмотря на ставнительно архаичный облик каменного инвентаря, шательперрон характеризуется довольно развитой костяной индустрией

²¹Для нескольких слоев пещеры Агут близ Барселоны, традиционно считавшихся среднепалеолитическими (зубчатое мустье) и давших фрагменты зубов, которые, в соответствии с характером индустрии, были предварительно определены А. де Люмлеем как неандертальские, недавно получена большая серия ТУ и РУ дат от 8 до 13 тлн (Vaquero et al. 2002). Предполагается, что в данном случае злую шутку с исследователями сыграло то обстоятельство, что на рубеже плейстоцена и голоцена на юго-востоке Испании техника обработки камня находилась в состоянии упадка, и многие эпипалеолитические комплексы этого района по своему облику трудноотличимы от мустьерских (дисконидные нуклеусы, отсутствие пластин и пластинок, обилие зубчатых изделий и отсутствие или редкость орудий, типичных для конца каменного века).

²²И в русской, и в зарубежной литературе их часто называют еще остриями шательперрон, но слово «нож», по-видимому, лучше отражает действительное назначение этих вещей. Об этом говорит и их морфология, а именно наличие изогнутого в дистальной части обушка, очень удобного для упора пальца, и данные трасологического анализа (Plisson, Schmider 1990).

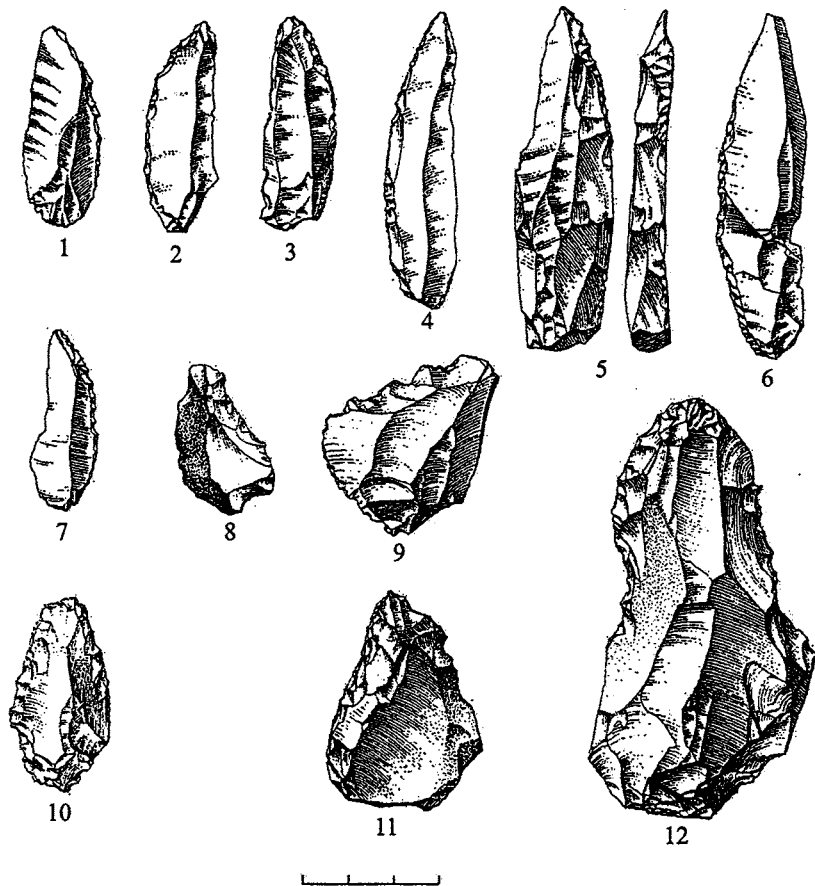

Рис. 5.15.1. Ножи типа шатальперрон (1-7), скребла (8, 10, 11) и зубчатое орудие (9) из шатальперронского слоя X грота Оленя в Арси-сюр-Кюр (по Farizy 1990).

(рис. 5.15.3). Она представлена, прежде всего, в гроте Оленя в Арси-сюр-Кюр (d'Errico et al. 1998, 2003), а также на ряде других памятников, включая эпонимный (пещера Фэ а Шатальперрон), где над слоем мустье с ашельской традицией залежали пять слоев шатальперрона. Здесь еще в середине прошлого века было найдено костяное шило с орнаментом, описанное Брейлем по муляжу, утерянное и недавно вновь найденное в археологическом музее университета Пенсильвании (Debénath et al. 2002)²³. О костяных шильях из шатальперронского слоя Кэнсэ в Шаранте пишет Ф. Д'Эррико, ссылаясь на устное сообщение Ф. Левека (d'Errico 2003: 196). Там же найдены подвески из зубов лисы и волка (Granger, Lévêque 1997). Фрагмент костяного наконечника происходит из небольшого шатальперронского комплекса слоя 9 пещеры Лабекко Коба в Басконии (Arrizabalaga et al. 2003).

Хронология. Полученные для ряда памятников ТЛ и РУ даты довольно противоречивы (табл. 15.5.1). Можно сказать, что пока они скорее запутывают, чем

²³Правда, после появления статьи Б. Гравины с соавторами, где предпринята попытка доказать наличие в гроте ориньякского слоя, вклинивающегося между шатальперронскими (Gravina et al. 2005), связь описанного шила с последними оказывается под вопросом.

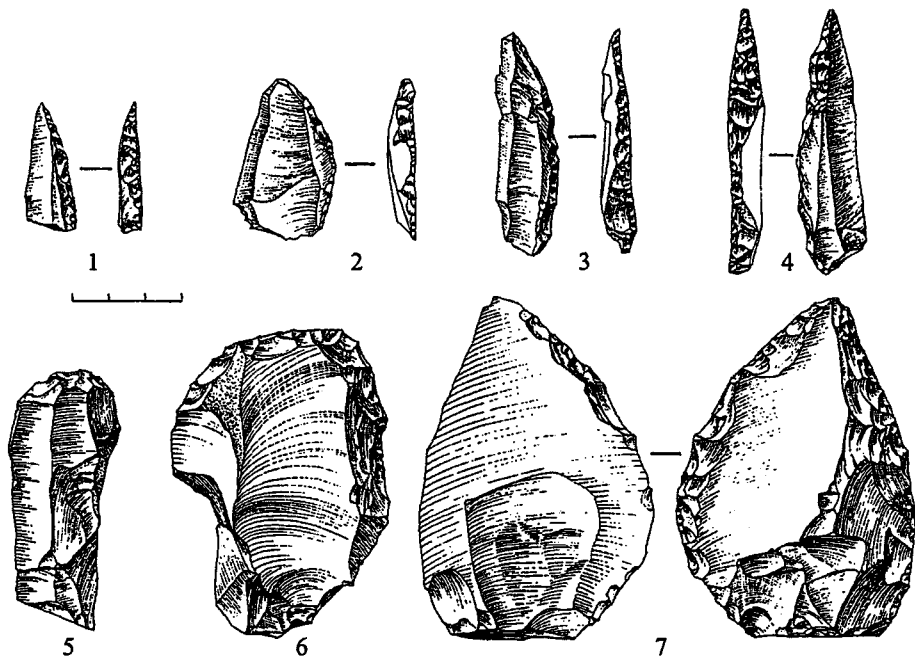

Рис. 5.15.2. Ножи типа шательперрон (1-4), скребки (5, 6) и конвергентное скребло из шательперронского слоя EJOP Сен-Сезера (по Leveque 1993).

проясняют вопрос о возрасте шательперрона, и на них одинаково охотно ссылаются как сторонники «длинной хронологии» этой индустрии, считающие, что она появилась независимо от ориньяка ранее 40 тлн (Zilhão, d'Errico 1999, 2003), так и их оппоненты, доказывающие ее сравнительно поздний возраст. Ряд дополнительных фактов косвенным образом указывает на то, что к истине ближе скорее первые, чем вторые. Главный из этих фактов — стратиграфическое положение слоев шательперрона, которые, будучи встреченными в одной колонке с ориньяком, всегда залегают под ним. В трех десятках случаев, когда две эти индустрии представлены в одной стратиграфической колонке, слои с шательперроном залегают ниже, а с ориньяком выше. Лишь для трех памятников — Ле Пиаж и Рок де Комб во Франции и Эль Пендо в Испании — сообщалось об обратной последовательности, но в Эль Пендо и Ле Пиаж шательперрон находится, скорее всего, во вторичном залегании в коллювиальных и делювиальных отложениях, а в Рок де Комб, как показал Ж.-Ф. Риго, скорее всего, имела место ошибочная корреляция слоев внутренней и наружной частей навеса (Zilhão, d'Errico 1999: 4-10; Rigaud 2000: 29-30; Zilhão 2006a: 20). Предпринятое недавно Ж.-Г. Бордом специальное изучение этого вопроса привело его к выводу, что на обоих упомянутых французских памятниках интерстратификации шательперрона и ориньяка нет, а прежние представления о ней — следствие постдепозиционных процессов и некоторых неточностей в стратиграфических наблюдениях (Bordes 2003). Таким образом, данные по относительной хронологии достаточно определенно указывают на то, что, по крайней мере, в своем исконном ареале шательперрон появился раньше ориньяка.

Последний вывод остается в силе и в том случае, если правы исследователи, считающие, что в слое В4 грота Фэ а Шательперрон, залегающем между несомненно

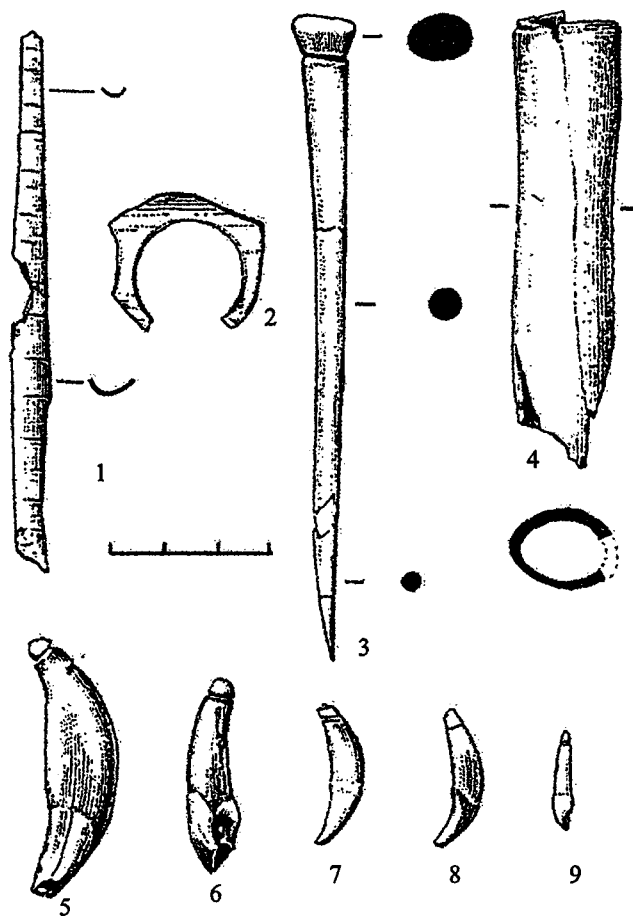

Рис. 5.15.3. Шательперрон. Орудия и украшения из кости (1, 3, 4), бивня (2) и зубов животных (5-9), найденные в слое X грота Оленя в Арси-сюр-Кюр (по d'Errico et al. 1998).

шательперронскими слоями В5 и В3-1 (снизу вверх), имеется «тонкий ориньякский горизонт». Эта гипотеза базируется на повторном обнаружении в коллекции ряда изделий, характерных для ориньяка. Правда, наиболее показательные вещи, включая наконечник с расщепленным основанием (рис. 5.15.4: 10), пластину с «ориньякской» ретушью (рис. 5.15.4: 9) и две пластинки дюфур (рис. 5.15.4: 13, 14), происходят из раскопок 19-го века и не имеют стратиграфической привязки, но для нескольких скребков и пластинок, которые более уместно смотрелись бы в ориньякском, чем в шательперронском контексте (рис. 5.15.4: 1, 6, 9, 11, 15, 16), задокументирована принадлежность к слою В4. Эти предметы были раскопаны (и опубликованы) в середине прошлого века А. Дельпортом. Их и предлагается рассматривать как свидетельство попеременного обитания в гроте носителей шательперрона и ориньяка. По костям из музейной коллекции для слоя В5 получено три РУ даты от 39 до 41 тлн, для слоя В4 даты 35.5 ± 0.3 тлн и 39.8 ± 0.4 тлн, а для слоев В1-В3 семь дат от 34 до 37 тлн (Gravina et al. 2005). Какую из двух дат для слоя В4 следует соотносить с «тонким ориньякским горизонтом», если таковой в гроте действительно был,

совершенно неясно²⁴, но зато новые данные позволяют уточнить хронологические рамки шатальперрона, подтверждая, что начался он раньше 40 тлн и существовал, по крайней мере, в течение 5–6 тл.

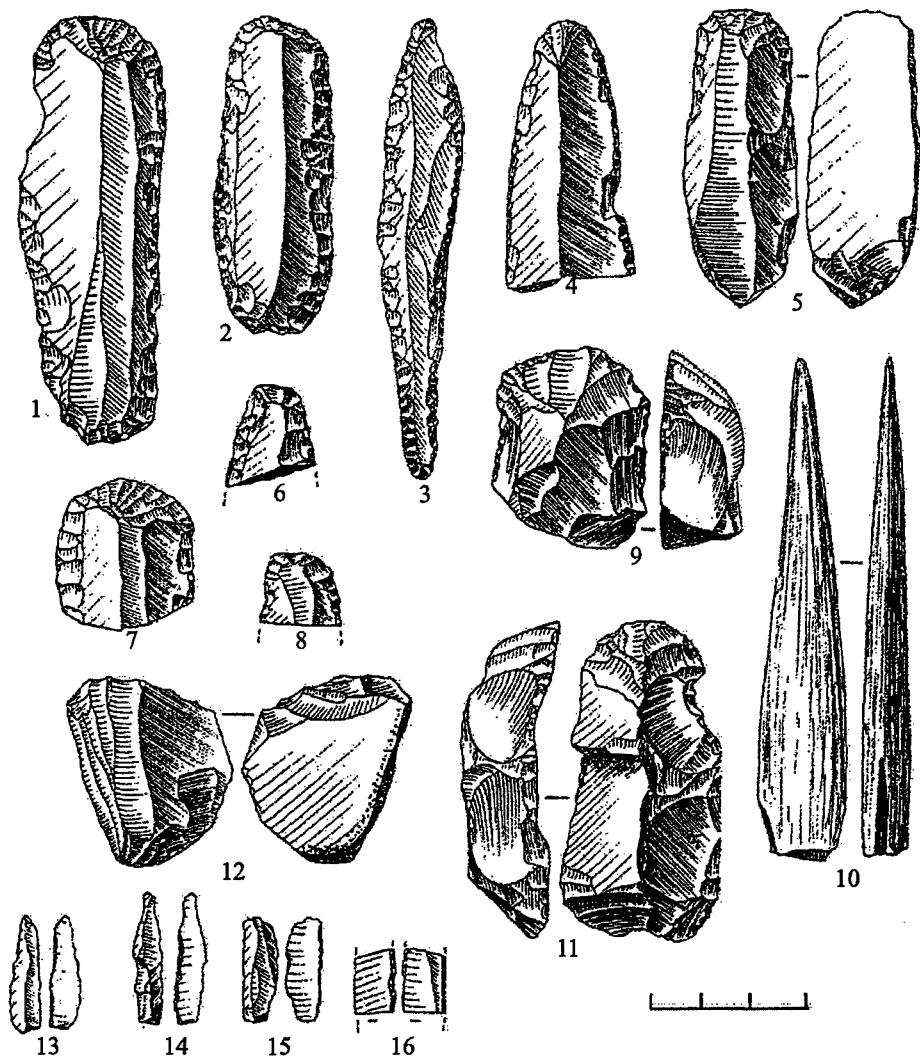

Рис. 5.15.4. Находки из грота Фэ а Шатальперрон, относимые к ориньяку и рассматриваемые как свидетельство попеременного обитания на памятнике носителей этой индустрии и шатальперрона. Лишь вещи под номерами 1, 6, 9, 11, 15 и 16, происходящие из раскопок 50-х годов, имеют стратиграфическую привязку (по Gravina et al. 2005).

Определяя нижнюю хронологическую границу шатальперрона следует учитывать также, что ТЛ, ЭПР и РУ даты, имеющиеся для ряда комплексов мустье с

²⁴Скорее всего, ни ту, ни другую, поскольку, как показало дополнительное изучение этого вопроса, если слой В4 и содержит отдельные ориньякские вещи, самостоятельного горизонта они все же не образуют и попали туда, по-видимому, случайно, в ходе раскопок и/или в результате естественных нарушений стратиграфии памятника (Zilhgo et al. 2006).

ашельской традицией (Ле Мустье, G и F; Пеш де л'Азе, 5–7; Ля Рошет, В; Барба III, 4), укладываются в интервал от 40/45 до 60 тлн (Soressi 2002: histogr. VI 16; Soressi et al. 2007). Если, вслед за Ф. Бордом и большинством современных исследователей, признавать генетическую связь шательперрона с этой индустрией (см. ниже), то верхняя хронологическая граница последней должна примерно совпадать с его нижней хронологической границей. Таким образом, в качестве рабочей гипотезы можно принять для шательперрона временные рамки от 41/45 тлн до 34/35 тлн.

Таблица. 5.15.1. Данные по хронологии памятников шательперрона, где есть подстилающие и/или перекрывающие его мустьерские и ориньякские слои с абсолютными датами (по Zilhão, d'Errico 1999, 2003; David et al. 2001, 2005; Arrizabalaga et al. 2003; Jöris et al. 2003; Lucas et al. 2003; Maillo 2005)*

Индустрия	Лабеко Коба	Куэва Морин	Сен-Сезер	Грот XVI	Рок де Комб	Ле Мустье	Арс-сюр-Кюр		Комб Сосьер
							гр. Оленя	гр. Бизона	
Ориньяк	31.5±0.9	36.6±0.8	31/34±4 (2)	28–30 (3)	33±1 35±1	–	30–32 (2)	–	34±1
Шательперрон	34.2 ±1.3	35±6.8	34/38±5 (6)	34–>40 (3)	38±2 39–41(2) 45.1±2.1	41/45±5 (3)	45±3; 3 8±1 31–35(9)	33–35 (2)	33–38 (4) 36.4±2.5
Мустье	–	39.8±0.7	–	65±3 (6)	–	40±2.6	31–35(2)	38.4±1.6	–

* РУ даты даны обычным шрифтом, ЭПР — жирным, ТЛ — курсивом. В скобках указано количество дат.

Генезис. Согласно преобладающей и неплохо обоснованной гипотезе, восходящей к работам Д. Пейрони и Ф. Борда, шательперрон представляет собой дальнейшее развитие мустье с ашельской традицией (далее МТА) (Bordes 1972; Pelegrin 1995: 261–264). В пользу этой точки зрения свидетельствуют сходства в типологии, технологии и географическом распространении памятников. Во-первых, в МТА и шательперроне есть одинаковые типы орудий, которые практически не встречаются в других мустьерских и ранних верхнепалеолитических индустриях региона. Таковы, прежде всего, ножи с ретушным обухом, которые уже в МТА иногда приобретают форму ножей шательперрон, а также сердцевидные рубила, которые типичны для МТА и в большом количестве продолжают встречаться в шательперронских комплексах (Кэнсэ, Сен-Сезер, Грот XVI). Во-вторых, в обеих индустриях были развиты технологии, ориентированные на производство удлиненных заготовок. Как показано в специально посвященной этому вопросу работе М. Соресси (Soressi 2002), основной заготовкой в МТА являлись удлиненные отщепы (в среднем отношение длины к ширине у заготовок составляет 1.7–1.8), которые снимали с полуповоротных одноплощадочных нуклеусов, рабочая поверхность которых захватывала одну или две широкие стороны и торец²⁵. Похожие нуклеусы есть и в шательперроне, где пластинчатый характер расщепления выражен еще сильнее. В третьих, и это не менее важно, чем параллели в типологии и технологии, ареал шательперрона практически не выходит за границы ареала мустье с ашельской традицией (рис. 5.15.5).

Эволюционный статус. При взгляде на таблицу 5.15.2 бросается в глаза, что значения индекса СП-ВП, полученные для разных комплексов шательперрона, очень сильно варьируют: наиболее низкие тяготеют еще к среднему палеолиту, более вы-

²⁵ В МТА, в отличие от шательперрона, как будто не использовался прием подготовки ребра и, соответственно, нет реберчатых пластин (Soressi 2002: 231–233).

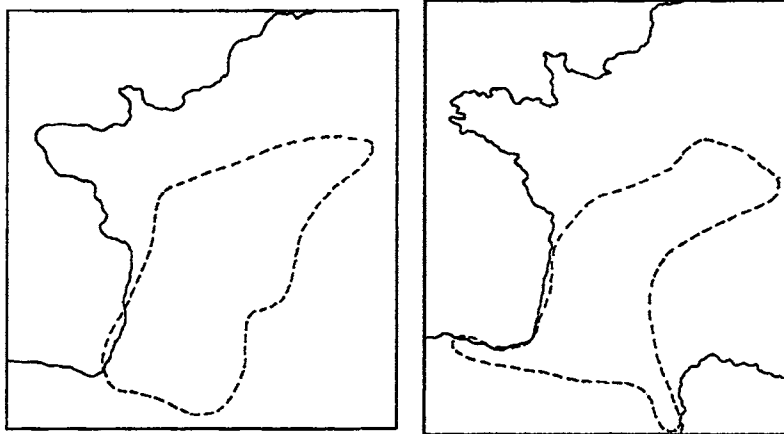

Рис. 5.15.5. Ареалы шатальперрона и мустье с ашельской традицией (по Soressi 2002).

сокие — это уже явно верхний палеолит, хотя и архаичный. К сожалению, разрешающая способность методов абсолютного датирования пока недостаточна для того, чтобы ответить на вопрос, а не связаны ли различия в степени продвинутости памятников с разницей в их возрасте, но для шатальперрона такая вероятность не исключена. Ф. Левеком на основании материалов Кэнсэ была предложена четырехступенчатая схема эволюции этой индустрии. Согласно этой схеме архаичный, или протошатальперрон, характеризуется многочисленными скреблами, зубчатыми изделиями и редкими бифасами, которые сочетаются с резцами, скребками на пластинах и ножами шатальперрон. Последний тип орудий становится еще более заметен на следующей фазе, которая именуется ранний шатальперрон. Затем следует развитой шатальперрон, где руководящий тип индустрии приобретает более правильные очертания и совершенную отделку, и, наконец, финальный шатальперрон с признаками регресса (Lévêque 1989: 103–104). Впрочем, как показал Риго, среднепалеолитические элементы в шатальперроне встречаются в большом количестве, как

Таблица 5.15.2. Индексы СИ-ВП для комплексов шатальперрона

Памятник, слой	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	Сумма	Источник
Ля Феррас-си, L3a	1	1	1	1	1	0.5	0.5	1	0	0	0	-1	Tuffreau 1984
Ля Феррас-си, L3b	1	1	1	1	0.5	0.5	0.5	0.5	0	0	0	-2	Tuffreau 1984
Сен-Сезер, EJOP sup	1	1	1	1	0.5	?	?	0.5	0	0	0	-3/-1	Lévêque et al. 1993
Рок де Комб, VIII	1	0-0.5	1	0.5	1	1	1	1	0.5	0	0	1.5/2	Pelegrin 1995; Demars 1996
Грот Оленя, 10-8	1	1	?	0.5	1	1	?	1	0	1	1	1.5/3.5	Farizy 1990; Gouedo 1990
Грот XVI	1	1	1	1	0	?	0-0.5	0.5	0	0	0	-3.5/-2	Lucas et al. 2003
Куэва Морин, 10	1	1	1	1	0.5	0.5	0-0.5	0.5	0-0.5	0	0	-2.5/-1.5	Maillo 2005

правило, на тех памятниках, где есть мустьерские слои и, напротив, сравнительно редки в тех случаях, когда последних нет (Rigaud 1996, 2000). Это заставляет подозревать, что слишком архаичный облик ряда шательперронских комплексов может быть в какой-то степени следствием смешения материалов из разных слоев. Что касается очень низкого значения индекса СП-ВП для Грота XVI и верхов слоя ЕЮР Сен-Сезера, то отчасти оно, видимо, является формальным следствием отсутствия данных по параметрам 6 и 7. Если принимать в расчет оценки только тех комплексов, для которых можно заполнить все позиции в таблице, то крайние значения индекса СП-ВП для шательперрона будут -2.5 и 2 .

Антропология. На трех шательперронских памятниках — Арси-сюр-Кюр, Сен-Сезер и Фон де Гом — были сделаны антропологические находки. В двух первых случаях это, несомненно, останки неандертальцев (Hublin et al. 1996; Bailey, Hublin 2006; Hublin, Bailey 2006). В Сен-Сезере их возраст определяется ТЛ датой около 36 тлн, а в Арси (слой X) РУ датой около 34 тлн. В третьем случае речь идет о единичном зубе (клык), к тому же детском (ребенок 2–4 лет), что не дает возможности определить таксономическую принадлежность его обладателя (Gambier et al. 1990). МТА, благодаря антропологическим находкам из Пеш де л’Азе и ряда других памятников, также определенно связывается с неандертальцами (Soressi et al. 2007).

Нерон

Эта индустрия известна пока только на юго-востоке Франции, в среднем течении Роны, где она представлена на пяти памятниках. Наиболее подробно описаны комплексы верхнего (первого) слоя грота Нерон и нижнего (шестого) слоя грота Мандрэн. От предшествующих ему и сменяющих его мустьерских индустрий нерон отличается технологией расщепления, в большей степени, чем прежде, ориентированной на получение пластинчатых сколов, а главное, острый и микроострый, а также наличием среди изделий с вторичной обработкой такого специфического и, как будто, не встречающегося более нигде типа, как острия суайон (Slimak 2007). Эти орудия, описанные впервые в 50-е годы прошлого века (Combiere 1955), представляют собой леваллуазские острия с брюшковой ретушью краев и кончика (рис. 5.15.6).

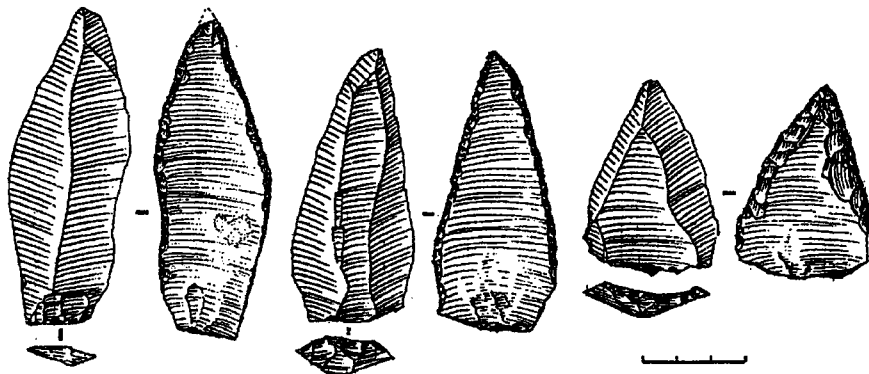

Рис. 5.15.6. Нерон. Острия суайон из слоя 1 грота Мара (по Combiere 1967).

Хронология. О времени существования нерона можно судить по одной РУ и 12 ТЛ датам, полученным для отложений грота Мандрэн, шестой слой которого дал

наиболее представительный из всех известных комплексов этой индустрии. Ее нижняя хронологическая граница определяется семью ТЛ датами по образцам, взятым примерно в 1 м ниже слоя 6. Они варьируют от 55 до 45 тлн, а среднее значение составляет 52 ± 3.4 тлн. Для самого слоя 6 есть РУ дата 33.3 ± 0.2 тлн. Наконец, для верхов слоя 2 и низов слоя 1 грота имеется пять ТЛ дат со средним значением 35 ± 1.6 тлн (Slimak 2007). Таким образом, вероятнее всего, нерон появляется не ранее 50 тлн, а исчезает не позднее или лишь несомненно позднее 40 тлн. Интересно, что в гроте Мандрэн на смену ему вновь приходит обычная мустьерская индустрия (слои 5–1), и лишь после нее появляется протоориньяк (верхи слоя 1). На всех других памятниках, где нерон был выявлен, он связан с верхними слоями.

Генезис. По мнению Л. Слимача, нерон вырастает из местного мустье (мустье парантское). Постепенная трансформация одной индустрии в другую, сопровождающаяся ростом роли леваллуазского и пластинчатого расщепления, а также некоторым увеличением количества орудий верхнепалеолитических типов, прослежена на материалах эпонимного памятника (от слоя 3 к слою 1) и навеса Мара (также от слоя 3 к слою 1).

Эволюционный статус. Нерон — одна из тех индустрий, которые очень трудно определить однозначно как средний или верхний палеолит. Л. Слимач характеризует его как «мустьерское выражение верхнего палеолита» и как «мустье, являющее много верхнепалеолитических черт» (Slimak 2007). Среди последних особенно заметны пластинчатый характер некоторых (но не всех) комплексов и наличие элементов объемного расщепления. Вместе с тем техника скола еще остается полностью среднепалеолитической (некраевой), а среди орудий господствуют скребла и зубчато-выемчатые изделия, тогда как вещи верхнепалеолитических типов (скребки, резцы, проколки, долотовидные) относительно немногочисленны, а то и единичны. Индекс СП-ВП самого продвинутого комплекса нерона, каковым, видимо, является шестой слой грота Мандрэн, даже при самом «либеральном» подходе к его оценке не превысит -0.5 , а для верхнего слоя эпонимного памятника он и вовсе целиком в рамках среднего палеолита (табл. 5.15.3).

Таблица 5.15.3. Индекс СП-ВП для комплексов нерона

Памятник, слой	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	Сумма	Источник
Нерон, 1	1	1	1	1	0	0-0.5	0	0.5	0	0	0	-3.5/-3	Slimak 2004
Мандрэн, 6	0.5-1	0.5-1	1	1	1	0.5	0	0-0.5	0-0.5	0	0	-2.5/-0.5	Slimak 2004

Антропология. Данных нет.

Улиццо

Для этой индустрии, как и для шательперрона, характерно сочетание средне- и верхнепалеолитических типов в орудийном наборе, специфический облик которому придают крупные сегменты или сегментовидные ножи с дугообразным ретушным обушком (рис. 5.15.7; см. также рис. 5.14.3). Правда, в ранних комплексах улиццо они обычно малочисленны, а то и единичны. Представлены также *pièces esquillées*, скребла, скребки, малочисленные резцы, зубчатые формы (рис. 5.15.8), а иногда, как в шательперроне, и костяные изделия (рис. 5.15.9), в том числе украшения. В очень многих комплексах *pièces esquillées* доминируют. Область распространения

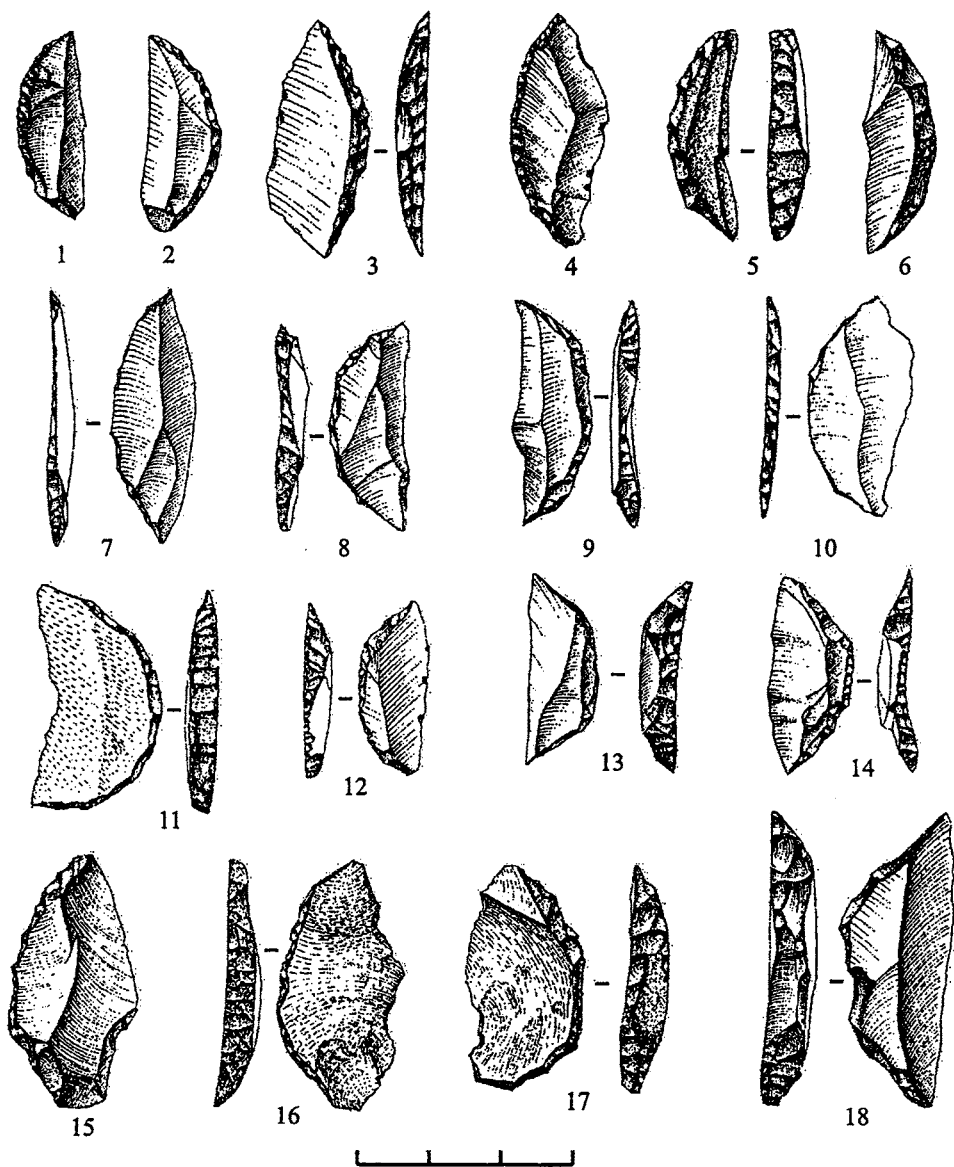

Рис. 5.15.7. Улицо. Сегменты из грота Кавалло (по Palma di Cesnola 1989).

улицо включала юг и центральные районы Апеннинского полуострова, хотя отдельные находки, которые могут быть отнесены к этой индустрии, известны и на севере. В частности, в пещере Фумане, где древнейший протоориньякский слой A2 имеет РУ даты 36–37 тлн, его подстилает тонкий горизонт, содержащий несколько изделий, типичных для улицо (Broglia 1996: 239). Интересно, что на хорошо исследованных территориях между югом и центром Апеннин улицо пока нет (Gioia 1988; Bietti 1997). Комплекс, типологически близкий улицо, был выявлен также в пещере Клисуре на крайнем юге Балкан (см. 5.14).

Хронология. Для слоев улицо в гротах Кавалло и Кастельчивита получены РУ даты порядка 32–34 тлн. Однако тот факт, что на обоих названных памятниках, рав-

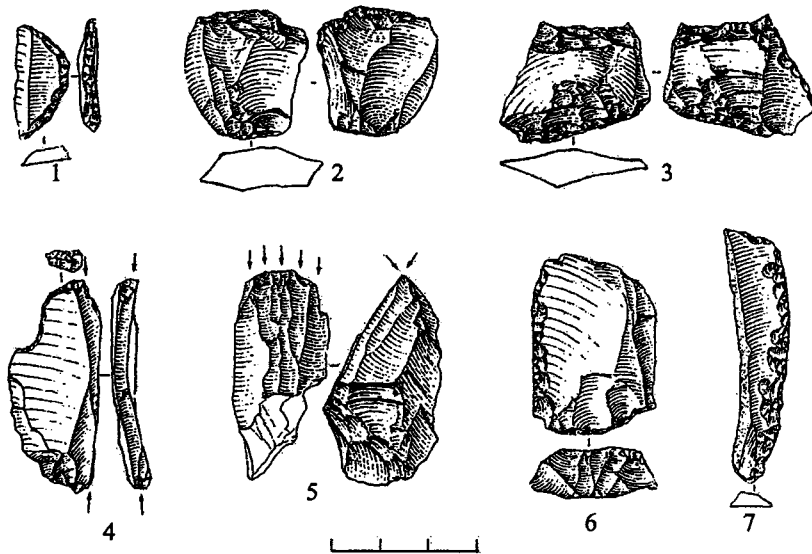

Рис. 5.15.8. Улуццо. Сегмент (1), долотовидные изделия (2, 3), резец (4), многофасеточный резец-нуклеус (5), скребло (6) и пластина с ретушью (7) из грота Кала (по Venini et al. 1997).

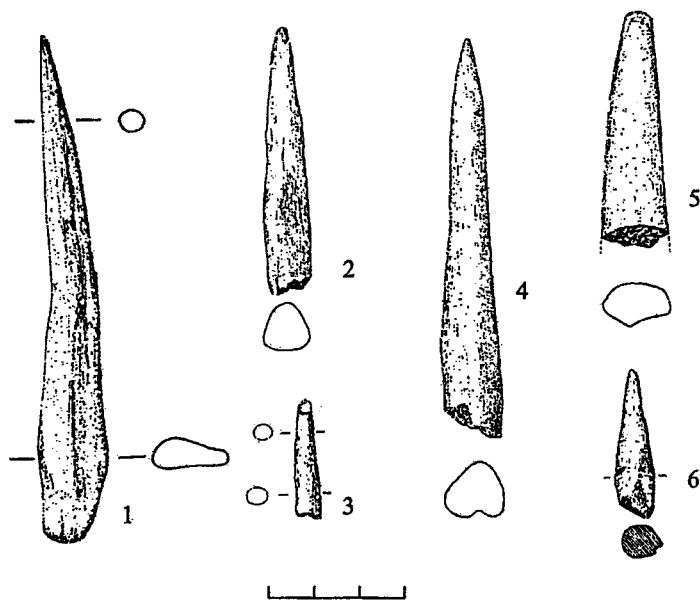

Рис. 5.15.9. Костяные орудия из комплексов улуццо. 1 — грот Фабрика, 2, 4–6 — грот Кавалло, 3 — грот Каствельчивита (по Palma di Cesnola 1989).

но как и в гротах Бернардини и Улуццо, эти слои залегают под пеплами кампанского игнимбритового извержения (Giaccio et al. 2006), свидетельствует, что действительный возраст рассматриваемой индустрии составляет не менее 37 тлн, а, скорее всего,

более 40 тлн. Следует также иметь в виду, что для аналога улуццо в Клисуре на основании РУ даты предполагается возраст порядка 40 тлн. В гротах Кастельчивита и Фабрика слои улуццо залегают под ориньякскими, в то время как обратная последовательность пока нигде не зафиксирована, как и случаи интерстратификации.

Генезис. Пальма ди Чеснола высказал предположение, что индустрия улуццо могла сформироваться на основе позднего мустье Тосканы — нелеваллуазского, непластинчатого, богатого зубчатыми формами и включающего элементы, которые он определяет как протоулуццо, в т. ч. короткие скребла, скребки и изделия с круто ретушированным изогнутым краем (Palma di Cesnola 1989: 806). Загвоздка в том, что все мустьерские комплексы такого рода представлены исключительно подъемным материалом и элементы улуццо в них вполне могут быть поздней примесью. С. Кун и А. Биетти допускают, что улуццо, возможно, правильнее считать «родовой» категорией, объединяющей комплексы, следующие за мустье, не являющиеся при этом ориньякскими и представляющие собой результат локальных адаптаций к природным и демографическим условиям (Kuhn, Bietti 2000: 60). Эти же авторы отмечают, что постулируемое иногда сходство между улуццо и шательперроном состоит лишь в их общей хроностратиграфической позиции (позже мустье, но раньше ориньяка) и наличии изделий с притупленным краем, но в целом в технологии и типологии различий больше, чем сходств. В шательперроне, например, нет долотовидных изделий, столь характерных для улуццо (Kuhn, Bietti 2000: 70).

Эволюционный статус. Ни один из комплексов улуццо пока не описан настолько детально, чтобы для него можно было определить индекс СП-ВП. Поэтому здесь приходится ограничиться усредненной оценкой индустрии в целом, базируясь на отрывочных данных по отдельным памятникам и на общем описании, данном А. Пальмой ди Чеснолой (Palma di Cesnola 1989). Согласно этому описанию основная заготовка улуццо — отщеп нелеваллуа, пластины же обычно малочисленны. Нуклеусы преимущественно небольшие, аморфные, есть биполярные и полиэдрические, реже встречаются дисковидные, тогда как призматические и субпризматические для пластин и пластинок чрезвычайно редки. Для сколов обычны фасетированные площадки. Среди орудий почти всегда преобладают скребла, долотовидные и зубчатые. Резцы редки и иногда полностью отсутствуют, скребки более многочисленны, в основном плоские и короткие, но есть и на пластинах. Есть несколько шлифованных костяных шильев. Украшения (раковины с отверстиями) известны лишь из дель Кавалло. Таким образом, минимально возможное значение индекса СП-ВП улуццо -0.5 , максимальное $+1$ (табл. 5.15.4).

Таблица 5.15.4. Индексы СП-ВП для комплексов улуццо

Памятник	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	Сумма	Источник
Кала, 14	?	1	?	1	?	?	?	1	0.5	?	?		Benini et al. 1997
Кастельчивита, rsi, pie, гр	?	?	?	1	0.5	?	?	1	0.5	0.5	?		Mussi 2001
Кавалло, Е II-I	1	?	?	0.5	1	?	0.5	1	1	0.5	0.5		Gioia 1988; Mussi 2001
Кавалло, Е III	1	?	?	1	0.5	?	0.5	1	1	0.5	0.5		Mussi 2001
Фабрика, 2	1	1	1	1	0.5	?	0.5	1	?	0.5	?		Gioia 1988; Mussi 2001
Общая оценка	1	1	1	0.5-1	0.5-1	0	0.5	1	0.5-1	0.5	0.5	-0.5/1	

Антропология. Вопрос о носителях улуццо остается открытым. Имеющиеся ан-

тропологические находки — два молочных зуба из Кавалло — слишком скудны, чтобы на их основе можно было сделать какие-то определенные выводы.

Ориньяк

Область распространения индустрий, определяемых как ориньякские, выходит далеко за пределы Западной Европы, но именно на материалах этого региона ориньяк был выделен впервые, и именно здесь находятся памятники, где он представлен в своем «хрестоматийном» виде. Поэтому, прежде чем приступить к характеристике ориньяка западной части Европы, уместно будет сказать несколько слов об ориньяке в целом и об основных проблемах, связанных с изучением этого сложного культурно-исторического феномена.

Как известно, в схеме Мортилье ориньяк следовал за солютре. Позже Брейль, опираясь на стратиграфические данные, показал, что на самом деле солютре моложе ориньяка. Он делил ориньяк на три стадии. Его нижний ориньяк (*Aurignacien type Chatelperron*) — это шательперрон, средний — собственно ориньяк, а верхний — сегодняшний граветт. Наконец, Д. Пейрони (Peugny 1933) отделил нижний и верхний ориньяк Брейля от собственно ориньяка, рассматривая их как параллельную последнему филу и обозначив, соответственно, как нижний и средний перигордьен. Обе филы (ориньяк и перигордьен) он разделил на 5 стадий.

С середины прошлого столетия начинается дробление привычного содержания понятия: появляется все больше специфических «ориньяков», более или менее отличающихся от классического и имеющих, как правило, сравнительно узкую территориальную и/или хронологическую привязку. А. Руст выделил преориньяк в Ябруде 1, Д. Гаррод распространила термин ориньяк на левантийские материалы, а с 60-х годов на юго-западе Европы стали выделять протоориньяк, или архаичный ориньяк. Наконец, в 90-е годы появилось понятие «загросский ориньяк» (барадост), а с недавних пор все чаще пишут еще о балканско-дунайском преориньяке (не путать с ближневосточным преориньяком и средиземноморским протоориньяком) и об «эпириньяке», датируемом временем последнего ледникового максимума.

Так что же такое «ориньяк»? Существует классическая версия, с крупными пластинами, несущими инвазивную чешуйчатую ретушь и имеющими иногда двояковогнутые края («придушенные» пластины), килевидными и с носиком скребками, резцами бюске, ретушированными пластинками и микропластинками (острия фонив, пластинки дюфур), роговыми наконечниками с расщепленным основанием, а позже ромбовидными и двуконечными (рис. 5.15.10–5.15.12). Однако в виде сопряженной группы все перечисленные типы представлены в основном лишь в ориньяке Франции, где эта индустрия была впервые выделена, тогда как за ее пределами они могут отсутствовать, либо встречаться редко и/или в несколько атипичном виде, либо дополняться какими-то формами, не характерными для классической версии.

Хотя многие археологи, следуя давней традиции, рассматривают ориньяк как некую культурную целостность, все большее распространение получает иная точка зрения, хорошо сформулированная Л. Страусом. «Мы продолжаем», — пишет он, — «пользоваться терминами 19 в., такими, как ориньяк, в качестве привычных ярлыков для обозначения более или менее переменных наборов артефактов и техник, существовавших в Европе и некоторых смежных регионах примерно от 40 до 30 тлн. Лично я делаю так только для облегчения взаимопонимания, не питая иллюзий от-

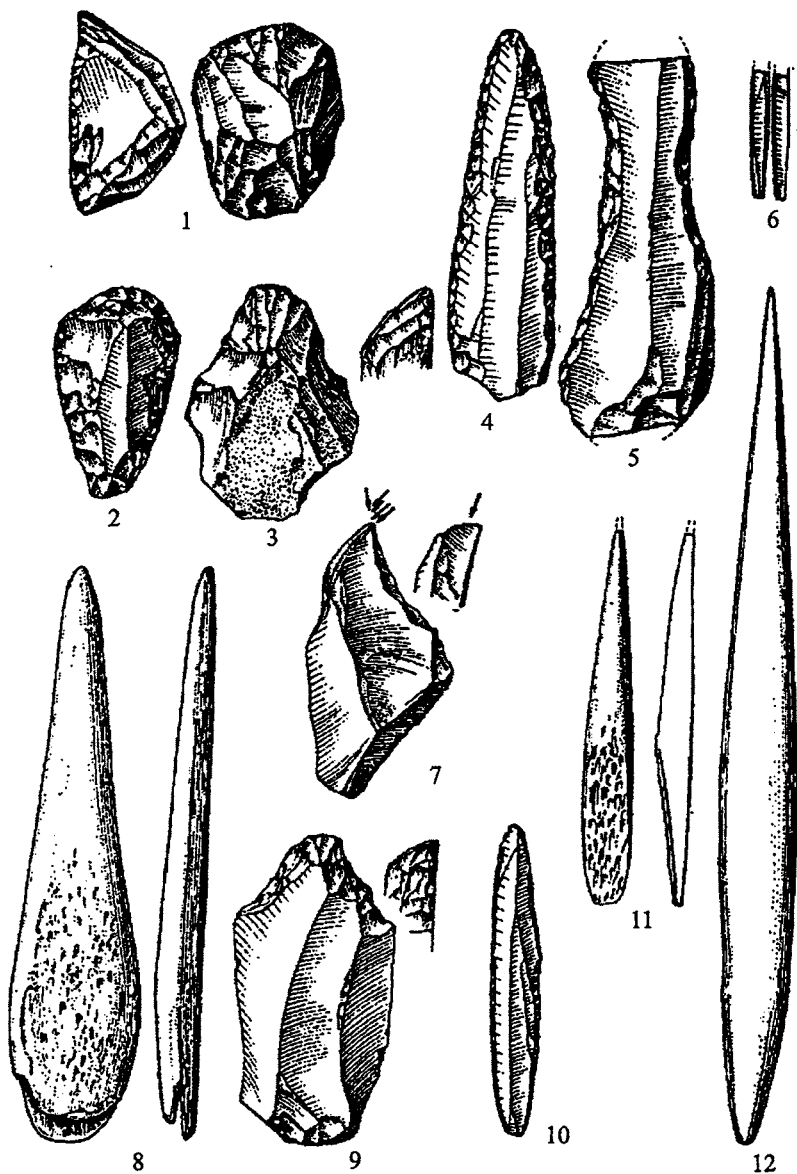

Рис. 5.15.10. Типичные для раннего ориньяка формы каменных и костяных орудий по Ф. Борду (Bordes 1968).

носителю культурного единства или этнического значения этого археологического конструкта» (Straus 2003: 17)²⁶.

В этом смысле большой интерес представляет работа Ф. д'Эррико и М. Ванхарена (Vanhaeren, d'Errico 2006: 1107), посвященная изучению персональных украшений

²⁶Некоторые гиперкритически настроенные авторы идут еще дальше, заявляя, что ориньяк — это всего лишь «химера, порожденная иллюзией технологического, типологического и хронологического единства и не имеющая в реальности никаких оснований» (Clark, Riel-Salvatore 2005–2006). Правда, аргументы в пользу этой точки зрения, представленные в цитированной работе, носят весьма поверхностный характер.

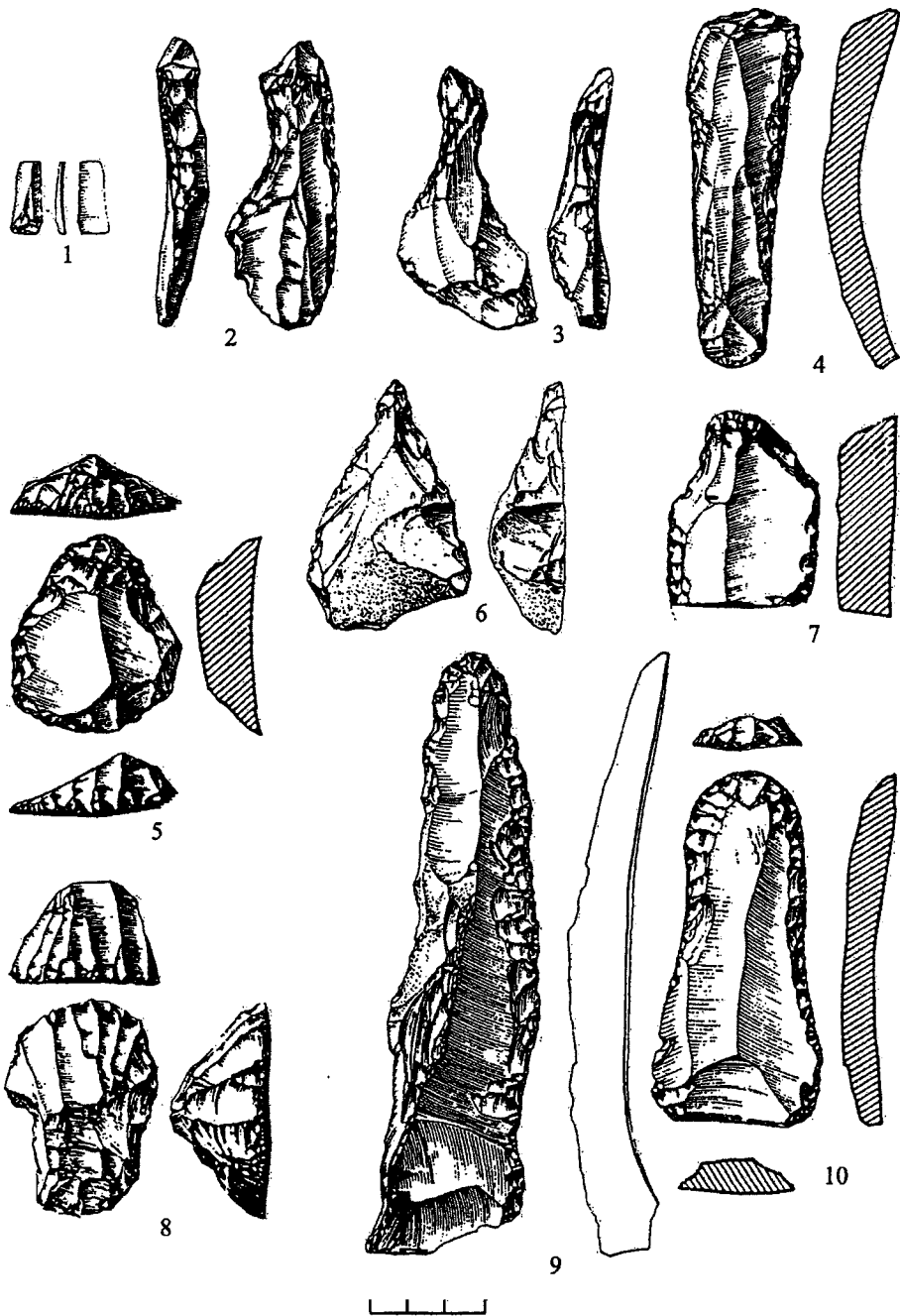

Рис. 5.15.11. Ориньяк. Пластинка дюфур (1), пластины с талией (2, 3) и скребки (4-10) из 14-го слоя Абри Пато (по Brooks 1995).

(главным образом бус и подвесок), происходящих из относимых к ориньяку комплексов из разных регионов Европы и Азии. Авторы исходят из идеи, что эти материалы являются наиболее чувствительным индикатором этнических и языковых различий. В итоге анализа распределения в пространстве огромного количества разных

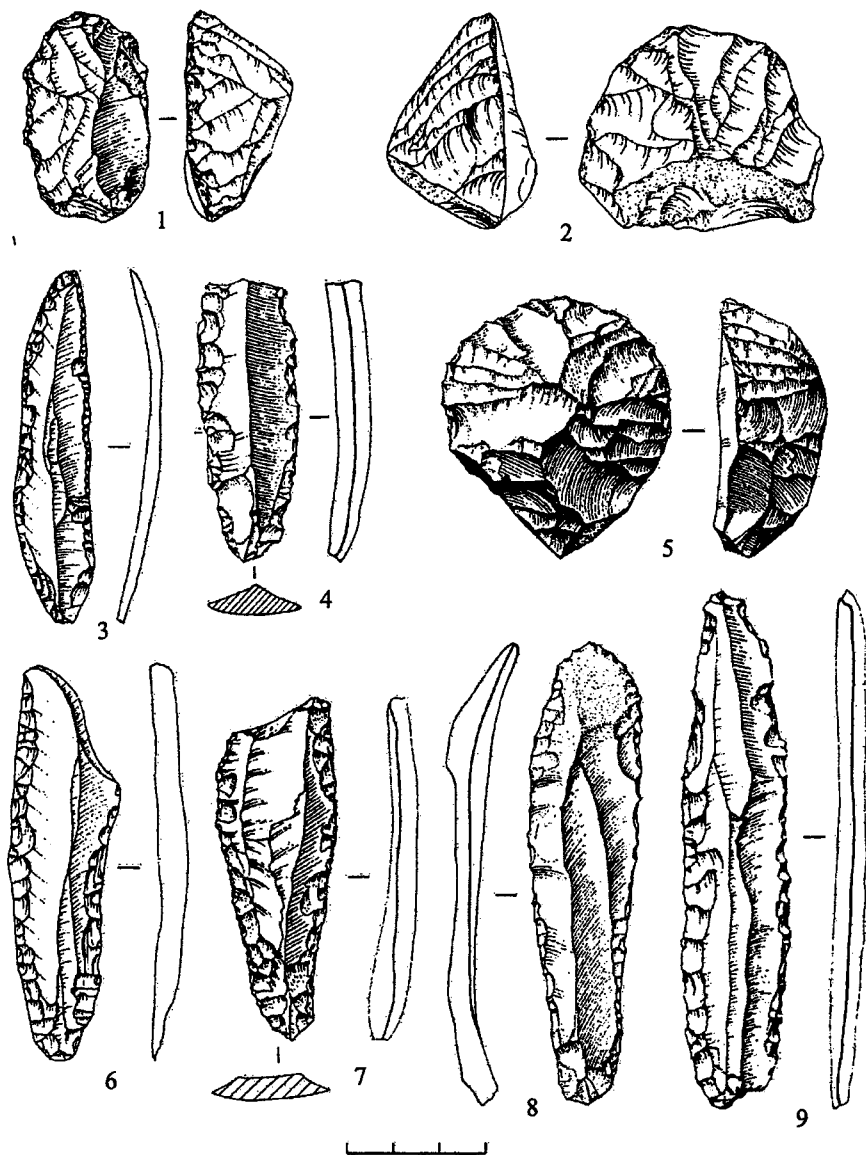

Рис. 5.15.12. Ориньяк. Скребки (1, 2, 5) и пластины с ретушью (3, 4, 6-9) из грота Оленя в Арси-сюр-Кюр (по Perpere, Schmitter 2002).

типов украшений, они приходят к выводу, что полученная картина несовместима со взглядом на ориньяк как на единую культурную общность, и даже высказывают предположение, что три выявленные ими на территории Европы макрогруппы ориньякских памятников с особыми типами бус и подвесок «могут соответствовать разным языковым семьям» (Vanhaegen, d'Errico 2006: 1119). При этом «культурная география, вырисовывающаяся на основании изучения персональных украшений, не дает близкого соответствия различиям, наблюдаемым в других элементах ориньякской материальной культуры» (ibid.: 122).

Особое значение для Западной Европы имеет вопрос о соотношении классиче-

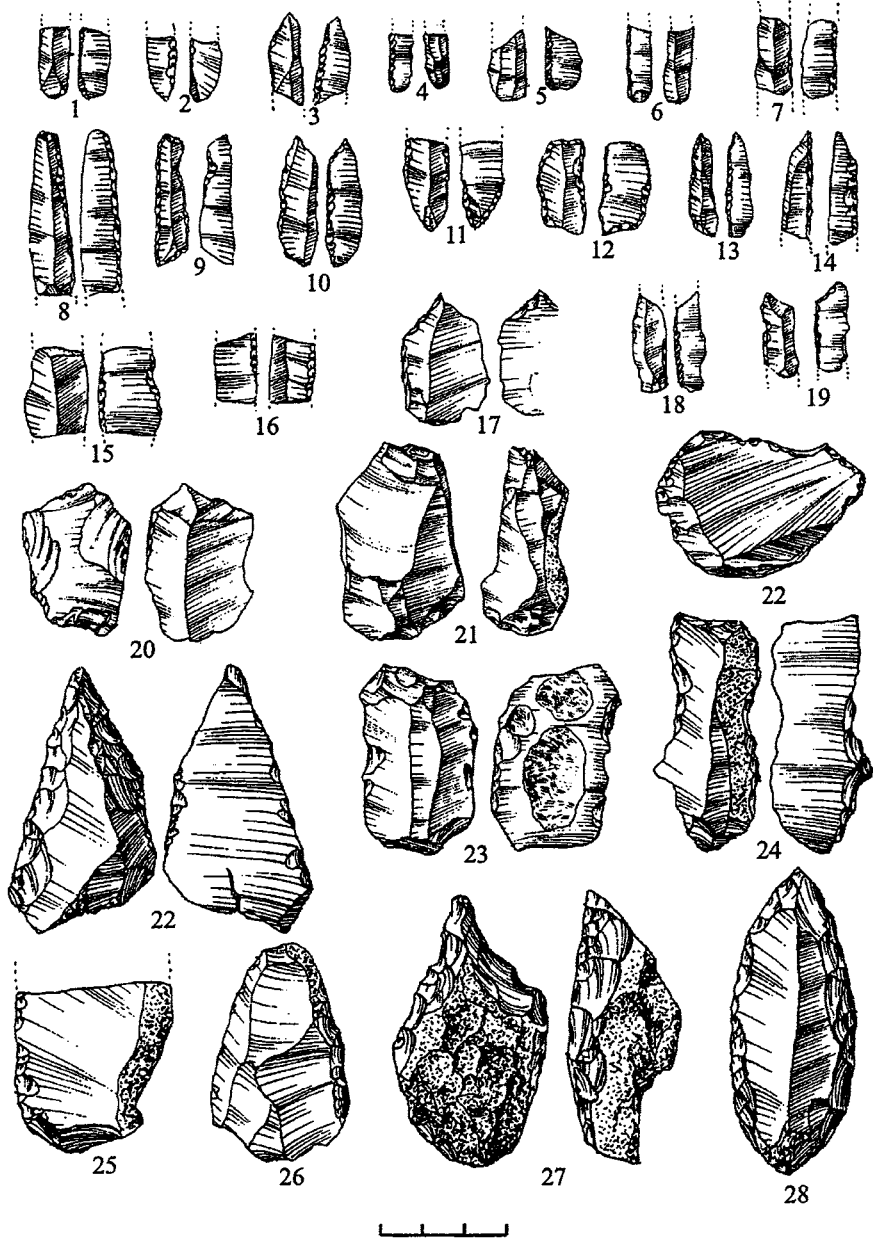

Рис. 5.15.13. Протоориньяк грота Рэнод, слой 10 (по Onorati 1986).

ского ориньяка, первая хронологическая фаза которого обозначается обычно как ориньяк I, или древний (ранний) ориньяк, и протоориньяка, известного также под названиями архаичный (начальный) ориньяк и ориньяк 0. Для протоориньяка тоже характерны острия фон-ив и пластинки дюфур, обработанные мелкой полукрутой ретушью, наносившейся, как правило, либо только на вентральную поверхность, либо с одного края на вентральную, а с другого — на дорсальную (рис. 5.15.13: 1–16, 18, 19). Пластинки в протоориньяке, однако, более длинные, чем в классическом ориньяке, и в норме имеют прямой или слегка изогнутый, но не «винтовой»

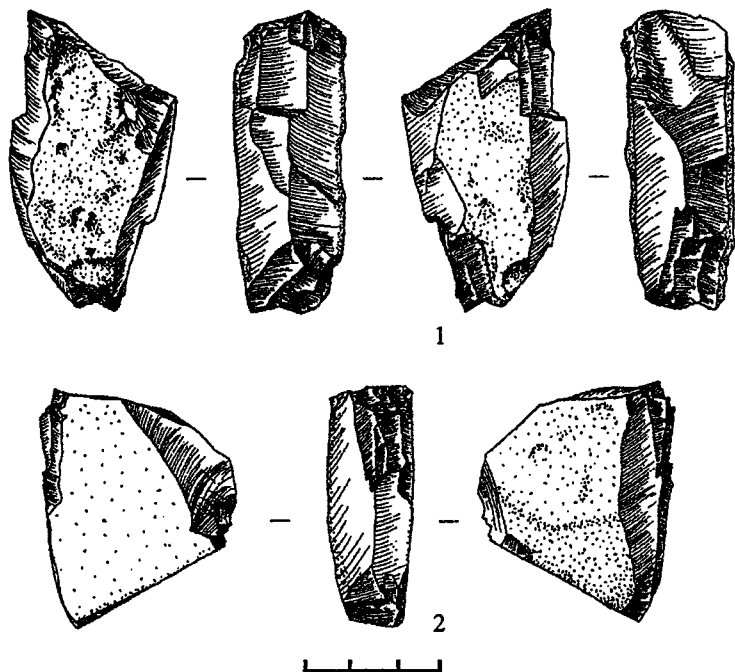

Рис. 5.15.14. Протоориньяк. Нуклеусы из грота Эскишо Граупу (по Basile 2006).

профиль.²⁷ Их снимали не с кареноидных изделий, а с одноплощадочных призматических, пирамидальных и торцовых нуклеусов (часто на отщепках или толстых плитках — рис. 5.15.14) с хорошо выраженным острым углом скалывания в рамках единой непрерывной редуцированной последовательности (Onoradini et al. 1999: 52; Kuhn 2002: 85; Mellars 2006: 170; Teyssandier 2006: 24; Zilhão 2006: 187). Если в классическом ориньяке доля пластинок дюфур среди орудий редко превышает 5%, то в протоориньяке пластинки с ретушью могут составлять до половины и более всех изделий с вторичной обработкой (Арбрета, Фумане и др.). Помимо них, орудийный набор обычно включает скребки, резцы, скребла, зубчато-выемчатые изделия (рис. 5.15.13: 20–28), но характерные для классического ориньяка скребки каренэ и с носиком, а также крупные пластины с непрерывной инвазивной ретушью обычно либо отсутствуют, либо очень немногочисленны (Broglia 1996; Kuhn, Stiner 1998; Onoradini 2004, 2006; Slimak et al. 2006). В протоориньякских комплексах есть костяные орудия, но нет наконечников с расщепленным основанием (за исключением единичных спорных экземпляров). На ряде памятников встречены в большом количестве бусы и подвески из раковин и иных материалов.

Некоторым исследователям различия между протоориньяком и классическим ориньяком кажутся настолько значительными, что они считают «таксономически неоправданным» использовать для их обозначения один и тот же термин. В частности, П. Мелларс предлагает во избежание путаницы переименовать протоориньяк

²⁷Некоторые исследователи считают более правильным использовать название «дюфур» только для обозначения ретушированных пластинок классического ориньяка — мелких, спиралеобразно закрученных, скалывавшихся с кареноидных изделий (напр.: Belfer-Cohen, Goring-Morris 2002: 59, 64).

в «фуманиан», по названию итальянского памятника, где эта индустрия хорошо представлена (Mellars 2006: 170).

Практически все более или менее хорошо изученные памятники протоориньяка связаны с присредиземноморскими районами восточной Испании, южной Франции и северной Италии, почему эту индустрию и рассматривали обычно как локальный вариант ориньяка. Не исключено, однако, что ее ареал включал не только юг Западной Европы, но и центральные районы континента (Кремс-Хундсштайг в Нижней Австрии, см. 5.16), а возможно также и Балканы, и даже юг Русской равнины. Учитывая это, а главное, тот факт, что на всех без исключения многослойных памятниках, где протоориньяк встречен вместе с ориньяком (Истюриц, Ле Пиаж, Мочи и т. д.), он неизменно предшествует ему (Zilhão 2006: 187; Slimak et al. 2006: 915–916), правильнее было бы, по-видимому, рассматривать первую индустрию не как локальный вариант второй, а как в значительной мере самостоятельное и притом хронологически явно более раннее явление.

Вопрос о характере связи и наличии (или, по крайней мере, степени) преемственности между двумя ориньяками остается открытым. В последнее время исследователи, затрагивающие эту тему, как правило, воздерживаются от сколько-нибудь определенных выводов (Teyssandier et al. 2006: 252). Есть, однако, и исключения. По мнению Л. Слимака с соавторами, древний ориньяк в средиземноморской Европе вырастает из местного протоориньяка, на что, помимо ряда общих черт, указывает наличие комплексов с промежуточными характеристиками (Slimak et al. 2006: 916). Наиболее показательным примером является слой 10 грота Рэнод, где пластинки дюфур составляют не более 14% орудий, а скребки — 20%, причем среди последних доминируют кареноидные и с носиком (Onorati 1986).

Хронология. Вопросу о времени появления ориньяка в Европе вообще и Западной Европе в частности традиционно придается огромное значение, поскольку для большинства исследователей распространение ориньякоидных индустрий является археологическим индикатором распространения людей современного анатомического типа. Очередной всплеск интереса к этой теме наблюдается с 1999 г., когда вышла статья Ж. Зильяо и Ф. д'Эррико, в которой довольно убедительно было показано, что во всех случаях, когда на основании абсолютных датировок для ориньяка провозглашался РУ возраст более древний, чем 36.5 тлн (Арбрета, Эль Кастильо, Рекло Вивер и Абрик Романи в Испании, Тру Магрит в Бельгии и т. д.), это было следствием либо неправильной интерпретации скудного археологического материала, либо чересчур упрощенного истолкования стратиграфии и, как результат, использования для датирования образцов, связь которых с ориньякскими материалами сомнительна (Zilhão, d'Errico 1999). В последние годы дискуссия вращалась в основном вокруг стратиграфии и материалов испанских пещер Эль Кастильо и Арбрета: сторонники длинной хронологии, опираясь на старые и новые датировки, доказывали, что слои с ориньяком здесь имеют РУ возраст не менее 38–40 тлн (Mellars et al. 1999; Cabrera et al. 2001), а сторонники короткой утверждали, что слои эти смешанные, и нет никакой уверенности, что продатированные образцы связаны именно с ориньяком (Zilhão, d'Errico 2003; Zilhão 2006: 20–23). В частности, десять РУ дат, полученных по древесному углю для слоя 18 Эль Кастильо и укладываемых в диапазон от 37.1 ± 2.7 до 41.1 ± 1.7 тлн, относятся, по мнению Зильяо и д'Эррико, не к ориньякским материалам, а к мустье либо шательперрону. Действительно, в слое, наряду с кареноидными скребками, найдено множество скребел и один нож типа шательперрон.

При той степени погрешности, что присуща РУ да и всем другим методам абсолютного датирования, полторы-две тысячи лет, которые столь упорно не желают уступать друг другу сторонники короткой и длинной хронологии западноевропейского ориньяка, не столь уж важны. Гораздо более существенным для понимания хронологического соотношения основных западноевропейских индустрий ранней поры верхнего палеолита является тот факт, что стратиграфически ориньяк (в широком смысле) всегда следует за шательперроном или улуццо, а протоориньяк всегда предшествует раннему классическому ориньяку. Кроме того, появилась информация, что на Апеннингах в ряде случаев (Серино, Кастельчивита) зафиксировано как будто бы залегание протоориньяка под горизонтами пеплов кампанского игнимбритового извержения (37–41 тлн), тогда как классический ориньяк грота Пальиччи, которому в одной из публикаций приписывалась такая же позиция, на самом деле оказался перекрытым пеплами более позднего (32–33 тлн) извержения кодола (Giacci et al. 2007). Таким образом, можно предполагать, что протоориньяк появился в Европе около 40 тлн и существовал сравнительно недолго. Классический ориньяк — несколько более позднее, но гораздо более продолжительное явление, доминировавшее в регионе вплоть до начала граветтского времени (около 30 тлн).

Генезис. По мнению большинства затрагивавших эту тему авторов, на западе Европы ориньяк появился в результате миграции извне, хотя существует и противоположная точка зрения, согласно которой его становление могло протекать здесь самостоятельно (Carbonell, Vaquero 1998). В частности, предполагается, что в Кантабрии ориньяк вырос из местного мустье, многие комплексы которого содержат кареноидные скребки и резцы (Cabrerá Valdes, Bernaldo de Quiros 1996; Cabrerá et al. 2000). В. Кабрера с соавторами даже использовали применительно к материалам горизонтов b и c слоя 18 Эль Кастильо термин «переходный ориньяк» (*l'Aurignacien de transition*), утверждая, что сочетание в этих комплексах среднепалеолитических и верхнепалеолитических элементов отражает процесс трансформации мустье в ориньяк. Эту «переходную», по их мнению, индустрию они рассматривают как явление того же порядка, что шательперрон или улуццо (Cabrerá et al. 2001: 530). Однако аргументы, представленные теми, кто склонен объяснять феномен «переходного ориньяка» в Эль Кастильо постдепозиционными процессами, кажутся более убедительными (Zilhão, d'Errico 2003).

На ряде многослойных памятников средиземноморской зоны Западной Европы протоориньяк резко, без всякого перехода сменяет мустье (грот Обсерватории, Рэнод, Рипаро Мочи, Таглиенте, Бомбрини и др.), что служит одним из аргументов в пользу его неместного происхождения. В последние годы широкое хождение получила идея о тесной связи протоориньяка с ближневосточным ахмаром. На очевидное, казалось бы, сходство этих двух индустрий долгое время почему-то не обращали внимания. Первым или, по крайней мере, одним из первых его отметил О. Бар-Йозеф (Bar-Yosef 2003), после чего эта тема стала обсуждаться все более активно. По мнению Ж. Зильяо, «технологически и типологически протоориньяк, по сути, неотличим от раннего ахмара Леванта. Его острия фон-ив, например, представляют собой абсолютно то же самое, что ахмарские острия эль-вад. Хронологически протоориньяк и ахмар тоже в широких рамках одновременны» (Zilhão 2006: 190). О том же пишет и П. Мелларс (Mellars 2006: 175–176), высказывая на этой основе предположение, что протоориньяк вполне мог быть принесен в европейское средиземноморье именно с Ближнего Востока. Эта гипотеза кажется вполне правдоподобной. По сути, единственным обстоятельством, которое заставляет пока относиться к ней осторож-

но, является отсутствие достоверных памятников ахмара/протоориньяка в Малой Азии и на юге Балканского полуострова, через которые должно было бы проходить распространение этой индустрии. Скорее всего, дело здесь просто в недостаточной исследованности этих регионов. В центре Балкан материалы, технологически и типологически очень близкие к ахмару/протоориньяку и имеющие аналогичный возраст, уже известны (грот Козарника, см. 5.14).

Мелларс считает, что миграции, результатом которых было распространение протоориньяка, «шли в основном, если не полностью, независимо от миграций носителей классического ориньяка», которых он тоже выводит с Ближнего Востока (ibid.: 176, 177). Последняя идея далеко не нова, но сейчас она выглядит совсем не так привлекательно, как это было еще 10 или 15 лет назад. Во-первых, судя по имеющимся в настоящее время абсолютным датам, ориньяк появился на Ближнем Востоке, по крайней мере, не раньше, а скорее даже несколько позже, чем в Европе. Во-вторых, судя по тем же датам, а также по стратиграфии многослойных памятников, он появился позже ахмара. Наконец, если ближневосточное происхождение ахмара, постепенно вырастающего из эмирана, почти не вызывает сомнений (см. 5.9.6), то о левантийском ориньяке этого никак не скажешь. Возводить его к эмирану, как это делает Мелларс, никаких оснований нет. Скорее всего, классический ориньяк Западной Европы представляет собой продолжение местного протоориньяка. Вторая возможность — его распространение с востока, но не из Леванта, а из какого-то другого центра, который еще предстоит определить (гипотетические кандидаты: Загрос, Центральная Азия, Восточная Европа).

Эволюционный статус. В целом для протоориньяка и раннего ориньяка Западной Европы характерны весьма высокие индексы СП-ВП. Если не принимать в расчет минимальные оценки для слоя 10 грота Рэнод и слоя G Рипаро Мочи, являющиеся не более чем формальным следствием отсутствия данных по параметрам 2, 3 и 7, то индекс составит от 3 до 6 (табл. 5.15.5).

Таблица 5.15.5. Индексы СП-ВП для комплексов протоориньяка и древнего ориньяка Западной Европы

Памятник, слой	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	Сумма	Источник
Грот Оленя, 7	1	0	?	0-0.5	1	1	1	1	1	1	1	4.5/6	Schmider 2002
Рэнод, 10	1	0	?	0.5	1	1	?	1	1	0	0	1.5/3.5	Onoratini 1986
Мочи, G	1	?	?	0.5	1	1	?	1	1	1	1	2.5/5	Kuhn, Stiner 1998
Фумане, А1-3	0	0.5	?	0	1	1	?	1	1	1	1	4.5/6.5	Bartolomei et al. 1992; Broglia et al. 1998

Антропология. Все человеческие кости, обнаруженные до сих пор в ориньякских комплексах региона, принадлежат людям современного анатомического типа (Gambier 1989, 1997). Однако этот материал относится только к средним и поздним стадиям ориньяка, тогда как для ранних стадий определяемых скелетных останков людей неизвестно. Фрагменты взрослого черепа и детской нижней челюсти из слоя 18 Эль Кастильо утеряны, а та информация о них, которая сохранилась, не позволяет однозначно определить таксономическую принадлежность этих материалов (Churchill, Smith 2000a: 82). Впрочем, даже если бы последнее было возможно, это вряд ли пролило бы свет на антропологический тип носителей раннего ориньяка, поскольку характер индустрии слоя 18, как говорилось выше, неясен. В этой связи интересно отметить, что в пещере Эль Сидрон, находящейся неподалеку от Эль Кастильо, недавно найдены останки неандертальцев, чей возраст вполне сопоставим с

возрастом слоя 18. Посредством прямого датирования для них были получены три даты от 37 до 42 тлн (Lalueza-Fox et al. 2005). Невозможно определить и принадлежность зуба (резец) из раннеориньякского слоя Е Ля Феррасси (Gambier et al. 1990), представляющего собой одну из очень немногих антропологических находок, более или менее уверенно относимых к этому периоду. Зубы из ориньякских слоев грота Брассемпуи с серией РУ дат от 30 до 34 тлн, по мнению одних антропологов, в таксономическом плане неопределимы (Henry-Gambier et al. 2004), а по мнению других, явно принадлежат *Homo sapiens* (Bailey, Hublin 2005). Достоверных и надежно диагностируемых костных останков людей раннего ориньяка на Апеннингах также пока нет (Bietti 1997: 136), хотя зуб (резец) из третьего (протоориньякского) слоя Рипаро Бомбрини и фрагмент верхней челюсти из слоя Е (ориньяк) пещеры Фосселлоне 1 описывают как морфологически во многом близкие современным (Churchill, Smith 2000a).

5.16. Центральная Европа

Этому региону принадлежит безусловное первенство по количеству индустриальных типов, выделенных для конца среднего–начала верхнего палеолита. Помимо селета, богунице и ориньяка, на слуху такие термины, как бабониан, развитой микок, янковичьен, альтмюль, раницьен, ежмановице, юго-восточный шарант, шипкиен, и т. д. При этом хорошо исследованных стратифицированных памятников здесь не так уж и много — больше, правда, чем на Балканах, но значительно меньше, чем на Ближнем Востоке или в Западной Европе. Как следствие — ситуация с индустриями периода перехода в Центральной Европе является сегодня более запутанной, чем где бы то ни было еще. Многие из этих индустрий представляют собой весьма аморфные конструкции, не имеющие ни четкого определения, ни ясной стадияльной атрибуции, ни даже постоянного состава.

Селет

Содержание этого понятия никогда не отличалось особой четкостью, и относительно того, какие комплексы зачислять в селет, а какие выделять в самостоятельные индустрии, всегда шли дискуссии. В последние годы из состава селета, похоже, окончательно выведены альтмюль (Conard, Fischer 2000) и линкомб-ежмановице (Flas 2000–2001, 2002), а независимый статус богунице признал даже Ф. Олсворс-Джоунс (Allsworth-Jones 2004). В качестве особой индустрии иногда рассматривают и янковичьен, представленный небольшими коллекциями из нескольких венгерских пещер (Янкович, Кискелеви, Бивак, Ремете и др.)²⁸ и относимый В. Габори-Чанк к первой половине вюрма, хотя, по мнению других авторов, янковичьен «не старше богунице, а скорее одновременен с ним или даже моложе» (Siman 1990: 16).

По мнению И. Свободы и К. Шиман (Svoboda, Siman 1989: 307, 310), к селету, помимо пещерных и открытых стоянок, следует относить также ряд мастерских, инвентарь которых несколько более «архаичен» и выделяется иногда в особые индустрии, рассматриваемые как среднепалеолитические (развитой микок в Моравии) и даже апельские (бабониан в Венгрии). Возможно, это и правильно, но надежных критериев, которые позволили бы опознать такие мастерские как селетские, нет.

²⁸Из всех шести памятников этой индустрии известно не более 150 артефактов, из них 70 двусторонне обработанные (Dobosi 2000: 53).

Селет традиционно выделялся, главным образом, благодаря наличию многочисленных и морфологически весьма разнообразных бифасиальных листовидных наконечников, которые составляют в комплексах, относимых к этой индустрии, от 5% до 15% всех орудий, а в исключительных случаях (Джезераны) и до 25% (Allsworth-Jones 1986; Svoboda 1988; Oliva 1991, 1995). Однако четкого определения того, что такое селетский листовидный бифас и чем он отличается от микокского, не существует, как не существует и критериев отличия верхнепалеолитических и среднепалеолитических листовидных бифасов. Если считать таким критерием отношение ширины к толщине, то по этому показателю большинство селетских наконечников тяготеет еще скорее к среднему палеолиту. Во всяком случае, для нижнего слоя Селеты он составляет в среднем всего 2.9, а для верхнего — 3.3 (Adams 1998: table 2.1), то есть о верхнепалеолитической технике «тонкого бифаса» говорить здесь вряд ли приходится. Для сравнения, у стрелецких наконечников это отношение в среднем равно 5.4, и лишь в четырех случаях из 26 оно меньше 4.0 (Bradley et al. 1995: table 2; Аникович и др. 1998).

Важной стилистической характеристикой селета считается еще «широкое использование плоской ретуши для оформления не только наконечников, но также скребел, скребков и иных типов изделий» (Svoboda, Siman 1989: 310). Скребла, как правило, многочисленны и иногда преобладают, составляя до трети всех орудий. Скребки (чаще всего укороченных пропорций) обычны, резцы редки, особенно ретушные (больше срединных). Технология ориентирована на получение отщепов и считается нелеваллуазской, хотя на отдельных памятниках (Опатовице II) встречаются в небольшом количестве типичные леваллуазские острия (Svoboda 2001: fig. 6, 11). Главная зона распространения селета — территория Венгрии, Чехии и Словакии, но на западе она включала, видимо, еще и Баварию (Бозински 2006), а на юге и востоке смежные районы сопредельных стран, в частности Молдавию и часть Румынии (Анисюткин 2005а).

Хронология. РУ датировки, полученные для Ведровице V в Чехии и Чертовой Печи в Словакии, варьируют примерно от 35 до 40 тлн (Allsworth-Jones 2004: 290). В этот же интервал попадает и единственная пока РУ дата 38.5 ± 1.0 тлн, имеющаяся для относимого иногда к «селету в широком смысле» комплекса II Королево II, где есть серия листовидных бифасов. В то же время следует иметь в виду, что в технологическом плане комплекс II Королево II много ближе к богунице, чем к селету (см. напр.: Usik et al. 2006: 219), что отнесение к селету Чертовой Печи тоже безусловно (Allsworth-Jones 1986: 127), а для нижнего слоя пещеры Селета в Венгрии к старым РУ датам порядка 42–43 тлн добавились две новые порядка 25–26 тлн (Adams, Ringer 2004). Сообщается и о наличии для этого же комплекса неопубликованных ЭПР дат, согласно которым его возраст порядка 30 тлн (Adams, Ringer 2004). В Дзераве Скале, напротив, для «бывшего» селетского слоя 11 получена ОСЛ дата около 50 тлн, но инвентарь его рассматривается теперь скорее как мустьерский (Kaminska et al. 2004). В целом можно считать, что индустрии с селетскими листовидными наконечниками и короткими скребками начинают распространяться в центральной части Европы несколько ранее 40 тлн, что, кстати, хорошо согласуется с датами для Кульны, слой 6а, и Неандерталя, маркирующими завершение микока (см. ниже).

Генезис. По мнению А. Рингера, селет на территории Венгрии развивается из так называемого «бабониана» — индустрии, выделенной им по подъемным материалам шести венгерских местонахождений и отличающейся преобладанием небольших

бифасов (Рингер делит их на бифасы апельских и микокских типов) и скребел, которые вместе составляют 60% всех орудий. По мнению другого венгерского археолога, К. Шиман, все эти памятники скорее являются селетскими мастерскими (Svoboda, Siman 1989). Раскопки, проведенные на двух из шести местонахождений, привели Б. Адамса к выводу, что материал одного из них имеет сходство с ранним верхним палеолитом региона, в частности с селетом, а индустрия другого сопоставима с мустье, в частности с материалами пещеры Шубалюк (Adams 2000: 179). Таким образом, бабониан — это, скорее всего, целиком искусственная конструкция, а отнесенные к нему первоначально памятники представляют индустрии разного генезиса и возраста.

Большинство исследователей выводят селет из микока Центральной Европы (см. напр.: Бозински 2006). Действительно, и в хроностратиграфическом, и в технико-типологическом плане эти индустрии образуют, как кажется, непрерывную и плавную эволюционную последовательность. Согласно данным ТЛ датирования по обожженному кремню возраст микокского слоя в гроте Сессельфельс 56 ± 1.6 тлн, а в расположенном рядом навесе 1 Шулерлох 51.4 ± 4.5 (Richter et al. 2000). Близкие даты получены также для микока Линтенберга и Гамсенберга. В Кульне слой 7a имеет ЭПР дату 50 ± 5 тлн и РУ дату 46.6 тлн (Rink et al. 1996). Самый поздний микокский слой этого памятника 6a, давший довольно богатую индустрию, остается пока недатированным. В Неандертале, судя по прямым датировкам человеческих костей, РУ возраст микока около 40 тл (Schmitz et al. 2002).

Для микока Кульны Валох приводит такие данные: технология нелеваллуазская, единичные сколы леваллуа — случайность; преобладают дисковидные (одно- и двухсторонние) и «протопризматические» нуклеусы, есть реберчатые сколы, пластин мало (ни в одном из слоев не больше 5.5%). Среди орудий на сколах преобладают скребла, есть мустьерские остроконечники, тогда как орудия верхнепалеолитических типов составляют от 5 до 17%, а в слое 6a их 13% (Valoch 2000: 173). По словам И. Свободы, процесс изменений от микока к селету «кажется столь постепенным, а определение селета столь широким, что для отдельных памятников и индустрий трудно установить точные границы между средним и верхним палеолитом» (Svoboda 2001: 223). Действительно, хотя селет и принято обычно рассматривать как «переходную», или ранневерхнепалеолитическую индустрию, на самом деле проблема его эволюционного статуса остается нерешенной.

Эволюционный статус. К сожалению, количественный и качественный состав подавляющего большинства комплексов, относимых к селету, таков, что определение их эволюционного статуса через подсчет индекса СП-ВП невозможно. Коллекции либо слишком малы, либо смешаны (подъемные материалы), либо просто не опубликованы должным образом. Единственный выход в этой ситуации — попытаться дать обобщенную оценку основных параметров индустрии в целом. Все авторы, писавшие о селете, отмечали господство плоскостного расщепления, ориентированного на получение отщепов, и редкость пластин. Данных о характере ударных площадок практически нет, но, исходя из общего облика индустрии, можно не сомневаться в типичности некраевого скалывания. В орудийном наборе, судя по составу коллекции Ведровице V, преобладают скребла и зубчато-выемчатые изделия, а вещи верхнепалеолитических типов, хотя и есть, представлены в меньшем числе. Характер обработки основания у некоторых селетских листовидных бифасов позволяет допустить, что здесь уже встречается специальная подготовка каменных орудий к последующему креплению. Достоверных формальных костяных орудий и каких

бы то ни было украшений или предметов искусства для селета неизвестно. Правда, существование первых все же можно допустить, т. к. на нескольких памятниках листовидные каменные наконечники были найдены вместе с костяными, близкими или идентичными ориньякским, хотя ни в одном из подобных случаев нет уверенности, что такая связь не является результатом механического смешения разных комплексов или попеременного обитания в одном месте групп с разными традициями (Svoboda 2001: 223, 226). В итоге получается, что индекс СП-ВП селета может составлять от -3 до -1.5 (см. табл. 5.16.1), причем максимальное значение в данном случае, скорее всего, завышено, поскольку вряд ли можно ожидать, что знак вопроса в колонке 7 после опубликования необходимых данных трансформируется в 1.

Таблица 5.16.1. Оценка индекса СП-ВП селета

Комплекс	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	Сумма	Источник
Селет	1	1	1	1	0	0	?	0.5	0.5	0-0.5	0	-3/-1.5	Svoboda 1988; Valoch 1993; Oliva 1991; Козловский 2005

Таким образом, селет (подобно его североафриканскому стадияльному аналогу атеру) — это формально еще скорее средний, чем верхний палеолит. Собственно, подобный вывод не является ни неожиданным, ни оригинальным, поскольку большинство немецких исследователей традиционно относило комплексы с листовидными бифасами именно к среднему палеолиту. В то время как, например, для чешских авторов «преемственность между микоком и селетом является свидетельством преемственности между средним и верхним палеолитом, в немецкой исследовательской традиции она рассматривается как пример развития внутри среднего палеолита» (Conard, Bolus 2003: 362).

Антропология. Находки костей и зубов гоминид в слое 7а Кульны, а также в Неандертале (Schmitz et al. 2002) и гроте Сессельфельс (Allsworth-Jones 2004) однозначно свидетельствуют о связи позднего микока с неандертальцами. Это обстоятельство заставляет предполагать, что и селет, по крайней мере на ранних стадиях, был связан с ними же (Svoboda 2005; Бозински 2006). Для самого селета антропологических находок неизвестно, за исключением нескольких зубов из Дзеравы Скалы (селет?) и Марьяремте-Фелсо (янковичьен), которые часто предположительно рассматривают как неандертальские. Если принимать такое определение, а названные памятники относить к селету, как это делает Ф. Олсворс-Джоунс (Allsworth-Jones 1986, 1990), то тогда тезис о связи этой индустрии с неандертальцами получает дополнительное подкрепление. Правда, сколько-нибудь развернутого обоснования принадлежности зубов из Марьяремте и Дзеравы неандертальцам дано не было, и, по мнению ряда антропологов, в равной мере вероятно их принадлежность людям современного физического типа (Churchill, Smith 2000a: 79).

Линкомб-Ранис-Ежмановице (ЛРЕ)

Для этой индустрии, как и для селета, типичны листовидные бифасиальные наконечники. Собственно, ее часто и рассматривают как одну из составляющих селета, объясняя пластинчатый характер многих заготовок и орудий просто более высоким качеством сырья. Однако если обычные селетские наконечники, сплошь покрытые

негативами отделки, придающей им в сечении двояковыпуклую форму, в некоторых комплексах ЛРЕ могут и отсутствовать (слой 4 Нетопежовой, Спи, Бэдджер Хоул и др.), то наконечники типа ежмановице, имеющие пластинчатые пропорции, частичную бифасиальную ретупь и, как правило, плоско-выпуклое сечение, представлены в них всегда (рис. 5.16.1 и 5.16.2). Именно они являются «руководящим ископаемым» этой индустрии, причем зона их распространения практически не перекрывается с зоной классического селета. Она включает северо-восток Западной и север Центральной Европы и тянется от Уэльса и Англии через Бельгию и Германию до Польши (Flas 2000–2001, 2002). На юге Британии листовидные наконечники, частично или полностью двусторонние и изготовленные в большинстве своем на пластинах, обнаружены более чем в 30 пунктах (Jacobi 1999). Основные из них — Пулборо, Кентс Кэверн, Бэдджер Хоул, Пин Хоул, Бенч Фишпур. Главные памятники ЛРЕ в континентальной Европе — это Спи в Бельгии, Ранис в Германии и Нетопежова в Польше. Можно предположить, что именно к этой индустрии, а не к богунице, следовало бы относить и комплекс 4-го слоя Дзержислава, где есть фрагменты, по крайней мере, двух частично бифасиальных наконечников пластинчатых пропорций (рис. 5.16.1: 1, 2), один из которых имеет также и плоско-выпуклое сечение (Kozlowski 2000a: fig. 2: 1, 2).

К сожалению, практически все памятники ЛРЕ дали количественно небольшие коллекции. Многие из них представлены находками из старых раскопок с неясной стратиграфической привязкой. В функциональном плане большинство этих памятников представляют собой, вероятно, кратковременные охотничьи лагеря (Flas 2000–2001: 169). Сторонники отнесения комплексов с ежмановицкими наконечниками к селету могли бы, основываясь на этом обстоятельстве, рассматривать ЛРЕ как своего рода «селетский ольшевий».

Хронология. В Нетопежовой наконечники типа ежмановице встречены в слоях 6, 5а и 4. Для нижнего из них (слой 6) есть РУ дата 38.5 ± 1.2 тлн, для верхнего 30.5 ± 1.1 тлн. Для группы из пяти английских памятников, относимых к ЛРЕ, получено более 20 РУ дат от 27 до >43 тлн. Таким образом, на основании имеющихся данных можно предполагать, что эта индустрия сформировалась около или несколько ранее 40 тлн и существовала как минимум до 30 тлн. В этот хронологический интервал вполне вписывается и предположительно ежмановицкий комплекс слоя 4 Дзержислава, поскольку для лежащего над ним слоя 3а есть ТЛ дата 36.5 ± 5.5 тлн.

Генезис. Наиболее вероятным источником ЛРЕ является немецкий альтмюль (в частности, Мауэрн, слой F), относимый обычно еще к среднему палеолиту (Conard, Fischer 2000; Бозински 2006), но характеризующийся очень тонкими листовидными бифасами, имеющими иногда плоско-выпуклое сечение (Flas 2000–2001; Бозински 2006: рис. 4, 5). Ареал альтмюля находится точно в центре зоны распространения памятников с наконечниками типа ежмановице.

По мнению Д. Фляса, индустрия ЛРЕ могла дать начало одному из вариантов граветта, а именно мезьеру. Не вдаваясь в обсуждение этой гипотезы, уместно будет, тем не менее, вспомнить, что аналогичное предположение высказывалось и для селета. М. Олива, исходя из наличия немногочисленных листовидных наконечников в Павлове, рассматривал селет как «возможное связующее звено между средним и развитым верхним палеолитом» (Oliva 1991: 320), считая его причастным к генезису павловского граветта (Oliva 1988: 129, 1991: 324; см. также Valoch 1981; Svoboda, Siman 1989: 320).

Эволюционный статус. Судя по данным, приводимым Д. Флясом, для ЛРЕ ха-

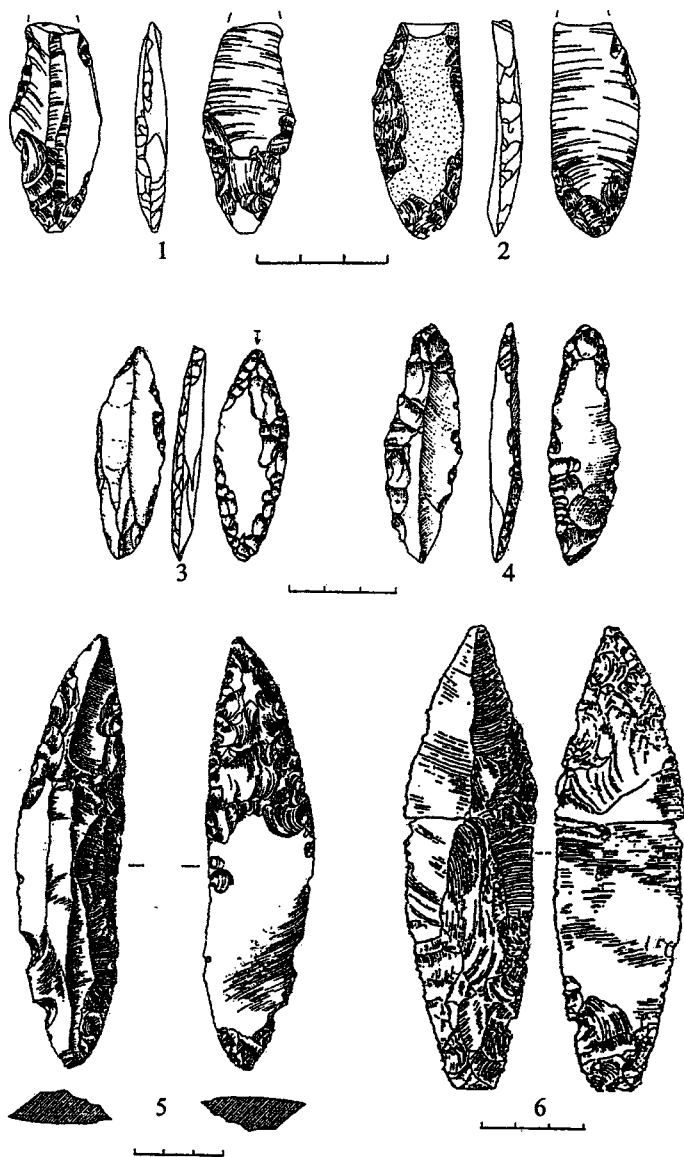

Рис. 5.16.1. Наконечники типа Ежмановице из слоя 4 Держислава (1, 2), Спи (3, 4), Раниса 2 (5) и Пулборо (6). По Kozłowski 2000a (1, 2) и Flas 2002 (3–6).

рактельны пластинчатая технология, реберчатые сколы и сочетание орудий средне- и верхнепалеолитических типов (скребла, в том числе бифасиальные, и анкоши, с одной стороны, скребки, резцы и проколки — с другой). Отдельные находки из второго слоя Раниса (костяное острие, просверленный диск из бивня мамонта) дают основание предполагать также наличие формальных костяных орудий и свидетельств символизма (Бозински 2006: 38). Имеющейся информации, однако, недостаточно, чтобы определить индекс СП-ВП. Единственный комплекс, для которого можно сделать необходимые подсчеты — это слой 4 Держислава I, давший более тысячи каменных артефактов (табл. 5.16.2), но его принадлежность к ЛРЕ под вопросом.

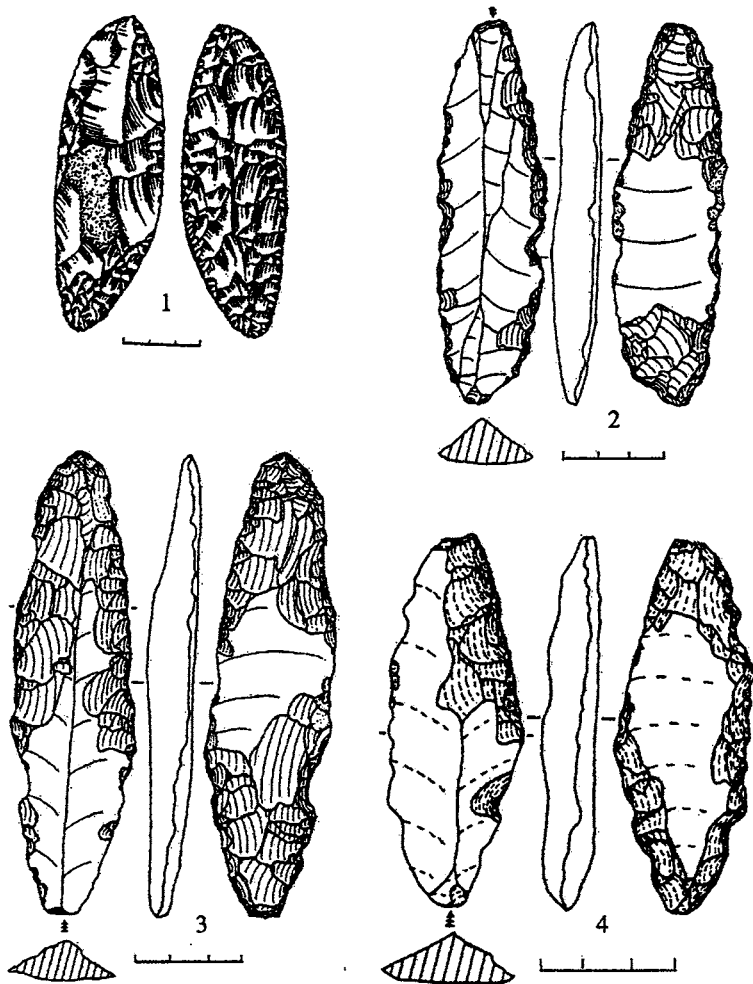

Рис. 5.16.2. Наконечники типа Ежмановице из слоя 6 пещеры Нетолежовой (1), Брэмфорд Роад (2), пещеры Финнон (3) и пещеры Пэвилэнд (4). По Flas 2002.

Таблица 5.16.2. Индекс СП-ВП предположительно отнесенного к ЛРЕ комплекса четвертого слоя Держислава I

Памятник	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	Сумма	Источник
Держислав I, 4	1	1	1	1	0.5	0	0.5	1	0.5-1	0	0	-1.5/-1	Foltyn, Kozlowski 2003

Антропология. Данных нет.

Богунице

Богунице, в отличие от селета, характеризуется довольно развитой пластинчатой технологией (Svoboda 1986, 1988; Svoboda, Škrdla 1995), хотя, по мнению П. Шкрдлы, реконструировавшего эту технологию на материалах Странски Скалы посредством ремонтажа (Škrdla 2003a), сами пластины были лишь побочным продуктом процесса расщепления, нацеленного в основном на производство леваллуазских острий

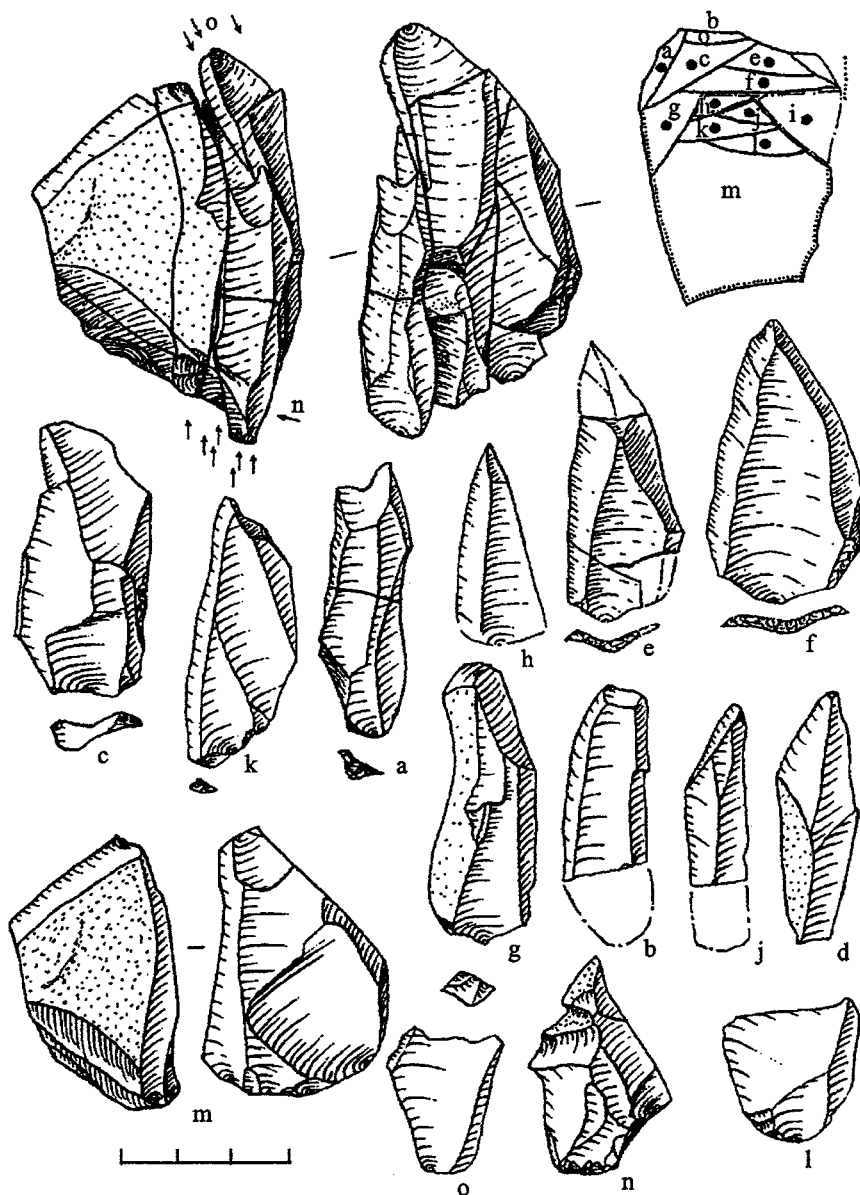

Рис. 5.16.3. Богунице. Странска скала III. Нуклеус, восстановленный посредством ремонтажа, и снятые с него сколы (по Škrdla 2003a).

(рис. 5.16.3)²⁹. Тем не менее в разных памятниках пластины составляют от 20% до половины сколов и на них изготовлена значительная часть орудий. Во всех комплексах в большом числе представлены леваллуазские острия (рис. 5.16.4: 7, 10–13 и 5.16.5: 17, 20–25), простые скребла и зубчато-выемчатые изделия, а также скребки (их примерно столько же, сколько и скребел), оформленные нередко на широких отщепках (рис. 5.16.4: 1–6 и 5.16.5: 1–12). Резцы на одних памятниках многочисленны

²⁹О том же свидетельствуют, как будто, и материалы Куличивки (Usik et al. 2006).

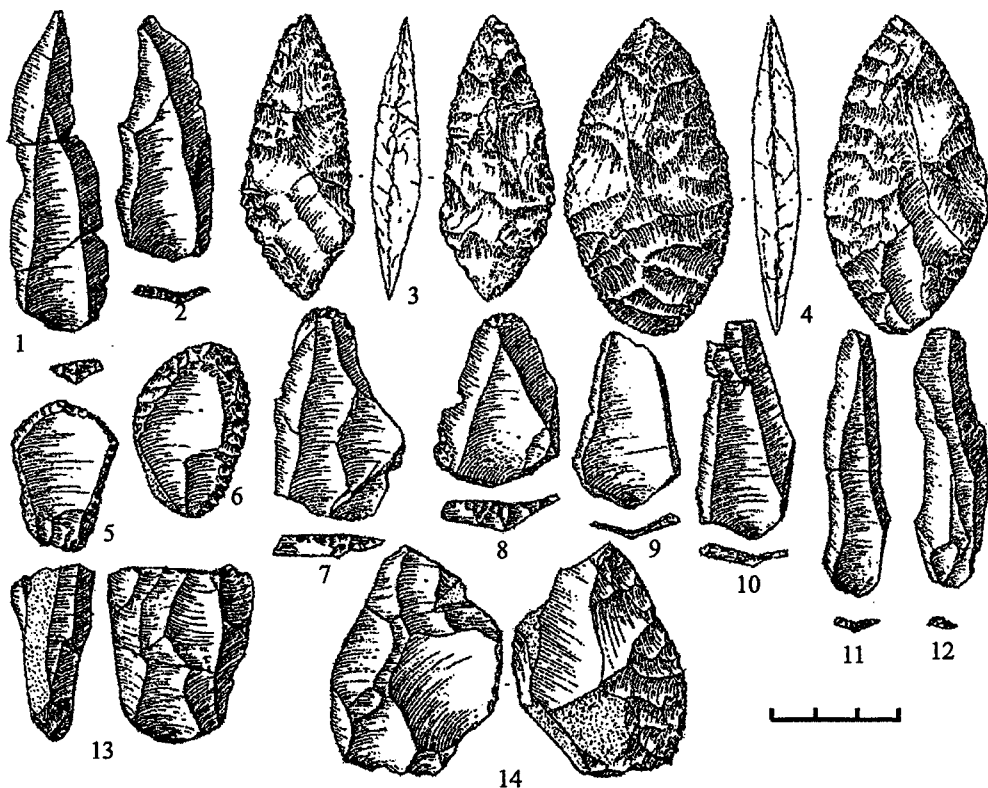

Рис. 5.16.4. Богунице. Острия и пластины (1, 2, 9–12), листовидные наконечники (3, 4), скребки (5–8), нуклеус (13) и скребло (14) из Брно-Богунице, комплекс в нижней палеопочве (по Tostevin, Škrdla 2006).

(Брно-Богунице), на других отсутствуют (Странска Скала III, слой 5). Есть остроконечники (рис. 5.16.5: 15, 16), усеченные пластины, пластины с ретушью (рис. 5.16.5: 18–19), а К. Валох сообщает и о спорадически встречающихся ножах типа шательперрон (Valoch 2000: 174). Листовидные наконечники полностью отсутствуют в Странске Скале, но есть в Брно-Богунице (рис. 5.16.4: 8, 9), а также в огромной коллекции подъемного материала с местонахождения Лишень. Подчеркивая последнее обстоятельство, Ф. Олсворс-Джоунс ставил раньше под сомнение правомерность выделения богунице в качестве особой традиции, предлагая рассматривать его как часть селета в широком смысле (Allsworth-Jones 1990: 185–187). М. Олива высказал предположение, что эти «престижные» изделия в богунице могут быть «аллохтонного» происхождения (Oliva 1988: 129), то есть, попросту говоря, их наличие может объясняться обменом с носителями селетских традиций, но в свете результатов новых раскопок эпонимного памятника от этой гипотезы приходится отказаться. Обнаружение мелких сколов отделки листовидных бифасов в культурном слое Брно-Богунице (нижняя палеопочва) свидетельствует о том, что их изготавливали на месте (Škrdla, Tostevin 2005; Tostevin, Škrdla 2006).

Область распространения богунице была, судя по имеющейся сейчас информации, ограничена неширокой полосой, тянущейся вдоль юго-восточного склона Богемского массива, причем местонахождения расположены, как правило, вблизи ис-

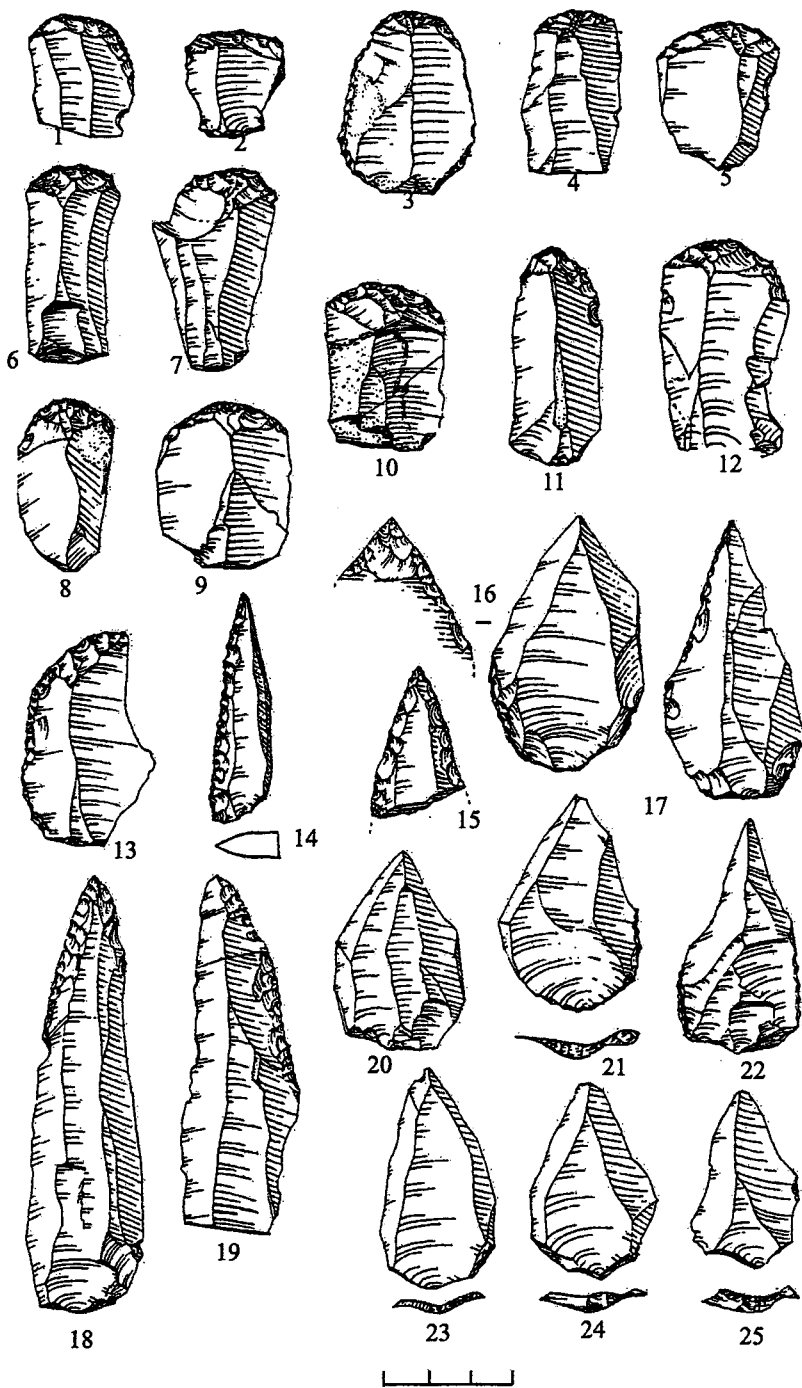

Рис. 5.16.5. Вогунице. Скрепки (1-12), нож с обушком (13), острия и пластины с ретушью (14, 18, 19), остроконечники (15, 16) и леваллуазские острия (17, 20-25) из 5-го слоя Странска скала III (по Svoboda 1988).

точников сырья (роговики). Единственный явно близкий богунице памятник за пределами этой зоны — Куличивка на западе Русской равнины — также находится в непосредственной близости с богатыми выходами кремня.

Хронология. Для Брно-Богунице есть ТЛ дата 47.4 ± 7.3 тлн (Valoch et al. 2000) и ряд РУ дат от 36 до 43 тлн. Для слоя 5 Странски Скалы III, IIIc и IIId имеется 13 РУ дат от 34 до 40 тлн (Svoboda 2003: table 2.1). Таким образом, период существования богунице начался, по-видимому, не позже 43 тлн.

Генезис. Являя довольно необычную для среднего палеолита Центральной Европы технологию, богунице не имеет столь же явных местных корней, как селет, и потому в поисках истоков этой индустрии ее исследователи обращаются либо на восток, к молодцовскому мустье (Valoch 1990), либо на юг, к балканским и ближневосточным леваллуазским и «переходным» комплексам типа Темнаты и Бокер Тахтит (Тостевин 2000; Bar-Yosef 2001). В последние годы особенно большую популярность приобрела идея о связи богунице с эмираном, и появился даже термин «эмиробогунице» (Svoboda 2001). Действительно, сходство с эмираном по всем основным параметрам индустрии налицо, что хорошо показано в работах Г. остевина (Тостевин 2000; Tostevin 2000, 2003). Таким образом, гипотеза, согласно которой появление в Центральной Европе такой индустрии, как богунице, было результатом продвижения на северо-запад каких-то групп выходцев с Ближнего Востока, кажется вполне обоснованной, тем более, что промежуточные следы предполагаемой миграции можно видеть в некоторых комплексах Балкан (см. 5.14). Однако полностью исключать вероятность местного генезиса этой индустрии тоже нельзя. Считаться с такой возможностью заставляет, в частности, обнаружение в Пекарах на юге Польши, т. е. по соседству с зоной распространения богунице, комплексов конца шеднего палеолита с развитой пластинчатой технологией, включающей и леваллуазское расщепление (Valladas et al. 2003).

Эволюционный статус. Каменная индустрия богунице, наряду с полным спектром среднепалеолитических черт, обнаруживает и ряд признаков, приближающих ее к верхнему палеолиту. Среди заготовок пластины распространены не менее, чем отщепы, причем с помощью ремонтажа удалось показать, что получали их в основном посредством объемного (полуповоротного) расщепления (Škrdla 2003a), которое лишь на заключительных стадиях срабатывания нуклеусов переходило в плоскостное (рис. 5.16.4: 18–22). Широко использовался прием подготовки ребра, о чем говорит наличие в коллекциях реберчатых пластин (рис. 5.16.4: 16, 17). Техника скола, правда, при этом оставалась среднепалеолитической. В орудийном наборе неизмен-

Таблица 5.16.3. Индексы СП-ВП для комплексов богунице

Памятник	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	Сумма	Источник
Брно-Богунице, нижняя почва	1	?	?	1	0.5	?	?	1	0.5	0	0	0±2	Škrdla, Tostevin 2005; Tostevin, Škrdla 2006
Странска Скала III, сл. 5	1	1	1	1	1	1	0	1	0	0	0	-1	Svoboda, Škrdla 1995; Svoboda et al. 1996; Škrdla 1996, 2003; Svoboda 2003a; Tostevin 2003
Странска Скала IIIa, сл. 4	1	1	1	1	1	1	0	1	0	0	0	-1	
Странска Скала IIIc, сл. 5	1	1	1	?	0.5–1	1	0	1	0	0	0	-1.5/0	

* Сохранность органики на всех памятниках очень плохая.

но хорошо представлены скребки, иногда дополняемые резцами. Костяных изделий, равно как и каких бы то ни было украшений или предметов искусства ни на одном из памятников, относимых к богунице, найдено не было, но следует иметь в виду, что для них характерна очень плохая сохранность органики. В целом, судя по имеющимся данным, СП-ВП индекс богунице может составлять от -1.5 до 0 (табл. 5.16.3).

Антропология. Человеческих скелетных останков на памятниках богунице пока не найдено, и надежды найти их в будущем, учитывая тафономические условия на этих памятниках, тоже немного (Svoboda 2005: 73).

Ориньяк

Хронология. РУ возраст подавляющего большинства ранних ориньякских комплексов в Центральной Европе, как правило, не превышает 33–36 тл (Холенштайн-Штадель, Фогельхерд, Вильдшойер, Зенфтенберг, Подградем, Странска Скала IIIa, слой 3, Странска Скала IIIb, слой 4, Странска Скала II, слой 4, Краков-Спадзиста А и В и т. д.). Более древние даты имеются только для нижнего слоя пещеры Ишталлошко (Венгрия), слоя 3 Виллендорфа II (Австрия) и слоев III и II пещеры Гейсенкlostерле (юго-запад Германии). В каждом из этих трех случаев под сомнение ставилась либо связь продатированных образцов с ориньякским материалом, либо правомерность определения материала в качестве ориньякского, либо и то и другое, но действительно серьезные основания для скепсиса есть, кажется, только в ситуации с Ишталлошко.

Согласно двум старым РУ датам, возраст нижнего слоя Ишталлошко оценивался в диапазоне от 40 до 45 тл. При этом, однако, отмечалось, что каменные орудия из этого слоя недостаточны для культурной атрибуции индустрии (Svoboda 1993: 30, Svoboda, Siman 1989: 311), а связь костяных наконечников с расщепленным основанием с образцами, послужившими для датирования, вызывала серьезные сомнения (Svoboda et al. 1996: 114). Проведенное недавно новое РУ датирование образцов из Ишталлошко дало для нижнего комплекса (слои 7–9) две даты 32.5–33.5 тлн, а для верхнего (слои 5–8) даты около 28 и 31–32 тлн (Adams, Ringer 2004). Эти результаты кажутся гораздо более реалистичными, чем прежние. Для предположительно ориньякского слоя пещеры Пешко, расположенной в 2.5 км южнее Ишталлошко, есть РУ дата 35 тлн.

Возраст третьего слоя Виллендорфа II определяется двумя близкими между собой РУ датами порядка 38–39 тлн (Dambon et al. 1996: 182, 184; Haesaerts, Teyssandier 2003). Достоверность этих определений не оспаривается, но происходящий из слоя материал очень скуден и, за исключением нескольких скребков высокой формы и пластин с непрерывной интенсивной ретушью одного или обоих краев, не содержит изделий, которые позволяли бы проводить параллели с ориньяком (рис. 5.16.6). Противники длинной хронологии ориньяка считают, что нескольких скребков в данном случае недостаточно для культурной атрибуции комплекса (Zilhão, d'Errico 1999). Исследователи Виллендорфа тоже довольно осторожны в своих выводах, но все же склоняются к мнению, что комплекс третьего слоя предположительно может рассматриваться как ориньякский (Haesaerts, Teyssandier 2003: 145–146; Teyssandier 2005, 2006). В пользу этой точки зрения свидетельствует, как будто, и технологический анализ не изучавшейся раньше части коллекции, состоящей в основном из отходов расщепления (Nigst 2006). Комплекс слоя 4, РУ возраст

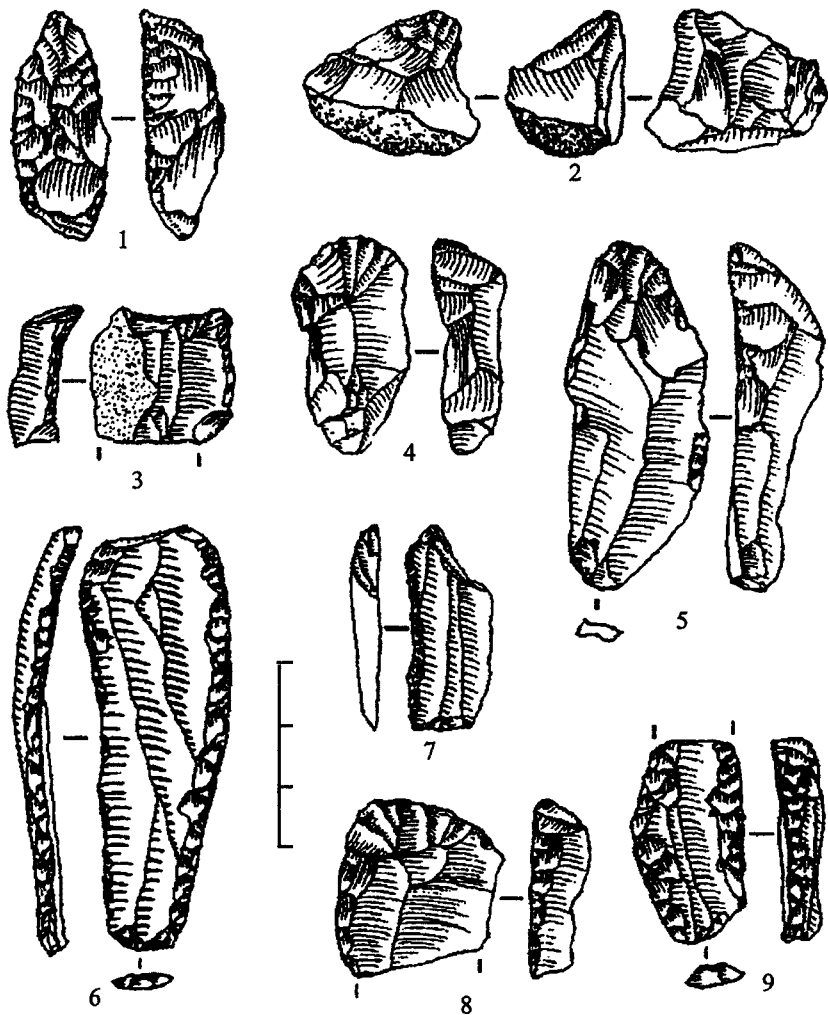

Рис. 5.16.6. Виллендорф II, слой 3 (по Haesaerts, Teyssandier 2003).

которого около 32 тл, определяют как развитой ориньяк. Примерно 70% орудий в этой довольно богатой (более 2000 вещей, из них 126 с вторичной обработкой) коллекции составляют высокие и кареноидные скребки (рис. 5.16.7), есть в ней и костяные наконечники с массивным основанием. Ретушированных пластинок нет, хотя сами пластинки весьма многочисленны.

Непроста ситуация и в Гейсенклостерле, где «протоориньякский» по Й. Хану и просто ориньякский, по мнению нынешних исследователей памятника, слой III дал множество кареноидных и высоких скребков, а также несколько стержней и украшений (бусы, подвески) из бивня и зубов животных (рис. 5.16.8), а слой II еще и предметы искусства (скульптура из бивня) и наконечники с расщепленным основанием. По мнению Ж. Зильяо и Ф. д'Эррико материал слоя III трудноопределим (т. е. не может быть с уверенностью отнесен к ориньяку) и, видимо, в значительной степени смешан с вещами из слоя II (Zilhão, d'Errico 1999: 34–39). Однако немецкие археологи отстаивают правомерность применения термина «ориньяк» для опреде-

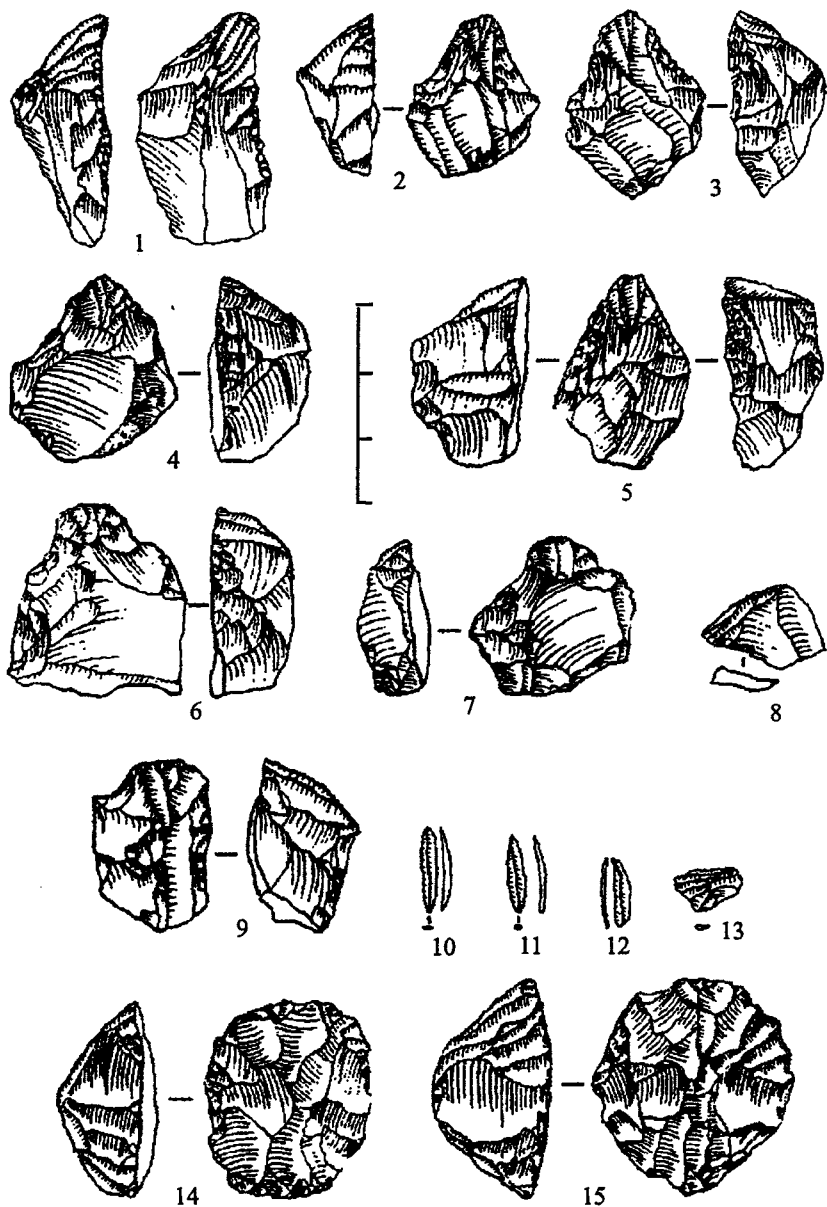

Рис. 5.16.7. Ориньяк. Виллендорф II, слой 4 (по Naesaerts, Teyssandier 2003).

ления материалов слоя III, указывая при этом, в числе прочего, на то, что их оппоненты не изучали непосредственно саму коллекцию (Bolus, Conard 2001: 33). Что же касается сомнений относительно гомогенности нижнего комплекса, то на основании изучения распределения фрагментов обработанного бивня, ремонта каменных изделий, а также геологических (микроморфологических) исследований было довольно убедительно показано, что горизонты III и II представляют собой самостоятельные дискретные комплексы, и что если перемещение материала по вертикали и имело место, то в основном снизу вверх, а не наоборот (Conard et al. 2003). К

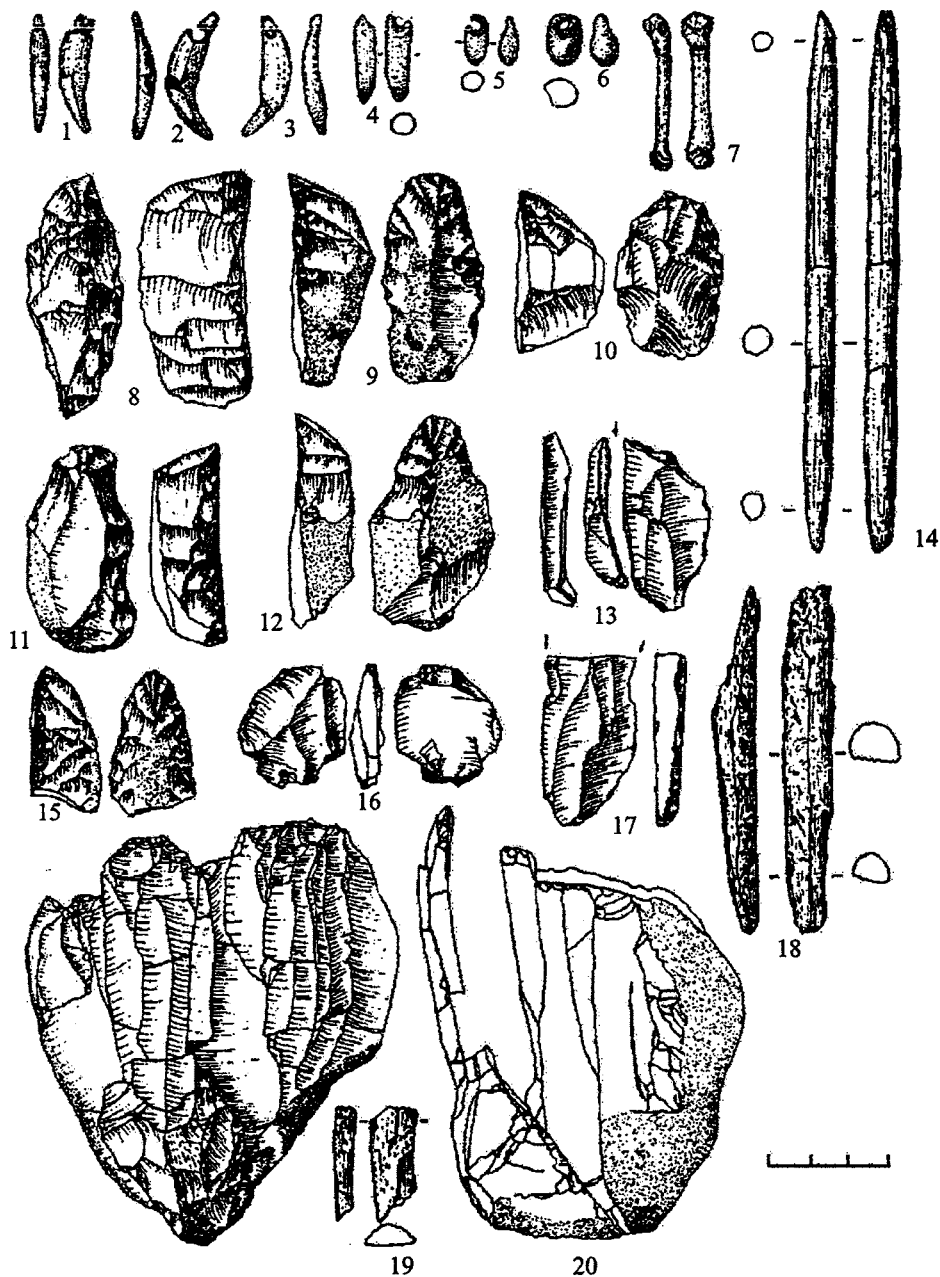

Рис. 5.16.8. Ориньяк. Каменный и костяной инвентарь слоя III грота Гейсенкlostерле (по Volus 2003).

этому же выводу приводит и изучение состава и структуры орудийного набора в обоих слоях (Teyssandier, Liolios 2003).

Средний РУ возраст слоя III около 38 тл, хотя если брать все имеющиеся РУ даты, то они весьма противоречивы (Verroorte 2005). Впрочем, большую древность ориньяка в Гейсенкlostерле подтверждают еще шесть ТЛ определений по обожжен-

ному кремню, давших среднее значение 40.2 ± 1.5 тлн (Richter et al. 2000a). Эти результаты хорошо согласуются с ЭПР датами, полученными для верхов нижележащего среднепалеолитического слоя IV (43.3 ± 4 тлн), а также с ТЛ датами для вышележащего слоя II (около 37 тлн). Таким образом, и состав находок из слоя III Гейсенкlostерле, и абсолютные даты, полученные разными методами по взятым из него образцам, заставляют признать, что на этом памятнике ориньяк появился не позже 38 тлн и, возможно, даже несколько раньше 40 тлн. Это заключение может послужить дополнительным — пусть и косвенным — доводом в пользу отнесения к ориньяку материалов из слоя 3 Виллендорфа II, имеющего примерно такую же древность.

Несмотря на весьма ранний возраст древнейших ориньякских комплексов Центральной Европы, ни на одном хорошо изученном памятнике этого региона не зафиксировано переслаивания селета или богунице с ориньяком. В тех немногочисленных случаях, когда эти индустрии представлены в одной культурно-стратиграфической колонке, ориньяк неизменно залегает выше (Странска Скала, Подградем, Мамутова пещера, Облазова пещера). Правда, сообщалось, что между двумя основными слоями Селеты были, как будто, встречены ориньякские изделия, включая костяной наконечник с расщепленным основанием, но материал этот в основном происходит из раскопок начала прошлого века и надежная стратиграфическая привязка возможна не более чем для 10% находок (Svoboda, Siman 1989: 301).

Генезис. В Центральной Европе, как, впрочем, и в любом другом регионе, ориньяк мог появиться либо в результате миграции или диффузии извне, либо в результате независимого развития какой-то из местных индустрий среднего или архаичного верхнего палеолита. Сделать сейчас сколько-нибудь обоснованный выбор между этими гипотезами не представляется возможным. Если имела место миграция или диффузия, то совершенно неизвестно, где бы мог находиться ее источник. Если имел место процесс автохтонного становления ориньяка, то опять же неизвестно, на какой основе он мог совершаться. В районе Швабской Юры, где находится Гейсенкlostерле, нет абсолютно никаких свидетельств преемственности между ориньяком и местным средним палеолитом (Conard, Volus 2003: 360). Нет их пока и для территорий Польши, Чехии и Словакии, хотя в 60–80-е годы прошлого века неоднократно предпринимались попытки связать ориньяк с ежмановице или так называемыми «крумловиеном» и «таубахом» (краткий обзор таких гипотез см. в Демиденко 2003: 159–161). Идею, что слой 3 Виллендорфа II являет эволюцию от богунице к ориньяку (Козловский 2005: 103), трудно принять просто потому, что в Виллендорфе нет ничего даже отдаленно похожего на богунице. Зато неподалеку от Виллендорфа находится такой памятник, как Кремс-Хундсштайг, огромная, но, к сожалению, смешанная коллекция которого явно включает протоориньякский компонент, причем весьма представительный (рис. 5.16.9). Хотя этот комплекс остается недатированным, само его наличие позволяет ставить вопрос о возможности формирования ориньяка в Центральной Европе на основе местного протоориньяка, который, в свою очередь, возможно, имеет ближневосточное (ахмар) происхождение (см. 5.15).

Эволюционный статус. Судя по описаниям материалов из слоя 4 Виллендорфа II и слоя II Гейсенкlostерле, в ранних ориньякских комплексах Центральной Европы почти отсутствуют технологические и типологические элементы, свойственные среднему палеолиту, тогда как верхнепалеолитические черты представлены в пол-

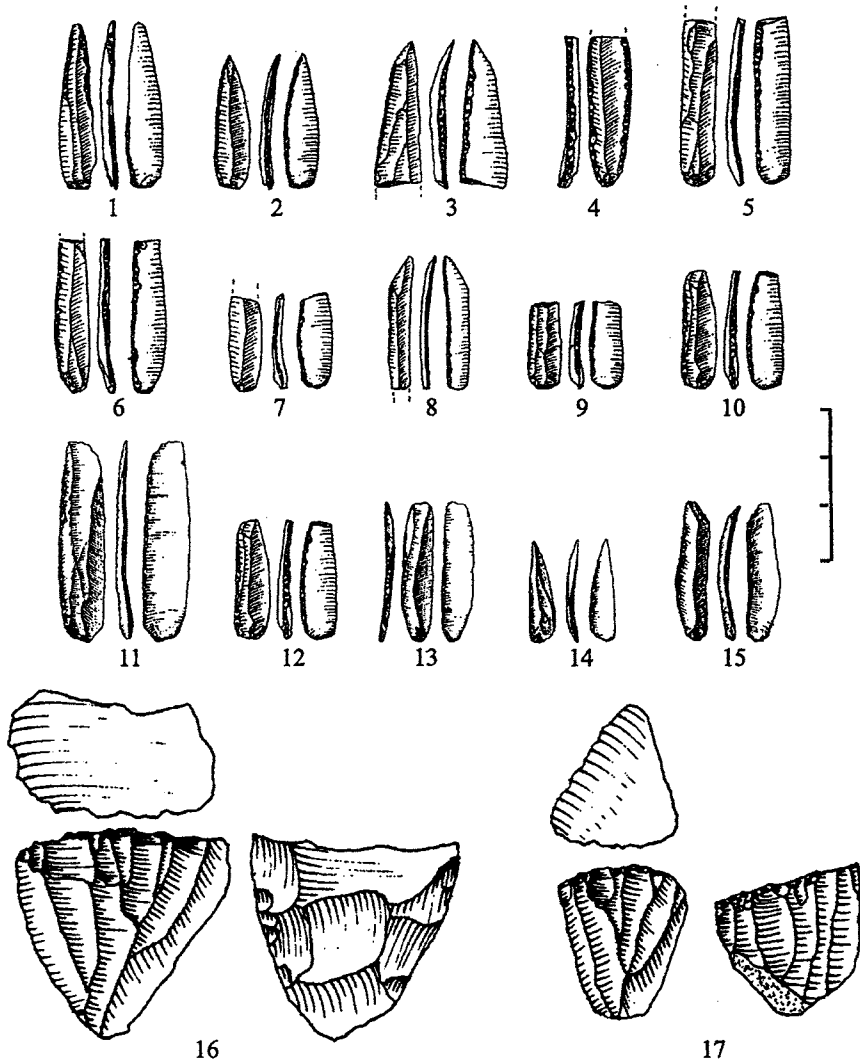

Рис. 5.16.9. Протоориньяк. Стоянка Кремс-Хундсштайг. Ретушированные пластинки (1–15) и нуклеусы для их получения (16, 17). По Teyssandier 2006.

ном объеме, исключая, возможно, каменные орудия со специальной подготовкой для крепления. Отсутствие данных о характере площадок сколов позволяет дать лишь приблизительную оценку индекса СП-ВП, но даже если допустить маловероятное, а именно преобладание в ориньяке некраевого скалывания, то и тогда этот индекс будет не ниже 3.5. Скорее же всего он составляет 5.5–6 (табл. 5.16.4).

Таблица 5.16.4. Оценка индекса СП-ВП комплексов раннего ориньяка Центральной Европы

Памятник	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	Сумма	Источник
Виллендорф II, 4; Гейсенклерле, II	0–0.5	0	?	0	1	1	?	1	0	1	1	3.5/6	Bolus, Conard 2001, Bolus 2003, Teyssandier 2003

Антропология. Костные останки, обнаруживаемые в ориньякских комплексах Центральной Европы, всегда принадлежат людям современного физического типа, но возраст их, даже если брать крайние значения датировок с учетом стандартного отклонения, ни в одном случае не превышает 32 тл. Именно такая дата получена для находок из Младечы (Wild et al. 2005).

5.17. Крым

Исследователи, работающие в Крыму, единодушны во мнении, что средний палеолит, представленный в этом регионе мустье и микоком, «дожил» здесь до весьма позднего времени и в течение более или менее продолжительного периода сосуществовал с верхним палеолитом. Эти выводы базируются на анализе обширного корпуса данных по абсолютной и относительной хронологии большого количества памятников, среди которых особенно важное значение имеют Заскальная V и VI, Староселье, Кабази II, Буран-Кая III, Сюрень I, Пролом I и II и Шайтан-Коба IV (Маркс, Чабай 1998; Чабай и др. 1998; Демиденко 2000; Маркс, Монигал 2000; Чабай 2004; Степанчук и др. 2004; Степанчук 2005). Аргументы, приводимые в пользу изложенной позиции, в целом убедительны, хотя многое, естественно, еще нуждается в дальнейшем обосновании или уточнении. В частности, есть ряд недостаточно проясненных моментов в описании стратиграфии такого важного памятника, как Буран-Кая III. Это касается, прежде всего, соотношения слоев В и С. На опубликованных разрезах они изображаются слитно, а в описании упоминается, что выявлены они в одном и том же геологическом подгоризонте IVa, представляющем собой линзу, разделяющую слой III. Возникают вопросы: Каково взаиморасположение слоев В и С в плане? Разделены ли они и если нет то как производилось расчленение материала на два комплекса? Кроме того, остается не совсем понятным, почему инвентарь слоя Е Буран-Кая определяется как верхнепалеолитический. Краткие описания и немногочисленные рисунки не убеждают в безальтернативности такой его атрибуции, а между тем она чрезвычайно важна.

Особняком стоит вопрос о верхней хронологической границе крымского среднего палеолита. Даже РУ даты порядка 28–30 тлн, имевшиеся для ряда микокских и мустьерских комплексов, в свете привычных представлений о возрасте такого рода индустрий могли показаться слишком поздними. Однако в последние годы для мустьерских слоев Шайтан-Кобы IV в двух разных лабораториях была получена серия из восьми РУ дат от 21 до 14 тлн, а для верхних микокских горизонтов Пролома II и Заскальной VI по три РУ даты от 25 до 22 тлн (Степанчук и др. 2004; Степанчук 2005). Правда, в случае с Заскальной VI датировавшиеся образцы происходят из слоя, находящегося, по всей видимости, во вторичном залегании и смешанного (Чабай 2004: 20), а в случае с Проломом II из слоя, залегающего непосредственно под современной почвой, но в Шайтан-Кобе IV, судя по опубликованному разрезу этого памятника (Степанчук и др. 2004: рис. 8), стратиграфия, как будто, не дает поводов для скепсиса. Таким образом, если с постановкой вопроса о дальнейшем «омоложении» крымского микока пока, как кажется, можно не спешить, то ситуация с мустье явно требует прояснения. Как объяснить столь поздние даты? Действительно ли мустьерские традиции и их наиболее вероятные носители — неандертальцы — могли просуществовать в Крыму, как полагает В. Н. Степанчук, вплоть до времени последнего ледникового максиму-

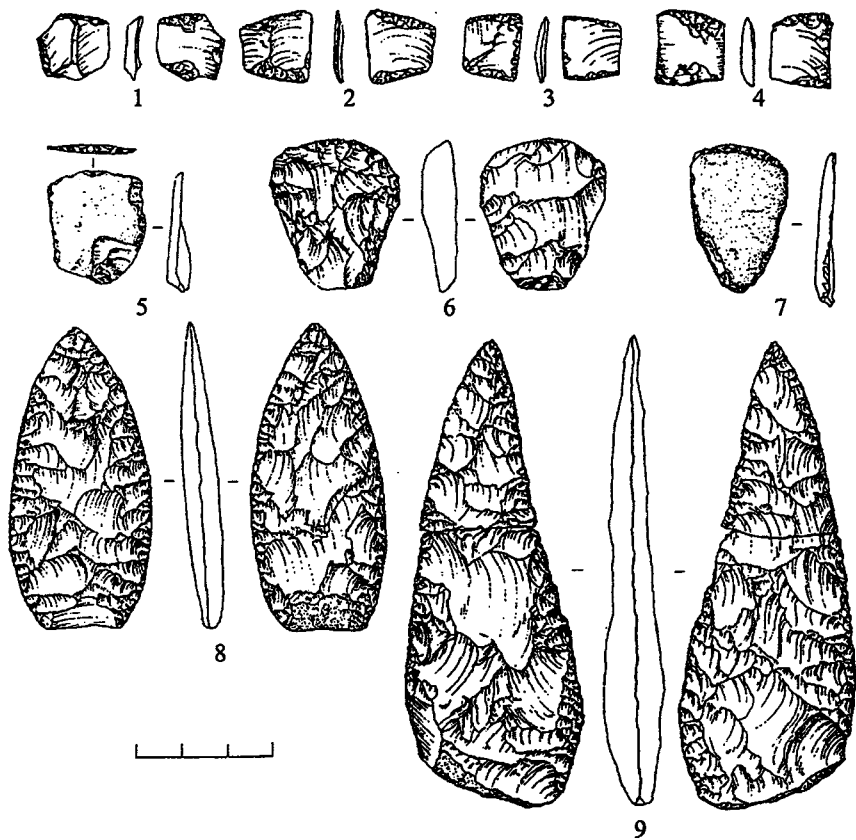

Рис. 5.17.1. Трапеции (1–4), скребки (5–7) и листовидные наконечники из слоя С грота Буран-Кая III (по Marks 1998).

ма?³⁰ Теоретически такая возможность допустима, но, чтобы ее принять или отвергнуть нужно гораздо больше хорошо проверенных данных, чем есть сейчас. В числе прочего необходимо детальное описание стратиграфии Шайтан-Кобы IV с указанием мест взятия образцов.

Несмотря на эти и некоторые другие спорные или неясные моменты, не вызывает сомнения, что средний палеолит исчез в Крыму довольно поздно. Когда появился верхний палеолит, точно сказать пока нельзя, хотя известно, что ориньяк проник сюда как минимум 29–30 тлн (Сюрень I), а минимальный возраст индустрии с геометрическими микролитами (трапециями) и тонкими листовидными наконечниками из слоя С Буран-Кая III (рис. 5.17.1) составляет порядка 32 тл (Marks 1998)³¹.

³⁰Близкое предположение было высказано недавно и для мустье юга Пиренейского полуострова, поводом к чему послужило несколько довольно поздних (до 24 тлн) РУ дат, определенных по образцам из верхних среднепалеолитических слоев пещеры Горхема на Гибралтаре (Finlayson et al. 2006). Надежность этих дат и их связь с мустьерскими комплексами немедленно были поставлены под сомнение (D'Errico, Pettitt 2006).

³¹Сочетание геометрических орудий (чаще сегментов, реже трапеций) с листовидными наконечниками характерно для целого ряда верхнепалеолитических индустрий Центральной и Восточной Европы, а также MSA и LSA Южной и Восточной Африки. В Европе, кроме слоя С Буран-Кая III, таковы слой 4 Корпача (Григорьева 1983), слой 2b стоянки Рипичени-Извор и, возможно, Краков-Звержинец, хотя здесь принадлежность сегментов и листовидных наконечников к одному

Утверждать на основании имеющихся данных, что верхний и средний палеолит в Крыму сосуществовали на протяжении 5–10 тл (Маркс, Чабай 1998: 436), возможно, несколько преждевременно, но, по крайней мере, эпизодическое сосуществование, похоже, действительно имело место, на что указывают материалы не только Буран-Каи III, но и Сюрени I (Демиденко 2000).

Средний палеолит Крыма в его микокской разновидности определенно связывается с неандертальцами (Заскальная V и VI, Киик-Коба). Материалов для суждения об антропологическом типе носителей самых ранних верхнепалеолитических традиций, представленных в слое С Буран-Каи III, пока нет. В Сюрени I вместе с ориньяскими материалами был найден зуб, принадлежавший, как сообщается, *Homo sapiens*.

5.18. Русская равнина

На огромной территории Русской равнины имеется не более полутора десятков представительных в археологическом отношении верхнепалеолитических комплексов, с уверенностью датируемых временем древнее 30 тлн, причем большая их часть сосредоточена в пределах одного села (Костенки). Не лучше обстоит пока дело и с памятниками конца среднего палеолита, которые известны лишь на юге и западе региона, да и там малочисленны и плохо датированы. Подавляющее большинство известных на Русской равнине мустьерских и микокских комплексов, видимо, древнее КИС 3, так что они не могут быть прямо связаны с индустриями ранней поры верхнего палеолита. Что же касается таких памятников, как Жорнов, нижний слой (Пясецкий 1992), Точильница (Пясецкий 1990), Белокузьминовка (Герасименко, Колесник 1992), Бетово (Тарасов 1989) и Калитвенка (Матюхин 1987), для которых предполагался поздний в пределах среднего палеолита возраст, то их датирование сопряжено с множеством нерешенных пока проблем (Вишняцкий, Нехорошев 2001).

Вероятно, лишь два среднепалеолитических памятника Русской равнины уже сейчас могут быть с относительной уверенностью датированы периодом, непосредственно предшествующим появлению в регионе первых верхнепалеолитических индустрий — это Бирючья Балка 2 в устье Северского Донца (Матюхин 2002, 2006) и Шлях на Среднем Дону (Нехорошев 1993, 1999; Нехорошев и др. 2003). Мустьерские слои Бирючьей Балки лежат выше горизонта со следами экскурса, интерпретируемого как каргополово, и для одного из них есть РУ дата 40.8 ± 1.0 тлн. Слой 8 Шляха имеет две идентичные РУ даты 46 ± 3 тлн. В нижележащих горизонтах 9a–9c тоже фиксируется палеомагнитный экскурс, сопоставляемый с каргополово, что заставляет рассматривать в качестве более достоверного нижний предел абсолютных дат (с двумя доверительными интервалами — 40 тлн). В любом случае есть все основания сделать вывод, что слой 8 Шляха относится к самому концу среднепалеолитического времени и имеет возраст порядка 40–45 тлн. Индустрия этого слоя характеризуется сочетанием мустьерского орудийного набора с расщеплением, в значительной степе-

комплексу пока под вопросом (Kozłowski 2004). В Африке сочетание макросегментов с листовидными бифасиальными наконечниками зафиксировано в некоторых комплексах ховисонс порта (см. 4.1), а также в пещере Порк Эпик (Pleurdeau 2003) и слое V грота Мумба (Mehlman 1991). Подобная сопряженность является, видимо, не столько стилистической, сколько функциональной чертой, проявлявшейся там, где широкое распространение получала практика подготовки каменных орудий к креплению.

ориентированным на производство пластин. Таким образом, материалы Шляха показывают, что тенденция развития в направлении пластинчатой технологии была четко выражена в регионе уже, по крайней мере, в конце мустье.

Антропологических материалов по среднему палеолиту Русской равнины практически нет за исключением трудноопределимого зуба из четвертого слоя Рожка 1 в Приазовье и ряда находок не совсем ясного происхождения и таксономического статуса, вроде бедра «палеоантропа» из Романкова (полный обзор см. Харитонов, Бацевич 1997).

Самые ранние комплексы верхнего палеолита Костенок обычно относят к двум археологическим культурам: стрелецкой и спицынской. Ориньяк появляется на Русской равнине несколько позже, чем они, и представлен пока небольшим числом памятников.

Стрелецкая культура

Выделяется, прежде всего, благодаря наличию во всех относимых к ней комплексах двусторонне обработанных треугольных наконечников с вогнутым или прямым основанием (Рогачев, Аникович 1984: 179–181; Аникович 2000, 2003, 2005а). Кроме того, для каменной индустрии характерны наконечники с закругленным основанием, короткие подтреугольные скребки часто с брюшковым утончением, долотовидные орудия, ретушированные остроконечники мустьерского типа, простые, конвергентные и угловатые скребла (рис. 5.18.1: 1–21). Самые ранние стрелецкие памятники сконцентрированы в Костенках (Костенки 12, слой 3; Костенки 6, Костенки 1, слой 5), более поздние выявлены также в низовьях Северского Донца (слой 3 Бирючьей Балки 2), в бассейне Оки (Сунгирь, Русаниха) и даже в верхнем течении Камы (Гарчи).

Хронология. Минимальный возраст древнейшего стрелецкого комплекса, связанного со слоем III Костенок 12, определяется РУ датой 36.3 ± 0.4 тлн. О том, что это именно минимальный возраст, свидетельствует залегание этого слоя в нижней гумусовой толще под горизонтом вулканического пепла, идентичного по основным параметрам пеплу горизонта Y5 из глубоководных кернов Средиземноморья (Pyle et al. 2006). Формирование горизонта Y5 связывается с кампанским игнимбритовым извержением (СІ). АА и КА даты, полученные в последние годы для СІ пеплов из континентальных разрезов и морских кернов, варьируют в основном от 37 до 41 тлн (Ton-That et al. 2001; Fedele et al. 2002; Giaccio et al. 2006). Если к этому добавить, что для слоя III и нижележащих отложений фиксируются (пока со знаком вопроса) признаки экскурса каргополово, то можно предположить, что стрелецкая культура начала свое существование не позже 38 тлн и, вероятно, даже несколько раньше 40 тлн. Самые поздние ее памятники в Костенках имеют РУ возраст порядка 28–32 тлн (Аникович 2005а), но в это время стрелецкие комплексы известны уже и далеко к югу, и далеко к северу. Для слоя 3 Бирючьей Балки 2 имеются РУ даты 31.6 ± 0.2 и 26.4 ± 0.2 тлн (Матюхин 2006), а возраст верхнего слоя стоянки Гарчи 1 в верховьях Камы определяется единственной датой 28.8 ± 0.8 тлн (Павлов и др. 2004, 2006). Заключительный этап развития стрелецких традиций, представленный материалами Сунгирия и Русанихи, приходится на период примерно от 28 до 25 тлн. Таким образом, эта индустрия существовала с середины и вплоть до самого конца КИС 3.

Генезис. Отсутствие в центре Русской равнины сколько-нибудь представительных комплексов среднего палеолита с давних пор и поныне вынуждает археоло-

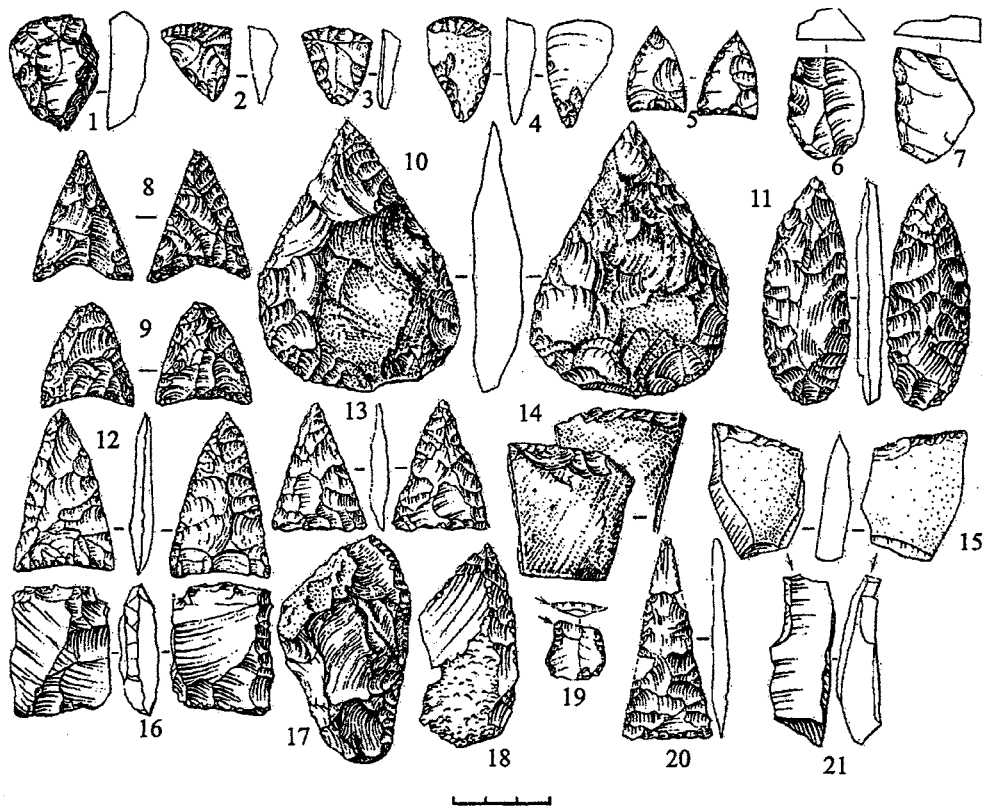

Рис. 5.18.1. Орудия стрелецкой культуры. 1, 10, 14, 17 — Костенки 12, III;
2-7, 12, 15, 19 — Костенки 1, V; 8, 9 — Костенки 6;
11, 13, 16, 18, 20, 21 — Сунгирь (Рогачев, Аникович 1984).

гов, ищущих истоки ранних костяночных индустрий, обращать свои взоры далеко на юг, к предгорьям Кавказа и в Крым (Рогачев 1957: 132; Chmielewski 1972: 176; Anikovich 1999; Аникович 2001–2002, 2005а), а то и на восток, в Приуралье и даже за Уральский хребет (Гладилин, Демиденко 1989). Наиболее серьезное обоснование получила гипотеза, связывающая генезис стрелецкой культуры с микокскими комплексами Крыма (Заскальная V, Чокурча-и др.), где были найдены схожие формы двусторонне обработанных наконечников и треугольных скребков (Anikovich 1999, Аникович 2001–2002, 2005а). Типологические аналогии, выявленные и систематизированные М. В. Аниковичем, слишком специфичны и многочисленны, чтобы можно было списать их на счет конвергенции или простой случайности. Объяснение, согласно которому эти аналогии представляют собой следствие существования некоей преемственности между аккайскими и стрелецкими традициями обработки камня, кажется гораздо более простым и экономичным, а потому и более правдоподобным. Вместе с тем то обстоятельство, что близкие по форме наконечники, представленные более или менее уверенно реконструируемыми фрагментами, известны также на юго-западе (Тринка 3, III) и в центре (Бетово) Русской равнины (Аникович 2001–2002, 2005а), заставляет допускать, что область распространения этих традиций и, соответственно, область формирования стрелецкой культуры не ограничива-

лась Крымом, а включала гораздо более обширные территории Русской равнины. Во всяком случае, местный восточноевропейский генезис стрелецкой культуры на микокской основе не вызывает сомнений.

Эволюционный статус. Каменный инвентарь стрелецкой культуры характеризуется рядом архаичных черт, которые весьма ощутимы не только в самых ранних ее памятниках, но и в тех, что имеют РУ возраст менее 32 тл и располагаются далеко к северу и югу от Костенок. В орудийном наборе преобладают верхнепалеолитические типы, но обычны также скребла и, в меньшей степени, остроконечники. Нуклеусы в большинстве своем плоские (в коллекциях Костенок 6 и слоя V Костенок 1 из 24 ядрищ 21 определено как нуклеусы параллельного снятия с плоским фронтом), но встречаются и призматические (два из семи в слое III Костенок 12). Отщепы заметно преобладают над пластинами и большинство орудий также сделано на отщепах. Что касается формальных костяных орудий и украшений, то они получают широкое распространение только в поздних стрелецких комплексах (Сунгирь). Единственным свидетельством существования символизма на ранних стадиях этой индустрии является мергелевая подвеска из слоя V Костенок 1 (Аникович 2003: рис. 7). Несколько более поздний возраст имеет треугольная сланцевая подвеска из слоя 1а Костенок 12, который, возможно, тоже относится к стрелецкой культуре (Аникович 2005: рис. 1). Таким образом, индекс СП-ВП ранних стрелецких комплексов может составлять от 0 до 2 (табл. 5.18.1).

Таблица 5.18.1. Оценка индекса СП-ВП ранних стрелецких комплексов

Памятник	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	Сумма	Источник
Костенки 12, III; Костенки 6, Костенки 1, V	1	1	?	0.5	0.5	0.5	?	1	1	0	0.5	0/2	Аникович и др. 2004; Рогачев, Аникович 1982; Рогачев и др. 1982

Антропология. Скелеты из сунгирских погребений, связанные, скорее всего, со стрелецкой культурой, несомненно, принадлежат *Homo sapiens*, хотя отмечается и наличие ряда архаичных, «неандерталоидных» черт (Козинцев 2003, 2004).

Спицынская культура

До последнего времени эта индустрия была известна только в Костенках и только в слоях, залегающих под горизонтом пепла. Собственно, речь шла всего лишь об одном комплексе (Костенки 17, II), в то время как еще один (Костенки 12, II) сближался с ним только предположительно.

Хронология. Стратиграфическая позиция слоя II Костенок 17 в целом сходна с таковой слоя III Костенок 12, и потому возраст обоих комплексов тоже должен быть близок. Для Костенок 17 минимальное значение этого возраста определяет РУ дата 36.8 ± 1.7 тлн (Синицын и др. 1997), но поскольку слой II залегают ниже горизонта вулканического пепла, то для него не исключена древность более 40 тлн.

Генезис. Индустрия слоя II Костенок 17 очень специфична, если рассматривать ее на фоне одновременных стрелецких комплексов, но в то же время она лишена оригинальных, только ей присущих типов орудий. Эта индустрия не имеет явных аналогий в памятниках предшествующего периода, и относительно ее происхождения невозможно сказать что-либо определенное. Вместе с тем сама она и по возрасту, и по характеру, в общем-то, вполне подходит для того, чтобы рассматриваться в качестве возможного источника (или одного из источников) формирования ориньяка.

Во-первых, она, скорее всего, древнее всех известных ориньякских комплексов (во всяком случае, на Апеннингах и Балканах они, как будто, всегда залегают над СІ пеплом³²). Во-вторых, облик ее, с одной стороны, еще достаточно нейтрален для того, чтобы можно было представить эволюцию в направлении обретения ориньякских черт, а с другой — в нем хоть и очень смутно, но уже проглядывают зачатки некоторых из таких черт (есть две-три микропластинки с ретушью, один скребок, который при желании можно считать кареноидным, богатый набор украшений).

Из всех известных сейчас памятников наибольшее сходство с материалами слоя II Костенок 17 демонстрирует, как кажется, каменный инвентарь третьего слоя недавно открытой стоянки Сокирница 1 в Закарпатье (Усик 2003; Usik et al. 2006). Для этого комплекса тоже характерна вполне верхнепалеолитическая пластинчатая технология, в нем так же преобладают орудия на пластинах, а среди них резцы (правда, срединных больше, чем ретушных, но и последних немало), примерно в той же пропорции представлены скребки (это большей частью простые скребки на пластинах), и так же имеется несколько пластинок с лицевой ретушью. Кроме того, в Сокирнице, как и в Костенках 17, нет ни специфических ориньякских типов, ни вообще каких-либо оригинальных, только этой индустрии присущих форм орудий. Единственное заметное отличие между костенковским и закарпатским комплексами заключается в том, что последний не содержит ни костяных орудий, ни украшений, но это вполне может объясняться тафономическими условиями Сокирницы, где кость вообще не сохранилась. Все сказанное дает основания поставить вопрос о возможности включения комплекса третьего слоя Сокирницы 1 в спицынскую культуру, тем более, что и возраст этого слоя, судя по серии из 12 РУ дат от 38 до 40 тлн (Усик и др. 2004), практически идентичен возрасту, предполагаемому для спицынской индустрии Костенок 17.

Эволюционный статус. Несмотря на свой очень ранний возраст, индустрия нижнего слоя Костенок 17 лишена каких бы то ни было архаичных черт. Все нуклеусы здесь призматические, среди заготовок доминируют пластины, а орудийный набор состоит главным образом из резцов, ретушированных пластин и скребков на пластинах (рис. 5.18.2: 9–25). Резцы особенно многочисленны (они составляют около половины всех изделий со вторичной обработкой), а среди них преобладают коретушные. Есть в коллекции и единичные микропластинки с ретушью. Кроме каменных орудий, имеется несколько костяных, а также полсотни подвесок с отверстиями, сделанных из клыков песка, белемнитов, ископаемых раковин, кораллов и камня (рис. 5.18.2: 1–8). Индекс СП-ВП составляет 6.5 (табл. 5.18.2).

Таблица 5.18.2. Индекс СП-ВП индустрии слоя II Костенок 17

Памятник	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	Сумма	Источник
Костенки 17, II	0	0	0	0	1	1	1	1	0.5	1	1	6.5	Борисковский 1963; коллекция

Антропология. Считается, что носителями спицынской культуры были люди современного физического типа, но это заключение базируется на проведенном почти полвека назад изучении одного-единственного зуба (третий коренной), найденного в нижнем слое Костенок 17.

³²Имеется в виду классический ориньяк. Появление в Европе протоориньяка может быть синхронно времени отложения СІ пеплов или непосредственно предшествовать ему.

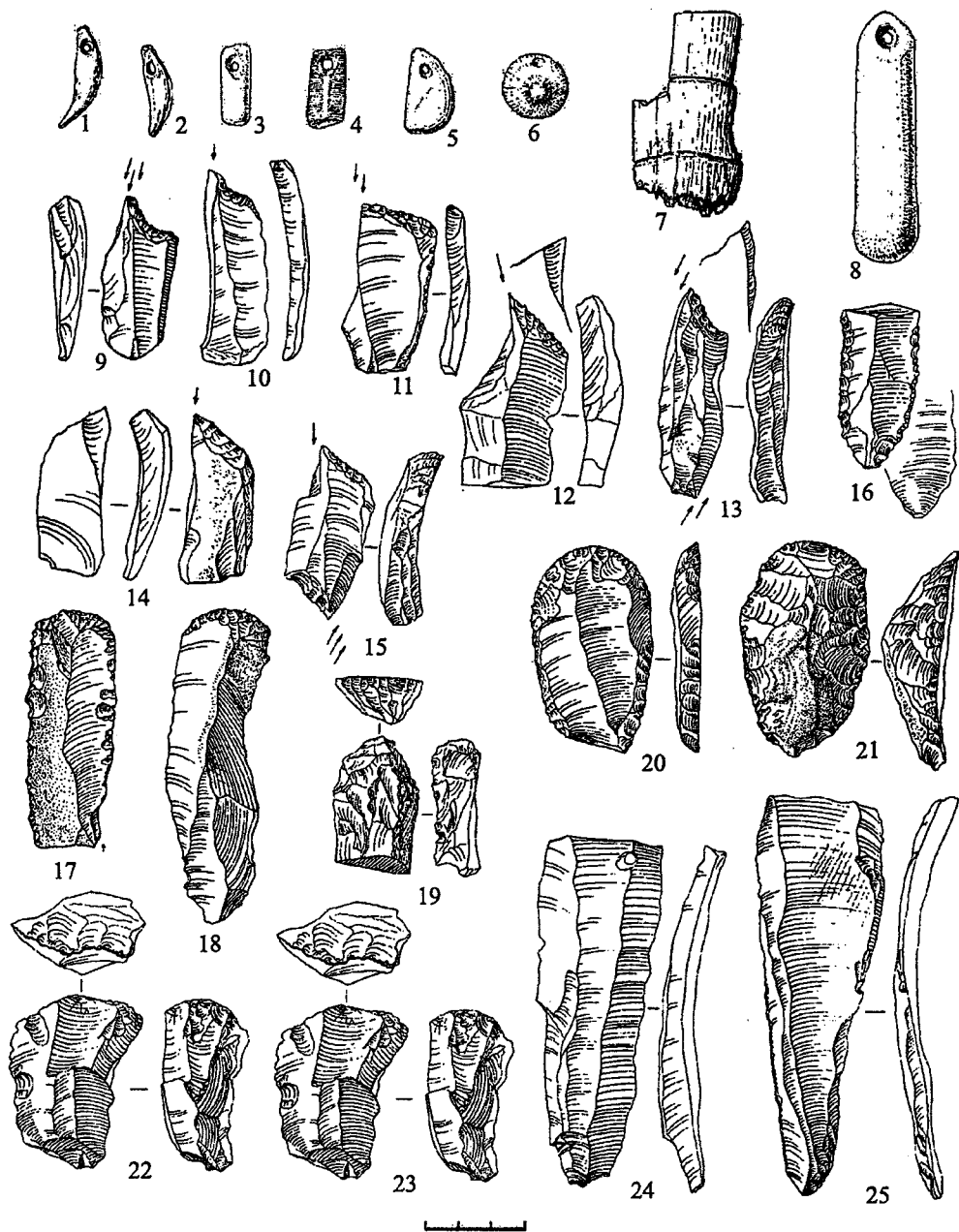

Рис. 5.18.2. Орудия и украшения Спицынской культуры.
Костенки 17, слой II (Борисковский 1963; Борисковский и др. 1982).

В последние годы в Костенках 12, 14 и Борщево 5 открыто еще несколько весьма ранних комплексов, ставящих перед исследователями ранней поры верхнего палеолита ряд новых интригующих вопросов. Наиболее многочисленные и интересные находки происходят из двух ранее неизвестных культурных слоев Костенок 14, верхний из которых обозначается как «горизонт в пещле», а нижний — как слой IVб

(Синицын 2000, 2002, Sinitsyn 2003). Находки из «горизонта в пепле», включающие, помимо кремневых изделий, несколько подвесок (бусин) из раковин и орнаментированных костяных пронизок, отнесены к ориньяку. В пользу такой атрибуции свидетельствуют как характер украшений, так и наличие среди орудий двух с лишним десятков пластинок дюфур, включая несколько экземпляров с «винтовым» профилем (Синицын 2002). Если считать эти признаки достаточными для определения индустрии и учесть то, что сейчас известно о возрасте пепла, то резонно будет вслед за А. А. Синицыным предположить, что в данном случае мы имеем дело с древнейшим из известных пока ориньякских комплексов Восточной Европы. РУ дата 32.4 ± 0.4 тлн, имеющаяся для «горизонта в пепле», вполне сопоставима с РУ датами 32.3 ± 0.6 и 34.6 ± 0.2 , полученными для С1 пепла на Апеннинах, но как минимум на 4-5 тл моложе КА и АА определений возраста этого образования (Fedele et al. 2002: 420–421). Нельзя исключить, что корни традиции, одну из ранних фаз развития которой фиксирует «горизонт в пепле», могут восходить к нижнему слою Костенок 17.

Столь же интересный материал обнаружен в слое IVб. Здесь, как и в горизонте пепла, тоже встречены выразительные кремневые и костяные изделия. По мнению А. А. Синицына, они не имеют прямых аналогий ни в Костенках, ни в Восточной Европе в целом. Среди находок выделяются стержень из бивня мамонта с рядом параллельных насечек и незаконченная поделка из того же материала, представляющая собой, как предполагается, заготовку скульптурного изображения человеческой головы. Наличие в коллекции довольно богатого костяного инвентаря и особенно свидетельств символизма придает особое значение вопросу о возрасте слоя IVб. Судя по четырем из пяти опубликованных РУ дат, он составляет не менее 35–36 тл, что подтверждают и чуть более древние в целом РУ датировки, полученные для подстилающего «горизонта очагов». Однако залегание слоя глубоко под пеплом, а также то обстоятельство, что в вышележащих слоях выявлены следы геомагнитного экскурса, интерпретируемого как каргополово (Герник, Гуськова 2002), заставляет считать правомерным удревнение возраста этого комплекса до 40 с лишним тл (Синицын 2002). В любом случае индустрия слоя IVб является одной из наиболее ранних европейских индустрий с развитым костяным инвентарем, а опубликованная А. А. Синицыным заготовка скульптурной поделки представляет собой, вероятно, самую древнюю из известных сейчас в Европе вещей такого рода. То же самое можно было бы сказать и об относимой специалистами к *Homo sapiens* антропологической находке из этого слоя, не будь она столь фрагментарна. Опыт показывает, что точно определить по единичному зубу, принадлежал ли он неандертальцу, или человеку современного физического типа часто весьма сложно (достаточно вспомнить, сколь противоречивые оценки даются антропологами зубам из Ла Феррасси, Бачо Киро, Денисовой пещеры, Оби-Рахмата и т. д.); в данном же случае речь идет о детском зубе, притом лишь о его коронке, да еще и сильно стертой.

За пределами Костенок памятников начальной стадии верхнего палеолита известно пока мало и датированы они хуже. Очень интересен комплекс слоя III Куличивки на западе Украины (Савич 1987), относимый сейчас большинством исследователей к богунице (Коев, Степанчук 2000; Meignen et al. 2004; Usik et al. 2006). Для этой индустрии, как и для богунице в целом, характерно широкое использование техники реберчатого скола и наличие в инвентаре многочисленных леваллуазских острий. В орудийном наборе доминируют скребки, дополняемые резцами и пластинами с ретушированным краем или ретушным усечением. Залегание слоя III под

ископаемой почвой, связываемой с штилфридом Б, может означать возраст древнее 32 тлн. Такие комплексы, как Молодово 5, Ха,в и Кормань 4, X (бассейн Днестра), хотя и датируются достаточно надежно временем древнее 35 тлн, очень бедны, так что невозможно даже сказать, относятся ли они к верхнему, или к среднему палеолиту. Гораздо богаче индустрия третьего слоя Бирючьей Балки 1а, для которой есть РУ дата 36 ± 0.3 тлн (Матюхин 2006), но характер ее пока неясен. Это же относится к нижним слоям Непряхино в саратовском Заволжье, откуда происходят многочисленные листовидные бифасы, напоминающие селетские (Захариков 1999). Наконец, на северо-востоке Русской равнины к периоду перехода могут быть отнесены стоянка Заозерье на р. Чусовой и Мамонтова Курья на Печоре. Правда, в последнем случае коллекция артефактов состоит всего из пяти предметов, включая фрагмент бифасиального изделия, скребло и бивень мамонта с насечками (Павлов и др. 2004). В Заозерье выявлена оригинальная индустрия, сочетающая острия на пластинах, пластины с «ориньякской» ретушью, бифасиальные скребла и ножи. Ее РУ возраст, судя по серии из восьми дат, составляет 31–35 тлн (Павлов и др. 2004, 2006), т. е. фактически она может быть лишь ненамного моложе древнейших памятников Костенок.

В конце КИС 3 на Русской равнине еще продолжает свое существование стрелецкая культура, но появляется и множество новых индустрий, неизвестных в предшествующий период. Наиболее оригинальна среди них городцовская культура, которая, подобно стрелецкой, характеризуется непластинчатой технологией и сочетанием в орудийном наборе верхнепалеолитических и среднепалеолитических типов. Она известна также богатым костяным инвентарем. Самые ранние городцовские памятники (Костенки 14, II) могут быть датированы временем примерно от 30 до 34 тлн. К этому же периоду, вероятно, относится и ориньякский комплекс слоя III Костенок 1, и верхний слой стоянки Мира на Среднем Днестре (Степанчук 2003–2004; Stepanchuk 2005), и первые индустрии граветоидного облика на Днестре (Молодово 5, IX–X) и на Дону (Костенки 8, II), включаемые в состав соответственно молодовской и тельманской культур (список памятников последней, правда, этим и исчерпывается). Два десятка РУ дат, полученных для стоянки Бызовая на Печоре, укладываются в интервал от 27 до 29 тлн. Исходя из факта сочетания в каменном инвентаре этого памятника мустьерских и верхнепалеолитических элементов, его материалы относят «к типу так называемых “переходных индустрий” ранней поры верхнего палеолита Восточной и Центральной Европы» (Павлов и др. 2001: 304) и сближают с Заозерьем (Павлов и др. 2004, 2006).

5.19. Центральная Азия

Большое количество памятников, датируемых периодом перехода от среднего к верхнему палеолиту, известно сейчас на севере Центральной Азии, а именно на Алтае, в Забайкалье, Прибайкалье и Монголии. Лучшее всего изучены и опубликованы материалы из первых двух районов.

На Алтае выявлен ряд ранних верхнепалеолитических комплексов, возраст которых составляет от 30 до 40 тл, а в некоторых случаях, видимо, и несколько превышает последнюю дату (Васильев 2000; Деревянко и др. 2003; Деревянко, Шуньков 2004, 2006; Goebel 2004; Рыбин 2006, 2006а). Эти комплексы можно разделить на две группы.

В первую группу войдет, по крайней мере, часть находок из слоя 11 центрального зала Денисовой пещеры, а также материалы слоев 8–11 стоянки Усть-Каракол и слоев 11–12 стоянки Ануэ 3. Все эти комплексы очень оригинальны, но в большинстве своем плохо датированы. Для средней части наиболее богатого в археологическом отношении слоя 11 Денисовой пещеры имеются РУ даты 48.7 ± 2.4 тлн и >37.2 тлн, но с какими именно уровнями их следует соотносить, не совсем понятно. Между тем слой этот делится на пять литологических горизонтов и мощность его местами достигает 1 м. Археологический материал описан суммарно, без разделения по горизонтам и вполне вероятно, таким образом, что в коллекции представлены вещи разного возраста, относящиеся как к среднему, так и к верхнему палеолиту. Из слоя, помимо многочисленных каменных изделий, происходит великолепная коллекция украшений из камня, раковин, кости, бивня и скорлупы страусиных яиц. Она включает формы, находящие близкие аналогии в ориньяке (спирально орнаментированные пронизки, подвески из зубов животных с отверстием в корневой, предварительно утонченной скоблением части), шательперроне (подвески с круговым пазом вокруг корня, кольца из бивня) и даже в MSA/LSA Африки (бусины из скорлупы). Материалы Усть-Каракола 1 и Ануэ 3 интересны прежде всего тем, что здесь представлены изделия, часто воспринимаемые как «визитная карточка» ориньяка, а именно высокие нуклевидные скребки и микропластинки с ретушью. Иногда ее даже рассматривают как ориньяк (Kozłowski, Otte 2000: 526), но вряд ли двух названных элементов, в общем-то, довольно распространенных, достаточно для такой атрибуции. Сказать что-либо определенное о генезисе индустрий этой группы пока крайне трудно, хотя существует точка зрения, что они сформировались на местной мустьерской основе (Деревянко, Шуньков 2004).

Вторую группу составят материалы так называемых уровней обитания пять и шесть стоянки Кара-Бом, имеющие две близкие РУ даты порядка 43 тлн, материалы из слоя 3 стоянки Кара-Тенеш с четырьмя РУ датами от 27 до 42.2 ± 4.2 тлн, а также небольшой комплекс Малояломанской пещеры с РУ датой 33.3 ± 1.1 тлн. Наиболее представительна коллекция Кара-Бома, где, по общему мнению, обнаружена индустрия, близкая и по возрасту, и по общим технико-типологическим характеристикам переходным комплексам Ближнего Востока (Деревянко и др. 1998). Ее индекс СП-ВП (0) близок максимальному индексу раннего и минимальному индексу среднего эмирана (табл. 5.19.1). Судя по немногочисленным нуклеусам, здесь сочеталось плоскостное и объемное расщепление. Пластины составляют более половины всех сколов, но техника их получения, судя по обилию фасетированных (около 40%) и вообще толстых (т. е. не точечных и не линейных) площадок, оставалась в основном среднепалеолитической. Имеется несколько леваллуазских острий. В орудийном наборе одинаково хорошо представлены как орудия верхнепалеолитической группы (скребки, угловые резцы, есть долотовидные изделия), так и среднепалеолитические типы (мустьерские остроконечники, скребла), а преобладают пластины с ретушью по одному краю. Обращает на себя внимание обилие пластин со стандартными ретушными выемками длиной 1–1.5 см и глубиной до 0.5 см, а также наличие приема ядрищного утоньшения. Эти же черты, но в несколько иной пропорции присущи и индустрии нижележащих, среднепалеолитических слоев 1 и 2, для которых получены открытые РУ даты >42 тлн и >44 тлн. Явное технико-типологическое сходство находок из последовательно залегающих и, видимо, сравнительно близких во времени слоев позволяет предполагать, что в данном случае ранний верхний палеолит формируется на местной среднепалеолитической основе. Этот ранний верх-

ний палеолит называют обычно карабумовским пластом, или вариантом (Деревянко и др. 1998; Деревянко, Шуньков 2004, 2006). Помимо перечисленных выше алтайских памятников, к этой же группе можно отнести с некоторыми оговорками и ряд комплексов, открытых в Забайкалье и Монголии, хотя в первом из двух названных районов леваллуазский компонент выражен, как кажется, еще слабее, чем на Алтае.

Интересно, что некоторые острия на пластинах из Кара-Бома, Малоюломанской пещеры и Кара-Тенеша имеют утончение основания (Рыбин 2000), причем на нескольких изделиях из коллекции последнего памятника оно по своему характеру практически не отличается от утончения основания эмирейских острий (рис. 5.19.1: 2, 4, 5).

Хотя переход к верхнему палеолиту начался на Алтае, по-видимому, ранее 40 тлн, для некоторых известных здесь мустьерских индустрий получены более поздние РУ даты (например, в пещере Окладникова). В ряде смежных с Алтаем регионов также

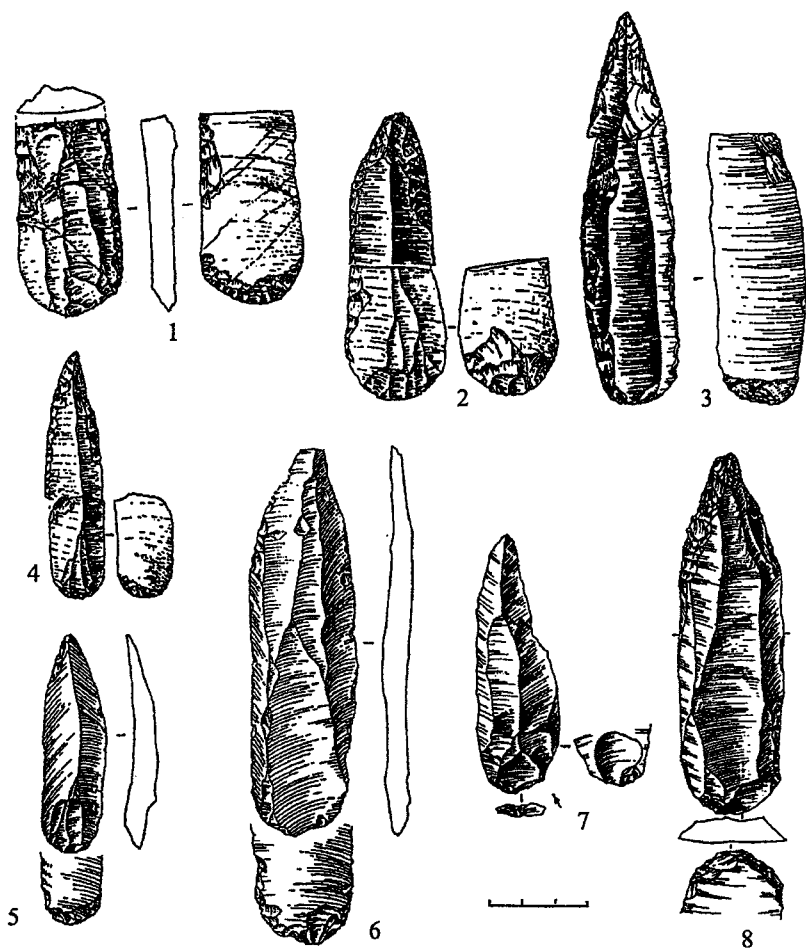

Рис. 5.19.1. Острия и остроконечники с утончением основания в раннем верхнем палеолите Алтая. 1–4 — Кара-Тенеш; 5–6 — Малоюломанская пещера; 7–8 — Кара-Бом (Рыбин 2000).

выявлены среднепалеолитические памятники с относительно молодыми датировками (Мохово II, Куртак IV).

В Забайкалье средний палеолит представлен в основном подъемными материалами, которые дополняются несколькими небольшими коллекциями, полученными в результате раскопок (Лбова 2000; Ташак 2004). Имеющейся сейчас информации недостаточно для того, чтобы составить сколько-нибудь отчетливое представление о характере индустрий, но, вероятно, по крайней мере, некоторые из них могут рассматриваться как мустьерские. Отсутствие сколько-нибудь представительных многослойных памятников, равно как и надежных данных по хронологии среднего палеолита Забайкалья не позволяет выявить какие-либо тенденции в изменчивости индустрий этой эпохи.

Ранний верхний палеолит, напротив, представлен в этом районе рядом стратифицированных памятников, таких как Толбага, Подзвонкая, Хотык, Каменка и др. (Константинов 1994; Лбова 2000; Лбова и др. 2003; Ташак 2002, 2003). Для многих из них имеются серии абсолютных дат, в основном укладываемых в диапазон от 25 до 40 тлн (Goebel, Waters 2000; Орлова и др. 2005). Все известные в настоящее время в Забайкалье комплексы этого времени довольно близки между собой по основным технико-типологическим характеристикам и могут, видимо, рассматриваться как проявления одной традиции, восходящей к тому же источнику, к какому восходит индустрия Кара-Бом, т.е. к местному (если не забайкальскому, то, во всяком случае, южносибирскому) мустье.

В коллекциях Толбаги, Подзвонкой и Хотыка обращает на себя внимание обилие комбинированных орудий, причем очень часто на одном предмете сочетаются среднепалеолитические и верхнепалеолитические типологические элементы (скребло с проколкой, скребло с долотовидным, скребло со скребком). Еще одна общая особенность — частое наличие брюшковой подтески рабочего конца скребков и усеченных пластин. Повсеместно встречаются в немалом количестве узкие толстые пластины треугольного сечения и с конвергентно ретушированными краями, орудия со стандартными (как в Кара-Боме) ретушными выемками и долотовидные изделия нескольких типов.

Индексы СП-ВП забайкальских комплексов раннего верхнего палеолита близки индексу, полученному для Кара-Бомы. Возможно, их значения, приведенные в таблице 5.19.1, несколько занижены за счет позиции 6, поскольку оценка в обоих случаях (и для Толбаги, и для Подзвонкой) производилась на основании ознакомления лишь с частью коллекции, где были представлены не все нуклеусы.

Таблица 5.19.1. Индексы СП-ВП для некоторых поздних среднепалеолитических и ранних верхнепалеолитических комплексов Алтая и Забайкалья

Памятник	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	Сумма	Источник
Толбага	1	1	1	0.5	1	0 (?)	0-0.5	0.5	0	1	0.5	-0.5-0	Константинов 2004; коллекция
Подзвонкая вост., 3	0.5	1	1	0.5	1	0 (?)	0	1	0	?	1	0-1	Ташак 2002, 2003; коллекция
Кара-Бом, 5, 6	0.5	1	1	0.5	1	0.5	0.5	0.5	0	0	0.5	0	Деревянко и др. 1998;
Кара-Бом, 1, 2	1	1	1	1	0.5	0	0	0.5	0	0	0	-3	Деревянко, Рыбин 2003; Вишняцкий 2004

Антропологические находки описаны пока только для Алтая и только для среднего палеолита. Детские зубы из Денисовой пещеры и пещеры Окладникова были

определены сначала как неандертальские (Turner 1990), а затем как принадлежащие, скорее всего, *Homo sapiens* (Шпакова 2001), так что вопрос, как и в большинстве случаев такого рода (т. е. когда антропологический материал представлен одними зубами), остается открытым. Палеогенетические данные свидетельствуют в пользу принадлежности зубов из пещеры Окладникова неандертальцам (Krause et al. 2007).

Глава 6

СЦЕНАРИИ ПЕРЕХОДА. МОНОЦЕНТРИЗМ, ПОЛИЦЕНТРИЗМ И ПРОБЛЕМА АККУЛЬТУРАЦИИ

Среди вопросов, особенно активно обсуждаемых в литературе, посвященной переходу к верхнему палеолиту, одно из наиболее важных, если не самое важное, место издавна занимает дилемма полицентризм/моноцентризм и тесно связанная с ней проблема аккультурации. Их решение тем или иным автором нередко во многом зависит от того, как он представляет себе происхождение людей современного физического типа, является ли он сторонником так называемой мультирегиональной модели, согласно которой эволюционное превращение *Homo erectus* в *Homo sapiens* происходило повсеместно, то есть и в Африке, и в Азии, и в Европе, при постоянном обмене генетическим материалом между популяциями этих регионов, или же сторонником противоположных ей взглядов, согласно которым *Homo sapiens* появились первоначально где-то в одном регионе (в качестве такового обычно рассматривается сейчас Восточная Африка), откуда впоследствии стали расселяться по всей планете, вытесняя гоминид иных видов. Хотя на самом деле пути биологического и культурного развития не обязательно должны были совпадать, и полицентристский характер одного из этих процессов вполне мог сочетаться с моноцентристским характером другого, постулаты мультирегионализма (локальная преемственность) гораздо легче совместимы с полицентристской моделью перехода к верхнему палеолиту, а постулаты теории «африканского исхода», предполагающей замещение коренного населения большинства регионов пришлым, много легче увязать с моноцентристской моделью. Поскольку же теория «африканского исхода», очень основательно подкрепленная в последние годы новыми палеоантропологическими и генетическими открытиями (см. 2.2), имеет сейчас гораздо больше сторонников, чем мультирегионализм, то, соответственно, и в представлениях о характере культурной эволюции в эпоху перехода к верхнему палеолиту моноцентризм возобладал над полицентризмом.

Суть моноцентристской модели, при всех возможных вариациях в изображении деталей, определяется идеей, согласно которой верхнепалеолитическая культура возникла в одном из районов первоначального расселения людей современного физического типа, а затем, по мере продвижения последних в другие регионы, распространялась вместе с ними. «Переход от среднего к верхнему палеолиту в Западной Азии и Европе был настоящей технологической и культурной революцией», — пишет О. Бар-Йозеф (Bar-Yosef 1998: 152). Эта революция, по его мнению, началась в некоем исходном центре (*core area*), а оттуда в результате миграций и/или диффузии культурные новшества распространились постепенно в другие регионы

(Bar-Yosef 2000: 24; 2000a: 12; 2001: 282). Близких воззрений придерживаются или еще недавно придерживались и многие другие исследователи (Allsworth-Jones 1986, 1990; Kozłowski 1992; Mellars 1996, 1996a, 2000a, 2000b, 2005). Непременной составляющей моноцентризма является гипотеза аккультурации, объясняющая становление шатальперрона, селета и ряда других автохтонных индустрий Европы и Азии контактами коренного населения соответствующих регионов с пришлыми и более развитыми культурами, носителями которых «по умолчанию» считаются *Homo sapiens*.

Хотя, как уже было сказано, в представлениях о характере культурной эволюции в эпоху перехода к верхнему палеолиту моноцентристская модель является сейчас преобладающей, в последние годы наметилась тенденция постепенного отхода от нее. Все больше исследователей склоняется к мнению, что, по крайней мере, на своей начальной стадии верхнепалеолитическая революция могла проходить по полицентристскому сценарию (Zilhão, d'Errico 1999; Вишняцкий 2000; d'Errico 2003; Vishnyatsky 2005). Согласно этой точке зрения, первые переходные и верхнепалеолитические индустрии возникли примерно одновременно и, главное, независимо друг от друга в разных регионах Старого Света и какое-то время развивались вне сколь угодно существенного воздействия извне. Лишь на второй стадии перехода характер протекания этого процесса стал во все большей степени определяться контактами вовлеченных в него культур, результатом чего стала некоторая нивелировка различий, наблюдаемая в Европе и Западной Азии к концу переходного периода (30–32 тлн).

В этой связи нельзя не обратить внимание на многочисленность и своеобразие индустрий ранней поры верхнего палеолита. Культурная панорама этого периода кажется более пестрой не только на фоне предшествующего среднепалеолитического времени, но даже на фоне последующей эпохи, когда распространение сначала ориньяка, а затем граветта приводит к известному сглаживанию локальных различий и образованию своего рода пан-европейских культур. По-видимому, для переходных периодов, когда идет более активный, чем обычно, поиск нового, а накопленный технологический и вообще культурный багаж подвергается интенсивному пересмотру и пересортировке, вообще свойственно усиление культурного разнообразия и одновременное существование большего, чем в периоды стазиса, числа индустрий. Так, при переходе от нижнего палеолита к среднему на Ближнем Востоке появляются крайне своеобразные ябрудьен и амудьен, а на юге Африки санго и форсмит.

Краткие сводки данных, представленные в предыдущей главе и показывающие, что происходило во всех обитаемых регионах мира в эпоху верхнепалеолитической революции, являются частями большой и сложной картины. В нынешнем состоянии ее можно рассматривать как своего рода мозаику, многие фрагменты которой пока отсутствуют. Из имеющихся сейчас фрагментов, в большинстве своем весьма аморфных, законченную общую картину сложить невозможно, и все же попытка их соединения позволяет наметить, по крайней мере, в первом приближении, ее контуры. При сопоставлении данных, имеющихся по разным регионам, с достаточной степенью отчетливости вырисовываются определенные хронологические, географические, антропологические и культурные регулярности, на которые можно опереться при решении вопросов, касающихся происхождения, распространения и характера взаимодействия первых верхнепалеолитических индустрий.

Совершенно очевидно, что все индустрии такого рода концентрируются в северной половине Старого Света, не проникая в его западной части южнее тропика Рака, а в восточной — южнее 40° с. ш. В то же время нельзя не заметить, что раньше всего культурные инновации, аналогичные тем, которые получают широкое распро-

странение в процессе перехода к верхнему палеолиту, фиксируются в Восточной и Северной Африке. В первом регионе они четко прослеживаются на материалах гротов Мумба и Энкапуне Йя Муто древностью до 50 тл, а во втором — на памятниках атера, имеющих примерно такой же, а возможно, и несколько больший возраст. И там и там эти инновации наверняка были результатом деятельности людей современного или очень близкого к таковому анатомического типа. В случае с атером об этом можно судить по находкам их костных останков на ряде стоянок, а в Восточной Африке, являющейся родиной *Homo sapiens*, в рассматриваемый период, скорее всего, просто не было иного населения. О дальнейшем развитии восточноафриканских переходных индустрий, если таковое вообще имело место, практически ничего неизвестно, а что касается атера, то он, судя по всему, продолжал существовать почти в неизменном виде на протяжении нескольких десятков тысяч лет вплоть до конца КИС 3.

После 45 тлн культурные инновации, маркирующие для археологов процесс перехода к верхнему палеолиту и выражающиеся, прежде всего, в совершенствовании технологий обработки камня и органических материалов и в изменениях в составе орудийного набора, фиксируются уже во множестве подчас весьма удаленных друг от друга регионов Северной Африки, Западной и Центральной Азии, Западной, Центральной и Восточной Европы. Все индустрии, захваченные этим процессом, по характеру их генезиса и степени продвинутости довольно четко делятся на три большие группы.

Первая группа полифилетическая. Ее составляют среднепалеолитические индустрии переходного типа¹ и индустрии архаичного верхнего палеолита, являющиеся автохтонными в своих ареалах и не распространяющиеся сколько-нибудь далеко за пределы районов, где совершалось их становление. Почти все они нелеваллуазские (ни одну из них, кроме нерона, нельзя признать таковой даже при самом широком толковании понятия леваллуа), и все они отличаются совершенно очевидным типологическим своеобразием, причем каждая имеет свой специфический руководящий тип, позволяющий опознать ее даже тогда, когда другие типы и целые категории инвентаря представлены плохо или вообще не представлены. Состав: атер, шательперрон, нерон, улущо, селет, линкомб-ежмановице, стрелецкая культура.

Вторая группа является, скорее всего, полностью или преимущественно монофилетической. Иными словами, можно предполагать, что все или, по крайней мере, почти все составляющие ее индустрии имеют общие корни. В основном это индустрии архаичного верхнего палеолита, все они в той или иной степени леваллуазские, и происхождение большинства из них не связано с регионами их распространения. Лишь немногие имеют специфические руководящие типы орудий, но почти для всех характерны леваллуазские острья (пусть и не всегда многочисленные). В англоязычной литературе индустрии этой группы в последние годы часто обозначают как начальный верхний палеолит (Kuhn et al. 1999; Arrizabalaga et al. 2003; Kuhn 2003, 2004; Brantingham et. al. 2001, 2004). Состав: эмиран, бачокиро, богунице, даббан, карабомовский вариант раннего верхнего палеолита Центральной Азии.

Третья группа включает ранние индустрии развитого верхнего палеолита. Все они могут иметь и многие наверняка имеют общее происхождение, так что эту группу, как и предыдущую, можно считать в основном монофилетической. Некоторые

¹То есть среднепалеолитические индустрии, датируемые периодом перехода и притом имеющие индекс СП-ВП не менее -2.5 и хорошо выраженные верхнепалеолитические элементы в типологии. Таковыми, например, являются селет, атер, часть (ранняя?) комплексов шательперрона и нерона.

из входящих в нее индустрий принято отличать друг от друга лишь вследствие их значительной территориальной удаленности, хотя в технико-типологическом отношении они почти идентичны. Состав: ахмар, протоориньяк (ориньяк 0), барадост (загросский ориньяк), левантийский ориньяк, древний, или ранний ориньяк Европы (ориньяк 1), спицынская культура.

Данные о хронологии, происхождении, степени продвинутости и антропологическом субстрате индустрий, составивших три только что охарактеризованные группы, были рассмотрены в предыдущей главе. Некоторые результаты проделанной в ней работы суммированы в приводимой ниже таблице (табл. 6.1). Разумеется, в большинстве своем представленные в ней оценки носят предварительный характер и подлежат дальнейшему уточнению. Вполне возможно также, что в каких-то случаях накопление новых данных приведет к их кардинальному пересмотру.

Индустрии первой группы в целом наиболее архаичны. Среднее минимальное значение индекса СП-ВП составляет здесь -2.0 , а максимальное 0.4 (против $-0.4/1.5$ у индустрий второй группы и $3.4/5.5$ у третьей). Их антропологический субстрат различен. Если носителями североафриканского атера были люди близкого к современному анатомического типа, то в Европе ситуация иная. Шательперрон определенно связывается с неандертальцами². Они же, почти наверняка, оставили памятники нерона и улущо, поскольку население западной части Европы в соответствующий период было представлено только этим видом гоминид. Прямые данные об анатомическом типе носителей центральноевропейских индустрий отсутствуют (ЛРЕ) или не поддаются однозначной оценке (селег), но косвенные явно свидетельствуют о том, что, по крайней мере, на ранних стадиях их существования это были неандертальцы. Во-первых, и селег, и ЛРЕ генетически связаны с микоком, во-вторых, они появляются ранее 40 тлн, т. е., скорее всего, до прихода *Homo sapiens* в Центральную Европу. Для ранних стадий стрелецкой культуры прямых данных тоже нет, но ее микокские корни и наличие ряда неандерталоидных черт в анатомии *Homo sapiens* из сунгирских погребений (Козинцев 2003, 2004) позволяют предполагать причастность неандертальцев к ее становлению. Все европейские индустрии первой группы появляются, судя по всему, примерно одновременно, несколько раньше 40 тлн.

Индустрии второй группы, если не считать поздний эмиран и даббан, по-видимому, несколько древней индустрий первой группы. На Ближнем Востоке, Балканах и в Центральной Европе они появляются примерно 45 ± 2 тлн, а на юге Сибири раньше 40 тлн и, возможно, не позже чем в Европе и Западной Азии. Эмиран и комплексы карабомовского варианта почти наверняка связаны генетически с местным, т. е. левантийским и алтайским мустье, причем последнее, в свою очередь, вероятно, тоже имеет ближневосточные в конечном счете корни. Существование в архаичном верхнем палеолите Алтая приема утончения базальной части удлинённых острий и остроконечников, неотличимого в отдельных случаях от приема утончения оснований эмирейских острий, может служить идеальным примером конвергенции в развитии индустрий, сформировавшихся независимо, но на общей основе.

В отличие от Кара-Бома и сходных с ним южносибирских комплексов, бачокиро и особенно богунце выглядят на фоне среднего палеолита своих ареалов весьма чужеродно и, скорее всего, не являются автохтонными. Очевидные технологические и типологические параллели с эмираном позволяют предполагать их распростра-

²На этот счет иногда все еще высказываются сомнения (напр.: Var-Yosef et al. 2006: 54), но они не подкреплены сколько-нибудь серьезными аргументами.

Таблица 6.1. Предварительные оценки возраста, генезиса, степени продвинутости и антропологического субстратаосновных индустрий периода перехода от среднего палеолита к верхнему

Группа	Индустрия	Регион	Время (тлн)	Генезис	Индекс СП-ВП	Носители*
I	Атер	Сахара и юг Аравийского п-ва	$\geq 60-24$	Местный/мустье Сев. Африки	-2.5/-0.5	<i>H. sapiens</i>
	Шательперрон	Западная Европа	$> 41 - 35/34$	Местный/МТА	-2.5/2	<i>H. neand.</i>
	Нерон	Долина Роны	$\leq 50 - 40$	Местный/мустье	-3.5/-0.5	<i>H. neand.?</i>
	Улуццо	Апеннины	$> 40-?$	Местный ?	-0.5/1	<i>H. neand.?</i>
	Селет	Центр. Европа	$> 40-?$	Местный/микок	-3/-1.5	<i>H. neand.?</i>
	Линкомб-Ранис-Ежмановице	Север Западной и Центр. Европы	$\geq 40 - 30$	Местный/Альтмюль ?	?	<i>H. neand.?</i>
	Стрелецкая к-ра (ранний этап)	Русская равнина	$\geq 40 - 32/30$	Местный/микок	0/2	?
II	Ранний эмиран	Левант	$\approx 47 - 43$	Местный/мустье	-1.5/0	<i>H. neand.?</i>
	Средний эмиран	Левант	$\approx 43 - 40$	Местный	0/1	?
	Поздний эмиран	Левант	$> 39-?$	Местный	0.5/2	?
	Даббан	Киренаика	$\approx 40 - 32$	Левант/эмиран	1/4	?
	Бачокиро	Балканы	$\geq 46 - 37$	Левант/эмиран ?	-1/2.5	<i>H. neand.?</i>
	Богунице	Центр. Европа	$\geq 43-?$	Левант/эмиран ?	-1.5/0	<i>H. neand.?</i>
	Карабомовская группа	Север Центральной Азии	$> 40-?$	Местный/мустье	-1/1	?
III	Ахмар	Левант	$> 38-?$	Местный/эмиран	4/6.5	<i>H. sapiens</i>
	Протоориньяк	Европа	≈ 40	Левант/ахмар ?	3/6	<i>H. sapiens ?</i>
	Левант. ориньяк	Левант	$\geq 36-?$	Загрос? Европа?	3.5/4.5	?
	Ранний барадост	Загрос	$\geq 38/36 - 30$?	0-3	?
	Ранний ориньяк	Западная Европа	$> 36 - 32$?	3/6	<i>H. sapiens ?</i>
	Ранний ориньяк	Центр. Европа	$\approx 40/38 - 32$?	3.5/6	<i>H. sapiens ?</i>
	Спицбнская к-ра	Русская равнина	$\geq 40-?$?	6.5	<i>H. sapiens ?</i>

* Для индустрий, с которыми связаны поддающиеся однозначному определению антропологические материалы, виды гоминид указаны без знака вопроса. Оценки, сделанные на основании косвенных данных, напротив, сопровождаются вопросительным знаком (их обоснование см. в тексте).

нение с Ближнего Востока. Эта гипотеза детально разработана и выдвигаемые ее многочисленными сторонниками аргументы кажутся вполне убедительными, хотя несколько смущает отсутствие следов предполагаемой миграции (т. е. памятников эмиро-богунице) в Малой Азии.

Ни для одной из индустрий второй группы нет надежных данных об антропологическом типе оставившего ее населения. Тем не менее многие авторы почему-то убеждены, что раз принимается гипотеза о ближневосточном происхождении богунице, то его следует считать «делом рук анатомически современных людей» (Škrdla 2003a: 151; Kozłowski 2004a: 278). На самом деле второе из первого никоим образом не следует. Напротив, имеющиеся факты заставляют считать гораздо более вероятной связь эмиро-богунице не с *Homo sapiens*, а с неандертальцами. Во-первых, есть основания предполагать, что в период формирования этой индустрии на Ближнем Востоке неандертальцы были единственными его обитателями. Во всяком случае, все те человеческие кости, которые могут быть отнесены к первой половине КИС 3, принадлежат именно им (Кебара, Дедеръех, Табун С1), тогда как возраст древнейших останков человека современного физического типа (детский череп и нижняя челюсть из слоя XVII грота Кзар Акил) не более 40 тл и относятся они уже к ахмару, а не к эмирану. Во-вторых, не следует забывать, что верхняя челюсть из слоя XXV Кзар Акила (ранний или средний эмиран) имеет, по крайней мере, отдельные неандертальские признаки (см. 5.9). В-третьих, наконец, балканские комплексы, которые могут рассматриваться в качестве связующих звеньев между эмираном и богунице, дали антропологические находки, либо не исключающие, либо подтверждающие их связь с неандертальцами. Фрагмент детской нижней челюсти из 11-го слоя Бачо Киро, по мнению одних антропологов, не поддается точной диагностике (Glen, Kaczanowski 1982; Churchill, Smith 2000a: 87, 102), а по мнению других — вполне может быть неандертальским (Wolpoff 1996: 58–59). Коренной зуб из слоя Ia пещеры Лаконис Ia, где обнаружена индустрия архаичного верхнего палеолита, как будто сопоставимая с бачокиро, пока уверенно определяется как неандертальский (Harvati et al. 2002). Таким образом, априорное приписывание эмирана и европейских индустрий второй группы людям современного анатомического типа абсолютно лишено фактических оснований. Что же касается конкретно богунице, то появление этой индустрии в Центральной Европе, за тысячи километров к северу от ареала эмирана, вполне могло быть результатом обратной миграции неандертальцев, вынужденных оставить Ближний Восток под давлением вновь начавшейся экспансии *Homo sapiens* и вернуться на «историческую родину».

Индустрии третьей группы почти во всех регионах, где они известны, несколько уступают по возрасту индустриям первой и второй групп. Об этом свидетельствуют не только данные абсолютной хронологии, но и стратиграфия ряда многослойных памятников. Единственным исключением из общего правила является Русская равнина, где развитой верхний палеолит нижнего слоя Костенок 17 как минимум не моложе древнейших комплексов местного архаичного верхнего палеолита³. В целом появление индустрий первой и второй групп можно рассматривать как начальную стадию перехода к верхнему палеолиту, а постепенную смену их индустриями третьей группы — как завершающую стадию (Вишняцкий 2000).

³Это же, видимо, можно будет сказать и об индустрии слоя IV6 Костенок 14, но пока ее, несмотря на наличие костяных орудий и свидетельств символизма, все же преждевременно определять как развитой верхний палеолит. Каменный инвентарь этого комплекса известен еще недостаточно хорошо и не поддается однозначной оценке.

Происхождение индустрий третьей группы во многом остается загадкой. Если с ахмаром в этом отношении все более или менее ясно — он вырастает из архаичного верхнего палеолита Ближнего Востока (эмиран), — то о генезисе ориньяка нельзя сказать ничего определенного. Это относится как к ориньяку в целом, так и к каждому из его географических подразделений по отдельности⁴. С одной стороны, сходство ориньякских комплексов между собой, особенно бросающееся в глаза на пестром фоне предшествующих им индустрий первой группы, свидетельствует, как будто, в пользу их монофилетического происхождения (Kozłowski 1988; Mellars 1996: 405–406). С другой стороны, несмотря на почти вековую историю исследований по этой теме, ни убедительно обосновать генетическую связь ориньяка с какой-то конкретной среднепалеолитической или переходной индустрией, ни обнаружить исходный центр его формирования так и не удалось. Не лучше обстоят дела и с версией полицентрического происхождения. Она тоже имела и имеет немало сторонников (Григорьев 1968: 115; Oliva 1993: 48–49; Straus 1997: 243–244; Carbonell, Vaquero 1998; Olszewski 1999: 176), но их аргументы ничуть не убедительней аргументов их оппонентов. Чисто теоретически, конечно, нельзя исключить вероятность формирования ориньяка на базе мустье кина северной Испании (Cabrera et al. 2001), или бачокиро Балкан (Kozłowski 2004), или мустье Загроса (Olszewski, Dibble 1994), но во всех этих случаях разрыв между исходной индустрией и итогом ее предполагаемой эволюции очень велик, а промежуточных звеньев пока неизвестно. В случае со спицынской культурой ситуация противоположная. Эта индустрия и по характеру, и по возрасту, как будто, подходит на роль промежуточного звена, но ее собственное происхождение остается загадкой.

Надежных прямых данных об антропологическом типе носителей индустрий третьей группы тоже почти нет. Исключение представляет собой, как и в предыдущем случае, ахмар, уже самую раннюю стадию которого, благодаря находкам из слоя XVII Кзар Акил, можно связывать с *Homo sapiens*. Достоверные антропологические материалы по барадосту отсутствуют, а по ориньяку имеются лишь для относительно поздних стадий его существования. Хотя эти поздние материалы неизменно определяются как останки людей современного физического типа, наверняка можно сказать лишь, что последние были носителями ориньяка в период после 32 тлн. Антропологических свидетельств присутствия *Homo sapiens* в Европе ранее этого времени вообще очень мало, и они не связаны с ориньяком.

Синхронность формирования европейских индустрий первой группы, их архаичный облик (низкие индексы СП-ВП), явная автохтонность, а также несомненная в одних случаях и вероятная в других связь с неандертальцами заставляют многих исследователей искать объяснение их возникновения в воздействии пришлой, более развитой культуры, в качестве которой, разумеется, выступает ориньяк. Предполагается, что «в Европе становление верхнего палеолита проходило как аккумуляционный процесс: местное население воспринимало и развивало новые культурные традиции под влиянием пришлого населения, принесшего уже сложившиеся верхнепалеолитические традиции (ориньякоидный технокомплекс)» (Аникович 1999: 74). Согласно традиционной точке зрения, обогащение селета верхнепалеоли-

⁴Здесь уместно будет еще раз напомнить, что протоориньяк рассматривается в этой книге не как локальный вариант классического ориньяка, а как предшествующая ему индустрия, технологически и типологически во многом более близкая ахмару и, возможно, связанная с ним генетически. Преемственность между протоориньяком и ориньяком при этом ни в коем случае не исключается, но и не принимается как нечто само собой разумеющееся и твердо установленное.

тическими элементами было следствием контактов с ориньяком (Prošek 1953; Валох 1969; Allsworth-Jones 1986, 1990). В качестве причины или, по крайней мере, катализатора возникновения шательперрона тоже издавна рассматривается появление на западе Европы ориньяка (Bordes 1968: 62; Mellars 1996: 416–417).

Однако в свете суммированных выше наблюдений кажется очевидным, что как моноцентристская модель в целом, так и являющееся ее составной частью аккультурационистское объяснение происхождения европейских индустрий первой группы вступают в явное противоречие с фактами. Во-первых, и шательперрон, и селет, и нерон, и, по-видимому, линкомб-ежмановице появляются в Западной и Центральной Европе раньше, чем в этих регионах (и где бы то ни было вообще) появляется ориньяк. Абсолютные датировки, указывающие на это, при желании еще можно поставить под сомнение, ссылаясь на известные проблемы с РУ и другими методами датирования, но данные о стратиграфической последовательности комплексов однозначно свидетельствуют о том же. Во-вторых, пока нет доказательств присутствия в Европе людей современного физического типа ранее 36 тлн, и поэтому совершенно непонятно, кто бы мог осуществлять аккультурацию. В-третьих, как не раз уже отмечалось в литературе, неизвестно и кто были носители хронологически раннего ориньяка (Frayer, 1992: 12; Rigaud 1997: 167; Straus 1997: 244–245; Cabrera et al. 2000: 91). Трудно, конечно, разделить уверенность некоторых авторов в неандертальском происхождении этой индустрии (см. напр.: Wolpoff 1996: 57), но безоговорочно связывать ее рождение с *Homo sapiens*, не имея никаких доказательств, тоже было бы неправильно. В процессе развития одной традиции могла происходить смена видового состава ее носителей (см. ниже, а также Вишняцкий 2007), и хотя для ориньяка подобная возможность является сугубо гипотетической (ни прямых, ни косвенных данных, которые свидетельствовали бы в пользу такого хода событий, нет), полностью исключить ее пока все же нельзя. Наконец, в-четвертых, среди основных черт большинства европейских индустрий первой группы и первой стадии перехода в целом нет таких, которые можно было бы рассматривать как наглядное свидетельство воздействия ориньяка. Особенно хорошо этот вопрос изучен сейчас для шательперрона, каменная и костяная индустрия которого совершенно оригинальны (Pelegriñ 1995; d'Errico et al. 1998), а также для улуццо (Kuhn, Bietti 2000)⁵. В сущности, из всех областей Европы лишь на Русской равнине пока хронология древнейших верхнепалеолитических памятников не противоречит аккультурационной модели, но собственно археологический аспект проблемы здесь тоже не разработан, т. е. не показано, в чем конкретно выразилось воздействие «ориньякского технокомплекса» на местный среднепалеолитический субстрат и какие из черт инвентаря, например стрелецкой культуры, могли появиться в результате контактов, скажем с культурой спицынской.

Сказанное не означает, конечно, что для ранней поры верхнего палеолита нет вообще никаких свидетельств культурных контактов и заимствований. Речь лишь о том, что нет оснований объяснять возникновение переходных и архаичных верхнепалеолитических индустрий влиянием именно ориньяка и *Homo sapiens*. Что же касается культурных взаимодействий и аккультурации как таковой, то все это, безусловно, было. Для первой стадии перехода свидетельством тому является, напри-

⁵ «Аккультурация по определению предполагает заимствование каких-то культурных черт. В случае с Италией трудно определить, что же именно местные мустьерские группы заимствовали у пришлых верхнепалеолитических популяций. Трудно объяснить в этом случае и временной разрыв между появлением ориньяка и ранним улуццо» (Kuhn, Bietti 2000: 70).

мер, появление листовидных бифасов на некоторых памятниках богунице, принадлежащего к кругу индустрий второй группы, для которых двусторонняя обработка не свойственна. Вполне логично считать, что если не сами эти вещи, то традиции их изготовления и использования были заимствованы из арсенала селета, тем более что ареалы этих двух индустрий перекрываются, а носителями их, скорее всего, были люди в антропологическом плане близкие друг другу, т. е. неандертальцы. Вполне вероятно, что и богунице, в свою очередь, тоже оказало влияние на селет. Можно даже предположить, что именно оно как раз и сыграло ту роль, которая обычно приписывается ориньяку, то есть стимулировало начало обогащения центральноевропейского микока верхнепалеолитическими чертами. Разумеется, и ориньяк, после того, как он появился в Европе и Леванте, не мог не оказать влияние на местные культуры и не испытать ответное воздействие. Кроме того, вряд ли приходится сомневаться и в том, что его распространение привело к исчезновению некоторых из индустрий первой группы, в частности шательперрона.

Более того, для некоторых регионов есть достаточно веские основания предполагать существование культурной преемственности между неандертальцами и *Homo sapiens*, выражающейся в том, что носителями одной и той же традиции на разных этапах ее существования были представители обеих этих форм гоминоид. Это только гипотеза, но она хорошо согласуется с имеющимися фактами. Если она подтвердится и хотя бы для одной культурной традиции удастся показать, что, возникнув первоначально среди неандертальцев, она продолжила затем свое существование и среди сменивших их людей современного анатомического типа (обратная последовательность тоже не исключена, но гораздо менее вероятна), то это будет самым серьезным аргументом в пользу контактов — причем длительных и неантагонистических — между первыми и вторыми, какой только можно себе представить. Сейчас археологические и антропологические данные позволяют говорить, как минимум о двух возможных случаях культурной преемственности между неандертальцами и *Homo sapiens*. Один из них представлен секвенцией: позднее левантийское мустье — эмиран — ахмар, а второй — секвенцией восточный микок — стрелецкая культура. Если позднее левантийское мустье и, возможно, ранний эмиран связаны еще с неандертальцами, то выросший из эмираана ахмар — определенно с *Homo sapiens*. Микок — это явно неандертальская индустрия, в то время как, по крайней мере, часть памятников сформировавшейся на его основе стрелецкой культуры оставлена, скорее всего, анатомически современными людьми. Когда и каким образом вторые сменили первых в качестве носителей названных традиций, неизвестно, но представить, чтобы это могло произойти без контактов между ними, очень трудно.

Обращает на себя внимание то обстоятельство, что обе названные секвенции связаны с восточными районами ареала *Homo neanderthalensis*, тогда как для западной его части никаких свидетельств культурной преемственности между неандертальцами и *Homo sapiens* пока неизвестно⁶. Не исключено, что это не случайно, и ключ к пониманию ситуации может дать уже упоминавшаяся в этой книге гипотеза, соглас-

⁶Традиции, уходящие корнями в средний палеолит и продолжившие свое развитие в палеолите верхнем, там тоже существовали, но носителями их и на ранних стадиях, и на поздних оставались, судя по всему, неандертальцы. Самый известный и убедительный пример тому — секвенция 'МТА-В — шательперрон'. Аналогичная ситуация, вероятно, имела место и в линии 'мустье шарантское — нерон' (Slimak 2007). Сложнее ситуация в Центральной Европе. Если подтвердится, что селет и/или ЛРЕ действительно каким-то образом причастны к генезису отдельных граветтских индустрий (см. 5.16), то и для этого региона можно будет ставить вопрос о существовании культурной преемственности между неандертальцами и *Homo sapiens*.

но которой неандертальцев следует рассматривать как «кольцевой вид» (см. 2.2). Предполагается, что западные популяции этого вида обладали наибольшей степенью анатомической обособленности и были репродуктивно изолированы от *Homo sapiens*, а восточные, напротив, имели много общих черт с последними, представляя собой своего рода промежуточное звено, существование которого обеспечивало возможность межвидовой гибридизации (Moncel, Voicin 2006). Если это действительно так, то тогда понятно, почему признаки существования преемственности между двумя видами пусть и с оговорками, но все же прослеживаются на востоке и полностью отсутствуют на западе.

В целом, по крайней мере, применительно к начальному периоду верхнепалеолитической революции полицентристский сценарий кажется более правдоподобным, чем моноцентристский. Он гораздо лучше соответствует имеющимся фактам, а, согласно известному принципу экономии доводов, более предпочтительной (правдоподобной) считается та гипотеза, которая удовлетворяет максимальному количеству наблюдений (фактов) при минимальном количестве допущений. Индустрии первой стадии перехода (группы I и II) появляются примерно в одно и то же время, причем происходит это в таких удаленных друг от друга регионах и дает такие взаимонеподобные результаты, что сомневаться в их независимом генезисе вряд ли приходится. Не приходится сомневаться и в том, что к некоторым из этих индустрий люди современного физического типа не имели никакого отношения и что, по крайней мере, в Западной и Центральной Европе «первые шаги» перехода делали неандертальцы. Возможно, то же самое имело место и на Ближнем Востоке, и в Южной Сибири. Странники моноцентризма, оспаривая независимое происхождение первых переходных и верхнепалеолитических индустрий, часто ссылаются на малую, по их мнению, вероятность синхронного и спонтанного начала процесса перехода в разных регионах и среди разных видов гоминид (Mellars 1996: 416–417, 1998, 2000: 38, 2000a: 44, 2005; Gamble 1999). Однако, как станет видно из следующей главы, подобное совпадение вовсе не является чем-то необъяснимым и было, скорее всего, не случайным, как не была случайной, скажем, и примерная одновременность перехода к производящему хозяйству в ряде абсолютно никак между собой не связанных районов Азии и Америки в эпоху неолитической революции.

Глава 7

ПРИЧИНЫ ВЕРХНЕПАЛЕОЛИТИЧЕСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

Проблема перехода к верхнему палеолиту не сводится только к выяснению происхождения индустрий и культур, маркирующих начало этой эпохи и установлению их хронологии, корней, антропологического субстрата и характера взаимодействия. Важной составляющей этой проблемы является еще вопрос о том, в чем же заключались причины наблюдаемых в рассматриваемый период культурных изменений, т. е. почему вообще появилось и распространилось то новое, что определяет верхний палеолит как особую стадию культурного развития и отделяет его от стадии предшествующей. Рассмотрение этого вопроса лучше всего начать с анализа предлагавшихся объяснений верхнепалеолитической революции.

Биологическое объяснение. Согласно одной из наиболее старых и распространенных точек зрения, переход к верхнему палеолиту был прямым и неизбежным следствием появления людей современного физического типа. В качестве единственного или, по крайней мере, главного фактора, ограничивавшего культурный прогресс у предшественников *Homo sapiens*, при этом мыслится биологически обусловленный недостаток у них интеллектуальных, моторных и иных психофизических способностей (White 1985: 107; Klein 1995: 191; Coolidge, Wynn 2004: 56). Однако тот несомненный факт, что физическая организация задавала и задает определенный «потолок» потенциально возможных культурных достижений, вовсе не означает, что степень культурного развития была или является простой функцией степени развития биологического. Подобное утверждение было бы неверно даже применительно к самым древним гоминидам, и тем более непригодно оно для объяснения изменений, имевших место при переходе от среднего палеолита к верхнему. Во-первых, возраст наиболее древних костных останков людей современного анатомического типа намного превосходит возраст первых верхнепалеолитических памятников. Во-вторых, создателями некоторых ранних верхнепалеолитических индустрий были не *Homo sapiens*, а неандертальцы. Оба этих факта явно противоречат упрощенным представлениям о якобы характерной для палеолита жесткой связи между биологическим и культурным развитием. Они говорят о том, что отсутствие тех или иных культурных достижений в те или иные эпохи древнего каменного века далеко не всегда может быть объяснено биологическими ограничениями и что переход к верхнему палеолиту совершался вне прямой зависимости от эволюции человека.

Аккумулятивизм. Часто развитие культуры в преистории, особенно в период после появления людей современного физического типа, рассматривают просто

как результат постепенного накопления знаний и опыта, изобретений и открытий. В таком духе объясняли и иногда объясняют до сих пор даже «неолитическую революцию», не говоря уже о менее масштабных инновациях. Что касается изменений в технологиях обработки камня и кости, знаменующих переход к верхнему палеолиту, то здесь аккумулятивистское объяснение может сочетаться с биологическим, а может выступать самостоятельно. И в том и в другом случае суть его остается одной и той же: предполагается, что новое появилось потому, что люди, наконец, стали способны, научились это новое делать. При этом считается как бы само собой разумеющимся, что, обладая какой-либо способностью, — например умением вырезать наконечники из кости и рога, делать шлифованные топоры или лепить горшки из глины — человек обязательно должен был ее использовать. Между тем археология и этнография знают множество случаев, когда возможности для изменений, представляющих в нашем восприятии как заведомо «прогрессивные», либо вообще не использовались, либо использовались лишь длительное время спустя после их появления.

Имеющиеся данные убедительно свидетельствуют о том, что многие важные инновации в культуре были потенциально возможны задолго — часто за тысячи и десятки тысяч лет — до их реализации на практике. Дело в том, что изобретение и инновация — это далеко не одно и то же¹. Чтобы стать культурно значимой и археологически уловимой инновацией, вновь изобретенная или заимствованная черта (вещь, идея или вид поведения) должна быть востребована, внедрена в практику, а хронологическая дистанция между первым и вторым может быть огромной. Говоря о случаях, когда широкому распространению культурного явления предшествовал длительный период, в течение которого оно, будучи известным, не проявлялось сколько-нибудь заметно ни в живой культуре, ни в археологическом материале, используют понятие «отложенная инновация».

Отложенные инновации в первобытности не исключение, а правило. Об этом говорит история керамического производства, камнеобработки, металлургии и многих других сфер материальной культуры. Например, глиняные изделия (утилитарного и неутилитарного назначения) впервые появляются в ряде районов Европы и Азии, по крайней мере, в середине верхнего палеолита, более 20 тлн (Праслов 1992; Rice 1999), но, будучи, несомненно, достаточно хорошо известны и при желании доступны людям того периода, все же остаются долгое время редкостью, чем-то вроде аномалии, археологического курьеза. Лишь в неолите, когда появляется необходимость в долговременном хранении жидких и сыпучих субстанций (например, молочных и зерновых продуктов), это палеолитическое изобретение действительно становится культурно значимой инновацией, и его повсеместное внедрение в практику знаменует собой начало новой археологической эпохи. Та же тенденция прослеживается и в истории шлифованных каменных орудий, массовому производству которых в неолите предшествовало не менее 10 тысячелетий, когда эта технология даже там, где она явно была хорошо известна (Рогачев 1955: 77–78; Brumm, Moore 2005: table 1; Акира 2006), использовалась крайне редко.

Сходная ситуация имела место также в развитии техники изготовления орудий из кости и рога. Как известно, широкое применение таких методов работы с костью, как резание, строгание, шлифовка, сверление, впервые фиксируется начи-

¹Первым или одним из первых, кто заметил и показал, что, употребляя эти термины как синонимы, археологи совершают серьезную ошибку, был К. Ренфрю (Renfrew 1978; см. также Torrence, Van der Leeuw 1989).

ная с верхнего палеолита, тогда как костяные изделия предшествующего периода в подавляющем большинстве представляют собой либо лишь незначительно модифицированные предметы, либо орудия, морфологически идентичные каменным артефактам, и изготовленные, как и последние, с помощью оббивки и ретуши. Однако уже в нижнем палеолите резание, строгание и шлифовка использовались для изготовления деревянных орудий² и, следовательно, как таковые были знакомы людям. Кроме того, отдельные костяные изделия, по сложности изготовления ничуть не уступающие верхнепалеолитическим и практически идентичные им по форме, теперь известны и в среднем палеолите (см. 4.1). По-видимому, возможность переноса методов обработки дерева на кость, будучи вполне доступной, просто долгое время не использовалась, поскольку не было практического смысла заменять один материал другим, менее податливым и требовавшим гораздо больших затрат труда и времени.

Аналогичным образом обстоит дело и с производством пластин и орудий на пластинах. Известно множество случаев, когда в среднепалеолитических и даже нижнепалеолитических индустриях пластины на какое-то время вдруг становились основным видом заготовок, а сделанные из них скребки, резцы, ножи с ретушным обушком (в амудьене идентичные ножам шательперрон) и изделия геометрических форм начинали играть весьма заметную, а то и ведущую роль в орудийном наборе (см. главу 4, а также: Вишняцкий 1993; Vishnyatsky 1994; Bar-Yosef, Kuhn 1999). При этом для получения пластин могли применяться стратегии расщепления и техники скола довольно близкие верхнепалеолитическим (Revillion, 1994, 1995; Texier, 1996: 309–311; Soriano et al. 2007). Все это свидетельствует о том, что и в области обработки камня многие элементы верхнепалеолитических технологий были доступны задолго до того, как 45–40 тысяч лет назад начались их интенсивная реализация на практике и, как следствие, дальнейшее развитие.

Появление лука и стрел в эпипалеолите, распространение геометрических микролитов в мезолите, переход к производящему хозяйству в неолите, начало массового производства металлических изделий в энеолите — все это тоже инновации, которые с полным правом можно назвать «отложенными», поскольку есть достаточно убедительные археологические свидетельства того, что необходимые для их осуществления знания и технические средства были освоены задолго до того, как началась их интенсивная реализация на практике. Эти и многие другие культурные «достижения», сколь бы полезными и «прогрессивными» ни представляли они в нашем ретроспективном восприятии, с точки зрения многих и многих поколений людей каменного века могли оставаться лишь непрактичным, обременительным усложнением, потенциально вполне возможным, но требующим неоправданно больших затрат труда, времени и энергии и потому ненужным. Присущая человеку во все времена творческая активность неизбежно вела к появлению в культуре таких избыточных элементов. Как бы дублируя рецессивные признаки в биологии, они обеспечивали известный запас прочности на случай изменения условий существования и обеспечивали «сырьевым материалом» механизм культурной эволюции,

²Особенно убедительно об этом свидетельствуют копыя из ели, обнаруженные на нижнепалеолитической стоянке Шенинген в Германии. Хорошо сохранившиеся в ископаемых торфяниковых отложениях, копыя изготовлены по одному стандарту, имеют тщательно заостренные строганием концы и примерно одинаковую длину (около или чуть больше 2 м у целых экземпляров). Геологические условия залегания находок не оставляют сомнений в том, что возраст их составляет не менее 300 тысяч лет (Thieme 1997).

действовавший, подобно механизму эволюции биологической, за счет скрытого резерва изменчивости.

Таким образом, аккумулятивистское объяснение, как и биологическое, находится в прямом противоречии с большим количеством давно и хорошо известных фактов. Совершенно очевидно, что, пытаясь понять те или иные изменения в культуре, имевшие место в палеолите вообще и при переходе от среднего палеолита к верхнему в частности, нельзя исходить из посылки, что они были прямым и немедленным следствием появления соответствующих биологических или каких-то иных (открытие, изобретение, заимствование) возможностей. Объяснить распространение пластинчатых индустрий или костяных наконечников значит объяснить, прежде всего, не почему эти новации стали возможны, а почему они стали необходимы, почему понадобилась замена старых, многие десятки и сотни тысяч лет вполне себя оправдывавших технологий обработки камня и кости, новыми, зачастую более сложными и требующими больших затрат времени и энергии. Собственно, именно этот вопрос и составляет суть проблемы перехода к верхнему палеолиту.

Технологическое объяснение. Идея о том, что перводвигателем культурных изменений начиная с преисторических времен являлся технологический прогресс, была и остается весьма популярной, особенно среди марксистски ориентированных исследователей (White 1959; Семенов 1993). Л. Уайт, например, основным и определяющим фактором эволюции культуры считал развитие технологии, ведущее, как он писал, к увеличению количества «обуздываемой» человеком энергии. По Уайту, в системе, каковой является культура, технология — это независимая переменная (White 1959: 26), и вопрос о том, что определяет состояние этой переменной и почему она именно переменная, а не постоянная, т. е. почему технология совершенствуется, а не остается всегда на одном и том же уровне, он просто не ставит. Аналогичную роль играет технологический фактор и в представлениях многих авторов, считающих, что развивают марксистскую теорию, с той только разницей, что они предпочитают говорить не о технологии как таковой, а о производительных силах в целом. Никто из них, однако, не сумел объяснить, что же вызывало изменения в самой технологической (производственной) сфере. Такой вопрос обычно просто не ставится, а если ставится, то решается в аккумулятивистском духе. Применительно к верхнепалеолитической революции технологическое объяснение попытался развить А. Гилман, но, как выясняется в самом конце его статьи, посвященной этой проблеме (Gilman 1984), причины совершенствования технологии он понимает так же, как Б. Хэйден, а модель Хэйдена (Hayden 1981) представляет собой образчик чисто экологического объяснения (см. ниже).

Социологическое объяснение. Некоторые исследователи первопричину изменений, имевших место при переходе к верхнему палеолиту, видят в перестройке общественных (внутригрупповых и/или межгрупповых) отношений. Как правило, авторы, прибегающие к этой гипотезе, ограничиваются одной ее краткой формулировкой, не вдаваясь в подробности (White 1982), но есть и попытки подкрепить ее развернутой аргументацией. Одна из наиболее интересных попыток такого рода была предпринята О. Соффер, которая в своих построениях опиралась, главным образом, на антропологические данные (Soffer 1992, 1994). Данные эти, однако, говорят лишь о том, что в рассматриваемый период устройство общества действительно, скорее всего, претерпело некие преобразования, но явились ли социальные трансформации причиной или только следствием изменений в иных сферах куль-

туры, остается неясным. Более того, даже если допустить, что они были именно причиной, то все равно остается без ответа вопрос, почему они сами произошли (разве что мы опять прибегнем к биологическому или аккумулятивистскому объяснению), а также почему они повлекли за собой изменения, например в технологии. Таким образом, и в данном случае проблему причинности никак нельзя считать решенной.

Лингвистическое объяснение. Согласно одному из наиболее популярных в современной литературе (особенно англоязычной) объяснений верхнепалеолитической революции, главной причиной этого события явилось обретение людьми языка или, как иногда пишут, «современной формы языка», «развитого синтаксического языка» (Clark 1970: 146–147, 1995; Noble, Davidson 1991; Mellars 1996: 390–391; 1996b, 1998b), который якобы явился катализатором социальных и иных изменений. Некоторые авторы, говоря о культурных инновациях эпохи перехода, утверждают даже, что «просто невозможно не верить, что они не были связаны с изменениями в природе языка» (Mithen 1998: 175) Однако, во-первых, нет никаких прямых данных, которые подтверждали бы эту гипотезу о том, что язык появился или приобрел современную форму именно в рассматриваемый период (Вишняцкий 2002a), так что она остается пока чисто спекулятивной, а во-вторых, лингвистическое объяснение, подобно технологическому и социологическому, выдвигая одну из сфер культуры в качестве ключевой для понимания всех трансформаций, имевших место при переходе к верхнему палеолиту, не отвечает на вопрос о причинах сдвигов в самой этой сфере. Если же в качестве такой причины указывают на происшедшее якобы усложнение мозга и/или речевых органов, то это превращает лингвистическое объяснение в биологическое, которое уже было рассмотрено выше.

Эколого-демографическое объяснение. Рассмотренные выше объяснения перехода к верхнему палеолиту либо плохо согласуются с фактами (биологическое и аккумулятивистское), либо уязвимы с точки зрения логики постулируемых причинно-следственных связей (технологическое, социологическое и лингвистическое). Положительным исключением в обоих отношениях кажется эколого-демографическое объяснение, которое, несмотря на отдельные слабые места, может быть наиболее перспективным. Суть его заключается в том, что первопричины культурных изменений, знаменующих переход к верхнему палеолиту, предлагается искать за пределами собственно культуры. Предполагается, что главным стимулом развития выступали в рассматриваемый период, как и вообще в преистории, факторы естественные, действие которых приводило к нарушению равновесия между средой и человеческими сообществами (т. е. экологического равновесия), а так называемые «прогрессивные» новации в технологии были, в конечном счете, лишь побочным результатом стремления сохранить в меняющихся условиях привычные образ и уровень жизни.

Под естественными факторами подразумеваются, прежде всего, изменения климата и демографические процессы. Однако, поскольку первые носят в основном колебательный характер, ведущая роль должна быть отведена вторым, которые в долгосрочной перспективе характеризуются таким свойством, как направленность (рост населения), и неизбежно ведут к усложнению среды, диктуя тем самым необходимость все более сложных форм приспособления к ней. Природные изменения, понижавшие несущую способность ландшафта, наверняка выступали во многих случаях, — в том числе и при переходе к верхнему палеолиту — в качестве катализатора инноваций (см. напр.: Утмайер 2002: 55; Finlayson, Carrión 2007; Giaccio et al.

2007)³, но необратимость и поступательный характер последних были следствием именно демографических изменений. При этом, разумеется, оба фактора — демографический и природный — часто могли действовать и одновременно.

Определяя подобный подход к объяснению развития культуры в преистории, было бы неправильно говорить, как это иногда делают, о географическом или демографическом детерминизме. Природные и демографические изменения рассматриваются в данном случае не как детерминанта формы культуры, а лишь как пусковой фактор, непосредственно воздействующий в основном на сферу жизнеобеспечения, сообщающий процессам адаптации начальную энергию и дающий, таким образом, импульс цепной реакции взаимообусловленных изменений в иных сферах (подробней см. Вишняцкий 20026).

Хотя в истории многих, если не всех, человеческих популяций периоды их количественного роста чередовались с периодами сокращения, основной и для больших отрезков времени достаточно очевидной тенденцией было, несомненно, увеличение численности и, главное, плотности населения как отдельных регионов, так и планеты в целом (Cohen, 1977). Неизбежным следствием этой тенденции было растущее давление на ресурсы, оскудение которых вело к оттоку избыточного населения за пределы первоначального ареала обитания гоминид и к постепенному расширению ойкумены, сопровождавшемуся приспособлением способов и средств жизнеобеспечения к новым географическим условиям. Этот первый и самый длительный этап истории культуры был, таким образом, этапом ее экстенсивного, по преимуществу, развития, возможности которого были исчерпаны лишь тогда, когда все более или менее пригодные для жизни людей местообитания оказались освоенными. Судя по археологическим данным, это произошло примерно к концу среднего палеолита, когда завершилось в основном заселение Старого Света.

Хотя возможности для конкретных оценок численности и плотности населения в каменном веке более чем ограничены, ряд фактов все же позволяет предполагать наличие причинно-следственной связи между демографической ситуацией, сложившейся к середине верхнего плейстоцена, и интенсификацией культурного развития, фиксируемой археологами как переход к верхнему палеолиту. Имеются как прямые, так и косвенные свидетельства значительного роста численности человеческих популяций в период, непосредственно предшествующий верхнепалеолитической революции. На это согласно указывают данные таких разных наук, как генетика, палеозоология и археология.

Исследования характера variability ДНК у современных людей приводят специалистов в этой области к выводу, что в интервале примерно от 100 до 40 тлн должно было произойти нечто вроде демографического взрыва среди предковых популяций (Sherry et al. 1994; Harpending et al. 1998; Excoffier, Schneider 1999; Forster 2004), а эпицентром этого взрыва являлась Африка (Reich, Goldstein 1998; Relethford, Jorde 1999). Вероятно, одним из его следствий и стала та миграционная волна, которая около 60 тлн прокатилась через южные районы Азии и примерно 50–45 тлн достигла Австралии (см. 2.3).

Об увеличении численности обитателей тогдашней ойкумены и росте давления на ресурсы свидетельствует, по-видимому, и тот факт (установленный для ряда памятников Ближнего Востока и Апеннин), что среди употреблявшихся людьми в

³В числе воздействий такого рода особенно важное значение могли иметь похолодания, соответствующие эпизодам Хайнриха 5 (45–46 тлн) и 4 (39–40 тлн), и синхронное последнему кампанское игнимбритовое извержение.

пищу мелких животных в конце среднего палеолита заметно увеличивается доля представителей быстро размножающихся, но трудно добываемых видов (куропатка, заяц), тогда как доля представителей видов, характеризующихся противоположными качествами (черепахи, морские моллюски), напротив, сокращается. Кроме того, уменьшаются размеры последних, причем показано, что это не связано с климатическими факторами (Stiner et al. 1999; Stiner 2001, 2002; Stiner, Munro 2002; Meignen et al. 2006).

В качестве еще одного свидетельства того, что переходу к верхнему палеолиту сопутствовал рост демографического давления на ресурсы, может служить то обстоятельство, что сколько-нибудь серьезные последствия антропогенного воздействия на природные ландшафты и, прежде всего, на фауну фиксируются начиная именно с этого времени. Вымирание или резкое сокращение численности ряда крупных млекопитающих и других животных во многих регионах в позднем плейстоцене часто следовало либо вскоре за заселением этих регионов людьми (вымирание мегафауны в Австралии), либо же за увеличением численности населения в результате быстрого притока мигрантов (вымирание пещерного медведя в Западной Европе в ориньякское время). В отличие от предшествующих эпох, для которых, разумеется, случаи изменений фауны тоже не редкость, в позднем плейстоцене жертвами вымирания становились, прежде всего, виды, отличавшиеся крупными размерами и низкими темпами воспроизводства (Burney, Flannery 2005), которые и были первоочередными объектами охотничьей активности человека.

Наконец, судя по археологическим данным, именно в этот период, т. е. около 50 тлн, завершается в основном заселение Старого Света (кроме северо-востока Евразии). К концу среднего палеолита освоенными оказываются вся Африка, почти вся внеледниковая Европа, Средний Восток, Индостан, Центральная и Восточная Азия, значительная часть Сибири. В это же время, т. е. примерно 45–50 тлн, начинается и проникновение людей в Австралию (см. 2.3 и 5.7), а несколько позже в приполярные и даже заполярные районы Европы и Северо-Восточной Азии (Павлов и др. 2004, 2006; Питулько 2006, 2006а), что можно рассматривать как косвенное свидетельство усиления демографической напряженности в «метрополии».

Признавая факт роста населения в рассматриваемый период, некоторые авторы считают его следствием прогрессивных технологических новаций (Mellars 1996а, 1998а; Cashel 1997; Ambrose 1998а), вопрос о причинах которых при этом либо не ставится, либо решается в духе одной из рассмотренных выше гипотез. Однако, не отрицая возможного позитивного влияния изменений в способах жизнеобеспечения на численность человеческих популяций, не логичней ли предположить, что первоначально именно демографические факторы были причиной, а изменения в технологии следствием? Интересно, что аналогичным же образом причина и следствие поменялись когда-то местами в представлениях о механизмах становления производящего хозяйства (это произошло в конце 60-х годов под влиянием работ Э. Босеруп). Конечно, строго говоря, в системе население-экономика (или население-культура) рост населения не является абсолютно независимой переменной, т. е. независимой в том же смысле и в той же мере, в какой независимы от культуры чисто природные факторы. Если климат будет меняться вне зависимости от состояния экономики, то численность населения ограничена последним и по достижении некоего порогового значения далее может расти лишь при условии изменения этого состояния. Поэтому в качестве независимой переменной правильней рассматривать не рост населения как таковой, а присущую населению тенденцию к росту, которая действительно су-

ществует (как потенция) независимо от состояния экономики и ведет к увеличению численности популяции до момента, когда вследствие истощения доступных при данном способе хозяйства ресурсов начинают действовать механизмы естественной регуляции (снижение рождаемости, рост смертности). Однако, прежде чем такой момент наступает, уровень жизни опускается до некоего минимально приемлемого состояния (Wood 1998: 110), так что в реальности до естественной регуляции дело доходит далеко не всегда, и проблема решается либо за счет оттока избыточного населения, либо, если это невозможно, посредством изменений в системе жизнеобеспечения.

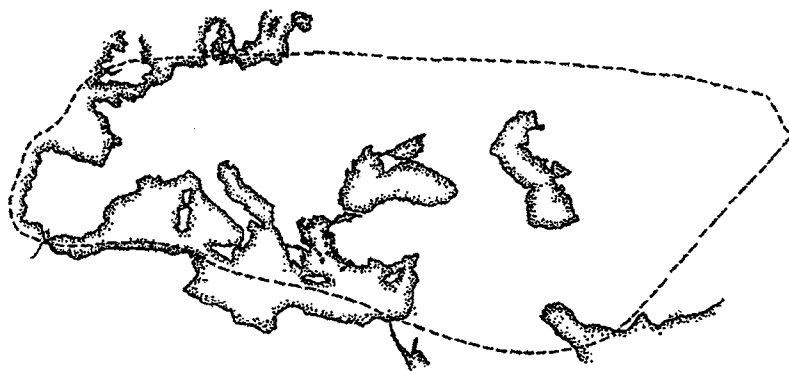

Рис. 7.1. Приблизительные границы области распространения неандертальцев и индустрий раннего верхнего палеолита.

Хронология и география перехода к верхнему палеолиту, как кажется, тоже подтверждают предположение, что он совершался под стимулирующим воздействием демографических факторов. Во-первых, этот процесс в целом совпадает по времени с периодом экспансии *Homo sapiens* на восток и на север. Во-вторых, и это еще более интересно и важно, область распространения раннего верхнего палеолита, как уже было подмечено некоторыми авторами (Carbonell, Vaquero 1998: 392), почти в точности совпадает с ареалом неандертальцев (рис. 7.1). Единственным возможным исключением из этого правила является Северная Африка, где достоверные останки неандертальцев пока не обнаружены, но и ранний верхний палеолит здесь представлен лишь единичными памятниками, находящимися к тому же в смежных с Ближним Востоком районах и, очевидно, имеющими ближневосточные корни. Что касается Русской равнины, где есть ранний верхний палеолит, но присутствие неандертальцев не документировано антропологически, то здесь это, скорее всего, следствие разреженного и прерывистого характера заселения большей части региона в среднепалеолитическое время, а также неблагоприятных тафономических условий, т.е. отсутствия пещер. Наличие мустье и микока, носителями которых в соседних областях (Крым, Кавказ, Центральная Европа) были именно неандертальцы, не оставляет сомнений в том, что и на Русской равнине они жили.

Столь явное и полное совпадение ареала *Homo neanderthalensis*, с одной стороны, и области распространения индустрий раннего верхнего палеолита — с другой, вряд ли могло быть случайным. Появление пришлых человеческих популяций в районах, издавна и прочно освоенных неандертальцами, — или даже только на подступах к этим районам — обязательно должно было повлечь за собой обострение

соперничества за жизненно важные ресурсы и стимулировать, тем самым, совершенствование (усложнение) методов жизнеобеспечения, технологические новации и прочие изменения в культуре. При этом, разумеется, речь идет о соперничестве не только между неандертальцами и *Homo sapiens*, но и внутри каждой из этих групп. Задолго до проникновения людей современного анатомического типа в Европу их все более интенсивная инфильтрация в окраинные области ареала неандертальцев могла привести к оттоку части последних во внутренние районы (следами этого отступления являются, возможно, балканские и центральноевропейские памятники эмиро-богунице), где в результате росло давление на ресурсы. В этих районах становление верхнепалеолитических индустрий (шательперрон, улупцо, нерон) началось до появления там *Homo sapiens* и, видимо, без какого бы то ни было их влияния. В окраинных областях (Ближний Восток, юг Восточной Европы, возможно, север Центральной Азии), напротив, этот процесс совершался в результате не только прямой конкуренции, но и контактов популяций гоминид разных видов, в результате чего продолжателями неандертальских традиций обработки камня становились в ряде случаев люди современного анатомического типа (эмиран-ахмар, микок-стрелецкая).

Что касается тех регионов, где в позднем плейстоцене неандертальцев не было и где, следовательно, некому было составить достойную конкуренцию расселяющимся *Homo sapiens*, то там верхнего палеолита либо нет вообще (Восточная и Юго-Восточная Азия, Австралия), либо он представлен только поздними памятниками (Индостан, большая часть Северной Азии). Даже на территории Африки к югу от Сахары, несмотря на раннее и длительное присутствие людей современного физического типа, переход от MSA к LSA совершился сравнительно поздно, да и масштаб и интенсивность культурных инноваций здесь несопоставимы с тем, что наблюдается в северной части Старого Света.

Таким образом, имеются достаточно серьезные основания предполагать наличие причинно-следственной связи между демографической ситуацией, сложившейся к середине верхнего плейстоцена, и интенсификацией культурного развития, фиксируемой археологами как переход к верхнему палеолиту. Радикальные изменения в обработке камня, кости, в символизме и других сферах культуры, начавшиеся в ряде районов Африки, Европы и Азии около 45±5 тлн, могли быть вызваны возрастанием конкуренции за ресурсы в условиях, когда разрешение кризисных ситуаций за счет оттока избыточного населения на свободные территории становилось все более проблематичным. Системы жизнеобеспечения, а вместе с ними и основные технологии по-необходимости должны были подвергнуться в этом случае существенному обновлению, что и отразилось в археологических материалах, относящихся к рассматриваемому периоду.

Если сделанное предположение верно, то переход к верхнему палеолиту следует рассматривать как завершение фазы экстенсивного развития культуры и переход к развитию интенсивному. Возможно, что наиболее существенным отличием верхнепалеолитической культуры от культуры всего предшествующего периода вообще являются не столько какие-то конкретные инновации, сколько ее динамизм в целом. Если в нижнем и среднем палеолите культурная эволюция, насколько можно судить о ней по археологическим данным, шла, в общем, скорее по пунктуалистскому сценарию, где за короткими фазами изменчивости следовали длительные периоды застоя, то в верхнем палеолите процесс развития приобретает более постоянный, динамичный характер, становится менее прерывистым. В сущности, между отдельными ста-

диями верхнего палеолита, выделяемыми для некоторых хорошо изученных регионов (Западная Европа, Ближний Восток), различий не меньше, а то и больше, чем между нижним и средним палеолитом, причем иногда внутри этих стадий можно вычлениать еще более дробные фазы, образующие довольно плавную эволюционную последовательность. Таким образом, если в доверхнепалеолитическое время развитие культуры носило, главным образом, экстенсивный характер, выражаясь, прежде всего, в ее все большем территориальном распространении и приспособлении к своеобразным условиям разных частей ойкумены, то в эпоху верхнепалеолитической революции во многих регионах наблюдается переход от экстенсивного развития к интенсивному, состоящему в непрерывном нарастании разнообразия и сложности культурных явлений.

Главная слабость эколого-демографического объяснения перехода к верхнему палеолиту (присущая, впрочем, и всем другим объяснениям) заключается в том, что оно остается пока практически непроверяемым. Причина тому — не только невозможность точных реконструкций численности и плотности доисторического населения, не только недостаточность и слабая изученность соответствующих археологических материалов, но и отсутствие сколько-нибудь удовлетворительного понимания того, как именно наблюдаемые изменения каменных и костяных изделий были связаны с изменениями в характере охоты, собирательства, стратегий жизнеобеспечения в целом. В чем вообще состояла предполагаемая интенсификация хозяйственной деятельности? Почему она потребовала смены орудийного набора и внедрения новых технологий? Какие преимущества давали последние их обладателям? Пока попытки углубленного рассмотрения этих вопросов предпринимались нечасто (Orquera 1984), хотя именно в этой области, вероятно, лежит ключ к решению всей проблемы.

Заключение

1. Имеющиеся данные не позволяют говорить о каких-то долгосрочных поступательных тенденциях в развитии индустрий среднего палеолита. Если в культуре этой эпохи и происходило некое подспудное движение к верхнему палеолиту, то в изменчивости каменного и костяного инвентаря это никак не проявилось. На протяжении сотен тысяч лет изменения палеолитических индустрий носили колебательный, «рекурсивный» характер. С началом же перехода к верхнему палеолиту вектор культурной динамики во времени резко изменился и приобрел четко выраженную направленность, которую с той поры уже не утрачивал. Именно это, т. е. радикальный перелом в характере культурной динамики, а не скорость, масштаб или содержание инноваций и позволяет определять рассматриваемый процесс как «верхнепалеолитическую революцию».

2. Применительно к начальному периоду верхнепалеолитической революции полицентристский сценарий кажется более правдоподобным, чем моноцентристский. Индустрии первой стадии перехода (группы I и II) появляются примерно в одно и то же время, причем происходит это в таких удаленных друг от друга регионах и дает такие взаимонеподобные результаты, что сомневаться в их независимом генезисе вряд ли приходится. Не приходится сомневаться и в том, что к некоторым из этих индустрий люди современного физического типа не имели никакого отношения и что, по крайней мере, в Западной и Центральной Европе «первые шаги» перехода делали неандертальцы. Возможно, то же самое имело место и на Ближнем Востоке, и в Южной Сибири.

3. Появление шательперрона, нерона, улущо, линкомба-раниса-ежмановице и селета не было следствием аккумулярации неандертальцев Западной и Центральной Европы колонизировавшими эти регионы *Homo sapiens*. Об этом свидетельствует и абсолютная, и, в еще большей степени, относительная хронология (стратиграфия) соответствующих памятников, и, наконец, отсутствие в перечисленных индустриях признаков каких бы то ни было заимствований из «репертуара» ориньяка. Культурные контакты и взаимовлияния, безусловно, имели место, особенно (но не только) на второй стадии процесса перехода. Однако, как ни странно, в качестве археологических примеров таковых пока можно привести лишь несколько случаев возможного восприятия анатомически современными людьми неандертальских традиций (позднее левантийское мустье — эмиран — ахмар; микок — стрелецкая культура; микок — линкомб/ранис — мезер), а не наоборот. Может быть, в конце концов, преимущество *Homo sapiens* перед их конкурентами как раз и состояло в том, что они были более

открыты в культурном плане и не гнушались перенимать то полезное, что видели у других?

4. Большинство предлагавшихся объяснений верхнепалеолитической революции либо находятся в явном противоречии с фактами, либо не дают ответа на вопрос о конечных причинах рассматриваемого события и механизме процесса перемен. Положительным исключением в обоих отношениях кажется эколого-демографическая гипотеза, которая, кроме того, позволяет понять и одновременность начала перехода в никак между собой не связанных районах палеолитической ойкумены. Хотя эта гипотеза — как, впрочем, и все остальные — нуждается в гораздо более солидном обосновании, чем может быть сейчас предложено, она, по крайней мере, лишена очевидных внутренних противоречий, хорошо согласуется с имеющимися археологическими и антропологическими данными и потому выглядит наиболее перспективной.

5. Имеются как прямые, так и косвенные свидетельства значительного роста численности человеческих популяций в период, непосредственно предшествующий верхнепалеолитической революции. На это согласно указывают данные таких разных наук, как генетика, палеозоология и археология. Кроме того, обращает на себя внимание тот несомненный факт, что область распространения раннего верхнего палеолита почти в точности совпадает с ареалом неандертальцев, а в тех регионах, где в позднем плейстоцене неандертальцев не было, верхнего палеолита либо нет вообще (Восточная и Юго-Восточная Азия, Австралия), либо он представлен только поздними памятниками (Индостан, большая часть Северной Азии). Это дает основания предполагать наличие причинно-следственной связи между демографической ситуацией, сложившейся к середине верхнего плейстоцена, и интенсификацией культурного развития, фиксируемой археологами как переход к верхнему палеолиту. Радикальные изменения в обработке камня, кости, в символизме и других сферах культуры, начавшиеся в ряде районов Африки, Европы и Азии 45 ± 5 тлн, могли быть вызваны возрастанием конкуренции за ресурсы в условиях, когда разрешение кризисных ситуаций за счет оттока избыточного населения на свободные территории становилось все более проблематичным. Системы жизнеобеспечения, а вместе с ними и основные технологии по необходимости должны были подвергнуться в этом случае существенному обновлению, что и отразилось в археологических материалах, относящихся к рассматриваемому периоду.

6. Переход к верхнему палеолиту можно, видимо, рассматривать как завершение фазы экстенсивного развития культуры и начало фазы развития интенсивного. Наиболее существенным отличием верхнепалеолитической культуры от культуры всего предшествующего периода являются не столько какие-то конкретные инновации, сколько ее динамизм в целом. Если в нижнем и среднем палеолите развитие культуры носило, главным образом, экстенсивный характер, выражаясь, прежде всего, в ее территориальном распространении и приспособлении к своеобразным условиям разных частей ойкумены, то в эпоху верхнепалеолитической революции во многих регионах наблюдается переход от экстенсивного развития к интенсивному, состоящему в непрерывном нарастании разнообразия и сложности культурных явлений.

Литература

- Акира С.* 2006. Каменные топоры со шлифованным лезвием в позднем палеолите Японии // АЭАЕ. № 4. С. 58–62.
- Алексеев В. П.* 1987. К обоснованию положения черепов из пещеры Джебел Кафзех в системе гоминид // ВА. Вып. 78. С. 6–13.
- Амирханов Х. А.* 1991. Палеолит Юга Аравии. М.: Наука.
- Амирханов Х. А.* 2006. Каменный век Южной Аравии. М.: Наука.
- Аникович М. В.* 1993. О значении Костенковско-Борщевского района в современном палеолитоведении // ПАВ. № 3. С. 3–19.
- Аникович М. В.* 1999. О миграциях в палеолите // SP. № 1. С. 72–82.
- Аникович М. В.* 2000. Начальная стадия верхнего палеолита Восточной Европы // SP. № 1. С. 11–30.
- Аникович М. В.* 2001–2002. Происхождение костенковско-стрелецкой культуры и проблема поиска культурно-генетических связей между средним и верхним палеолитом // SP. № 1. С. 266–290.
- Аникович М. В.* 2003. Ранняя пора верхнего палеолита Восточной Европы // АЭАЕ. № 2. С. 15–29.
- Аникович М. В.* 2005. О хронологии палеолита костенковско-борщевского района // АЭАЕ. № 3. С. 70–86.
- Аникович М. В.* 2005а. Сунгирь в культурно-историческом контексте и проблема становления современного человечества // АЭАЕ. № 2. С. 37–47.
- Аникович М. В., Бредли Б. А., Гиря Е. Ю.* 1998. Технологический анализ стрелецких треугольных наконечников // АВ. № 5. С. 42–54.
- Аникович М. В., Дж. Ф. Хоффекер, В. В. Попов, И. Е. Кузьмина, Г. М. Левковская, Г. А. Поспелова, Ст. Форман, В. Т. Холлидэй.* 2004. Новые данные о многослойной стоянке Костенки 12 (Волковская) // М. В. Аникович, Н. И. Платонова (ред.). Костенки и ранняя пора верхнего палеолита Евразии: Общее и локальное. Воронеж. С. 18–38.
- Анисюткин Н. К.* 2002. К проблеме перехода от среднего палеолита к верхнему // АЭАЕ. № 1. С. 43–46.
- Анисюткин Н. К.* 2005. Техника первичного расщепления камня на палеолитической стоянке Стинка-1 и проблема перехода от среднего палеолита к верхнему на юго-западе Восточной Европы // АА. № 16. С. 131–160.
- Анисюткин Н. К.* 2005а. Палеолитическая стоянка Стинка 1 и проблема перехода от среднего палеолита к верхнему на юго-западе Восточной Европы. СПб.: ИИМК РАН.
- Бозински Г.* 2006. Переход от среднего к верхнему палеолиту на западе Центральной Европы // II Северный археологический конгресс. Доклады. Екатеринбург, Ханты-Мансийск: «Чароид». С. 30–48.

- Борисковский П. И.* 1963. Очерки по палеолиту бассейна Дона. Малоизученные поселения древнего каменного века в Костенках (МИА. № 121).
- Борисковский П. И., Праслов Н. Д., Аникович М. В.* 1982. Костенки 17 (Спицынская стоянка) // Н. Д. Праслов, А. Н. Рогачев (ред). Палеолит Костенковско-Борщевского района на Дону. 1879–1979. Л.: Наука. С. 181–186.
- Борисковский П. И.* 1971. Древний каменный век Южной и Юго-Восточной Азии. Л.: Наука.
- Валох К.* 1969. Начало верхнего палеолита в Средней Европе // БКИЧП. № 36. С. 63–74.
- Ван Нотен Ф.* 1988. Каменный век на севере и на востоке // Археология Центральной Африки. М. (пер. с англ.). С. 28–52.
- Васильев С. А.* 2000. Проблема перехода от среднего к верхнему палеолиту в Сибири // SP. № 1. С. 178–210.
- Виноградов А. В.* Загадочный Кара-Камар // А. П. Деревянко, Т. И. Нохрина (ред). Археология и палеоэкология Евразии. Новосибирск: Институт археологии и этнографии СО РАН. С. 58–79.
- Виньяцкий Л. Б.* 1993. «Забегание вперед» в развитии палеолитических индустрий: явление и его интерпретация // ПАВ. № 4. С. 7–16.
- Виньяцкий Л. Б.* 1996. Палеолит Средней Азии и Казахстана. СПб: Европейский дом.
- Виньяцкий Л. Б.* 1998. Преориньяк и внутрибрудийский эпизод // Палеоэкология и культуры каменного века Северной Азии и сопредельных территорий. Новосибирск. Т. 2. С. 401–412.
- Виньяцкий Л. Б.* 2000. «Верхнепалеолитическая революция»: география, хронология, причины // SP. № 1. С. 245–271.
- Виньяцкий Л. Б.* 2002. Опыт ранжирования переходных и ранних верхнепалеолитических индустрий: предварительные результаты // Верхний палеолит — верхний плейстоцен: динамика природных событий и периодизация археологических культур. СПб.: ИИМК РАН. С. 42–45.
- Виньяцкий Л. Б.* 2002а. Происхождение языка: современное состояние проблемы (взгляд археолога) // Вопросы языкознания. № 2. С. 48–63.
- Виньяцкий Л. Б.* 2002б. О движущих силах развития культуры в преистории // Восток (Oriens). № 2. С. 19–39.
- Виньяцкий Л. Б.* 2004. Опыт эволюционного ранжирования индустрий конца среднего и ранней поры верхнего палеолита // АЭАЕ. № 3. С. 41–50.
- Виньяцкий Л. Б.* 2007. О возможных случаях культурной преемственности между *Homo neanderthalensis* и *Homo sapiens* // Записки ИИМК. № 2. С. 166–181.
- Виньяцкий Л. Б., П. Е. Нехорошев.* 2001. Рубеж среднего и верхнего палеолита на Русской равнине (в свете результатов изучения стоянки Шлях в Волгоградской области) // НАВ. Вып. 4. С. 8–24.
- Герник В. В., Е. Г. Гуськова.* 2002. Палеомагнитные характеристики отложений разреза ст. Костенки 14 (Маркина гора) // А. А. Синицын, В. Я. Сергин, Дж. Ф. Хоффекер (ред). Особенности развития верхнего палеолита Восточной Европы. СПб.: ИИМК РАН. С. 247–249.
- Голованова Л. В.* Рубеж среднего и позднего палеолита на Северном Кавказе // SP. № 1. С. 158–177.
- Гладилин В. Н., Ю. Э. Демиденко.* 1989. К происхождению костенковско-стрелецкой культуры: Европа или Азия? // Четвертичный период. Палеонтология и археология. Кишинев. С. 187–194.
- Гланц М., Б. Виола, Т. Чижикова.* 2004. Новые останки гоминидов из грота Оби-Рахмат // А. П. Деревянко (ред). Грот Оби-Рахмат. Новосибирск: Институт археологии и этнографии СО РАН. С. 77–92.
- Голованова Л. В., Д. Ф. Хоффекер, В. М. Харитонов, Г. П. Романова.* 1998. Мезмайская пещера (результаты предварительного изучения 1987–1995 гг.) // РА. № 3. С. 85–97.

- Григорьев Г. П. 1968. Начало верхнего палеолита и происхождение Homo sapiens. Л.: Наука.
- Григорьев Г. П. 1977. Палеолит Африки // П.И.Борисковский (ред.). Палеолит мира. Т. 1. Л.: Наука. С. 45–193.
- Григорьева Г. В. 1983. Позднепалеолитические памятники с геометрическими микролитами на Русской равнине // КСИА. № 183. С. 55–61.
- Демиденко Ю. Э. 2000. «Крымская загадка» — среднепалеолитические изделия в раннем ориньяке типа Кремс-Дюфур Сюрени 1: альтернативные гипотезы для решения проблемы // SP. № 1. С. 97–124.
- Демиденко Ю. Э. 2003. Ориньяк Западной и Центральной Европы: систематизация данных и парадигмы интерпретаций // КДУ. Вип. 4. С. 150–175.
- Деревянко А. П., Е. П. Рыбин. 2003. Древнейшее проявление символической деятельности палеолитического человека на Горном Алтае // АЭАЕ. 2003. № 3. С. 27–50.
- Деревянко А. П., М. В. Шуньков. 2004. Становление верхнепалеолитических традиций на Алтае // АЭАЕ. № 3. С. 12–40.
- Деревянко А. П., М. В. Шуньков. 2006. Археологическая характеристика ранних верхнепалеолитических комплексов Алтая // А. П. Деревянко, В. И. Молодин (ред). Современные проблемы археологии России. Т. 1. Новосибирск: Институт археологии и этнографии СО РАН. С. 110–113.
- Деревянко А. П., В. Т. Петрин, Е. П. Рыбин, Л. М. Чевалков. 1998. Палеолитические комплексы стратифицированной части стоянки Кара-Бом. Новосибирск: Институт археологии и этнографии СО РАН.
- Деревянко А. П., А. И. Кривошапкин, А. А. Анойкин, У. И. Исламов, В. Т. Петрин, Б. К. Сайфуллаев, Р. Х. Сулейманов. 2001. Ранний верхний палеолит Узбекистана: индустрия грота Оби-Рахмат (по материалам слоев 2–14) // АЭАЕ. № 4. С. 42–63.
- Деревянко А. П., М. В. Шуньков, А. К. Агаджанян, Г. Ф. Барышников, Е. М. Малаева, В. А. Ульянов, Н. А. Кулик, А. В. Постнов, А. А. Анойкин. 2003. Природная среда и человек в палеолите Горного Алтая. Условия обитания в окрестностях Денисовой пещеры. Новосибирск: Институт археологии и этнографии СО РАН.
- Дробышевский С. В. 2006. Предшественники. Предки? Часть V: Палеоантропы. М.: КомКнига.
- Ефименко П. П. 1953. Первобытное общество. Киев: Издательство АН УССР.
- Захариков А. П. 1999. Индустрии с бифасами и переход от мустье к позднему палеолиту в Европе // АА. № 8. С. 197–206.
- Кoen В., В. Степанчук. 2000. Варибельность перехода от среднего к верхнему палеолиту. Новые данные из Восточной Европы // SP. № 1. С. 31–53.
- Козловский Я. К. 2005. Значение переходных индустрий, являющихся производными леваллуа, для начала верхнего палеолита в Западной Евразии // А. П. Деревянко, М. В. Шуньков (ред). Актуальные вопросы евразийского палеолитоведения. Новосибирск: Институт археологии и этнографии СО РАН. С. 98–114.
- Козинцев А. Г. 1994. Связи между коллективами позднеплейстоценовых гоминид: полицентризм и моноцентризм на современном этапе // Д. Г. Савинов (ред). Культурные трансляции и исторический процесс (палеолит — средневековье). СПб.: СПбГУ. С. 8–19.
- Козинцев А. Г. 2003. От среднего палеолита к верхнему: адаптация и ассимиляция (сунгирская проблема на новом этапе изучения) // АЭАЕ. № 1. С. 58–64.
- Козинцев А. Г. 2004. Сунгирь: старый спор, новые аргументы // АЭАЕ. № 1. С. 19–27.
- Константинов М. В. 1994. Каменный век восточного региона Байкальской Азии. Улан-Удэ, Чита.
- Коробков И. И. 1978. Палеолит Восточного Средиземноморья // П. И. Борисковский (ред). Палеолит Ближнего и Среднего Востока. Л.: Наука. С. 7–185.
- Лбова Л. В. 2000. Палеолит северной зоны Западного Забайкалья. Улан-Удэ: БНЦ СО РАН.

- Лбова Л. В., И. Н. Резанов, Н. П. Калмыков, В. Л. Коломиец, М. И. Дергачева, И. К. Феденева, Н. В. Вайшукевич, П. В. Волков, В. В. Савинова, Б. А. Базаров, Д. В. Намсараев. 2003. Природная среда и человек в неоплейстоцене (Западное Забайкалье и Юго-Восточное Прибайкалье). Улан-Удэ: ВНИЦ СО РАН.
- Ли Хонджон. 2003. Переходный период от среднего к позднему палеолиту и традиция орудий на отщепеных на Корейском полуострове // АЭАЕ. № 1. С. 65–79.
- Любин В. П. 1989. Палеолит Кавказа // П.И. Борисковский (ред). Палеолит Кавказа и Северной Азии. Л.: Наука. С. 9–142.
- Маркс Э., К. Монигал. 2000. Конец среднего и начало верхнего палеолита в Крыму в свете материалов стоянки Буран-Кая III // SP. № 1. С. 84–96.
- Маркс Э., В. П. Чабай. 1998. Переход от среднего к позднему палеолиту в Крыму // Палеоэкология плейстоцена и культуры каменного века Северной Азии и сопредельных территорий. Т. 2. Новосибирск. С. 421–439.
- Матюхин А. Е. 1987. Палеолитическая мастерская Калитвенка 1 // КСИА. Вып. 189. С. 83–88.
- Матюхин А. Е. 2002. О ранней поре и генезисе позднего палеолита бассейна Нижнего Дона // А. А. Сеницын, В. Я. Сергин, Дж. Ф. Хоффекер (ред). Особенности развития верхнего палеолита Восточной Европы. СПб.: ИИМК РАН. С. 81–101.
- Матюхин А. Е. 2006. Многослойные палеолитические памятники в устье Северского Донца // М. В. Аникович (ред). Ранняя пора верхнего палеолита Евразии: Общее и локальное. СПб.: Нестор-История. С. 157–171.
- Мегнин Л., О. Бар-Йозеф. 2002. Каменные индустрии среднего и верхнего палеолита Леванта: последовательная или прерванная линия развития? // АЭАЕ. № 3. 12–21.
- Монигал К. 2001. Пластинчатые индустрии нижнего, среднего и начала верхнего палеолита в Леванте // АЭАЕ. № 1. С. 11–24.
- Несмеянов С. А. 1980. Геологическое строение Самаркандской верхнепалеолитической стоянки // В. Е. Ларичев (ред). Палеолит Средней и Восточной Азии. Новосибирск: Наука. С. 30–46.
- Нехорошев П. Е. 1993. Шлях — многослойный памятник каменного века (предварительное сообщение) // Древности Волго-Донских степей. Вып. 3. Волгоград. С. 84–95.
- Нехорошев П. Е. 1999. Технологический метод изучения первичного расщепления камня среднего палеолита. СПб.: Европейский Дом.
- Нехорошев П. Е., Л. Б. Вчишняцкий, Е. Г. Гуськова, Ю. Е. Мусатов, Т. В. Сапелко. 2003. Результаты естественно-научного изучения палеолитической стоянки Шлях // НАВ. Вып. 6. С. 9–25.
- Оппенгеймер С. 2004. Изгнание из Эдема. Хроники демографического взрыва. М.: Эксмо.
- Орлова Л. А., Я. В. Кузьмин, Л. В. Лбова. 2005. Радиоуглеродные даты памятников палеолита и мезолита Забайкалья и Монголии // Л. В. Лбова (ред). Палеолитические культуры Забайкалья и Монголии (новые памятники, методы, гипотезы). Новосибирск: Институт археологии и этнографии СО РАН. С. 88–92.
- Павлов П. Ю., А. В. Волокитин, Й.-И. Свендсен. 2001. Новые данные о стоянке Бызовая (северо-восток Европы) // А. П. Деревянко, Г. И. Медведев (ред.). Современные проблемы евразийского палеолитоведения. Новосибирск: Институт археологии и этнографии СО РАН. С. 301–307.
- Павлов П. Ю., Ю. Н. Грибченко, В. Робрукс, Й.-И. Свендсен. 2004. Ранняя пора верхнего палеолита на северо-востоке Европы // М. В. Аникович, Н. И. Платонова. Костенки и ранняя пора верхнего палеолита Евразии: Общее и локальное. Воронеж. С. 117–119.
- Павлов П. Ю., В. Робрукс, Й.-И. Свендсен. 2006. Средний палеолит и ранняя пора верхнего палеолита на северо-востоке Европы // II Северный археологический конгресс. Доклады. Екатеринбург, Ханты-Мансийск: «Чароид». С. 280–306.
- Питкулько В. В. 2006. Культурная хронология каменного века северо-востока Азии // II

- Северный археологический конгресс. Доклады. Екатеринбург, Ханты-Мансийск: «Чароид». С. 306–322.
- Питулько В. В.* 2006а. Палеолитическая Янская стоянка // А. П. Деревянко, В. И. Молодин (ред). Современные проблемы археологии России. Т. 1. Новосибирск: Институт археологии и этнографии СО РАН. С. 134–136.
- Поспелова Г. А., С. А. Лаутин, В. А. Ранов, В. К. Власов, В. А. Волгина, О. А. Куликов, О. В. Пилипенко, З. В. Шаронова.* 2005. Новые данные о хроностратиграфии верхней региональной погребенной почвы лессового разреза Хонако-3, Таджикистан // АЭАЕ. № 1. С. 21–39.
- Праслов Н. Д.* 1992. О керамике эпохи верхнего палеолита в Северной Евразии // АВ. Вып. 1. С. 28–39.
- Пясецкий В. К.* 1990. Геология мустьерского местонахождения Точильница // БКИЧП. № 59. С. 102–110.
- Пясецкий В. К.* 1992. Мустьерский культурный слой палеолитического местонахождения Жорнов 1 и некоторые вопросы стратиграфии палеолита // РА. № 3. С. 112–126.
- Ранов В. А., Амосова А. Г.* 1984. Раскопки мустьерской стоянки Худжи в 1978 г. // Археологические работы в Таджикистане. Вып. 18. С. 11–47.
- Ранов В. А., С. А. Лаутин.* 2000. Стоянка на пути миграции среднепалеолитического человека из Леванта в Сибирь // Природа. № 9. С. 52–60.
- Ринн П. Дж., Дж. Д. М. Вагнер, П. Дж. Патчетт, В. С. Славинский.* 2004. Радиоуглеродное и урановое датирование отложений грота Оби-Рахмат // А. П. Деревянко (ред). Грот Оби-Рахмат. Новосибирск: Институт археологии и этнографии СО РАН. 1С. 90–198.
- Рогачев А. Н.* 1955. Александровское поселение древнекаменного века у села Костенки на Дону (МИА. № 45).
- Рогачев А. Н.* 1957. Многослойные стоянки Костенковско-Борщевского района на Дону и проблема развития культуры в эпоху верхнего палеолита на Русской равнине // МИА. № 59. С. 9–134.
- Рогачев А. Н., М. В. Аникович.* 1982. Костенки 6 (Стрелецкая) // Н. Д. Праслов, А. Н. Рогачев (ред). Палеолит Костенковско-Борщевского района на Дону. 1879–1979. Л.: Наука. С. 88–91.
- Рогачев А. Н., М. В. Аникович.* 1984. Поздний палеолит Русской равнины и Крыма // П. И. Борисковский (ред). Палеолит СССР. М.: Наука. С. 162–271.
- Рогачев А. Н., Н. Д. Праслов, М. В. Аникович, В. И. Беллева, Т. Н. Дмитриева.* 1982. Костенки 1 (стоянка Полякова) // Н. Д. Праслов, А. Н. Рогачев (ред). Палеолит Костенковско-Борщевского района на Дону. 1879–1979. Л.: Наука. С. 42–66.
- Рыбин Е. П.* 2000. К вопросу о руководящих ископаемых в индустриальных комплексах ранней поры верхнего палеолита Горного Алтая // Палеогеография каменного века. Корреляция природных событий и археологических культур палеолита Северной Азии и сопредельных территорий. Красноярск: РИО КГПУ. С. 123–126.
- Рыбин Е. П.* 2003. О специфике переходных и ранневерхнепалеолитических индустрий Северной и Центральной Азии // Проблемы археологии и палеоэкологии Северной, Восточной и Центральной Азии. Новосибирск: Институт археологии и этнографии СО РАН. С. 199–202.
- Рыбин Е. П.* 2006. К вопросу о выделении локальных вариантов индустрий ранней поры верхнего палеолита Сибири // А. П. Деревянко, В. И. Молодин (ред). Современные проблемы археологии России. Т. 1. Новосибирск: Институт археологии и этнографии СО РАН. С. 140–142.
- Рыбин Е. П.* 2006а. Ранняя пора верхнего палеолита Южной Сибири: к проблеме соотношения верхнепалеолитической каменной технологии и среднепалеолитических традиций // М. В. Аникович (ред). Ранняя пора верхнего палеолита Евразии: Общее и локальное. СПб.: Нестор-История. С. 326–345.

- Савич В. П. 1987. Поздний палеолит Вольни // А. П. Черныш (ред.). Археология Прикарпатья, Вольни и Закарпатья (каменный век). Киев: Наукова думка. С. 43–58.
- Сарель Ж., А. Ронен, Э. Бойда. 2000. Есть ли «переходная индустрия» в северном Израиле // SP. № 1. С. 147–157.
- Сарель Ж. 2005. Переходные слои в пещере Ракефет (гора Кармел, Израиль): свидетельства культурной преемственности между средним и верхним палеолитом // АЭАЕ. № 3. С. 87–100.
- Семенов Ю. И. 1993. Экономическая этнология. Первобытное и раннее предклассовое общество. М.
- Синицын А. А. 2000. Нижние культурные слои Костенок 14 (Маркина Гора) в контексте проблематики раннего верхнего палеолита // SP. № 1. С. 125–146.
- Синицын А. А. 2002. Нижние культурные слои Костенок 14 (Маркина гора) (раскопки 1998–2001 гг.) // А. А. Синицын, В. Я. Сергин, Дж. Ф. Хоффекер (ред.). Особенности развития верхнего палеолита Восточной Европы. СПб.: ИИМК РАН. С. 219–236.
- Синицын А. А., Н. Д. Праслов, Ю. С. Свеженцев, Л. Д. Сулерджицкий. 1997. Радиоуглеродная хронология верхнего палеолита Восточной Европы // А. А. Синицын, Н. Д. Праслов (ред.). Радиоуглеродная хронология палеолита Восточной Европы и Северной Азии. Проблемы и перспективы. СПб.: ИИМК РАН. С. 21–66.
- Степанчук В. Н. 2003–2004. Стоянка Мира в Среднем Поднепровье: к вопросу о гомогенности палеолитических слоев // SP. № 1. С. 187–205.
- Степанчук В. Н. 2005. Вопросы перехода к верхнему палеолиту в свете новых данных по Крыму и югу Восточно-Европейской равнины // Аникович М. В. (ред.). Проблемы ранней поры верхнего палеолита Костенковско-Борщевского района и сопредельных территорий. СПб.: ИИМК РАН. С. 197–233.
- Степанчук В. Н., М. М. Ковалюх, Й. Ван дер Плихт. 2004. Радіовуглецевий вік пізньоплейстоценових палеолітичних стоянок Криму // КДУ. Вип. 5. С. 34–61.
- Сулейманов Р. Х. 1972. Статистическое изучение культуры грота Оби-Рахмат. Ташкент: Фан.
- Тарасов Л. М. 1989. Периодизация палеолита бассейна Верхней Десны // Четвертичный период. Палеонтология и археология. Кишинев: Штиинца. С. 166–175.
- Ташак В. И. 2002. Подзвонкая: палеолитические материалы нижнего комплекса (республика Бурятия) // Археология и культурная антропология Дальнего Востока и Центральной Азии. Владивосток: ДВО РАН. С. 25–33.
- Ташак В. И. 2003. Очаги палеолитического поселения Подзвонкая как источник по изучению духовной культуры древнего населения Забайкалья // АЭАЕ. № 3. С. 70–78.
- Ташак В. И. 2004. Археологические памятники среднего палеолита Западного Забайкалья // Известия лаборатории древних технологий ИрГТУ. Вып. 2. С. 103–113.
- Тостевин Г. 2000. Это случилось дважды: межрегиональная диффузия в Центральной Европе, Восточной Европе и Леванте в период от 60 до 30 тысяч лет назад // SP. № 1. С. 216–235.
- Усик В. І. 2003. Археологічні розкопки палеолітичних стоянок Сокирниця 1 і Шаян 1 у Закарпатті // КДУ. Вип. 2. С. 117–125.
- Усик В. І., Л. В. Кулаковська, К. Мончигал, Н. П. Герасименко, Ж. М. Матвійшина, О. М. Кононенко, М. М. Ковалюх. 2004. Верхній палеоліт Закарпаття // КДУ. Вип. 5. С. 99–114.
- Фридман Э. П. 1979. Приматы. М.: Наука.
- Харитонов В. М., В. А. Бацевич. 1997. Находки ископаемых гоминид на территории Восточной Европы и сопредельных регионов Азии // ВА. № 3. С. 48–72.
- Чабай В. П. 2004. Средний палеолит Крыма. Киев: Шлях.
- Чабай В. П., Э. Э. Маркс, М. Отт. 1998. Вариабельность среднего и ранней поры позднего палеолита в Крыму // Археология. № 4. С. 19–47.
- Шпакова Е. Г. 2001. Одонтологические материалы периода палеолита на территории Сибири // АЭАЕ. № 1. С. 125–138.

- Adams B.* 1998. The Middle to Upper Palaeolithic Transition in Central Europe. The Record from the Bükk Mountain Region. Oxford: BAR International Series 693.
- Adams B.* 2000. Archaeological investigations at two open-air sites in the Bükk mountain region of northeast Hungary // *J. Orschiedt, G.-C. Weniger (eds). Neanderthals and Modern Humans – Discussing the Transition. Central and Eastern Europe from 50.000–30.000 B.P.* Mettmann: Neanderthal Museum. P. 69–182.
- Adams B., A. Ringer.* 2004. New C14 dates for the Hungarian Early Upper Palaeolithic // *Can. Vol. 45. N 4. P. 541–551.*
- Adler D. S., G. Bar-Oz, A. Belfer-Cohen, O. Bar-Yosef.* 2006. Ahead of the Game Middle and Upper Palaeolithic Hunting Behaviors in the Southern Caucasus // *Can. Vol. 47. N 1. P. 89–118.*
- Ahern J. C. M., I. Karavanić, M. Paunović, I. Janković, F. H. Smith.* 2004. New discoveries and interpretations of hominid fossils and artifacts from Vindija Cave, Croatia // *JHE. Vol. 46. N 1. P. 25–65.*
- Allard M.* 1978. Le gisement aurignacien de Gohaud a Saint-Michel-Chef-Chef (Loire-Atlantique) // *Gallia Préhistoire. T. 21. F. 1. P. 1–42.*
- Allen J., F. O’Connell.* 2003. The long and the short of it: Archaeological approaches to determining when humans first colonised Australia and New Guinea // *Australian Archaeology. N 57. P. 5–19.*
- Allsworth-Jones P.* 1986. The Szeletian and the Transition from Middle to Upper Palaeolithic in Central Europe. Oxford: Oxford University Press.
- Allsworth-Jones P.* 1990. The Szeletian and the stratigraphic succession in Central Europe and adjacent areas: main trends, recent results, and problems for resolution // *P. Mellars (ed). The Emergence of Modern Humans. Ithica: Cornell University Press. P. 160–242.*
- Allsworth-Jones P.* 2004. The Szeletian revisited // *Anthropologie. Vol. 42. N 3. P. 281–296.*
- Ambrose S. H.* 1998. Chronology of the Later Stone Age and food production in East Africa // *JAS. Vol. 25. N 4. P. 377–392.*
- Ambrose S. H.* 1998a. Late Pleistocene human population bottlenecks, volcanic winter, and differentiation of modern humans // *JHE. Vol. 34. N 6. P. 623–651.*
- Ambrose S. H.* 2002. Small things remembered: Origins of early microlithic industries in Sub-Saharan Africa // *S. L. Kuhn, R. G. Elston (eds). Thinking Small: Global Perspectives on Microlithization (Archeological Papers of the American Anthropological Association 12).* P. 9–29.
- Ambrose S. H.* 2003. Did the super-eruption of Toba cause a human population bottleneck? Reply to Gathorne-Hardy and Harcourt-Smith // *JHE. Vol. 45. N 2. P. 231–237.*
- Ameloot-van der Heijden N.* 1993. L’industrie laminaire du niveau CA // *A. Tuffreau (dir). Rencourt-les-Bapaume (Pas-de-Calais): un gisement du Paléolithique moyen. (Documents d’archéologie française 37).* P. 26–52.
- Ameloot-van der Heijden N.* 1993a. Principales caractéristiques de l’industrie lithique du niveau C // *A. Tuffreau (dir). Rencourt-les-Bapaume (Pas-de-Calais): un gisement du Paléolithique moyen. (Documents d’archéologie française 37).* P. 62–68.
- D’Amore G., E. Pacciani, P. Frederic, V. Caramella Crespi.* 2007. Unusual morphological features in a presumably Neolithic individual from Riparo della Rossa, Serra San Quirico (Ancona, Italy) // *JCHB. Vol. 58. N 1. P. 13–32.*
- Anikovich M. V.* 1999. The formation of Upper Paleolithic cultures and anatomically modern humans: the east European perspective // *Anthropologie. Vol. 37. N 2. P. 115–123.*
- Antón S. C., S. Márquez, Mowbray K.* 2002. Sambungmacan 3 and cranial variation in Asian *Homo erectus* // *JHE. Vol. 43. N 4. P. 555–562.*
- Arensburg B.* 2002. Human remains from Geula Cave, Haifa // *BMSAP. T. 14. № 1–2. P. 141–148.*

- Arzburg B., A. Belfer-Cohen.* 1998. Sapiens and Neandertals. Rethinking the Levantine Middle Paleolithic hominids // T. Akazawa, K. Aoki, O. Bar-Yosef (eds). Neandertals and Modern Humans in Western Asia. New York: Plenum Press. P. 311–322.
- Argue D., D. Donlon, C. Groves, R. Wright.* 2006. Homo floresiensis: Microcephalic, pygmoid, Australopithecus, or Homo? // JHE. Vol. 51. N4. P. 360–374.
- Arrizabalaga A., J. Altuna, P. Areso et al.* 2003. The Initial Upper Paleolithic in Northern Iberia: new evidence from Labeko Koba // CAn. Vol. 44. N3. P. 413–421.
- Arsuaga J. L., A. Gracia, T. Martinez, C. Lorenzo.* 1996. The Sima de los Huesos (Sierra de Atapuerca, Spain) cranial evidence and the origin of Neandertals // E. Carbonell, M. Vaquero (eds). The Last Neandertals, the First Anatomically Modern Humans. Barcelona. P. 39–49.
- Azoury I.* 1986. A Technological and Typological Analysis of the Transitional and Early Upper Palaeolithic Levels of Kzar Akil and Abu Halka. Oxford: BAR International Series 289.
- Bailey S. E., J.-J. Hublin.* 2005. Who made the Early Aurignacian? A reconsideration of the Brassempouy dental remains // BMSAP. T. 17. N1–2. P. 115–121.
- Bailey S. E., J.-J. Hublin.* 2006. Dental remains from the Grotte du Renne at Arcy-sur-Cure (Yonne) // JHE. Vol. 50. N5. P. 485–594.
- Barham L. S.* 2002. Backed tools in Middle Pleistocene central Africa and their evolutionary significance // JHE. Vol. 43. N6. P. 585–603.
- Barham L. S., A. C. Pinto Llona, C. B. Stringer.* 2002. Bone tools from Broken Hill (Kabwe) cave, Zambia, and their evolutionary significance // Before Farming. Vol. 2. N3.
- Barkai R., A. Gopher, S. E. Lauritzen, A. Frumkin.* 2003. Uranium series dates from Qesem Cave, Israel, and the end of the Lower Palaeolithic // Nature. Vol. 423. P. 977–979.
- Barker G.* 2002. Prehistoric foragers and farmers in South-east Asia: Renewed investigations at Niah Cave, Sarawak // PPS. Vol. 68. P. 147–164.
- Barker G., H. Barton, M. Bird, P. Daly, I. Datan, A. Dykes, L. Farr, D. Gilbertson, B. Harrison, C. Hunt, T. Higham, L. Kealhofer, J. Krigbaum, H. Lewis, S. McLaren, V. Pazz, A. Pike, P. Piper, B. Pyatt, R. Rabett, T. Reynolds, J. ose, G. Rushworth, M. Stephens, C. Stringer, J. Thompson, C. Turney.* 2007. The ‘human revolution’ in lowland tropical Southeast Asia: the antiquity and behavior of anatomically modern humans at Niah Cave (Sarawak, Borneo) // JHE. Vol. 52. N3. P. 243–261.
- Bartolomei G., A. Broglio, P. F. Cassoli, L. Castelletti, L. Cattani, M. Cremaschi, G. Giacobini, G. Malerba, A. Maspero, M. Peresani, A. Sartorelli, A. Tagliacozzo.* 1992. La Grotte de Fumane. Un site aurignacien au pied des Alpes // Preistoria Alpina. Vol. 28. P. 131–179.
- Bar-Yosef O.* 1994. The contribution of southwest Asia to the study of the origin of modern humans // M. H. Nitecki, D. V. Nitecki (eds). Origins of Anatomically Modern Humans. New York: Plenum Press. P. 23–66.
- Bar-Yosef O.* 1994a. The Lower Paleolithic of the Near East // JWP. Vol. 8. N3. P. 211–265.
- Bar-Yosef O.* 2000. The impact of radiocarbon dating on old world archaeology: past achievements and future expectations // Radiocarbon. Vol. 42. N1. P. 23–39.
- Bar-Yosef O.* 2000a. A Mediterranean Perspective on the Middle Upper Paleolithic Revolution // C. B. Stringer, R. N. E. Barton, J. C. Finlayson (eds). Neanderthals on the Edge. Oxford: Oxbow Books. P. 9–18.
- Bar-Yosef O.* 2000b. The Middle and Early Upper Paleolithic in Southwest Asia and neighboring regions // O. Bar-Yosef, D. Pilbeam (eds). The Geography of Neandertals and Modern Humans in Europe and the Greater Mediterranean. Cambridge: Harvard University Press. P. 107–156, 189–197 (Appendix).
- Bar-Yosef O.* 2001. Dating the transition from the Middle to the Upper Paleolithic // J.-N. Barandon, P. Guibert, V. Michel (dir.). Datation. Antibes: Editions APDCA. P. 279–293.
- Bar-Yosef O.* 2002. The Upper Paleolithic revolution // ARA. Vol. 31. P. 363–393.
- Bar-Yosef O.* 2003. Away from home: prehistoric colonizations, exchanges and diffusions in the Mediterranean basin // B. Vandermeersch (ed). Echanges et diffusion dans la Préhistoire

- méditerranéenne. Paris: Editions du Comitt? des travaux historiques et scientifiques. P. 71–81.
- Bar-Yosef O., A. Belfer.* 1977. The Lagaman industry // O. Bar-Yosef, J. L. Phillips (eds). Prehistoric Investigations in Gebel Maghara, Northern Sinai. Jerusalem: The Hebrew University. P. 42–84.
- Bar-Yosef O., A. Belfer-Cohen.* 1996. Another look at the Levantine Aurignacian // XIII International Congress of Prehistoric and Protohistoric Sciences. Colloquium XI. The Late Aurignacian. Forli. P. 139–150.
- Bar-Yosef O., J. Callander.* 1999. The woman from Tabun: Garrod's doubts in historical perspective // JHE. Vol. 37. N 6. P. 879–885.
- Bar-Yosef O., S. L. Kuhn.* 1999. The big deal about blades: laminar technologies and human evolution // American Anthropologist. Vol. 101. N 2. P. 322–338.
- Bar-Yosef O., M. Arnold, N. Mercier, A. Belfer-Cohen, P. Goldberg, R. Housley, H. Laville, L. Meignen, J. C. Vogel, B. Vandermeersch.* 1996. The dating of the Upper Palaeolithic layers in Kebara Cave, Mt. Carmel // JAS. Vol. 23. N 3. P. 297–306.
- Bar-Yosef O., A. Belfer-Cohen, D. S. Adler.* 2006. The implications of the Middle-Upper Paleolithic chronological boundary in the Caucasus to Eurasian prehistory // Anthropologie. Vol. 44. N 1. P. 49–60.
- Basile F.* 2006. Le premier Aurignacien en France méditerranéenne. Un bilan // Espacio, tiempo y forma. Prehistoria y Arqueología. I/15. P. 215–236.
- Baumler M. F., J. D. Speth.* 1993. A Middle Paleolithic assemblage from Kunji Cave, Iran // D. I. Olszewski, H. L. Dibble (eds). The Paleolithic Prehistory of the Zagros-Taurus. Philadelphia: The University Museum, University of Pennsylvania. P. 1–73.
- Beaumont P. B., J. C. Vogel.* 2006. On a timescale for the past million years of human history in central South Africa // SAJS. Vol. 102. N 3. P. 117–228.
- Beaumont P. B., H. de Villiers, C. Vogel.* 1978. Modern man in Sub-Saharan Africa prior to 49000 years B.P.: A review and evaluation with particular reference to Border cave // SAJS. Vol. 74. P. 409–419.
- Beauval C., B. Maureille, F. Lacrampe-Cuyaubère, D. Serre, D. Peressinotto, J.-G. Bordes, D. Cochard, I. Couchoud, D. Dubrasquet, V. Laroulandie, A. Lenoble, J.-B. Mallye, S. Pasty, J. Primault, N. Rohland, S. Pääbo, E. Trinkaus.* 2005. A late Neandertal femur from Les Rochers-de-Villeneuve, France // PNAS. Vol. 102. N 20. P. 7085–7090.
- Beauval C., F. Lacrampe-Cuyaubère, B. Maureille, E. Trinkaus.* 2006. Direct radiocarbon dating and stable isotopes of the Neandertal femur from Les Rochers-de-Villeneuve (Lussac-les-Châteaux, Vienne) // BMSAP. T. 18. N° 1–2. P. 35–42.
- Beck J. W., D. A. Richards, R. L. Edwards, B. W. Silverman, P. L. Smart, D. J. Donahue, S. Hererra-Osterheld, G. S. Burr, L. Calsoyas, A. J. T. Jull, D. Biddulph.* 2001. Extremely large variations of atmospheric ¹⁴C concentration during the Last Glacial Period // Science. Vol. 292. P. 2453–2458.
- Bednarick R. G.* 1995. Contexte eurasién de l'art paléolithique chinois // L'Anthropologie. T. 99. N° 2–3. P. 459–466.
- Belfer-Cohen A., O. Bar-Yosef.* 1981. The Aurignacian at Hayonim Cave // Paléorient. Vol. 7. N 2. P. 19–42.
- Belfer-Cohen A., O. Bar-Yosef.* 1999. The Levantine Aurignacian: 60 years of research // W. Dawies, R. Charles (eds). Dorothy Garrod and the Progress of the Palaeolithic. Studies in the Prehistoric Archaeology of the Near East and Europe. Oxford: Oxbow Books. P. 118–134.
- Belfer-Cohen A., N. Goring-Morris.* 2002. Why Microliths? Microlithization in the Levant // S. L. Kuhn, R. G. Elston (eds). Thinking Small: Global Perspectives on Microlithization (Archeological Papers of the American Anthropological Association 12). P. 57–68.
- Benini A., P. Boscato, P. Gambassini.* 1997. Grotta della Cala (Salerno): industrie litiche e faune uluzziane ed aurignaziane // Rivista di scienze preistoriche. Vol. 48. P. 37–95.

- Bergman C. A., C. B. Stringer.* 1989. Fifty years after: Egbert, an Early Upper Paleolithic juvenile from Ksar Akil, Lebanon // *Paléorient*. Vol. 15. N 2. P. 99–111.
- Bietti A.* 1997. The transition to anatomically modern humans: the case of Peninsular Italy // G. A. Clark, C. M. Willermet (eds). *Conceptual Issues in Modern Human Origins Research*. New York: Aldine de Gruyter. P. 132–147.
- Binford S. R.* 1966. Me'arat Shovakh (Mugharet esh-Shubbabiq) // *Israel Exploration Journal*. Vol. 16. N1. P. 18–32.
- Bird M. I., L. K. Fifield, G. M. Santos, P. B. Beaumont, Y. Zhou, M. L. di Tada, P. A. Hausladen.* 2003. Radiocarbon dating from 40 to 60 ka BP at Border Cave, South Africa // *QSR*. Vol. 22. N8–9. P. 943–947.
- Bischoff J. L., D. D. Shamp, A. Aramburu, J. L. Arsuaga, E. Carbonell, J. M. Bermudez de Castro.* 2003. The Sima de los Huesos hominids date to beyond U/Th Equilibrium (> 350 kyr) and perhaps to 400–500 kyr: New radiometric dates // *JAS*. Vol. 30. N 3. P. 275–280.
- Bischoff J. L., R. W. Williams, R. J. Rosenbauer, A. Aramburu, J. L. Arsuaga, N. García, G. Cuenca-Bescós.* 2007. High-resolution U-series dates from the Sima de los Huesos hominids yields 600+?, -66 kyrs: implications for the evolution of the early Neanderthal lineage // *JAS*. Vol. 34. N 5. P. 763–770.
- Bluszcz A., J. Kozłowski, E. Foltyn.* 1994. New sequence of EUP leaf point industries in Southern Poland // *PE*. Vol. 6. P. 197–222.
- Boëda E., S. Bonilauri.* 2006. The Intermediate Paleolithic: the first bladelet production 40,000 years ago // *Anthropologie*. Vol. 44. N1. P. 75–92.
- Bolus M.* 2003. The cultural context of the Aurignacian of the Swabian Jura // J. Zilhão, F. d'Errico (eds). *The Chronology of the Aurignacian and of the Transitional Technocomplexes. Dating, Stratigraphies, Cultural Implications*. Lisboa: Instituto Português de Arqueologia (TA 33). P. 153–163.
- Bolus M., N. J. Conard.* 2001. The late Middle Paleolithic and earliest Upper Paleolithic in Central Europe and their relevance for the Out of Africa hypothesis // *QI*. Vol. 75. P. 29–40.
- Bordes F.* 1968. *The Old Stone Age*. New York: McGrawHill.
- Bordes F.* 1972. Du Paléolithique moyen au Paléolithique supérieur, continuité ou discontinuité? // F. Bordes (ed). *The Origin of Homo sapiens*. Paris: UNESCO. P. 211–218.
- Bordes F.* 1976–1977. Moustérien et Atérien // *Quaternaria*. T. XIX. P. 19–33.
- Bordes J.-G.* 2003. Lithic taphonomy of the Châtelperronian/Aurignacian interstratifications in Roc de Combe and Le Piage (Lot, France) // J. Zilhão, F. d'Errico (eds). *The Chronology of the Aurignacian and of the Transitional Technocomplexes. Dating, Stratigraphies, Cultural Implications*. Lisboa: Instituto Português de Arqueologia (TA 33). P. 223–244.
- Bourguignon L.* 1998. Les industries du Paleolithique intermediaire d'Umm el Tlel: Nouveaux elements pour les passage entre Paleolithique moyen et superieur // M. Otte (dir.). *Préhistoire d'Anatolie, Genese de deux mondes*. Liege (ERAUL 85). P. 709–730.
- Bouzougar A.* 1997. Économie des matières premières et du débitage dans la séquence atérienne de la grotte d'el Mnasra I // *PAM*. T. 6. P. 35–51.
- Bouzougar A., J. K. Kozłowski, M. Otte.* 2002. Étude des ensembles lithiques atériens de la grotte d'El Aliya à Tanger (Maroc) // *L'Anthropologie*. T. 106. N 2. P. 207–248.
- Bowler J. M., H. Johnston, J. M. Olley, J. R. Prescott, R. G. Roberts, W. Shawcross, N. A. Spooner.* 2003. New ages for human occupation and climatic change at Lake Mungo, Australia // *Nature*. Vol. 421. P. 837–840.
- Bradley B. A., M. Anikovich, E. Giria.* 1995. Early Upper Paleolithic in the Russian Plane: Streletskayan flaked stone artifacts and technology // *Antiquity*. Vol. 69. N 266. P. 989–998.
- Brantingham P. J., A. I. Krivoshapkin, J. Li, Y. Tserendagva.* 2001. The Initial Upper Paleolithic in Northeast Asia // *Can*. Vol. 42. N° 5. P. 735–747.

- Brantingham P. J., X. Gao, D. B. Madsen, R. L. Bettinger, R. G. Elston.* 2004. The Initial Upper Paleolithic at Shuidonggou, Northwestern China // P. J. Brantingham, S. L. Kuhn, K. W. Kerry (eds). *The Early Upper Paleolithic Beyond Western Europe*. Berkeley: University of California Press. P. 223–241.
- Bräuer G.* 1981. New evidence on the transitional period between Neanderthal and Modern Man // *JHE*. Vol. 10. № 6. P. 467–474.
- Bräuer G., H. J. Deacon, F. Zipfer.* 1992. Comment on the new maxillary finds from Klasies River, South Africa // *JHE*. Vol. 23. № 5. P. 419–422.
- Broglio A.* 1996. The appearance of modern humans in Europe: the archaeological evidence from the Mediterranean regions // XIII International Congress of Prehistoric and Protohistoric Sciences. Vol. 5. *The Lower and Middle Paleolithic*. Colloquium X. Forli. P. 237–247.
- Broglio A., D. E. Angelucci, M. Peresani, C. Lemorini, P. Rossetti.* 1998. L'industrie protoaurignacienne de la Grotta di Fumane: données préliminaires // F. Facchini, A. Palma di Cesnola, M. Piperno, C. Peretto (eds). *Proceedings of the XIII Congress UISPP*. Vol. 2. Forli: A.B.A.C.O. P. 495–509.
- Bronk Ramsey C., C. E. Buck, S. Manning, P. J. Reimer, H. van der Plicht.* 2006. Developments in radiocarbon calibration for archaeology // *Antiquity*. Vol. 80. N 310. P. 783–798.
- Brooks A. S.* 1995. L'Aurignacien de l'abri Pataud niveaux 6 à 14 // H. M. Bricker (ed). *Le Paléolithique supérieur de l'abri Pataud (Dordogne): les fouilles de H. L. Movius Jr*. Paris: CNRS. P. 167–222.
- Brown P., T. Sutikna, M. J. Morwood, R. P. Soejono, Jatmiko, E. Wayhu Saptomo, Rokus Awe Due.* 2004. A new small-bodied hominin from the Late Pleistocene of Flores, Indonesia // *Nature*. Vol. 431. P. 1055–1061.
- Brumm A., M. W. Moore.* 2005. Symbolic revolutions and the Australian archaeological record // *CAJ*. Vol. 15. N 2. P. 157–175.
- Burney D. A., T. F. Flannery.* 2005. Fifty millennia of catastrophic extinctions after human contact // *TREE*. Vol. 20. № 7. P. 395–401.
- Cabrera Valdes V., F. Bernaldo de Quiros.* 1996. The origins of the Upper Palaeolithic: A Cantabrian perspective // E. Carbonell, M. Vaquero (eds). *The Last Neandertals, the First Anatomically Modern Humans*. Barcelona. P. 251–265.
- Cabrera V., A. Pike-Tay, M. Lloret, F. Bernaldo de Quiros.* 2000. Continuity patterns in the Middle-Upper Paleolithic transition in Cantabrian Spain // C. B. Stringer, R. N. E. Barton, J. C. Finlayson (eds). *Neandertals on the Edge*. Oxford: Oxbow Books. P. 85–93.
- Cabrera V., J. M. Maillo, M. Lloret, F. Bernaldo de Quiros.* 2001. La transition vers le Paléolithique supérieur dans la grotte du Castillo (Cantabrie, Espagne) : la couche 18 // *L'Anthropologie*. T. 105. № 4. P. 505–532.
- Cann R. L., M. Stoneking, A. Wilson.* 1987. Mitochondrial DNA and human evolution // *Nature*. Vol. 325. P. 31–36.
- Caramelli D., C. Lalueza-Fox, C. Vernesi, M. Lari, A. Casoli, F. Mallegni, B. Chiarelli, I. Dupanloup, J. Bertranpetit, G. Barbujani, G. Bertorelle.* 2003. Evidence for a genetic discontinuity between Neandertals and 24,000-year-old anatomically modern Europeans // *PNAS*. Vol. 100. N 11. P. 6593–6597.
- Carbonell E., M. Vaquero.* 1998. Behavioral complexity and biocultural change in Europe around forty thousand years ago // *JAnR*. Vol. 54. N 3. P. 373–397.
- Cârciumaru M.* 1995. La transition du Paléolithique moyen au Paléolithique supérieur en Roumanie: contexte paléoclimatique et chronologique // *Les industries à pointes foliacées d'Europe Centrale (Paleo. Supplément 1)*. P. 101–104.
- Cârciumaru M.* 1998. Le Paléolithique moyen dans les grottes des Carpates méridionales // M. Otte (dir.). *Préhistoire d'Anatolie, Genèse de deux mondes*. Liege (ERAUL 85). P. 57–75.
- Cârciumaru M., M. Anghelinu.* 2000. The Carpathian Mousterian and the transition from Middle to Upper Palaeolithic in Southern Romania // J. Orschiedt, G.-C. Weniger (eds). Ne-

- anderthals and Modern Humans — Discussing the Transition. Central and Eastern Europe from 50.000–30.000 B. P. Mettmann: Neanderthal Museum. P. 190–195.
- Cârciumaru M., M.-H. Moncel, M. Anghelinu, R. Cârçiumaru.* 2002. The Cioarei-Borosteni Cave (Carpathian Mountains, Romania): Middle Palaeolithic finds and technological analysis of the lithic assemblages // *Antiquity*. Vol. 76. № 293. P. 681–690.
- Cashel S.* 1997. Dietary shifts and the European Upper Paleolithic transition // *CAn*. Vol. 38. № 4. P. 579–603.
- Chappell J., J. Head, J. Magee.* 1996. Beyond the radiocarbon limit in Australian archaeology and Quaternary research // *Antiquity*. Vol. 70. № 269. P. 543–52.
- Chase P. G., A. Debénath, H. L. Dibble, S. P. McPherron, H. P. Schwarcz, T. W. Stafford Jr., J.-F. Tournepiche.* 2007. New dates for the Fontéchevade (Charente, France) Homo remains // *JHE*. Vol. 52. N 2. P. 217–221.
- Chavailon N.* 1985. L'Atérien du Foum el Hartani au Sahara nord-occidental (République Algérienne) // *BSPF*. T. 82. N 8–10. P. 307–337.
- Chazan M.* 2001. Bladelet production in the Aurignacian of Hayonim Cave, Israel // *Paléorient*. Vol. 27. N 1. P. 81–88.
- Chirica V., I. Borziac, N. Chetaru.* 1996. Gesements du Paléolithique supérieur ancien entre le Dniestr et la Tissa. Iași: Helios.
- Chiu T.-C., R. G. Fairbanks, R. A. Mortlock, A. L. Bloom.* 2005. Extending the radiocarbon calibration beyond 26,000 years before present using fossil corals // *QSR*. Vol. 24. N 16–17. P. 1797–1808.
- Chiu T.-C., R. G. Fairbanks, Li Cao, R. A. Mortlock.* 2007. Analysis of the atmospheric ^{14}C record spanning the past 50,000 years derived from high-precision $^{230}\text{Th}/^{234}\text{U}/^{238}\text{U}$, $^{231}\text{Pa}/^{235}\text{U}$ and ^{14}C dates on fossil corals // *QSR*. Vol. 26. N 1–2. P. 18–36.
- Chmielewski W.* 1972. The continuity and discontinuity of the evolution of archaeological cultures in central and eastern Europe between the 55th and 25th millenaries B.C. // *The Origin of Homo sapiens*. Paris: UNESCO. P. 173–179.
- Churchill S. E., F. H. Smith.* 2000. A Modern Human Humerus From the Early Aurignacian of Vogelherd hohle (Stetten, Germany) // *AJPA*. Vol. 112. N 3. P. 251–273.
- Churchill S. E., F. H. Smith.* 2000a. Makers of the Early Aurignacian of Europe // *Yearbook of Physical Anthropology*. Vol. 43. P. 61–115.
- Clark A.* 1997. The MSA/LSA transition in southern Africa: New technological evidence from Rose Cottage Cave // *SAAB*. Vol. 52. N 166. P. 113–121.
- Clark A.* 1999. Late Pleistocene Technology at Rose Cottage Cave: A Search for Modern Behaviour in an MSA Context // *AAR*. Vol. 16. N 2. P. 93–119.
- Clark G. A., J. Riel-Salvatore.* 2005–2006. The compositional integrity of the Aurignacian // *Munibe*. Vol. 57. N 2. P. 107–118.
- Clark G. A., J. Schuldenrein, M. L. Donaldson, H. P. Schwarcz, W. J. Rink, S. K. Fish.* 1997. Chronostratigraphic contexts of Middle Paleolithic horizons at the 'Ain Difla rockshelter (WHS 634), West-Central Jordan // H. G. K. Gebel, Z. Kafari, G. O. Rollefson (eds). *The Prehistory of Jordan*. Vol. II. Berlin: Ex Oriente. P. 77–100.
- Clark J. D.* 1970. *The Prehistory of Africa*. London: Thames and Hudson.
- Clark J. D.* 1993. The Aterian of the Central Sahara // L. Krzyżaniak, M. Kobusiewicz, J. Alexander (eds). *Environmental Change and Human Culture in the Nile Basin and Northern Africa Until the Second Millennium B.C.* Poznań: Poznań Archaeological Museum. P. 49–67.
- Clark J. D., K. S. Brown.* 2001. The Twin Rivers Kopje, Zambia: Stratigraphy, fauna, and artefact assemblages from the 1954 and 1956 excavations // *JAS*. Vol. 28. N 3. P. 305–330.
- Clark J. D., Y. Beyene, G. WoldeGabriel, W. K. Hartk, P. R. Renne, H. Gilbert, A. Defleur, G. Suwa, S. Katoh, K. R. Ludwig, J.-R. Boisserie, B. Affaw, T. D. White.* 2003. Stratigraphic, chronological and behavioural contexts of Pleistocene Homo sapiens from Middle Awash, Ethiopia // *Nature*. Vol. 423. P. 742–747.

- Cohen M. N.* 1977. *The Food Crisis in Prehistory*. New Haven: Yale University Press.
- Coinman N. R., J. R. Foz.* 2000. Tor Sadaf (WHNBS 8): The transition to the Upper Paleolithic // N. R. Coinman (ed). *The Archaeology of the Wadi Al-Hasa, West-Central Jordan*. Phoenix: Arizona State University. Vol. 2. P. 123–142.
- Combier J.* 1955. Pointes Levalloisiennes retouchées sur la face plane (Pointes, type Soyons) // BSPF. T. 52. N7. P. 432–434.
- Combier J.* 1967. *Le Paléolithique de l'Ardèche dans son cadre paléoclimatique*. Bordeaux: Imprimerie Delmas.
- Conard N. J., M. Bolus.* 2003. Radiocarbon dating the appearance of modern humans and timing of cultural innovations in Europe: new results and new challenges // JHE. Vol. 44. N3. P. 331–371.
- Conard N. J., B. Fischer.* 2000. Are there recognizable cultural entities in the German Middle Palaeolithic? // A. Ronen, M. Weinstein-Evron (eds). *Toward Modern Humans. The Yabrudian and Micoquian 400–50 k-years ago*. Oxford: Archaeopress, BAR International Series 850. P. 7–21.
- Conard N. J., G. Dippon, P. Goldberg.* 2003. Chronostratigraphy and archeological context of the Aurignacian deposits at Geißenklösterle // J. Zilhão, F. d'Errico (eds). *The Chronology of the Aurignacian and of the Transitional Technocomplexes. Dating, Stratigraphies, Cultural Implications*. Lisboa: Instituto Português de Arqueologia (TA 33). P. 165–176.
- Conard N., P. Grootes, F. Smith.* 2004. Unexpectedly recent dates for human remains from Vogelherd // *Nature*. Vol. 430. P. 198–201.
- Condemi S.* 2000. The Neanderthals: *Homo neanderthalensis* or *Homo sapiens neanderthalensis*? Is there a contradiction between the paleogenetic and the paleoanthropological data? // J. Orschiedt, G.-C. Weniger (eds). *Neanderthals and Modern Humans — Discussing the Transition. Central and Eastern Europe from 50.000–30.000 B.P.* Mettmann: Neanderthal Museum. P. 287–295.
- O'Connell J.F., J. Allen.* 1998. When did humans first arrive to Greater Australia and why it is important to know? // EA. Vol. 6. N4. P. 132–146.
- O'Connell J.F., J. Allen.* 2004. Dating the colonization of Sahul (Pleistocene Australia–New Guinea): a review of recent research // JAS. Vol. 31. P. 835–853.
- O'Connor S., M. Spriggs, P. Veth.* 2002. Excavation at Lene Hara Cave establishes occupation in East Timor at least 30,000–35,000 years ago // *Antiquity*. Vol. 76. N291. P. 45–50.
- Coolidge F. L., Wynn T.* 2004. A cognitive and neuropsychological perspective on the Chatelperronian // JAnR. Vol. 60. N1. P. 55–73.
- Copeland L.* 1970. The early Upper Paleolithic flint material from levels VII–V, Antelias Cave, Lebanon // *Berytus*. Vol. 19. P. 99–149.
- Copeland L.* 2001. Forty-six Emireh points from the Lebanon in the context of the Middle to Upper Paleolithic transition in the Levant // *Paléorient*. Vol. 26. N1. P. 73–92.
- Copeland L., F. Hours.* 1971. The later Upper Paleolithic material from Antelias Cave, Lebanon: levels IV–I // *Berytus*. Vol. 20. P. 57–138.
- Cornelissen E.* 2002. Human Responses to Changing Environments in Central Africa Between 40,000 and 12,000 B.P. // JWP. Vol. 16. N3. P. 197–235.
- Cornelissen E.* 2003. On microlithic quartz industries at the end of the Pleistocene in Central Africa: The evidence from Shum Laka (NW Cameroon) // AAR. Vol. 20. N1. P. 1–24.
- Cortés M.* 2000. Bajondillo Cave (Torremolinos, Malaga, Andalucía) and the Middle-Upper Palaeolithic transition in Southern Spain // C. B. Stringer, R. N. E. Barton, C. Finlayson (eds). *Neanderthals on the Edge*. Oxford: Oxbow Books. P. 123–132.
- Cosgrove R.* 1999. Forty-two degrees south: The archaeology of Late Pleistocene Tasmania // JWP. Vol. 13. N4. P. 357–402.
- Crevecoeur I., E. Trinkaus.* 2004. From the Nile to the Danube: A comparison of the Nazlet Khater 2 and Oase 1 early modern human mandibles // *Anthropologie*. Vol. 42. N3. P. 203–213.

- Crew H. L.* 1976. The Mousterian site of Rosh Ein Mor // A. E. Marks (ed). Prehistory and Paleoenvironments in the Central Negev, Israel. Volume I. Dallas: Southern Methodist University. P. 75–112.
- Cruz-Urbe K., R. G. Klein, G. Avery, M. Avery, D. Halkett, T. Hart, R. G. Milo, C. Garth Sampson, T. P. Volman.* 2003. Excavation of buried Late Acheulean (Mid-Quaternary) land surfaces at Duinefontein 2, Western Cape Province, South Africa // JAS. Vol. 30. N 5. P. 559–575.
- Currat M., L. Excoffier.* 2004. Modern humans did not admix with Neanderthals during their range expansion into Europe // PLOS Biology. Vol. 2. N 12. P. 1–11.
- Damblon F., P. Haesaerts, J. van der Plicht.* 1996. New datings and considerations of the chronology of Upper Palaeolithic sites in the Great Eurasian Plain // PE. Vol. 9. P. 177–231.
- Dansgaard W., S. J. Johnsen, H. B. Clausen, D. Dahl-Jensen, N. S. Gundestrup, C. U. Hammer, C. S. Hvidberg, J. P. Steffensen, A. E. Sveinbjornsdottir, J. Jouzel, G. Bond.* 1993. Evidence for general instability of past climate from a 250-ky ice-core record // Nature. Vol. 364. P. 218–220.
- David F., N. Connet, M. Girard, V. Lhomme, J.-C. Miskovsky, A. Roblin-Jouve.* 2001. Le Châtelperronien de la grotte du Renne à Arcy-sur-Cure (Yonne). Données sédimentologiques et chronostratigraphiques // BSPF. T. 98. N 2. P. 207–230.
- David F., N. Connet, M. Girard, J.-C. Miskovsky, C. Mourer-Chauvire, A. Roblin-Jouve.* 2005. Les niveaux du paléolithique supérieur à la grotte du Bison (Arcy-sur-Cure, Yonne): couches A à D // Revue Archéologique de l'Est. T. 54. P. 5–50.
- Davis R. S.* 1978. The Palaeolithic // The Archaeology of Afganistan. Eds F. R. Allchin and N. Hammond. London: Academic Press. P. 37–70.
- Davis R. S.* 2003. Kara Kamar in Northern Afganistan: Aurignacian, Aurignacoid, or just plain Upper Paleolithic? // А. П. Деревянко, Т. И. Нохрина (ред). Археология и палеоэкология Евразии. Новосибирск: Институт археологии и этнографии СО РАН. С. 211–217.
- Deacon H. J.* 1989. Late Pleistocene palaeoecology and archaeology in the Southern Cape, South Africa // P. Mellars, C. Stringer (eds). The Human Revolution. Behavioral and Biological Perspectives on the Origins of Modern Humans. Edinburgh: Edinburgh University Press. P. 547–563.
- Deacon H. J.* 1995. Two Late Pleistocene-Holocene archaeological depositories from the southern Cape, South Africa // SAAB. Vol. 50. N 162. P. 121–31.
- Deacon H. J., J. F. Thackeray.* 1984. Late Pleistocene environmental change and implications for the archaeological record in southern Africa // J. C. Vogel (ed). Late Cainozoic Paleoclimates of the Southern Hemisphere. Rotterdam: A. A. Balkema. P. 375–390.
- Debénath A.* 1992. Hommes et cultures matérielles de l'Aterien Marocain // L'Anthropologie. T. 96. N 4. P. 711–720.
- Debénath A.* 1994. L'Aterien du Nord de l'Afrique et du Sahara // Sahara. Vol. 6. P. 21–30.
- Debénath A., J.-P. Reynal, J. Roche, J.-P. Tezier, D. Ferembach.* 1986. Stratigraphie, habitat, typologie et devenir de l'Aterien marocain: données récentes // L'Anthropologie. T. 90. N 2. P. 233–246.
- Debénath A., P. G. Chase, H. L. Dibble.* 2002. À propos d'un poinçon provenant de la grotte des Fées à Châtelperron // BSPF. T. 99. No 2. 378–379.
- Deino A. L., S. McBrearty.* 2002. $^{40}\text{Ar}/^{39}\text{Ar}$ dating of the Kapthurin Formation, Baringo, Kenya // JHE. Vol. 42. N 1–2. P. 185–210.
- Delagnes A., L. Meignen.* 2006. Diversity of lithic production systems during the Middle Paleolithic in France // E. Hovers, S. L. Kuhn (eds). Transitions Before the Transition. Evolution and Stability in the Middle Paleolithic and Middle Stone Age. New York: Springer. P. 85–107.

- Demars P.-Y. 1996. La place du Piage et de Roc de Combe (Lot) dans la transition du Paléolithique moyen au Paléolithique supérieur // Bulletin Préhistoire du Sud-Ouest. №3. P. 11–35.
- Demidenko Yu. E., V. I. Usik. 2003. Into the mind of the maker: Refitting study and technological reconstructions // D. O. Henry (ed). Neanderthals in the Levant. London, New York: Continuum. P. 107–155.
- Derricourt R. 2005. Getting «Out of Africa»: Sea crossings, land crossings and culture in the hominin migrations // JWP. Vol. 19. N2. P. 119–132.
- Détroit F., E. Dizon, C. Falguères, S. Hameau, W. Ronquillo, F. Sémah. 2004. Upper Pleistocene Homo sapiens from the Tabon cave (Palawan, The Philippines): description and dating of new discoveries // CRP. №3. P. 705–712.
- Djindjian F. 1993. Les origines du peuplement Aurignacien en Europe // L. Banesz, J. K. Kozłowski (eds). Aurignacien en Europe et au Proche Orient. 12th International Congress of Prehistoric and Protohistoric Sciences. Bratislava. P. 136–154.
- Dobosi V. T. 2000. Middle Palaeolithic phenomena in Hungary // A. Ronen, M. Weinstein-Evron (eds). Toward Modern Humans. The Yabrudian and Micoquian 400–50 k-years ago. Oxford: Archaeopress, BAR International Series 850. P. 51–59.
- Dortch C. 1979. Devil's lair, an example of prolonged cave use in south-western Australia // WA. Vol. 10. N3. P. 258–279.
- Drobniwicz B., B. Ginter, B. Kazior, J.K. Kozłowski. 2000. Transitional industry from layer VI. Trench TD-II // B. Ginter, J.K. Kozłowski, J.-L. Guadelli, H. Laville (eds). Temnata Cave. Excavations in Karlukovo Karst Area, Bulgaria. Vol. 2. Pt. 1. Krakow: Jagellonian University. P. 243–316.
- Drobniwicz B., B. Ginter, B. Kazior, J.K. Kozłowski. 2000a. Early Upper Paleolithic assemblages from layer IV, trench TD-I // B. Ginter, J.K. Kozłowski, J.-L. Guadelli, H. Laville (eds). Temnata Cave. Excavations in Karlukovo Karst Area, Bulgaria. Vol. 2. Pt. 1. Krakow: Jagellonian University. P. 333–418.
- Duarte C., J. Mauricio, P.B. Pettitt, P. Souto, E. Trinkaus, H. van der Plicht, Zilhão J. 1999. The early Upper Paleolithic human skeleton from the Abrigo do Lagar Velho (Portugal) and modern human emergence in Iberia // PNAS. Vol. 96. N13. P. 7604–7609.
- Dupree L. 1967. The prehistoric period of Afganistan // Afganistan. Vol. 20. №3. P. 8–27.
- D'Errico F. 2003. The invisible frontier. A multiple species model for the origin of behavioral modernity // EA. Vol. 12. N4. P. 188–202.
- D'Errico F., M.F.S. Goñi. 2003. Neandertal extinction and the millennial scale climatic variability of OIS 3 // QSR. Vol. 22. N8–9. P. 769–788.
- D'Errico F., J. Zilhão, M. Julien, D. Baffier, J. Pelegrin. 1998. Neanderthal acculturation in Western Europe? A critical review of the evidence and its interpretation // CAn. Vol. 39. Supplement 1. P. 1–44.
- D'Errico F., C. Henshilwood, G. Lawson, M. Vanhaeren, A.-M. Tillier, M. Soressi, F. Bresson, B. Maureille, A. Nowell, J. Lakarra, L. Backwell, M. Julien. 2003. Archaeological evidence for the emergence of language, symbolism, and music—an alternative multidisciplinary perspective // JWP. Vol. 17. N1. P. 1–70.
- D'Errico F., M. Julien, D. Liolios, M. Vanhaeren, D. Baffier. 2003a. Many awls in our argument. Bone tool manufacture and use in the Châtelperronian and Aurignacian levels of the Grotte du Renne at Arcy-sur-Cure // J. Zilhão, F. d'Errico (eds). The Chronology of the Aurignacian and of the Transitional Technocomplexes. Dating, Stratigraphies, Cultural Implications. Lisboa: Instituto Português de Arqueologia (TA 33). P. 247–270.
- D'Errico F., C. Henshilwood, M. Vanhaeren, K. van Niekerke. 2005. Nassarius kraussianus shell beads from Blombos Cave: evidence for symbolic behaviour in the Middle Stone Age // JHE. Vol. 48. N1. P. 3–24.
- D'Errico F., C. Henshilwood. 2007. Additional evidence for bone technology in the southern African Middle Stone Age // JHE. Vol. 52. N2. P. 142–163.

- Evans P. D., N. Mekel-Bobrov, E. J. allender, R. R. Hudson, B. T. Lahn. 2006. Evidence that the adaptive allele of the brain size gene microcephalin introgressed into Homo sapiens from an archaic Homo lineage // PNAS. Vol. 103. N 48. P. 18178–18183.
- Ewing J. F. 1963. A probable Neanderthaloid from Ksar 'Akil, Lebanon // AJPA. Vol. 21. N 2. P. 101–104.
- Excoffier L., S. Schneider. 1999. Why hunter-gatherer populations do not show signs of Pleistocene demographic expansions // PNAS. Vol. 96. N 19. P. 10597–10602.
- Fairbanks R. G., R.A. Mortlock, T.-C. Chiu, Li Cao, A. Kaplan, T. P. Guilderson, T. W. Fairbanks, A. L. Bloom, P. M. Grootes, M.-J. Nadeau. 2005. Radiocarbon calibration curve spanning 0 to 50,000 years BP based on paired $^{230}\text{Th}/^{234}\text{U}/^{238}\text{U}$ and ^{14}C dates on pristine corals // QSR. Vol. 24. N 16–17. P. 1781–1796.
- Farizy C. 1990. The transition from Middle to Upper Palaeolithic from at Arcy-sur-Cure (Yonne, France): Technological, economic and social aspects // P. Mellars (ed). The Emergence of Modern Humans. Ithaca: Cornell University Press. P. 303–326.
- Feathers J. K. 2002. Luminescence dating in less than ideal conditions: Case studies from Klasies River Main Site and Duinefontein, South Africa // JAS. Vol. 29. N 2. P. 177–194.
- Feathers J. K., D. A. Bush. 2000. Luminescence dating of Middle Stone Age deposits at Die Kelders // JHE. Vol. 38. N 1. P. 91–119.
- Fedele F. G., B. Giaccio, R. Isaia, G. Orsi. 2002. Ecosystem impact of the Campanian Ignimbrite Eruption in Late Pleistocene Europe // QR. Vol. 57. N 3. P. 420–424.
- Ferring C. R. 1975. The Aterian in North African prehistory // F. Wendorf, A. E. Marks (eds). Problems in Prehistory: North Africa and the Levant. Dallas: Southern Methodist University Press. P. 113–126.
- Ferring C. R. 1988. Technological change in the Upper Paleolithic of the Negev // H.L. Dibble, A. Montet-White (eds). Upper Pleistocene Prehistory of Western Eurasia. Philadelphia: The University Museum, University of Pennsylvania. P. 333–348.
- Field J.S., M.M. Lahr. 2005. Assessment of the southern dispersal: GIS-based analyses of potential routes at Oxygen Isotopic Stage 4 // JWP. Vol. 19. N 1. P. 1–45.
- Field J.S., M.D. Petraglia, M. M. Lahr. 2007. The southern dispersal hypothesis and the South Asian archaeological record: Examination of dispersal routes through GIS analysis // JAA. Vol. 26. N 1. P. 88–108.
- Finlayson C. 2005. Biogeography and evolution of the genus Homo // TREE. Vol. 20. N 8. P. 457–463.
- Finlayson C., J.S. Carrión. 2007. Rapid ecological turnover and its impact on Neanderthal and other human populations // TREE. Vol. 22. N 4. P. 213–222.
- Finlayson J.C., R.N.E. Barton, C.B. Stringer. 2001. The Gibraltar Neanderthals and their extinction // J. Zilhão, T. Aubry, A.F. Carvalho (eds). Les premiers hommes modernes de la Péninsule Ibérique. Lisboa: Instituto Português de Arqueologia (TA 17). P. 117–122.
- Finlayson C., F.G. Pacheco, J. Rodríguez-Vidal, D.A. Fal, J.M.G. López, A.S. Pérez, G. Finlayson, E. Allue, J.B. Preysler, I. Cáceres, J.S. Carrión, Y.F. Jalvo, C.P. Glead-Owen, F.J.J. Espejo, P. López, J.A.L. Sáez, J.A.R. Cantal, A.S. Marco, F.G. Guzman, K. Brownx, N. Fuentes, C. A. Valarino, A. Villalpando, C. B. Stringer, F. M. Ruiz, T. Sakamoto. 2006. Late survival of Neanderthals at the southernmost extreme of Europe // Nature. Vol. 443. P. 850–853.
- Flas D. 2000–2001. Étude de la continuité entre le Lincombien-Ranisien-Jerzmanowicien et le Gravettien aux pointes pédonculees septentrional // PE. Vol. 16–17. P. 163–189.
- Flas D. 2002. Les débuts du paléolithique supérieur dans le Nord-Ouest de l'Europe: le Lincombien-Ranisien-Jerzmanowicien. État de la question // AP. T. 113. P. 25–49.
- Flemming N., G. Bailey, V. Courtillot, G. King, K. Lambeck, F. Ryerson, C. Vita-Finzi. 2003. Coastal and marine palaeo-environments and human dispersal points across the Africa-Eurasia boundary // C. A. Brebbia, T. Gambin (Eds). The Maritime and Underwater Heritage. Southampton: Wessex Institute of Technology. P. 64–71.

- Foltyn E., J.K. Kozłowski.* 2003. The lower level of the site Dzierzyslaw I, Opole Voivodship (Silesia, Poland) and the problem of the Bohunician // EP. Vol. 1. N2. P. 79–116.
- Forster P.* 2004. Ice Ages and the mitochondrial DNA chronology of human dispersals: a review // Philosophical Transactions of the Royal Society of London. Series B. Vol. 359. P. 255–264.
- Forster P., S. Matsumura.* 2005. Did early humans go North or South? // Science. Vol. 308. P. 965–966.
- Fox J.R., N.R. Coinman.* 2004. Emergence of the Levantine Upper Paleolithic. Evidence from the Wadi al-Hasa // P. J. Brantingham, S. L. Kuhn, K. W. Kerry (eds). The Early Upper Paleolithic Beyond Western Europe. Berkeley: University of California Press. P. 97–112.
- Frayer D.W.* 1992. Evolution at the European edge: Neanderthal and Upper Paleolithic relationships // PE. Vol. 2. P. 9–69.
- Fullagar R., D.M. Price, L.M. Head.* 1996. Early human occupation of northern Australia: Archaeology and thermoluminescence dating of Jinmium rock-shelter, Northern Territory // Antiquity. Vol. 70. N 270. P. 751–773.
- Fullagar R., J. Field.* 1997. Pleistocene seed-grinding implements from the Australian arid zone // Antiquity. Vol. 71. N 272. P. 300–307.
- Gabori-Csank V.* 1983. La Grotte Remete «Felső» (superieure) et le «Szeletien de Transdanubie» // AAASH. T. 35. N 3–4. P. 249–285.
- Gabori-Csank V.* 1990. Le Jankovichien en Hongrie de l'ouest // C. Farizy (ed). Paleolithique moyen recent et Paleolithique superieur ancien en Europe. P. 97–102.
- Gambier D.* 1989. Fossil hominids from the early Upper Palaeolithic (Aurignacian) of France // P. Mellars, C. Stringer (eds). The Human Revolution. Behavioral and Biological Perspectives on the Origins of Modern Humans. Edinburgh: Edinburgh University Press. P. 194–210.
- Gambier D.* 1997. Modern humans at the beginning of the Upper Paleolithic in France. Anthropological data and perspectives // G. A. Clark, C. M. Willermet (eds). Conceptual Issues in Modern Human Origins Research. New York: Aldine de Gruyter. P. 117–131.
- Gambier D., F. Houet, A.-M. Tillier.* 1990. Dents de Font de Gaume (Châtelperronien et Aurignacien) et de la Ferrassie (Aurignacien ancien) en Dordogne // Paleo. Vol. 2. P. 143–152.
- Gamble C.* 1999. Gibraltar and the Neandertals 1848–1998 // JHE. Vol. 36. N 2. P. 239–243.
- Gao X., C.J. Norton.* 2002. A critique of the Chinese «Middle Palaeolithic» // Antiquity. Vol. 76. N 292. P. 397–412.
- Garcea E.A.A.* 2001. A reconsideration of the Middle Paleolithic/Middle Stone Age in North Africa after the evidence from the Lybian Sahara // E.A.A. Garcea (ed). Uan Tabu in the Settlement History of the Lybian Sahara. Rome: Edizioni all'insegna del giglio. P. 25–50.
- Garcea E.A.A., C. Giraudi.* 2006. Late Quaternary human settlement patterning in the Jebel Gharbi // JHE. Vol. 51. N 4. P. 411–421.
- Garralda M.D.* 1997. The human paleontology of the Middle to Upper Paleolithic transition on the Iberian Peninsula // G.A. Clark, C.M. Willermet (eds). Conceptual Issues in Modern Human Origins Research. New York: Aldine de Gruyter. P. 148–160.
- Garrod D.A.E.* 1951. A transitional industry from the base of the Upper Palaeolithic in Palestine and Syria // JRAI. Vol. 81. P. 121–130.
- Garrod D.A.E.* 1955. The Mugharet el-Emireh in Lower Galilee: type-station of the Emiran industry // JRAI. Vol. 85. Pts. 1–2. P. 141–162.
- Garrod D.A.E., D.M.A. Bate.* 1937. The Stone Age of Mount Carmel. Vol. 1. Oxford.
- Garrod D.A.E., D. Kirkbride* 1961. Excavation of the Abri Zumoffen, a Paleolithic rock-shelter near Adlun, South Lebanon, 1958 // BMB. T. 16. P. 7–45.
- Gathorne-Hardy F.J., W.E.H. Harcourt-Smith.* 2003. The super-eruption of Toba, did it cause a human population bottleneck // Vol. 45. N 2. 227–230.

- Genty D., D. Blamart, R. Quahdi, M. Gilmour, A. Baker, J. Jouzel, S. Van-Exter.* 2003. Precise dating of Dansgaard-Oeschger climate oscillations in western Europe from stalagmite data // *Nature*. Vol. 421. P. 833–837.
- Giaccio B., I. Hajdas, M. Peresani, F.G. Fedele, R. Isaia.* 2006. The Campanian Ignimbrite tephra and its relevance for the timing of the Middle to Upper Palaeolithic shift // N. J. Conard (ed). *When Neanderthals and Modern Humans Met*. Tübingen: Kerns Verlag. P. 343–375.
- Giaccio B., R. Isaia, F.G. Fedele, E. Di Canzio, J. Hoffecker, A. Ronchitelli, A.A. Sinitsyn, M. Anikovich, S.N. Lisitsyn, V.V. Popov.* 2007. The Campanian Ignimbrite and Codola tephra layers: two temporal/stratigraphic markers for the Early Upper Palaeolithic in southern Italy and eastern Europe // *Journal of Volcanology and Geothermal Research* (in press).
- Gilead I.* 1989. The Upper Palaeolithic in the Southern Levant: Periodization and terminology // O. Bar-Yosef, B. Vandermeersch (eds). *Investigations in South Levantine Prehistory*. Oxford: BAR International series 497. P. 231–252.
- Gilead I.* 1991. The Upper Paleolithic Period in the Levant // *JWP*. Vol. 5. №2. P. 105–154.
- Gilead I., O. Bar-Yosef.* 1993. Early Upper Paleolithic sites in the Qadesh Barnea area, NE Sinai // *JFA*. Vol. 20. N 3. P. 265–280.
- Gillespie R.* 2002. Dating the first Australians // *Radiocarbon*. Vol. 44. N 2. P. 455–472.
- Gilman A.* 1984. Explaining the Upper Palaeolithic revolution // M. Spriggs (ed). *Marxist Perspectives in Archaeology*. Cambridge: Cambridge University Press. P. 115–126.
- Ginter B., J. K. Kozłowski, H. Laville, N. Sirakov, R.E.M. Hedges.* 1996. Transition in the Balkans: news from the Temnata cave, Bulgaria // A. Carbonell, M. Vaquero (eds). *The Last Neanderthals, the First Anatomically Modern Humans*. Barcelona. P. 169–200.
- Ginter B., J.K. Kozłowski, J.-L. Guadelli, H. Laville* (eds). 2000. *Temnata Cave. Excavations in Karlukovo Karst Area, Bulgaria*. Vol. 2. Pt. 1. Krakow: Jagellonian University.
- Gioia P.* 1988. Problems related to the origins of Italian Upper Palaeolithic: Uluzzian and Aurignacian // J. Kozłowski (ed). *L'Homme de Neandertal*. Vol. 8. La Mutation. Liege. P. 71–101.
- Giraudi C., M. Mussi.* 1999. The Central and Southern Apennine (Italy) during OIS 3 and 2: The colonisation of a changing environment // *PE*. Vol. 15. P. 113–121.
- Gisis I., I. Gilead.* 1977. Lagama III // O. Bar-Yosef, J.L. Phillips (eds). *Prehistoric Investigations in Gebel Maghara, Northern Sinai*. Jerusalem: The Hebrew University. P. 85–102.
- Glen E., K. Kaczanowski.* 1982. Human remains // J.K. Kozłowski (ed). *Excavation in the Bacho Kiro Cave (Bulgaria). Final Report*. Warszawa: Państwowe Wydawnictwo Naukowe. P. 75–79.
- Glen-Haduch E.* 2003. Human remains // P. Valde-Nowak, A. Nadachowski, T. Madeyska (eds). *Oblazowa Cave: Human Activity, Stratigraphy, and Palaeoenvironment*. Krakow: Institute of Archaeology and Ethnology. P. 89–91.
- Goebel T.* 2004. The Early Upper Paleolithic of Siberia // P. J. Brantingham, S. L. Kuhn, K. W. Kerry (eds). *The Early Upper Paleolithic Beyond Western Europe*. Berkeley: University of California Press. P. 162–195.
- Goebel T., M.R. Waters.* 2000. New AMS 14C ages for the Tolbaga Upper Paleolithic site, Transbaikal, Siberia // *Current Research in the Pleistocene*. Vol. 17. P. 32–34.
- Golovanova L.V., V.B. Doronichev.* 2003. The Middle Paleolithic of the Caucasus // *JWP*. Vol. 17. N 1. P. 71–140.
- Golovanova L.V., J.F. Hoffecker, V.M. Kharitonov, G.P. Romanova.* 1999. Mezmaiskaya Cave: A Neanderthal occupation in the Northern Caucasus // *CAn*. Vol. 40. N 1. P. 77–86.
- Golovanova L.V., N.E. Cleghorn, V.B. Doronichev, J.F. Hoffecker, G.S. Burr, L.D. Sulergizkiy.* 2006. The Early Upper Paleolithic in the Northern Caucasus (new data from Mezmaiskaya cave, 1997 excavation) // *EP*. Vol. 4. N 1–2. P. 43–78.
- Goring-Morris N., A. Davidzon.* 2006. Straight to the point: Upper Paleolithic Ahmarian lithic technology in the Levant // *Anthropologie*. Vol. 44. N 1. P. 93–111.

- Gouedo J.-M. 1990. Les technologies lethiques du Châtelperronien de la couche X de la grotte du Renne d'Arcy-sur-Cure (Yonne) // C. Farizy (ed). Paléolithique Moyen récent et Paléolithique superieur ancien en Europe. Nemours: Musee de Préhistoire d'Ile de France. P. 305-308.
- Granger J.-M., F. Lévêque. 1997. Parure castelperronienne et aurignacienne: étude de trois séries inédites des dents percées et comparaison // Comptes rendus de l'Académie des sciences. T. 325. P. 537-543.
- Gravina B., P. Mellars, C.B. Ramsey. 2005. Radiocarbon dating of interstratified Neanderthal and early modern human occupations at the Chatelperronian type-site // Nature. Vol. 438. P. 51-56.
- Green R. E., J. Krause, S. E. Ptak, A. W. Briggs, M. T. Ronan, J. F. Simons, L. Du, M. Egholm, J. M. Rothberg, M. Paunovic, S. Pääbo. 2006. Analysis of one million base pairs of Neanderthal DNA // Nature. Vol. 444. P. 330-336.
- Grine F. E., R. M. Bailey, K. Harvati, R. P. Nathan, A. G. Morris, G. M. Henderson, I. Ribot, A. W. G. Pike. 2007. Late Pleistocene human skull from Hofmeyr, South Africa, and modern human origins // Science. Vol. 315. P. 226-229.
- Grün R., Stringer C. 2000. Tabun revisited: revised ESR chronology and new ESR and U-series analyses of dental material from Tabun C1 // JHE. Vol. 39. P. 601-612.
- Grün R., C. Stringer, F. McDermott, R. Nathan, N. Porat, S. Robertson, L. Taylor, G. Mortimer, S. Eggins, M. McCulloch. 2005. U-series and ESR analyses of bones and teeth relating to the human burials from Skhul // JHE. Vol. 49. N 3. P. 316-334.
- Grün R., P. Beaumont. 2001. Border Cave revisited: a revised ESR chronology // JHE. Vol. 40. N° 5. P. 467-482.
- Guillou H., B. S. Singer, C. Laj, C. Kissel, S. Scaillet, B. R. Jicha. 2004. On the age of the Laschamp geomagnetic excursion // EPSL. Vol. 227. P. 331-343.
- Haesaerts P., N. Teyssandier. 2003. The early Upper Paleolithic occupations of Willendorf II (Lower Austria): a contribution to the chronostratigraphic and cultural context of the beginning of the Upper Paleolithic in Central Europe // J. Zilhão, F. d'Errico (eds). The Chronology of the Aurignacian and of the Transitional Technocomplexes. Dating, Stratigraphies, Cultural Implications. Lisboa: Instituto Português de Arqueologia (TA 33). P. 133-151.
- Haile-Selassie Y., B. Asfaw, T. D. White. 2004. Hominid cranial remains from Upper Pleistocene deposits at Aduma, Middle Awash, Ethiopia // AJPA. Vol. 123. N 1. P. 1-10.
- Hajraoui M. A. 1994. L'industrie osseuse atérienne de la grotte d'el Mnasra (Region de Temara, Maroc) // PAM. T. 3. P. 91-94.
- Halkett D., T. Hart, R. Yates, T. P. Volman, J. E. Parkington, J. Ortona, R. G. Klein, K. Cruz-Urbe, G. Avery. 2003. First excavation of intact Middle Stone Age layers at Ysterfontein, Western Cape Province, South Africa: implications for Middle Stone Age ecology // JAS. Vol. 30. N 8. P. 955-971.
- Hambücker A. 1997. La variabilité géographique des Néandertaliens: appt de l'étude du membre supérieur // AP. T. 108. P. 109-120.
- Harpending H. C., M. A. Batzer, M. Gurven, L. B. Jorde, A. R. Rogers, S. T. Sherry. 1998. Genetic traces of ancient demography // PNAS. Vol. 95. N 4. P. 1961-1967.
- Harrold F. B. 1989. Mousterian, Chatelperronian and Early Aurignacian in Western Europe: Continuity or Discontinuity? // P. Mellars, C. Stringer (eds). The Human Revolution. Behavioural and Biological Perspectives on the Origins of Modern Humans. Edinburgh: Edinburgh University Press. P. 677-713.
- Harvati K., E. Panagopoulou, P. Karkanas. 2003. First Neanderthal remains from Greece: the evidence from Lakonis // JHE. Vol. 45. N 6. P. 465-473.
- Harvati K., S. R. Frost, K. P. McNulty. 2004. Neanderthal taxonomy reconsidered: Implications of 3D primate models of intra- and interspecific differences // PNAS. Vol. 101. N 5. P. 1147-1152.

- Hayden B.* 1981. Research and development in the stone age: technological transitions among hunter-gatherers // *CAn.* Vol. 22. N5. P. 519–548.
- Henry D. O.* 1995. Prehistoric Cultural Ecology and Evolution. Insights from Southern Jordan. New York, London: Plenum Press.
- Henry D. O.* 2003. The Levant and the modern human debate // *D. O. Henry* (ed). Neanderthals in the Levant. Behavioral Organization and the Beginnings of Human Modernity. London, New York: Continuum. P. 12–30.
- Henry-Gambier D., B. Maureille, R. White.* 2004. Vestiges humains des niveaux de l'Aurignacien ancien du site de Brassempouy (Landes) // *BMSAP.* T. 16. N1–2. P. 49–87.
- Henshilwood C.* 2004. Marine shell beads from 75 000-year-old levels at Blombos cave // *The Digging Stick.* Vol. 21. N2. P. 1–4.
- Henshilwood C., F. d'Errico, C. W. Marean, R. G. Milo, R. Yates.* 2001. An early bone tool industry from the Middle Stone Age at Blmbos Cave, South Africa: implications for the origins of modern human behaviour, symbolism and language // *JHE.* Vol. 41. N6. P. 631–678.
- Henshilwood C., J.C. Sealy, R. Yates, K. Cruz-Urbe, P. Goldberg, F.E. Grine, R. G. Klein, C. Poggenpoel, K. van Niekerk, I. Watts.* 2001a. Blombos Cave, Southern Cape, South Africa: Preliminary report on the 1992–1999 excavations of the Middle Stone Age levels // *JAS.* Vol. 28. N4. P. 421–448.
- Hidjrati N. I., L.R. Kimball, T. Koetje.* 2003. Middle and Late Pleistocene investigations of Mysh-tulagty Lagat (Weasel Cave) North Ossetia, Russia // *Antiquity.* Vol/ 77. N 298.
- Higham T., C. Bronk Ramsey, I. Karavanic, F.H. Smith, E. Trinkaus.* 2006. Revised direct radiocarbon dating of the Vindija G1 Upper Paleolithic Neandertals // *PNAS.* Vol. 103. №3. P. 553–557.
- Ho S. Y. W., M. J. Phillips, A. Cooper, A. J. Drummond.* 2005. Time dependency of molecular rate estimates and systematic overestimation of recent divergence times // *MBE.* Vol. 22. N7. P. 1561–1568.
- Holdaway S.* 1995. Stone artefacts and the transition // *J. Allen, J.F. O'Connell* (eds). Transitions: Pleistocene to Holocene in Australia and Papua New Guinea (*Antiquity*, special number 265). P. 784–797.
- Hole F., K. Flannery.* 1967. The prehistory of southwestern Iran: A preliminary report // *PPS.* Vol. 33. P. 147–206.
- Holliday T. W.* 1997. Postcranial evidence of cold adaptation in European Neandertals // *AJPA.* Vol. 104. N2. P. 245–258.
- Holliday T. W.* 2003. Species concepts, reticulation, and human evolution // *CAn.* Vol. 44. N5. P. 653–673.
- Hovers E.* 1998. The lithic assemblages of Amud Cave. Implications for understanding the end of the Mousterian in the Levant // *T. Akazawa, K. Aoki, O. Bar-Yosef* (eds). Neandertals and Modern Humans in Western Asia. New York: Plenum Press. P. 143–163.
- Hublin J.-J.* 1992. Recent human evolution in north western Africa // *Philosophical Transactions of the Royal Society, series B.* Vol. 337. P. 185–191.
- Hublin J.-J.* 2000. Modern-nonmodern hominid interactions: A Mediterranean perspective // *O. Bar-Yosef, D. Pilbeam* (eds). The Geography of Neandertals and Modern Humans in Europe and the Greater Mediterranean. Cambridge: Harvard University Press. P. 157–182.
- Hublin J.-J.* 2006. Neandertal as another humankind: where are we now // *Terra Nostra.* N2. P. 55–59.
- Hublin J.J., S. E. Bailey.* 2006. Revisiting the last Neandertals // *N. J. Conard* (ed). When Neanderthals and Modern Humans Met. Tubingen: Kerns Verlag. P. 105–128.
- Hublin J.-J., F. Spoor, M. Braun, F. Zonneveld, S. Condemi.* 1996. A late Neanderthal associated with Upper Palaeolithic artefacts // *Nature.* Vol. 381. P. 224–226.
- Jacob T., E. Indriati, R. P. Soejono, K. Hsu, D. W. Frayer, R. B. Eckhardt, A. J. Kuperavage, A. Thorne, M. Henneberg.* 2006. Pygmoid Australomelanesian Homo sapiens skeletal re-

- mains from Liang Bua, Flores: Population affinities and pathological abnormalities // PNAS. Vol. 103. N 36. P. 13421–13426.
- Jacobi R.* Some observations on the British earliest Upper Palaeolithic // W. Dawies, R. Charles (eds). *Dorothy Garrod and the Progress of the Palaeolithic. Studies in the Prehistoric Archaeology of the Near East and Europe.* Oxford: Oxbow Books. P. 35–40.
- James H. V. A., M. D. Petralgia.* 2005. Modern human origins and the evolution of behavior in the Later Pleistocene record of South Asia // *CAn.* Vol. 46, supplement. P. 3–27.
- Jelinek A. J.* 1982. The Middle Paleolithic in the Southern Levant, with comments on the appearance of modern *Homo sapiens* // A. Ronen (ed). *The Transition from Lower to Middle Palaeolithic and the Origin of Modern Man.* Oxford: BAR International Series 151. P. 57–101.
- Jelinek A. J.* 1990. The Amudian in the context of the Mugharan Tradition at the Tabun Cave (Mount Carmel), Israel // *The Emergence of Modern Humans.* Edinburgh: Edinburgh University Press. P. 81–90.
- Jones M., A. E. Marks, D. Kaufman.* 1983. Boker: The artifacts // // A. E. Marks (ed). *Prehistory and Paleoenvironments in the Central Negev, Israel.* Vol. 3. Dallas: Southern Methodist University. P. 283–329.
- Jöris O., E. A. Fernández, B. Weninger.* 2003. Radiocarbon evidence of the Middle to Upper Palaeolithic transition in Southwestern Europe // *TP.* Vol. 60. N 2. P. 15–38.
- Kaminska L., J. K. Kozłowski, J. Svoboda.* 2004. The 2002–2003 excavation in the Dzeravá skala cave, West Slovakia // *Anthropologie.* Vol. 42. N 3. P. 311–322.
- Kaplan J. B.* 1989. 45 000 years of hunter gatherer history in Natal as seen from Umhlatuzana rock shelter // *South African Archaeological Society Goodwin Series.* Vol. 6. P. 7–16.
- Kaplan J. M.* 1990. The Umhlatuzana rock shelter sequence: 100 000 years of Stone Age history // *Natal Museum Journal of Humanities.* Vol. 2. P. 1–94.
- Karavanić I.* 2000. Olschevian and appearance of bone technology in Croatia and Slovenia // J. Orschiedt, G.-C. Weniger (eds). *Neanderthals and Modern Humans—Discussing the Transition. Central and Eastern Europe from 50.000–30.000 B. P.* Mettmann: Neanderthal Museum. P. 159–168.
- Karavanić I., F. Smith.* 1998. The Middle/Upper Paleolithic interface and the relationship of Neanderthals and early modern humans in the Hrvatsko Zagorje, Croatia // *JHE.* Vol. 34. N 3. P. 223–248.
- Kaufman D.* 2002. Re-evaluating subsistence skills of Levantine Middle and Upper Palaeolithic hunters: A comparison of the faunal assemblages // *OJA.* Vol. 21. N 3. P. 217–229.
- Keates S. G.* 1997. Analyzing modern human origins in China // G. A. Clark, C. M. Willermet (eds). *Conceptual Issues in Modern Human Origins Research.* New York: Aldine de Gruyter. P. 294–303.
- Keates S. G., G. W. L. Hodgins, Y. V. Kuzmin, L. A. Orlova.* 2007. First direct dating of a presumed Pleistocene hominid from China: AMS radiocarbon age of a femur from the Ordos Plateau // *JHE.* Vol. 53. № 1. P. 1–5.
- Kennedy K. A. R.* 1999. Paleoanthropology of South Asia // *EA.* Vol. 8. N 5. P. 165–185.
- Kennedy K. A. R.* 2001. Middle and Late Pleistocene hominids of South Asia // *Humanity from African Naissance to Coming Millennia.* P. V. Tobias, M. A. Raath, J. Moggi-Cecchi, G. A. Doyle (eds). Firenze: Firenze University Press. P. 167–174.
- Kivisild T., P. Shen, D. P. Wall, Bao Do, R. Sung, K. Davis, G. Passarino, P. A. Underhill, C. Scharfe, A. Torroni, R. Scozzari, D. Modiano, A. Coppa, P. de Knijff, M. Feldman, L. L. Cavalli-Sforza, P. J. Oefner.* 2006. The role of selection in the evolution of human mitochondrial genomes // *Genetics.* Vol. 172. N 1. P. 373–387.
- Klein R. G.* 1999. *Human Career. Human Biological and Cultural Origins.* Chicago: University of Chicago Press.
- Klein R. G.* 2000. The Earlier Stone Age of southern Africa // *SAAB.* Vol. 55. N 172. P. 107–122.
- Klein R. G.* 2001. Southern Africa and modern human origins // *JAnR.* Vol. 57. N 1. P. 1–16.

- Klein R. G., G. Avery, K. Cruz-Urbe, D. Halkett, J.E. Parkington, T. Steele, T.P. Volman, R. Yates. 2004. The Ysterfontein 1 Middle Stone Age site, South Africa, and early human exploitation of coastal resources // PNAS. Vol. 101. N 16. P. 5708–5715.
- Koumouzelis M., B. Ginter, J.K. Kozłowski, M. Pawlikowski, O. Bar-Yosef, R. M. Albert, M. Litinska-Zajac, E. Stworzewicz, P. Woital, G. Lipecki, T. Tomek, Z. M. Bochenski, A. Pazdur. 2001. The early Upper Paleolithic in Greece: the excavations in Klisoura cave // JAS. Vol. 28. N 12. P. 515–539.
- Koumouzelis M., J.K. Kozłowski, C. Escutenaire, V. Sitlivy, K. Sobczyk, H. Valladas, N. Tisnerat-Laborde, P. Wojtal, B. Ginter. 2001a. La fin du Paléolithique moyen et le début du Paléolithique supérieur en Grèce: la séquence de la Grotte 1 de Klissoura // L'Anthropologie. T. 105. N 4. P. 469–504.
- Kozłowski J. K. (ed). 1982. Excavation in the Bacho Kiro Cave (Bulgaria). Final Report. Warszawa: Państwowe Wydawnictwo Naukowe.
- Kozłowski J. K. 1988. L'apparition du Paléolithique supérieur // J. Kozłowski (ed). L'Homme de Neandertal. Vol. 8. La Mutation. Liege. P. 11–21.
- Kozłowski J. K. 1992. The Balkans in the Middle and Upper Palaeolithic: The gate to Europe or a cul-de-sac? // PPS. Vol. 58. P. 1–20.
- Kozłowski J. K. 1999. The evolution of the Balkan Aurignacian // W. Dawies, R. Charles (eds). Dorothy Garrod and the Progress of the Palaeolithic. Studies in the Prehistoric Archaeology of the Near East and Europe. Oxford: Oxbow Books. P. 97–117.
- Kozłowski J. K. 2000. The problem of cultural continuity between the Middle and the Upper Paleolithic in Central and Eastern Europe // O. Bar-Yosef, D. Pilbeam (eds). The Geography of Neandertals and Modern Humans in Europe and the Greater Mediterranean. Cambridge: Harvard University Press. P. 77–105.
- Kozłowski J. K. 2000a. Southern Poland between 50 and 30 kyr B.P., environment and archaeology // J. Orschiedt, G.-C. Weniger (eds). Neanderthals and Modern Humans — Discussing the Transition. Central and Eastern Europe from 50.000–30.000 B.P. Mettmann: Neanderthal Museum. P. 76–91.
- Kozłowski J. K. 2004. Early Upper Paleolithic backed blade industries in Central and Eastern Europe // P. J. Brantingham, S. L. Kuhn, K. W. Kerry (eds). The Early Upper Paleolithic Beyond Western Europe. Berkeley: University of California Press. P. 14–29.
- Kozłowski J. K. 2004a. Early Upper Paleolithic Levallois-derived industries in the Balkans and in the Middle Danube basin // Anthropologie. Vol. 42. N 3. P. 263–280.
- Kozłowski J. K., A. Dagnan-Ginter, I. Gatsov, S. Sirakova. 1982. Upper Paleolithic assemblages // J. K. Kozłowski (ed). Excavation in the Bacho Kiro Cave (Bulgaria). Final Report. Warszawa: Państwowe Wydawnictwo Naukowe. P. 119–167.
- Kozłowski J. K., M. Otte. 2000. The formation of the Aurignacian in Europe // JAnR. Vol. 56. N 4. P. 513–534.
- Krause J., L. Orlando, D. Serre, B. Viola, K. Prüfer, M. P. Richards, J.-J. Hublin, C. Hänni, A. Derevianko, S. Pääbo. 2007. Neandertals in Central Asia and Siberia // Nature. Vol. 449. P. 902–904.
- Krings M., A. Stone, R. W. Schmitz, H. Krainitzki, H. Stoneking, S. Pääbo. 1997. Neanderthal DNA sequences and the origin of modern humans // Cell. Vol. 90. N 1. P. 19–30.
- Krings M., C. Capelli, F. Tschentscher, H. Geisert, S. Meyer, A. von Haeseler, K. Grosschmidt, G. Possnert, M. Paunovic, S. Pääbo. 2000. A view of Neanderthal genetic diversity // Nature Genetics. Vol. 26. P. 144–146.
- Kuhn S. L. 2002. Pioneers of microlithization: The «Proto-Aurignacian» of Southern Europe // S. L. Kuhn, R. G. Elston (eds). Thinking Small: Global Perspectives on Microlithization (Archeological Papers of the American Anthropological Association 12). P. 83–93.
- Kuhn S. L. 2003. In what sense is the Levantine Initial Upper Paleolithic a «transitional» industry? // J. Zilhão, F. d'Errico (eds). The Chronology of the Aurignacian and of the Tran-

- sitional Technocomplexes. Dating, Stratigraphies, Cultural Implications. Lisboa: Instituto Português de Arqueologia (TA 33). P. 61–69.
- Kuhn S. L. 2004. From initial Upper Paleolithic to Ahmarian at Üçağizli Cave, Turkey // *Anthropologie*. Vol. 42. N3. P. 249–263.
- Kuhn S. L. 2006. Trajectories of change in the Middle Paleolithic of Italy // E. Hovers, S. L. Kuhn (eds). *Transitions Before the Transition. Evolution and Stability in the Middle Paleolithic and Middle Stone Age*. New York: Springer. P. 109–120.
- Kuhn S. L., A. Bietti. 2000. The late Middle and early Upper Paleolithic in Italy // O. Bar-Yosef, D. Pilbeam (eds). *The Geography of Neandertals and Modern Humans in Europe and the Greater Mediterranean*. Cambridge: Harvard University Press. P. 49–76.
- Kuhn S. L., M. C. Stiner. 1998. The earliest Aurignatian of Riparo Mochi (Liguria, Italy) // *CAn*. Vol. 39. Supplement 1. P. 175–189.
- Kuhn S. L., M. C. Stiner, E. Gules. 1999. Initial Upper Palaeolithic in south-central Turkey and its regional context: a preliminary report // *Antiquity*. Vol. 73. N 281. P. 505–517.
- Kuhn S. L., Stiner M. C., Reese D. S., Güleç E. 2001. Ornaments of the earliest Upper Paleolithic: New insights from the Levant // *PNAS*. Vol. 98. N13. P. 7641–7646.
- Kuhn S. L., M. C. Stiner, E. Gules. 2004. New perspectives on the Initial Upper Palaeolithic. The view from Üçağizli Cave, Turkey // P. J. Brantingham, S. L. Kuhn, K. W. Kerry (eds). *The Early Upper Paleolithic Beyond Western Europe*. Berkeley: University of California Press. P. 113–128.
- Kuman K., M. Imbar, R. J. Clarke. 1999. Palaeoenvironments and cultural sequence of the Florisbad Middle Stone Age hominid site, South Africa // *JAS*. Vol. 26. N12. P. 1409–1425.
- Lalueza-Fox C., M. Lourdes Sampietro, D. Caramelli, Y. Puder, M. Lari, F. Calafell, C. Martínez-Maza, M. Bastir, J. Fortea, M. de la Rasilla, J. Bertranpetit, A. Rosas. 2005. Neandertal evolutionary genetics: Mitochondrial DNA data from the Iberian Peninsula // *MBE*. Vol. 22. N4. P. 1077–1081.
- Lalueza-Fox C., J. Krause, D. Caramelli, G. Catalano, L. Milani, M. L. Sampietro, F. Calafell, C. Martínez-Maza, M. Bastir, A. García-Taberner, M. de la Rasilla, J. Fortea, S. Pääbo, J. Bertranpetit, A. Rosas. 2006. Mitochondrial DNA of an Iberian Neandertal suggests a population affinity with other European Neandertals // *CB*. Vol. 16. N16. P. 629–630.
- Lavachery P., E. Cornelissen, J. Moeyersons, P. De Maret. 1996. 30 000 ans d'occupation, 6 mois de fouilles: Shum Laka, un site exceptionnel en Afrique centrale // *AP*. T. 107. P. 197–211.
- Lemorini C., M. C. Stiner, A. Gopher, R. Shimelmitz, R. Barkai. 2006. Use-wear analysis of an Amudian laminar assemblage from the Acheuleo-Yabrudian of Qesem Cave, Israel // *JAS*. Vol. 33. N7. P. 921–934.
- Leroyer C., A. Leroi-Gourhan. 1983. Problèmes de chronologie le castelperronien et l'aurignacien // *BSPF*. T. 80. N1. P. 41–44.
- Lévêque F. 1989. L'Homme de Saint-Césaire: sa place dans le Castelperronien de Poitou-Charantes // *L'Homme de Neanderthal*. Vol. 7. L'Extinction. Liège. P. 99–108.
- Lévêque F., A. M. Backer, M. Guilbaud. 1993. Context of a Late Neandertal. Implications of Multidisciplinary Research for the Transition to Upper Paleolithic Adaptations at Saint-Césaire, Charente-Maritime, France. Madison: Prehistory Press.
- Lindly J., G. Clark. 1987. Preliminary lithic analysis of the Mousterian site of Ain Difla (WHS site 634) in the Wadi Ali, west-central Jordan // *PPS*. Vol. 53. P. 279–292.
- Locht J.-L. (dir). 2002. Bettencourt-Saint-Ouen (Somme): cinq occupations au début de la dernière glaciation. Paris: Éditions de la Maison des Sciences.
- Lombard M. 2005. The Howiesons Poort of South Africa: What we know, what we think we know, what we need to know // *Southern African Humanities*. Vol. 17. P. 33–55.
- Lowe J. J. 2001. Climatic oscillations during the last glacial cycle—Nature, causes and the case for synchronous effects // *Biology and Environment: Proceedings of the Royal Irish Academy*. Vol. 101B. N1–2. P. 19–33.

- Lucas G., J.-P. Rigaud, J. F. Simek, M. Soressi. 2003. The Châtelperronian of Grotte XVI, Cénac-et-Saint-Julien (Dordogne, France) // J. Zilhão, F. d'Errico (eds). The Chronology of the Aurignacian and of the Transitional Technocomplexes. Dating, Stratigraphies, Cultural Implications. Lisboa: Instituto Português de Arqueologia (TA 33). P. 289–298.
- Macaulay V., C. Hill, A. Achilli, C. Rengo, D. Clarke, W. Meehan, J. Blackburn, O. Semino, R. Scozzari, F. Cruciani, A. Taha, N.K. Shaari, J.M. Raja, P. Ismail, Z. Zainuddin, W. Godwin, D. Bulbeck, H.-J. Bandelt, S. Oppenheimer, A. Torroni, M. Richards. 2005. Single, rapid coastal settlement of Asia revealed by analysis of complete mitochondrial genomes // *Science*. Vol. 308. P. 1034–1036.
- Madsen D. B., J. Li, P. J. Brantingham, X. Gao, R. G. Elston, R. L. Bettinger. 2001. Dating Suidonggou and the Upper Palaeolithic blade industry in North China // *Antiquity*. Vol. 75. N 290. P. 706–716.
- Maillo J. M. 2005. La producción laminar en el Chatelperroniense de Cueva Morin: modalidades, intenciones y objetivos // *TP*. Vol. 62. N 1. P. 47–64.
- Marks A. E. 1975. The current status of Upper Paleolithic studies from the Maghreb to the Northern Levant // F. Wendorf, A. E. Marks (eds). *Problems in Prehistory: North Africa and the Levant*. Dallas: Southern Methodist University Press. P. 439–457.
- Marks A. E. 1977. The Upper Paleolithic sites of Boker Tachtit and Boker: A preliminary report // A. E. Marks (ed). *Prehistory and Paleoenvironments in the Central Negev, Israel*. Vol. 2. Dallas: Southern Methodist University. P. 61–79.
- Marks A. E. 1983. The Middle to Upper Paleolithic transition in the Levant // F. Wendorf, A. E. Close (eds.). *Advances in World Archaeology*. New York: Academic Press. P. 51–98.
- Marks A. E. 1983a. The sites of Boker Tachtit and Boker: A brief introduction // A. E. Marks (ed). *Prehistory and Paleoenvironments in the Central Negev, Israel*. Vol. 3. Dallas: Southern Methodist University. P. 15–37.
- Marks A. E. 1993. The Early Upper Paleolithic: The view from the Levant // // H. Knecht, A. Pike-Tay, R. White (eds). *Before Lascaux. The Complex Record of the Early Upper Paleolithic*. CRC Press. P. 5–22.
- Marks A. E. 1998. A new Middle to Upper Paleolithic «transitional» assemblage from Buran-Kaya III, level C: a preliminary report // M. Otte (dir.). *Préhistoire d'Anatolie, Genèse de deux mondes*. Liege (ERAUL 85). P. 353–366.
- Marks A. E. 2005. Comments after four decades of research on the Middle to Upper Paleolithic transition // *Mitteilungen der Gesellschaft für Urgeschichte*. B. 14. S. 81–86.
- Marks A. E., D. Kaufman. 1983. Boker Tachtit: The artifacts // A. E. Marks (ed). *Prehistory and Paleoenvironments in the Central Negev, Israel*. Vol. 3. Dallas: Southern Methodist University. P. 69–125.
- Marks A. E., K. Monigal. 1995. Modeling the production of elongated blanks from the Early Levantine Mousterian at Rosh Ein Mor // H. L. Dibble, O. Bar-Yosef (eds). *The Definition and Interpretation of Levallois Technology*. Madison: Prehistory Press. P. 267–277.
- Marks A., Volkman P. 1986. The Mousterian of Ksar Akil: levels XXVIA through XXVIII B // *Paléorient*. Vol. 12. N° 1. P. 5–20.
- Maroto J., N. Soler, J. M. Fullola. 1996. Cultural change between Middle and Upper Palaeolithic in catalonia // E. Carbonell, M. Vaquero (eds). *The Last Neandertals, the First Anatomically Modern Humans*. Barcelona. P. 219–250.
- Matsumura H., Pookajorn S. 2005. A morphometric analysis of the Late Pleistocene Human Skeleton from the Moh Khiew Cave in Thailand // *JCHB*. Vol. 56. N 2. P. 93–118.
- McBrearty S. 1999. The archaeology of the Kapthurin Formation // P. Andrews, P. Banham (eds.). *Late Cenozoic Environments and Hominid Evolution: a Tribute to Bill Bishop*. London: Geological Society. P. 143–156.
- McBrearty S., A. S. Brooks. 2000. The revolution that wasn't: a new interpretation of the origin of modern human behavior // *JHE*. Vol. 39. N 5. P. 453–563.

- McBrearty S., C. Tryon. 2006. From Acheulean to Middle Stone Age in the Kapthurin Formation, Kenya // E. Hovers, S.L. Kuhn (eds). *Transitions Before the Transition. Evolution and Stability in the Middle Paleolithic and Middle Stone Age*. New York: Springer. P. 257–277.
- McBurney C. B. M. 1967. *The Haua Fteah (Cyrenaica)*. Cambridge: Cambridge University Press.
- McBurney C. B. M., R. Hey. 1955. *Prehistory and Pleistocene Geology in Cyrenaican Lybya*. Cambridge: Cambridge University Press.
- McCarthy et al. 2007. The taxonomic status of early *Homo sapiens* from Herto, Ethiopia. Paper presented to the Annual Meeting of the Paleoanthropological Society. Philadelphia.
- McClure H. 1994. A new Arabian stone tool assemblage and notes on the Aterian industry of North Africa // *Arabian Archaeology and Epigraphy*. Vol. 5. N1. P. 1–16.
- McDermott F., R. Grün, C. B. Stringer, C. J. Hawkesworth. 1993. Mass-spectrometric U-series dates for Israeli Neanderthal — early modern hominid sites // *Nature*. Vol. 363. P. 252–254.
- McDermott F., C. Stringer, R. Grün, C.T. Williams, V. K. Din. 1996. New Late-Pleistocene uranium-thorium and ESR dates for the Singa hominid (Sudan) // *JHE*. Vol. 31. N6. P. 507–516.
- McDougall I., F. H. Brown, J. G. Fleagle. 2005. Stratigraphic placement and age of modern humans from Kibish, Ethiopia // *Nature*. Vol. 433. P. 733–736.
- Mehlman M. J. 1991. Context for the emergence of modern man in Eastern Africa: some new Tanzanian evidence // J. D. Clark (ed). *Cultural Beginnings. Approaches to Understanding Early Hominid Life-Ways in the African Savanna*. Bonn: Habelt. P. 177–196.
- Meignen L. 1998. Hayonim cave lithic assemblages in the context of the Near-Eastern Middle Paleolithic: a preliminary report // T. Akazawa, K. Aoki, O. Bar-Yosef (eds). *Neandertals and Modern Humans in Western Asia*. New York: Plenum Press. P. 165–180.
- Meignen L., J.-M. Geneste, L. Koulakoukaia, A. Sytnik. 2004. Koulichivka and its place in the Middle-Upper Paleolithic transition in Eastern Europe // P. J. Brantingham, S. L. Kuhn, K. W. Kerry (eds). *The Early Upper Paleolithic Beyond Western Europe*. Berkeley: University of California Press. P. 50–63.
- Meignen L., O. Bar-Yosef, J. D. Speth, M. C. Stiner. 2006. Middle Paleolithic settlement patterns in the Levant // E. Hovers, S. L. Kuhn (eds). *Transitions Before the Transition. Evolution and Stability in the Middle Paleolithic and Middle Stone Age*. New York: Springer. P. 149–169.
- Mellars P. 1996. *The Neanderthal Legacy. An Archaeological Perspective from Western Europe*. Princeton: Princeton University Press.
- Mellars P. 1996a. The emergence of biologically modern populations in Europe: A social and cognitive revolution? // *Evolution of Social Behaviour Patterns in Primates and Man*. Oxford (Proceedings of the British Academy 88). P. 179–201.
- Mellars P. 1996b. Symbolism, language, and the Neanderthal mind // *Modelling the Early Human Mind*. Cambridge: Cambridge University Press. P. 15–32.
- Mellars P. 1998. The fate of the Neanderthals // *Nature*. Vol. 395. P. 539–540.
- Mellars P. 1998a. The impact of climatic changes on the demography of late Neanderthal and early anatomically modern populations in Europe // T. Akazawa, K. Aoki, O. Bar-Yosef (eds). *Neandertals and Modern Humans in Western Asia*. New York: Plenum Press. P. 493–507.
- Mellars P. 1998b. Neanderthals, modern humans and the archaeological evidence for language // N. Jablonski, L. Aiello (eds). *The Origins and Diversification of Language* San Francisco: California Academy of Sciences. P. 89–115.
- Mellars P. 2000. Chatelperronian chronology and the case for Neanderthal/modern human acculturation in Western Europe // C. B. Stringer, R. N. E. Barton, J. C. Finlayson (eds). *Neanderthals on the Edge*. Oxford: Oxbow Books. P. 33–39.
- Mellars P. 2000a. The archaeological records of the Neanderthal — modern human transition in France // O. Bar-Yosef, D. Pilbeam (eds). *The Geography of Neandertals and Modern Humans in Europe and the Greater Mediterranean*. Cambridge: Harvard University Press. P. 35–47.

- Mellars P.* 2005. The impossible coincidence. A single-species model for the origins of modern human behavior in Europe // *EA*. Vol. 14. N1. P. 12–27.
- Mellars P.* 2006. Archeology and the dispersal of modern humans in Europe: Deconstructing the «Aurignacian» // *EA*. Vol. 15. N5. P. 167–182.
- Mellars P.* 2006a. A new radiocarbon revolution and the dispersal of modern humans in Europe // *Nature*. Vol. 439. P. 931–935.
- Mellars P.* 2006b. Going East: New genetic and archaeological perspectives on the modern human colonization of Eurasia // *Science*. Vol. 313. P. 796–800.
- Mellars P., M. Otte, L.G. Straus, J. Zilhão, F. D'Errico.* 1999. The Neanderthal problem continued // *CAn*. Vol. 40. N3. P. 341–363.
- Mellars P., J. Tixier.* 1989. Radiocarbon-accelerator dating of Ksar' Akil (Lebanon) and the chronology of the Upper Palaeolithic sequence of the Near East // *Antiquity*. Vol. 63. N241. P. 761–768.
- Mercader J., A. S. Brooks.* 2001. Across forests and savannas: Later Stone Age assemblages from Ituri and Semliki, Democratic Republic of Congo // *JAnR*. Vol. 57. N2. P. 197–217.
- Mercier N., H. Valladas.* 2003. Reassessment of TL age estimates of burnt flints from the Paleolithic site of Tabun Cave, Israel // *JHE*. Vol. 45. N5. P. 401–409.
- Mercier N., H. Valladas, O. Bar-Yosef, B. Vandermeersch, C. Stringer, J.-L. Joron.* 1993. Thermoluminescence date for the Mousterian burial site of Es Skhul, Mt. Carmel // *JAS*. Vol. 20. N2. P. 169–174.
- Mercier N., H. Valladas, L. Froget.* 1999. Thermoluminescence dating of a Middle Paleolithic occupation at Sodmein Cave, Red Sea Mountains // *JAS*. Vol. 26. N11. P. 1339–1445.
- Mercier N., H. Valladas, L. Froget, J.-L. Joron, J.-L. Reyss, S. Weiner, P. Goldberg, L. Meignen, O. Bar-Yosef, A. Belfer-Cohen, M. Chech, S. L. Kuhn, M. C. Stiner, A.-M. Tillier, B. Arensburg, B. Vandermeersch.* 2007. Hayonim Cave: a TL-based chronology for this Levantine Mousterian sequence // *JAS*. Vol. 34. N7. P. 1064–1077.
- Mercier N., L. Wengler, H. Valladas, J.-L. Joron, L. Froget, J.-L. Reyss.* 2007a. The Rhafas Cave (Morocco): Chronology of the mousterian and atherian archaeological occupations and their implications for Quaternary geochronology based on luminescence (TL/OSL) age determinations // *Quaternary Geochronology*. Vol. 2. N1–4. P. 309–313.
- Meshveliani T., O. Bar-Yosef, A. Belfer-Cohen.* 2004. The Upper Paleolithic in Western Georgia // P. J. Brantingham, S. L. Kuhn, K. W. Kerry (eds). *The Early Upper Paleolithic Beyond Western Europe*. Berkeley: University of California Press. P. 129–143.
- Miller G. H., P. B. Beaumont, H. J. Deacon, A. S. Brooks, P. E. Hare, A. J. T. Jull.* 1999. Earliest modern humans in southern Africa dated by isoleucine epimerization in ostrich eggshell // *QSR*. Vol. 18. N13. P. 1537–1548.
- Misra V. N.* 2001. Archaeological evidence of early modern human occupation in South Asia // *Humanity from African Naissance to Coming Millennia*. P. V. Tobias, M. A. Raath, J. Moggi-Cecchi, G. A. Doyle (eds). Firenze: Firenze University Press. P. 223–229.
- Misra V. N.* 2001a. Prehistoric human colonization of India // *Journal of Bioscience*. Vol. 26. Supplement. P. 491–531.
- Mitchell P. J.* 1994. Understanding the MSA/LSA transition: The pre-20 000 BP assemblages from new excavations at Sehonghong Rock shelter, Lesotho // *Southern African Field Archaeology*. Vol. 3. P. 15–25.
- Mithen S.* 1998. A creative explosion? Theory of mind, language and the disembodied mind of the Upper Paleolithic // S. Mithen (ed). *Creativity in Human Evolution and Prehistory*. London, New York: Routledge. P. 164–191.
- Moncel M.-H., J.-L. Voicín.* 2006. Les «industries de transition» et le mode de spéciation des groupes néandertaliens en Europe entre 40 et 30 ka // *CRP*. N5. P. 183–192.
- Monigal K.* 2002. *The Levantine Leptolithic: Blade Production from the Lower Paleolithic to the Dawn of the Upper Paleolithic*. Unpublished Ph.D. dissertation. Dallas: Southern Methodist University.

- Morel J. 1974. La station éponyme de l'Oued Djebbana a Bir-el-Ater (Est Algérie) // *L'Anthropologie*. T. 78. N 1. P. 53–80.
- Morse K. 1993. Shell beads from Mandu mandu Creek rock-shelter, Cape Range peninsula, Western Australia, dated before 30,000 b. p. // *Antiquity*. Vol. 67. N 257. P. 877–883.
- Muhsen S. 1992. The transitional Lower-Middle Paleolithic industries in Syria // T. Akazava, K. Aoki, T. Kimura (eds). *The Evolution and Dispersal of Modern Humans in Asia*. Tokyo: Hokusen-Sha. P. 51–65.
- Munday F. C. 1977. Nahal Aqev (D35): A stratified, open-air Mousterian occupation in the Avdat/Aqev area // A. E. Marks (ed). *Prehistory and Paleoenvironments in the Central Negev, Israel*. Volume II. Dallas: Southern Methodist University. P. 35–60.
- Mussi M. 2001. *Earliest Italy. An Overview of the Italian Paleolithic and Mesolithic*. New York: Kluwer Academic/Plenum Publishers.
- Newcomer M. H. 1968–1969. The chamfered pieces from Ksar Akil (Lebanon) // *Bulletin of the Institute of Archaeology, London*. Vol. 8–9. P. 177–191.
- Nehoroshev P. E., L. B. Vishnyatsky. 2000. Shlyakh — a new late Middle Paleolithic site in the South Russian Plain // J. Orschiedt, G.-C. Weniger (eds). *Neanderthals and Modern Humans — Discussing the Transition: Central and Eastern Europe from 50.000–30.000 B.P.* Mettmann: Neanderthal Museum. P. 256–266.
- Nigst P. R. 2006. The first modern humans in the Middle Danube area? New evidence from Willendorf II (Eastern Austria) // N. J. Conard (ed). *When Neanderthals and Modern Humans Met*. Tübingen: Kerns Verlag. P. 269–304.
- Nishiaki Y., L. Copeland. 1992. Keoue Cave, Northern Lebanon, and its place in the context of the Levantine Mousterian // T. Akazawa, K. Aoki, T. Kimura (eds). *The Evolution and Dispersal of Modern Humans in Asia*. Tokyo: Hokusen-Sha. P. 107–127.
- Noble W., I. Davidson. 1991. The evolutionary emergence of modern human behaviour: language and its archaeology // *Man*. Vol. 26. N 2. P. 223–253.
- Noll J. D. 2001. A reanalysis of the origin of modern humans using the mitochondrial control region // *Bioscience*. Vol. 27. N 3. P. 9–14.
- Noonan J. P., G. Coop, S. Kudaravalli, D. Smith, J. Krause, J. Alessi, F. Chen, D. Platt, S. Pääbo, J. K. Pritchard, E. M. Rubin. 2006. Sequencing and Analysis of Neanderthal Genomic DNA // *Science*. Vol. 314. P. 1113–1118.
- Ohnuma K. 1988. Ksar Akil, Lebanon: A Technological Study of the Earlier Upper Palaeolithic Levels of Ksar Akil. Levels XXV–XIV. Oxford: BAR International Series 426.
- Oliva M. 1988. Pointes foliacées et technique levallois dans le passage paléolithique moyen/paléolithique supérieur en Europe centrale // J. Kozłowski (ed). *L'Homme de Neandertal*. Vol. 8. La Mutation. Liège. P. 125–131.
- Oliva M. 1991. The Szeletian in Czechoslovakia // *Antiquity*. Vol. 65. N 247. P. 318–325.
- Oliva M. 1993. The Aurignacian in Moravia // H. Knecht, A. Pike-Tay, R. White (eds). *Before Lascaux. The Complex Record of the Early Upper Paleolithic*. CRC Press. P. 37–55.
- Oliva M. 1995. Le Szélétien de Tchecoslovaquie: industrie lithique et répartition géographique // *Les industries à pointes foliacées d'Europe Centrale (Paleo. Supplément 1)*. P. 83–90.
- Olivieri A., A. Achilli, M. Pala, V. Battaglia, S. Fornarino, N. Al-Zahery, R. Scozzari, F. Cruciani, D. M. Behar, J.-M. Dugoujon, C. Coudray, A. S. Santachiara-Benerecetti, O. Semino, H.-J. Bandelt, A. Torroni. 2006. The mtDNA legacy of the Levantine Early Upper Palaeolithic in Africa // *Science*. Vol. 314. P. 1767–1770.
- Olszewski D. I. 1999. The Early Upper Palaeolithic in the Zagros Mountains // W. Dawies, R. Charles (eds). *Dorothy Garrod and the Progress of the Palaeolithic. Studies in the Prehistoric Archaeology of the Near East and Europe*. Oxford: Oxbow Books. P. 167–180.
- Olszewski D. I., H. L. Dibble. 1994. The Zagros Aurignacian // *CAn*. Vol. 35. N 1. P. 68–75.
- Onorati G. 1986. Découverte en Provence orientale (grotte Rainaude) d'une industrie souche de l'Aurignacien. Cette civilisation est-elle monolithique? // *BSPF*. T. 83. N 8. P. 240–256.

- Onoradini G.* 2004. Le Protoaurignacien: première culture de l'homme moderne de Provence et Ligurie // *L'Anthropologie*. T. 108. N 2. P. 239-249.
- Onoradini G.* 2006. L'émergence de l'Homme moderne en zone nord-méditerranéenne // *CRP*. N 5. P. 193-202.
- Onoradini G., P. Simon, S. Simone.* 1999. Mise en évidence du Protoaurignacien à la grotte de l'Observatoire (principauté de Monaco) // *Bull. Mus. Anthropol. Prehist. Monaco*. N 40. P. 43-56.
- Opperman H., B. Heydenrych.* 1990. A 22,000 year old Middle Stone Age camp site with plant food remains from the North-Eastern Cape // *SAAB*. Vol. 45. N 152. P. 93-99.
- Orlando L., P. Darlu, M. Toussaint, D. Bonjean, M. Otte, C. Hänn.* 2006. Revisiting Neandertal diversity with a 100,000 year old mtDNA sequence // *CB*. Vol. 16. N 11. P. 400-402.
- Orquera L. A.* 1984. Specialization and the Middle/Upper Paleolithic transition // *CAn*. Vol. 25. N 1. P. 73-98.
- Otte M., F. Biglari.* 2004. Témoins aurignaciens dans le Zagros, Iran // *Anthropologie*. Vol. 42. N 3. P. 243-247.
- Otte M., J. K. Kozłowski.* 2004. La place du Baradostien dans l'origine du Paléolithique supérieur d'Eurasie // *L'Anthropologie*. T. 108. N 3-4. P. 395-406.
- Otte M., F. Biglari, D. Flas, S. Shidrang, N. Zwyns, M. Mashkour, R. Naderi, A. Mohaseb, N. Hashemi, J. Darvish, V. Radu.* 2007. The Aurignacian in the Zagros region: new research at Yafteh Cave, Lorestan, Iran // *Antiquity*. Vol. 81. N 311. P. 82-96.
- Otte M., E. Boëda, P. Haesaerts.* 1990. Rocourt: industrie laminaire archaïque // *Helinium*. Vol. 29. N 1. P. 3-13.
- Ovchinnikov I. V., A. Gotherstrom, G. P. Romanova, V. M. Kharitonov, K. Liden, W. Goodwin.* 2000. Molecular analysis of Neanderthal DNA from the northern Caucasus // *Nature*. Vol. 404. P. 490-493.
- Palma di Cesnola A.* 1989. L'Uluzzien: faciès italien du leptolithique archaïque // *L'Anthropologie*. T. 93. N 4. P. 783-812.
- Panagopoulou E., P. Karkanias, G. Tsartsidou, E. Kotjabopoulou, K. Harvati, M. Ntinou.* 2002-2004. Late Pleistocene archaeological and fossil human evidence from Lakonis cave, Southern Greece. *JFA*. Vol. 29. N 3-4. P. 323-349.
- Pasty J.-F.* 1997. Étude technologique du site Atérien d'El-Azrag (Mauritanie) // *Paleo*. Vol. 9. P. 173-190.
- Pasty J.-F.* 1998. Étude du site Atérien d'Arouakim (Mauritanie) // *L'Anthropologie*. T. 102. N 3. P. 241-263.
- Paulik A. F., Ronquillo W.* 2003. The Paleolithic in the Philippines // *Lithic Technology*. Vol. 28. N 2. P. 79-93.
- Pearson O. M.* 2000. Postcranial remains and the origin of modern humans // *EA*. Vol. 9. N 6. P. 229-247.
- Pearson O. M.* 2004. Has the combination of genetic and fossil evidence solved the riddle of modern human origins? // *EA*. Vol. 13. N 4. P. 145-159.
- Pelegrin J.* 1995. Technologie lithique: le Châtelperronien de Roc-de-Combe (Lot) et de La Côte (Dordogne). Paris: CNRS éditions.
- Pelegrin J.* 2000. Les techniques de débitage laminaire au Tardiglaciaire: critères de diagnose et quelques réflexions // B. Valentin, P. Bodu, M. Christensen (dir). *L'Europe centrale et septentrionale au Tardiglaciaire*. Nemours: APRAIF. P. 73-86.
- Petralgia M. D., A. Alsharekh.* 2003. The Middle Palaeolithic of Arabia: Implications for modern human origins, behaviour and dispersals // *Antiquity*. Vol. 77. N 298. P. 671-684.
- Pettitt P. B.* 1999. Disappearing from the world: an archaeological perspective on neanderthal extinction // *OJA*. Vol. 18. N 3. P. 217-240.
- Pettitt P. B., C. B. Ramsey, R. E. M. Hedges, G. W. L. Hodgins.* 2000. AMS radiocarbon dating at Oxford and its contribution to issues of the extinction of Neanderthals and the spread

- of *Homo sapiens sapiens* across Eurasia // Nuclear Instruments and Methods in Physics Research, B. Vol. 172. P. 751–755.
- Peyrony D.* 1933. Les industries 'aurignaciennes' dans le bassin de la Vézère // BSPF. T. 30. N 8. P. 543–559.
- Phillips J. L.* 1988. The Upper Paleolithic of the Wadi Feiran, Southern Sinai // Paléorient. Vol. 4. N 2. P. 183–200.
- Phillips J. L.* 1994. The Upper Paleolithic chronology of the Levant and the Nile Valley // O. Bar-Yosef, R. S. Kra (eds). Late Quaternary Chronology and Paleoclimates of the Eastern Mediterranean. Tucson. P. 169–176.
- Pleurdeau D.* 2003. Le Middle Stone Age de la grotte du Porc-Épic (Dire Dawa, Éthiopie): gestion des matières premières et comportements techniques // L'Anthropologie. T. 107. N 1. P. 15–48.
- Plisson H., B. Schmider.* 1990. Etude préliminaire d'une série de pointes de Châtelperron de la grotte de Renne à Arcy-sur-Cure. Approche morphométrique, technologique et tracéologique // C. Farizy (ed). Paléolithique Moyen récent et Paléolithique supérieur ancien en Europe. Nemours: Musée de Préhistoire d'Ile de France. P. 313–318.
- Porat N., M. Chazan, H. Schwarcz, L. K. Horwitz.* 2002. Timing of the Lower to Middle Paleolithic boundary: new dates from the Levant // JHE. Vol. 43. N 1. P. 107–122.
- Prošek F.* 1953. Szeletien na Slovensku // Slovenská Archeológia. Vol. 1. P. 133–194.
- Prugnolle F., A. Manica, F. Balloux.* 2005. Geography predicts neutral genetic diversity of human populations // CB. Vol. 15. N 5. P. 159–160.
- Pyle D. M., G. D. Ricketts, V. Margarib, T. H. van Andel, A. A. Sinitsyn, N. D. Praslov, S. Lisitsyn.* 2006. Wide dispersal and deposition of distal tephra during the Pleistocene 'Campanian Ignimbrite/Y5' eruption, Italy // QSR. Vol. 25. N 21–22. P. 2713–2728.
- Quam R. M., F. H. Smith.* 1998. A reassessment of the Tabun C2 mandible // T. Akazawa, K. Aoki, O. Bar-Yosef (eds). Neandertals and Modern Humans in Western Asia. New York: Plenum Press. P. 405–421.
- Quickert N. A., D. I. Godfrey-Smith, J. L. Casey.* 2003. Optical and thermoluminescence dating of Middle Stone Age and Kintampo bearing sediments at Birimi, a multi-component archaeological site in Ghana // QSR. Vol. 22. N 10–13. P. 1291–1297.
- Raimbault M.* 1988. Pour une approche du Paléolithique du Sahara malien // Travaux du Laboratoire d'Anthropologie et de Préhistoire des Pays de la Méditerranée Occidentale. Université de Provence. P. 57–69.
- Rak Y.* 1998. Does any Mousterian cave represent evidence of two hominid species? // T. Akazawa, K. Aoki, O. Bar-Yosef (eds). Neandertals and Modern Humans in Western Asia. New York: Plenum Press. P. 353–366.
- Rampino M. R., S. Self.* 1992. Volcanic winter and accelerated glaciation following the Toba supereruption // Nature. Vol. 359. P. 50–52.
- Raposo L.* 2000. The Middle-Upper Palaeolithic transition in Portugal // C. B. Stringer, R. N. E. Barton, J. C. Finlayson (eds). Neanderthals on the Edge. Oxford: Oxbow Books. P. 95–109.
- Rice P. M.* 1999. On the origins of pottery // JAMT. Vol. 6. N 1. P. 1–54.
- Reimer P. J., M. G. L. Baillie, G. McCormac, R. W. Reimer, E. Bard, J. W. Beck, P. G. Blackwell, C. E. Buck, G. S. Burr, R. L. Edwards, M. Friedrich, T. P. Guilderson, A. G. Hogg, K. A. Hughen, B. Kromer, S. Manning, J. R. Southon, M. Stuiver, J. van der Plicht, C. E. Weyhenmeyer.* 2006. Comment on Fairbanks et al. 2005 // QSR. Vol. 25. N 7–8. P. 855–862.
- Reich D. E., D. B. Goldstein.* 1998. Genetic evidence for a Paleolithic human population expansion in Africa // PNAS. Vol. 95. N 14. P. 8119–8123.
- Relethford J. H., Jorde L. B.* 1999. Genetic evidence for larger African population size during recent human evolution // AJPA. Vol. 108. N 3. P. 251–260.
- Renfrew C.* 1978. The anatomy of innovation // D. Green, C. Haselgrove, W. Spriggs (eds). Social Organization and Settlement. Oxford: BAR International Series 47(1). P. 89–117.

- Revillion S.* 1994. Les industries laminaires du Paléolithique moyen en Europe septentrionale. Lille: Université des Sciences et technologies.
- Revillion S.* 1995. Technologie du débitage laminaire au Paléolithique moyen en Europe septentrionale: état de la question // BSPF. T. 92. N 4. P. 425–441.
- Revillion S., A. Tuffreau* (dir). 1994. Les industries laminaires du Paléolithique moyen. Paris: CNRS.
- Richards D. A., J. W. Beck.* 2001. Dramatic shifts in atmospheric radiocarbon during the Last Glacial period // *Antiquity*. Vol. 75. N 289. P. 482–485.
- Richter D., B. Mauz, U. Böhner, W. Weissmüller, G.A. Wagner, G. Freund, W.J. Rink, J. Richte.* 2000. Luminescence dating of the Middle/Upper Palaeolithic sites 'Sesselfelsgrötte' and 'Abri I am Schulerloch', Altmühltal, Bavaria // J. Orschiedt, G.-C. Weniger (eds). Neanderthals and Modern Humans — Discussing the Transition. Central and Eastern Europe from 50.000–30.000 B. P. Mettmann: Neanderthal Museum. P. 30–41.
- Richter D., J. Waiblinger, W. J. Rink, G. A. Wagner.* 2000a. Thermoluminescence, electron spin resonance and ^{14}C dating of the Late Middle and Early Upper Palaeolithic site of Geißenklösterle Cave in Southern Germany // *JAS*. Vol. 27. N 1. P. 71–89.
- Richter D., H. B. Schroeder, W. J. Rink, P. J. Julig, H. P. Schwarcz.* 2001. The Middle to Upper Paleolithic transition in the Levant and new thermoluminescence dates for a Late Mousterian assemblage from Jerf al-Ajla Cave (Syria) // *Paléorient*. Vol. 27. N 2. P. 29–46.
- Rigaud J.-P.* 1996. L'émergence du Paléolithique supérieur en Europe occidentale. Le rôle du Castelperronien // XIII International Congress of Prehistoric and Protohistoric Sciences. Vol. 5. The Lower and Middle Paleolithic. Colloquium X. Forli. P. 219–223.
- Rigaud J.-P.* 1997. Scenarios for the Middle to Upper Paleolithic transition. A European perspective // G. A. Clark, C. M. Willermet (eds). Conceptual Issues in Modern Human Origins Research. New York: Aldine de Gruyter. P. 161–167.
- Rigaud J.-P.* 2000. Late Neandertals in the South West of France and the emergence of the Upper Palaeolithic // C. B. Stringer, R. N. E. Barton, J. C. Finlayson (eds). Neanderthals on the Edge. Oxford: Oxbow Books. P. 27–31.
- Rigaud J.-P., P.-J. Texier, J. Parkington, C. Poggenpoel.* 2006. Le mobilier Stillbay et Howiesons Poort de l'abri Diepkloof. La chronologie du Middle Stone Age sud-africain et ses implications // *CRP*. N 5. P. 839–849.
- Ringer Á.* 1995. Les industries à pièces foliacées en Europe centrale: Proposition de synthèse // Les industries à pointes foliacées d'Europe Centrale (Paleo. Supplément 1). P. 15–18.
- Rink W. J., H. P. Schwarcz, K. Valoch, L. Seidl, C. B. Stringer.* 1996. ESR dating of Micoquian industry and Neanderthal remains at Kůlna Cave, Czech Republic // *JAS*. Vol. 23. N 6. P. 889–901.
- Rink W. J., D. Richter, H. P. Schwarcz, A. E. Marks, K. Monigal, D. Kaufman.* 2003. Age of the Middle Palaeolithic site of Rosh Ein Mor, Central Negev, Israel: Implications for the age range of the Early Levantine Mousterian of the Levantine Corridor // *JAS*. Vol. 30. N 2. P. 195–204.
- Rink W. J., H. P. Schwarcz, A. Ronen, A. Tsatskin.* 2004. Confirmation of a near 400 ka age for the Yabrudian industry at Tabun Cave, Israel // *JAS*. Vol. 31. N 1. P. 15–20.
- Rink W. J., H. P. Schwarcz, S. Weiner, P. Goldberg, L. Meignen, O. Bar-Yosef.* 2004a. Age of the Mousterian industry at Hayonim Cave, Northern Israel, using electron spin resonance and $^{230}\text{Th}/^{234}\text{U}$ methods // *JAS*. Vol. 31. P. 953–964.
- Robbins L. H., M. L. Murphy, G. A. Brook, A. H. Ivester, A. C. Campbell, R. G. Klein, R. G. Milo, K. M. Stewart, W. S. Downey, N. J. Stevens.* 2000. Archaeology, palaeoenvironment, and chronology of the Tsodilo Hills White Paintings rock shelter, Northwest Kalahari Desert, Botswana // *JAS*. Vol. 27. N 12. P. 1085–1113.
- Robert A., S. Soriano, M. Rasse, S. Stokes, E. Huysecom.* 2003. First chrono-cultural reference framework for the West African Paleolithic: new data from Ounjougou, Dogon country, Mali // *Journal of African Archaeology*. Vol. 1. N 2. P. 151–169.

- Roberts R. G., R. Jones, N. A. Spooner, M. J. Head, A. S. Murray, M. A. Smith. 1994. The human colonization of Australia: Optical dates of 53,000 and 60,000 years bracket human arrival at Deaf Adder Gorge, Northern Territory // QSR. Vol. 13. N 5-7. P. 575-583.
- Rodrigue A. 1992. La station d'Assa. Étude d'une industrie lithique atérienne en zone présaharienne du Maroc // L'Anthropologie. T. 96. N° 4. 721-736.
- Rose J. I. 2004. New Evidence for the Expansion of an Upper Pleistocene Population out of East Africa, from the Site of Station One, Northern Sudan // CAJ. Vol. 14. N 2. P. 205-216.
- Rose J. I. 2004a. The question of Upper Pleistocene connections between East Africa and South Arabia // CAN. Vol. 45. N 4. P. 551-555.
- Rougier H., S. Milota, R. Rodrigo, M. Gherase, L. Sarcină, O. Moldovan, J. Zilhão, S. Constantin, R. G. Franciscus, C. P. E. Zollikofer, M. Ponce de León, E. Trinkaus. 2007. Peçtera cu Oase 2 and the cranial morphology of early modern Europeans // PNAS. Vol. 104. N 4. P. 165-170.
- Rust A. 1950. Die Höhlenfunde von Jabrud (Syrien). Neumunster: Karl Wachholtz.
- Salih A. 1993. Découverte d'un crochet moustérien en os dans la grotte du Jebel Irhoud (Maroc) // PAM. T. 2. P. 27-28.
- Schäfer J., V. A. Ranov. 1998. Middle Paleolithic blade industries and the Upper Paleolithic of Central Asia // M. Otte (dir.). Préhistorie d'Anatolie, Genèse de deux mondes. Liege (ERAUL 85). P. 785-814.
- Schild R. 1998. Comment // CAN. Vol. 39. Supplement. P. 133-134.
- Schillaci M. A., J. W. Froehlich. 2001. Nonhuman primate hybridization and the taxonomic status of Neanderthals // AJPA. Vol. 115. P. 157-166.
- Schmitz R., D. Serre, G. Bonani, S. Feine, F. Hillgruber, H. Krainitzki, S. Pääbo, F. H. Smith. 2002. The Neanderthal type site revisited: Interdisciplinary investigations of skeletal remains from the Neander Valley, Germany // PNAS. Vol. 99. N 20. P. 13342-13347.
- Schulz H., U. von Rad, H. Erlenkeuser. 1998. Correlation between Arabian Sea and Greenland climate oscillations of the past 110,000 years // Nature. Vol. 393. P. 54-7.
- Schwarcz H. P., R. Grün, B. Vandermeersch, O. Bar-Yosef, H. Valladas, E. Tchernov. 1988. ESR dates for the hominid burial site of Qafzeh in Israel // JHE. Vol. 17. N 6. P. 733-737.
- Schwarcz H. P., W. M. Buhay, R. Grün, H. Valladas, E. Tchernov, O. Bar-Yosef, B. Vandermeersch. 1989. ESR dating of the Neanderthal site, Kebara Cave, Israel // JAS. Vol. 16. N 6. P. 653-659.
- Schwarcz H. P., J. J. Simpson, C. B. Stringer. 1998. Neanderthal skeleton from Tabun: U-series data by gamma-ray spectrometry // JHE. Vol. 35. N 6. P. 635-645.
- Serre D., A. Langaney, M. Chech, M. Teschler-Nicola, M. Paunovic, P. Mennecier, M. Hofreiter, G. Possnert, S. Pääbo. 2004. No evidence of Neanderthal mtDNA contribution to early modern humans // PLOS Biology. Vol. 2. N 3. P. 313-317.
- Shea J. J. 2001. The Middle Paleolithic: early modern humans and Neanderthals in the Levant // Near Eastern Archaeology. Vol. 64. N 1-2. P. 38-64.
- Shea J. J. 2003. The Middle Paleolithic of the East Mediterranean Levant // JWP. Vol. 17. N 4. P. 313-394.
- Shea J. J. 2006. The Middle Paleolithic of the Levant: Recursion and convergence // E. Hovers, S. L. Kuhn (eds). Transitions Before the Transition. Evolution and Stability in the Middle Paleolithic and Middle Stone Age. New York: Springer. P. 189-212.
- Shen G., V. Michel. 2007. Position chronologique des sites de l'Homme moderne en Chine d'après la datation U-Th // L'Anthropologie. Vol. 111. N 2. P. 157-165.
- Shen G., W. Wang, Q. Wang, J. Zhao, K. Collerson, C. Zhou, P. V. Tobias. 2002. U-series dating of Liujiang hominid site in Guangxi, Southern China // JHE. Vol. 43. N 6. P. 817-829.
- Sherry S. T., A. R. Rogers, H. Harpending, H. Soodyall, T. Jenkins, M. Stoneking. 1994. Mismatch distributions of mtDNA reveal recent human population expansions // Human Biology. Vol. 66. P. 761-775.

- Shifroni A., A. Ronen.* 2000. Observations on the Yabrudian of Tabun cave, Israel // *A. Ronen, M. Weinstein-Evron* (eds). *Toward Modern Humans. The Yabrudian and Micoquian 400–50 k-years ago.* Oxford: Archaeopress, BAR International Series 850. P. 119–131.
- Siddall M., E. J. Rohling, A. Almogi-Labin, C. Hemleben, D. Meischner, I. Schmelzer, D. A. Smeed.* 2003. Sea-level fluctuations during the last glacial cycle // *Nature.* Vol. 423. P. 853–858.
- Simán K.* 1990. Population fluctuation in the Carpathian Basin from 50 to 15 thousand years BP // *AAASH.* T. 42. P. 13–19.
- Simmons T., F. Smith.* 1991. Human population relationships in the late Pleistocene // *CAN.* Vol. 32. N5. P. 623–627.
- Singer R., J. Wymer.* 1982. *The Middle Stone Age at Klasies River Mouth in South Africa.* Chicago: Chicago University Press.
- Sinitsyn A. A.* 2003. A Palaeolithic 'Pompeii' at Kostenki, Russia // *Antiquity.* Vol. 77. N295. P. 9–14.
- Sirakov N.* 1983. Reconstruction of the Middle Paleolithic flint assemblages from the cave Samuilitsa II (Northern Bulgaria) and their taxonomical position seen against the Paleolithic of South-Eastern Europe // *Folia Quaternaria.* Vol. 55. P. 1–100.
- Skinner A. R., R. L. Hay, F. Masao, B. A. B. Blackwell.* 2003. Dating the East African LSA: ESR age for the Naisiusiu Beds, Olduvai Gorge. Paper presented to the Annual Meeting of the Paleoanthropological Society. Tempe.
- Skinner A. R., B. A. B. Blackwell, S. Martin, A. Ortega, J. I. B. Blickstein, L. V. Golovanova, V. B. Doronichev.* 2005. ESR dating at Mezmaiskaya Cave, Russia // *Applied Radiation and Isotopes.* Vol. 62. P. 219–224.
- Skinner J.* 1970. El Masloukh: A Yabrudian site in Lebanon // *BMB.* T. 23. P. 143–173.
- Škrdla P.* 1996. The Bohunician reduction strategy // *Quaternaria Nova.* Vol. 6. P. 93–107.
- Škrdla P.* 2003. Bohunician and Aurignacian technologies: Morphological description // *J. Svoboda, O. Bar-Yosef* (eds). *Stránská skála. Origins of the Upper Paleolithic in the Brno Basin, Moravia, Czech Republic.* Cambridge: Peabody Museum of Archaeology and Ethnology. P. 65–76.
- Škrdla P.* 2003a. Bohunician technology: A refitting approach // *J. Svoboda, O. Bar-Yosef* (eds). *Stránská skála. Origins of the Upper Paleolithic in the Brno Basin, Moravia, Czech Republic.* Cambridge: Peabody Museum of Archaeology and Ethnology. P. 119–151.
- Škrdla P., G. Tostevin.* 2005. Brno-Bohunice, analýza materiálu z výzkumu v roce 2002. Brno-Bohunice, analysis of the material from the 2002 excavation // *Přehled výzkumů.* T. 46. P. 35–61.
- Slimak L.* 2004. *Les dernières expressions du Moustérien entre Loire et Rhône.* Thèse de doctorat de l'Université de Provence. Aix-en-Provence.
- Slimak L.* 2007. Le Néronien et la structure historique du basculement du Paléolithique moyen au Paléolithique supérieur en France méditerranéenne // *CRP.* Vol. 6. N4. P. 301–309.
- Slimak L., D. Pesesse, Y. Giraud.* 2006. Reconnaissance d'une installation du Protoaurignacien en vallée du Rhône. Implications sur nos connaissances concernant les premiers hommes modernes en France méditerranéenne // *CRP.* N5. P. 909–917.
- Smith F. H., J. F. Simek, M. S. Harrill.* 1989. Geographic variation in supraorbital torus reduction during the Later Pleistocene (c. 80000–150000 BP) // *P. Mellars, C. Stringer* (eds). *The Human Revolution. Behavioural and Biological Perspectives on the Origins of Modern Humans.* Edinburgh: Edinburgh University Press. P. 172–193.
- Smith F. H., E. Trinkaus, P. B. Pettitt, I. Karvanić, M. Pajunović.* 1999. Direct radiocarbon dates from Vindija G1 and Velika Pecina Late Pleistocene hominid remains // *PNAS.* Vol. 96. N22. P. 12281–12286.
- Smith F. H., I. Janković, I. Karvanić.* 2005. The assimilation model, modern human origins in Europe, and the extinction of Neandertals // *QI.* Vol. 137. P. 7–19.

- Smith P. E. L. 1986. *Palaeolithic Archaeology in Iran*. Philadelphia: University of Pennsylvania Press.
- Smith T. M., P. Tafforeau, D. J. Reid, R. Grün, S. Eggins, M. Boutakiout, J.-J. Hublin. 2007. Earliest evidence of modern human life history in North African early *Homo sapiens* // PNAS. Vol. 104. N 15. P. 6128–6133.
- Soffer O. 1992. Social transformations at the Middle to Upper Paleolithic transition: The implications of the European record // G. Brauer, F. H. Smith (eds). *Continuity or Replacement. Controversies in Homo sapiens Evolution*. Rotterdam: A. A. Balkema. P. 247–259.
- Soffer O. 1994. Ancestral lifeways in Eurasia. The Middle and Upper Paleolithic records // M. Nitecki, V. Nitecki (eds). *Origins of Anatomically Modern Humans*. New York: Plenum Press. P. 101–119.
- Soficaru A., A. Dobo, E. Trinkaus. 2006. Early modern humans from the Peștera Muierii, Baia de Fier, Romania // PNAS. Vol. 103. N 46. P. 17196–17201.
- Soressi M. 2002. Le Moustérien de tradition acheuléenne du sud-ouest de la France. Discussion sur la signification du faciès à partir de l'étude comparée de quatre sites: Pech-de-l'Azé I, Le Moustier, La Rochette et la Grotte XVI. Thèse de doctorat de l'Université Bordeaux I. Bordeaux.
- Soressi M., H. L. Jones, W. J. Rink, B. Maureille, A.-M. Tillier. 2007. The Pech-de-l'Azé I Neandertal child: ESR, uranium-series, and AMS 14C dating of its MTA type B context // JHE. Vol. 52. N 4. 455–466.
- Soriano S., P. Villa, L. Wadley. 2007. Blade technology and tool forms in the Middle Stone Age of South Africa: the Howiesons Poort and post-Howiesons Poort at Rose Cottage Cave // JAS. Vol. 34. N 5. P. 681–703.
- Stefan V. H., E. Trinkaus. 1998. Discrete trait and dental morphometric affinities of the Tabun 2 mandible // JHE. Vol. 34. N 5. P. 443–468.
- Stepanchuk V. N. 2005. The Archaic to true Upper Paleolithic interface: the case of Mira in the Middle Dnieper area // EP. Vol. 3. N 1. P. 23–41.
- Stiner M. C. 2001. Thirty years on the «Broad Spectrum Revolution» and Paleolithic demography // PNAS. Vol. 98. N 13. P. 6993–6996.
- Stiner M. C. 2002. Carnivory, coevolution, and the geographic spread of the genus *Homo* // JArR. Vol. 1. N 1. P. 1–63.
- Stiner M. C., N. D. Munro. 2002. Approaches to prehistoric diet breadth, demography, and prey ranking systems in time and space // JAMT. Vol. 9. N 2. P. 181–214.
- Stiner M. C., N. D. Munro, T. A. Surovell, E. Tchernov, O. Bar-Yosef. 1999. Paleolithic population growth pulses evidenced by small animal exploitation // Science. Vol. 283. P. 190–194.
- Stott L., C. Poulsen, S. Lund, R. Thunell. 2002. Super ENSO and global climate oscillations at millennial time scales // Science. Vol. 297. P. 222–226.
- Straus L. G. 1993/1994. Upper Paleolithic origins and radiocarbon calibration: More new evidence from Spain // EA. Vol. 2. N 6. P. 195–198.
- Straus L. G. 1996. Continuity or rupture; convergence or invasion; adaptation or catastrophe; mosaic or monolith: Views on the Middle to Upper Paleolithic transition in Iberia // E. Carbonell, M. Vaquero (eds). *The Last Neandertals, the First Anatomically Modern Humans*. Barcelona. P. 203–218.
- Straus L. G. 1997. The Iberian situation between 40,000 and 30,000 B.P. in light of European models of migration and convergence // G. A. Clark, C. M. Willermet (eds). *Conceptual Issues in Modern Human Origins Research*. New York: Aldine de Gruyter. P. 235–252.
- Straus L. G. 2001. Africa and Iberia in the Pleistocene // QI. Vol. 75. P. 91–102.
- Straus L. G. 2003. «The Aurignacian»? Some thoughts // J. Zilhão, F. d'Errico (eds). *The Chronology of the Aurignacian and of the Transitional Technocomplexes. Dating, Stratigraphies, Cultural Implications*. Lisboa: Instituto Português de Arqueologia (TA 33). P. 11–17.
- Straus L. G., J. L. Bischoff, E. Carbonell. 1993. A review of the Middle to Upper Paleolithic transition in Iberia // PE. Vol. 3. P. 11–27.

- Street M., T. Terberger, J. Orschiedt.* 2006. A critical review of the German Paleolithic hominin record // *JHE*. Vol. 51. N 6. P. 551–579.
- Stringer C. B.* 2003. Out of Ethiopia // *Nature*. Vol. 423. P. 692–694.
- Stringer C. B., J.-J. Hublin.* 1999. New age estimates for the Swanscombe hominid, and their significance for human evolution // *JHE*. 1999. Vol. 37. N 6. P. 873–877.
- Svoboda J.* 1986. The H.s.n./H.s.s. transition in Moravia. Chronological and archaeological background // *Fossil Man. New Facts — New Ideas*. Brno. P. 237–242.
- Svoboda J.* 1988. Early Upper Paleolithic industries in Moravia: A review of recent evidence // J. Kozłowski (ed). *L'Homme de Neandertal*. Vol. 8. La Mutation. Liège. P. 169–192.
- Svoboda J.* 1993. The complex origin of the Upper Paleolithic in the Czech and Slovak Republics // H. Knecht, A. Pike-Tay, R. White (eds). *Before Lascaux. The Complex Record of the Early Upper Paleolithic*. CRC Press. P. 23–36.
- Svoboda J.* 2001. La question szélétienne // Cliquet D. (Dir.). *Les industries a outils bifaciaux du Paléolithique moyen d'Europe occidentale*. Liège (ERAUL 98). P. 221–230.
- Svoboda J.* 2003. The Bohunician and the Aurignacian // J. Zilhão, F. d'Errico (eds). *The Chronology of the Aurignacian and of the Transitional Technocomplexes. Dating, Stratigraphies, Cultural Implications*. Lisboa: Instituto Português de Arqueologia (TA 33). P. 123–131.
- Svoboda J.* 2003a. Bohunician and Aurignacian typology at Stránská skála // J. Svoboda, O. Bar-Yosef (eds). *Stránská skála. Origins of the Upper Paleolithic in the Brno Basin, Moravia, Czech Republic*. Cambridge, Mass.: Peabody Museum of Archaeology and Ethnology. P. 153–165.
- Svoboda J.* 2005. The Neandertal extinction in eastern Central Europe // *QI*. Vol. 137. P. 69–75.
- Svoboda J., V. Ložek, E. Vlček.* 1996. *Hunters between East and West. The Paleolithic of Moravia*. New York, London: Plenum Press.
- Svoboda J., K. Simán.* 1989. The Middle-Upper Paleolithic transition in Southeastern Central Europe (Czechoslovakia and Hungary) // *JWP*. Vol. 3. N 3. P. 283–322.
- Svoboda J., Skrdla P.* 1995. The Bohunician technology // H. L. Dibble, O. Bar-Yosef (eds). *The Definition and Interpretation of Levallois Technology*. Madison: Prehistory Press. P. 429–438.
- Swisher C. C. III, W. J. Rink, S. C. Anton, H. P. Schwarcz, G. H. Curtis, A. Suprijo, Widadsmoro.* 1996. Latest *Homo erectus* of Java: Potential contemporaneity with *Homo sapiens* in Southeast Asia // *Science*. Vol. 274. P. 1870–1874.
- Takahata N., S.-H. Lee, Y. Satta.* 2001. Testing multiregionality of modern human origins // *MBE*. Vol. 18. N 2. P. 172–183.
- Tang Chung.* 2000. The Upper Palaeolithic of North China: The Xiachuan culture // *Journal of East Asian Archaeology*. Vol. 2. N 1–2. P. 37–49.
- Tattersal I., J. H. Schwartz.* 1999. Hominids and hybrids: The place of Neanderthals in human evolution // *PNAS*. Vol. 96. N 13. P. 7117–7119.
- Tchernov E.* 1998. The faunal sequences of the Southwest Asian Middle Paleolithic in relation to Hominid dispersal events // T. Akazawa, K. Aoki, O. Bar-Yosef (eds). *Neandertals and Modern Humans in Western Asia*. New York: Plenum Press. P. 77–90.
- Texier J.-P.* 1985–1986. Le site Aterien du Chaperon-Rouge I (Maroc) et son contexte géologique // *Bulletin d'archéologie marocaine*. T. XVI. 27–73.
- Texier J.-P., J. Huixtable, E. Rhodes, D. Miallier, M. Ousmoi.* 1988. Nouvelles données sur la situation chronologique de l'Aterien du Maroc et leurs implications // *Comptes Rendus Acad. Sci.* T. 307. N 7. P. 827–832.
- Texier P.-J.* 1996. Evolution and diversity in flaking techniques and methods in the Palaeolithic // *Oltre la Pietra. Modelli e Tecnologia per Capire la Preistoria*. Forlì. P. 297–321.
- Teysandier N.* 2005. Les débuts de l'Aurignacien en Europe. Discussion à partir des sites de Geissenklösterle, Willendorf II, Krems-Hundssteig et Bacho Kiro // *BSPF*. T. 102. N 1. P. 211–216.

- Teyssandier N.* 2006. Questioning the first Aurignacian: Mono or multi cultured phenomenon during the formation of the Upper Paleolithic in Central Europe and the Balkans // *Anthropologie*. Vol. 44. N 1. P. 9–29.
- Teyssandier N., D. Liolios.* 2003. Defining the earliest Aurignacian in the Swabian Alp: the relevance of the technological study of the Geissenklösterle (Baden-Württemberg, Germany) lithic and organic productions // J. Zilhão, F. d'Errico (eds). *The Chronology of the Aurignacian and of the Transitional Technocomplexes. Dating, Stratigraphies, Cultural Implications*. Lisboa: Instituto Português de Arqueologia (TA 33). P. 177–196.
- Teyssandier N., M. Bolus, N. Conard.* 2006. The Early Aurignacian in central Europe and its place in a European perspective // O. Bar-Yosef, J. Zilhão (eds). *Towards a Definition of the Aurignacian*. Lisboa: Instituto Português de Arqueologia (TA 45). P. 241–256.
- Thackeray A. I.* 2000. Middle Stone Age artefacts from the 1993 and 1993 excavations of Die Kelders Cave 1, South Africa // *JHE*. Vol. 38. N 1. P. 147–168.
- Thackeray A. I., A. J. Kelly.* 1988. A technological and typological analysis of Middle Stone Age assemblages antecedent to the Howiesons Poort at Klasies River main site // *SAAB*. Vol. 43. N 147. P. 15–26.
- Thieme H.* 1997. Lower Palaeolithic hunting spears from Germany // *Nature*. Vol. 385. P. 807–810.
- Thompson J., J. Bower, E. Fisher, A. Mabulla, C. Marean.* 2004. Loiyangalani: Behavioral and taphonomic aspects of a Middle Stone Age site in the Serengeti Plain, Tanzania. Paper presented to the Annual Meeting of the Palaeoanthropological Society. Montreal.
- Tishkoff S. A., S. M. Williams.* 2002. Genetic analysis of African populations: Human evolution and complex disease // *Nature Reviews. Genetics*. Vol. 3. P. 611–621.
- Tixier J.* 1967. Procédes d'analyse et questions de terminologie concernant l'étude des ensembles industriels du Paléolithique récent et de l'Épipaléolithique dans l'Afrique du Nord-Ouest // W. W. Bishop, J. D. Clark (eds). *Background to Evolution in Africa*. Chicago and London: The University of Chicago Press. P. 771–820.
- Ton-That T., B. Singer, M. Paterne.* 2001. 40Ar/39Ar dating of latest Pleistocene (41 ka) marine tephra in the Mediterranean Sea: Implications for global climate records // *EPSL*. Vol. 184. P. 645–658.
- Torrence R., S. E. Van der Leeuw.* 1989. Introduction: what's new about innovation? // R. Torrence, S. E. Van der Leeuw (eds). *What's New? A Closer Look at the Process of Innovation*. London: Allen and Unwin. P. 1–15.
- Tostevin G. B.* 2000. The Middle Upper Paleolithic transition from the Levant to Europe: in situ development of diffusion? // J. Orschiedt, G.-C. Weniger (eds). *Neanderthals and Modern Humans — Discussing the Transition. Central and Eastern Europe from 50.000–30.000 B. P.* Mettmann: Neanderthal Museum. P. 92–111.
- Tostevin G. B.* 2003. Attribute analysis of the lithic technologies of Stránská skála IIIc and IIId in regional and interregional context // J. Svoboda, O. Bar-Yosef (eds). *Stránská skála. Origins of the Upper Paleolithic in the Brno Basin, Moravia, Czech Republic*. Cambridge: Peabody Museum of Archaeology and Ethnology. P. 77–118.
- Tostevin G., P. Škrdla.* 2006. New excavation at Bohunice and the question of the uniqueness of the type-site for the Bohunician industrial type // *Anthropologie*. Vol. 44. N 1. P. 31–48.
- Tribolo C., N. Mercier, H. Valladas.* 2005. Chronologies des technofaciès Howieson's Poort et Still Bay (Middle Stone Age, Afrique du Sud): bilan et nouvelles données de la luminescence // *BSPF*. T. 102. N 4. P. 855–866.
- Trinkaus E.* 2005. Early modern humans // *ARA*. Vol. 34. P. 207–30.
- Trinkaus E.* 2006. Modern human versus Neandertal evolutionary distinctiveness // *CAN*. Vol. 47. N 4. P. 597–620.
- Trinkaus E.* 2007. European early modern humans and the fate of the Neandertals // *PNAS*. Vol. 104. N 18. P. 7367–7372.

- Trinkaus E., V. A. Ranov, S. Laukhin.* 2000. Middle Paleolithic human deciduous incisor from Khudji, Tajikistan // JHE. Vol. 38. N4. P. 575–583.
- Trinkaus E., S. Milota, R. Rodrigo, M. Gherase, O. Moldovan.* 2003. Early modern human cranial remains from the Peștera cu Oase, Romania // JHE. Vol. 45. N2. P. 245–253.
- Trinkaus E., O. Moldovan, S. Milota, A. Bîlgăr, L. Sarcina.* 2003a. An early modern human from the Peștera cu Oase, Romania // PNAS. Vol. 100. N20. P. 11231–11236.
- Tryon C. A., S. McBrearty.* 2002. Tephrostratigraphy and the Acheulian to Middle Stone Age transition in the Kapthurin Formation, Kenya // JHE. Vol. 42. N1–2. P. 211–235.
- Tryon C. A., S. McBrearty.* 2006. Tephrostratigraphy of the Bedded Tuff Member (Kapthurin Formation, Kenya) and the nature of archaeological change in the later middle Pleistocene // QR. Vol. 65. N3. P. 492–507.
- Tsanova T.* 2006. Les débuts du Paléolithique supérieur dans l'Est des Balkans. Réflexion à partir de l'étude taphonomique et techno-économique des ensembles lithiques des sites de Bacho Kiro (couche 11), Temnata (couches VI et 4) et Kozarnika (niveau VII). Thèse de doctorat de l'Université de Bordeaux 1. Bordeaux.
- Tsanova T., J.-G. Bordes.* 2003. Contribution au débat sur l'origine de l'Aurignacien: principaux résultats d'une étude technologique de l'industrie lithique de la couche 11 de Bacho Kiro // T. Tsonev, E. Montagnari Kokelj (eds). The Humanized Mineral World: Towards social and symbolic evaluation of prehistoric technologies in South Eastern Europe. Liège-Sofia: Université de Liège (ERAUL 103). P. 41–50.
- Tuffreau A.* 1984. Les industries moustériennes et castelperroniennes de La Ferrassie // H. Delporte (ed). Le grand abri de La Ferrassie. Fouilles 1968–1973. Paris: Institut de Paléontologie Humaine (Études quaternaires. N°7). P. 111–144.
- Tuffreau A., S. Révillion, J. Sommé, M.J. Aitken, J. Huxtable, A. Leroi-Gourhan.* 1985. Le gisement paléolithique moyen de Seclin (Nord, France) // Archéologisches Korrespondenzblatt. T. 15. N°2. P. 131–138.
- Turner C. G.* 1990. Paleolithic teeth of the Central Siberian Altai mountains // Chronostratigraphy of the Paleolithic in North, Central, East Asia and America. Novosibirsk. P. 239–243.
- Turney C. S. M., M. I. Bird, L. K. Fifield, R. G. Roberts, M. Smith, S.E. Dortch, R. Grün, E. Lawson, L. K. Ayliffe, G. H. Miller, J. Dortch, R. G. Cresswell.* 2001. Early Human Occupation at Devil's Lair, Southwestern Australia 50,000 Years Ago // QR. Vol. 55. P. 3–13.
- Tushabramishvili N., D. Lordkipanidze, A. Vekua, M. Tvalcheridze, A. Muskhelishvili, D. S. Adler.* 1999. The Palaeolithic rockshelter of Ortvale Klde, Imereti region, the Georgian republic // PE. Vol. 15. P. 65–77.
- Underhill P. A., G. Passarino, A. A. Lin, P. Shen, M. M. Lahr, R. A. Foley, P. G. Oefner, L. L. Cavalli-Sforza.* 2001. The phylogeography of Y chromosome binary haplotypes and the origins of modern human populations // Annals of Human Genetics. Vol. 65. P. 43–62.
- Usik V. I., K. Monigal, L. Kulakovskaya.* 2006. New perspectives on the Transcarpathian Middle to Upper Paleolithic boundary // N. J. Conard (ed). When Neanderthals and Modern Humans Met. Tübingen: Kerns Verlag. P. 213–232.
- Valladas H., J. L. Joron, G. Valladas, B. Arensburg, O. Bar-Yosef, A. Belfer-Cohen, P. Goldberg, H. Laville, L. Meignen, Y. Rak, E. Tchernov, A.M. Tillier, B. Vandermeersch.* 1987. Thermoluminescence dates for the Neanderthal burial site at Kebara in Israel // Nature. Vol. 330. P. 159–160.
- Valladas H., N. Mercier, L. Froget, E. Hovers, J.-L. Joron, W. H. Kimbel, Y. Rak.* 1999. TL dates for the Neanderthal site of the Amud Cave, Israel // JAS. Vol. 26. N3. P. 259–268.
- Valladas H., N. Mercier, C. Escutenaire, T. Kalicki, J. K. Kozłowski, V. Sitlivy, K. Sobczyk, A. Zieba, B. Van Vliet-Lanoë.* 2003. The late Middle Paleolithic blade technologies and the transition to the Upper Paleolithic in Southern Poland: TL dating contribution // EP. Vol. 1. N1. P. 57–82.

- Valladas H., J. L. Reys, J. L. Joron, G. Valladas, O. Bar-Yosef, B. Vandermeersch.* 1988. Thermoluminescence dating of Mousterian 'Proto-Cro-Magnon' remains from Israel and the origin of modern man // *Nature*. Vol. 331. P. 614–616.
- Valladas H., L. Wadley, N. Mercier, L. Froget, C. Tribolo, J.-L. Reys, J.-L. Joron.* 2005. Thermoluminescence dating on burnt lithics from Middle Stone Age layers at Rose Cottage Cave // *SAJS*. Vol. 101. N3–4. P. 169–174.
- Valoch K.* 1981. Beitrag zur Kenntnis des Pavlovien // *Archeologické rozhledy*. T. 33. №3. S. 279–298.
- Valoch K.* 1990. La Moravie il y a 40 000 ans // C. Farizy (ed). *Paléolithique Moyen récent et Paléolithique supérieur ancien en Europe*. Nemours: Musée de Préhistoire d'Ile de France. P. 115–124.
- Valoch K.* 1993. Vedrovice V, eine Siedlung des Szeletien in Südmären // *Quartär*. B. 43/44. S. 7–93.
- Valoch K.* 2000. Le Micoquien et les premières industries laminaires en Moravie // A. Ronen, M. Weinstein-Evron (eds). *Toward Modern Humans. The Yabrudian and Micoquian 400–50 k-years ago*. Oxford: Archaeopress, BAR International Series 850. P. 173–180.
- Valoch K., Z. Nerudová, P. Neruda.* 2000. Stránská skála III – ateliers des Bohuniens // *Památky archeologické*. T. 91. P. 5–113.
- Van Andel T.* 2002. The Climate and landscape of the middle part of the Weichselian Glaciation in Europe: The Stage 3 project // *QR*. Vol. 57. N1. P. 2–8.
- Van der Plicht J.* 2002. Calibration of the C-14 time scale: towards a complete dating range // *Netherlands Journal of Geosciences*. Vol. 81. P. 85–96.
- Van Peer P.* 1993. Levallois variability and the Middle Paleolithic of the Lower Nile Valley and the Eastern Sahara // L. Krzyżaniak, M. Kobusiewicz, J. Alexander (eds). *Environmental Change and Human Culture in the Nile Basin and Northern Africa Until the Second Millennium B.C.* Poznań: Poznań Archaeological Museum. P. 129–143.
- Van Peer P.* 1998. The Nile corridor and the Out-of-Africa model // *CAn*. Vol. 39. Supplement. P. 115–140.
- Van Peer P.* 2004. Did Middle Stone Age moderns of Sub-Saharan African descent trigger an Upper Paleolithic revolution in the Lower Nile Valley // *Anthropologie*. Vol. 42. №3. P. 215–225.
- Van Peer P., P. M. Vermeersch.* 1990. Middle to Upper Paleolithic transition: the evidence for the Nile Valley // P. Mellars (ed). *The Emergence of Modern Humans. An Archaeological Perspective*. Ithaca: Cornell University Press. P. 139–159.
- Van Peer P., P. M. Vermeersch, J. Moeyersons, W. Van Neer.* 1996. Palaeolithic sequence of Sodmein Cave, Red Sea Mountains, Egypt // G. Pwiti, R. Soper (eds). *Aspects of African Archaeology*. Harare. P. 149–156.
- Vandermeersch B.* 1981. *Les hommes fossiles de Qafzeh (Israel)*. Paris: CNRS.
- Vanhaeren M., F. d'Errico.* 2006. Aurignacian ethno-linguistic geography of Europe revealed by personal ornaments // *JAS*. Vol. 33. N1. P. 105–128.
- Vaquero M., M. Esteban, E. Allué, J. Vallverdú, E. Carbonell, J. L. Bischoff.* 2002. Middle Palaeolithic refugium, or archaeological misconception? A new U-series and radiocarbon chronology of Abric Agut (Capellades, Spain) // *JAS*. Vol. 29. N3. P. 953–958.
- Vega Toscano L. G.* 1990. La fin du Paléolithique moyen au sud de l'Espagne: ses implications dans le contexte de la péninsule Iberique // C. Farizy (ed). *Paléolithique Moyen récent et Paléolithique supérieur ancien en Europe*. Nemours: Musée de Préhistoire d'Ile de France. P. 169–176.
- Vermeersch P. M.* 1992. The Upper and Late Paleolithic of Northern and Eastern Africa // *New Light on the Northwest African Past. Current Prehistoric Research*. Cologne. P. 106–149.
- Vermeersch P. M.* 2001. «Out of Africa» from an Egyptian point of view // *QI*. Vol. 75. P. 103–112.

- Vermeersch P. M., E. Paulissen, G. Gijssels, M. Otte, A. Thoma, P. van Peer, R. Lauwers.* 1984. 33,000-yr old chert mining site and related *Homo* in the Egyptian Nile Valley // *Nature*. Vol. 309. P. 342-344.
- Vermeersch P. M., E. Paulissen, S. Stokes, C. Charlier, P. Van Peer, C. Stringer, W. Lindsay.* 1998. A Middle Palaeolithic burial of a modern human at Taramsa Hill, Egypt // *Antiquity*. Vol. 72. N 277. P. 475-484.
- Verpoorte A.* 2005. The first modern humans in Europe? A closer look at the dating evidence from the Swabian Jura (Germany) // *Antiquity*. Vol. 79. N 304. P. 269-279.
- Villa P., A. Delagnes, L. Wadley.* 2005. A late Middle Stone Age artifact assemblage from Sibudu (KwaZulu-Natal): comparisons with the European Middle Paleolithic // *JAS*. Vol. 32. N 3. P. 399-422.
- Villaverde V., J. E. Aura, C. M. Barton.* 1998. The Upper Paleolithic in Mediterranean Spain: A review of current evidence // *JWP*. Vol. 12. N 2. P. 121-198.
- Vishnyatsky L. B.* 1994. «Running ahead of time» in the development of Palaeolithic industries // *Antiquity*. Vol. 68. N 258. P. 134-140.
- Vishnyatsky L. B.* 1999. The Paleolithic of Central Asia // *JWP*. Vol. 13. N 1. P. 69-122.
- Vishnyatsky L. B.* 2004. The Middle-Upper Paleolithic interface in former Soviet Central Asia // P. J. Brantingham, S. L. Kuhn, K. W. Kerry (eds). *The Early Upper Paleolithic Beyond Western Europe*. Berkeley: University of California Press. P. 151-161.
- Vishnyatsky L. B.* 2005. How many core areas? The «Upper Paleolithic revolution» in an East Eurasian perspective // *Journal of the Israel Prehistoric Society*. Vol. 35. P. 143-158.
- Vishnyatsky L. B., P. E. Nehoroshev.* 2004. The beginning of the Upper Paleolithic on the Russian Plain // P. J. Brantingham, S. L. Kuhn, K. W. Kerry (eds). *The Early Upper Paleolithic Beyond Western Europe*. Berkeley: University of California Press. P. 80-96.
- Vogel J. C.* 2001. Radiometric dates for the Middle Stone Age in South Africa // P. V. Tobias, M. A. Raath, J. Moggi-Cecchi, G. A. Doyle (eds). *Humanity from African Naissance to Coming Millennia*. Firenze: Firenze University Press. P. 261-268.
- Volkman P.* 1983. Boker Tachtit: Core reconstructions // A. E. Marks (ed). *Prehistory and Palaeoenvironments in the Central Negev, Israel*. Vol. 3. Dallas: Southern Methodist University. P. 127-190.
- Volkman P., D. Kaufman.* 1983. A reassessment of the Emireh point as a possible type fossil for the technological shift from the Middle to the Upper Paleolithic in the Levant // *The Mousterian Legacy. Human Biocultural Change in the Upper Pleistocene*. Oxford: BAR International Series 164. P. 35-51.
- Volman T. P.* 1984. Early prehistory of southern Africa // R. G. Klein (ed). *Southern African Prehistory and Palaeoenvironments*. Rotterdam: A. A. Balkema. P. 169-220.
- Wadley L.* 1993. The Pleistocene Later Stone Age south of the Limpopo River // *JWP*. Vol. 7. N 3. P. 243-296.
- Wadley L.* 2001. What is Cultural Modernity? A General View and a South African Perspective from Rose Cottage Cave // *CAJ*. Vol. 11. N 2. P. 201-221.
- Wadley L.* 2005. Putting ochre to the test: replication studies of adhesives that may have been used for hafting tools in the Middle Stone Age // *JHE*. Vol. 49. N 5. P. 587-601.
- Weinstein-Evron M., G. Bar-Oz, Y. Zaidner, A. Tsatskin, D. Druck, N. Porat, I. Hershkovitz.* 2003. Introducing Misliya cave, Mount Carmel, Israel: A new continuous Lower/Middle Paleolithic sequence in the Levant // *EU*. Vol. 1. N 1. P. 31-55.
- Wendorf F., R. Schild.* 1992. The Middle Paleolithic of North Africa: a status report // *New Light on the Northwest African Past. Current Prehistoric Research*. Cologne. P. 43-73.
- Wengler L.* 1997. La transition du Mousterien a l'Atérien // *L'Anthropologie*. T. 101. N 3. P. 448-481.
- White L.* 1959. *The Evolution of Culture*. New York: McGraw-Hill.
- White R.* 1982. Rethinking the Middle/Upper Paleolithic transition // *CAn*. Vol. 23. N 2. P. 169-192.

- White R. 1985. Thoughts on social relationships and language in hominid evolution // Journal of Social and Personal Relationships. Vol. 2. P. 95–115.
- White T. D., B. Asfaw, D. DeGusta, H. Gilbert, G. D. Richards, G. Suwa, F. C. Howell. 2003. Pleistocene *Homo sapiens* from Middle Awash, Ethiopia // Nature. Vol. 423. P. 742–747.
- Wild E. M., M. Teschler-Nicola, W. Kutschera, P. Steier, E. Trinkaus, W. Wanek. 2005. Direct dating of Early Upper Palaeolithic human remains from Mlade? // Nature. Vol. 435. P. 332–335.
- Williams J. K. 2003. An examination of Upper Palaeolithic flake technologies in the marginal zone of the Levant // A. N. Goring-Morris, A. Belfer-Cohen (eds). More than Meets the Eye: Studies on Upper Palaeolithic Diversity in the Near East. Oxford: Oxbow Books. P. 196–208.
- Winter L. 2000. Technological realism and the Howiesons Poort: A replication approach. Paper presented to the Biennial Conference of the Southern African Association of Archaeologists. University of Witwatersrand, April 25–28.
- Wolpoff M. H. 1996. Neandertals of the Upper Paleolithic // A. Carbonell, M. Vaquero (eds). The Last Neandertals, the First Anatomically Modern Humans. Barcelona. P. 51–76.
- Wolpoff M. H., A. G. Thorne, J. Jelinek, Z. Yinyun. 1994. The case for sinking *Homo erectus*. 100 years of *Pithecanthropus* is enough! // 100 years of *Pithecanthropus*. The *Homo erectus* problem. Frankfurt. P. 341–361.
- Wolpoff M. H., B. Mannheim, A. Mann, J. Hawks, R. Caspari, K. R. Rosenberg, D. W. Frayer, G. W. Gill, G. Clark. 2004. Why not the Neandertals? // WA. Vol. 36. № 4. P. 527–546.
- Wood J. W. 1998. A theory of preindustrial population dynamics // CAn. Vol. 39. N 1. P. 99–135.
- Wrinn P. J., W. J. Rink. 2003. ESR dating of tooth enamel from Aterian levels at Mugharet el 'Aliya (Tanger, Morocco) // JAS. Vol. 30. N 1. P. 123–133.
- Wurz S. 1999. The Howiesons Poort backed artefacts from Klasies River: an argument for symbolic behaviour // SAAB. Vol. 54. N 169. P. 38–50.
- Wurz S. 2002. Variability in the Middle Stone Age lithic sequence, 115,000–60,000 years ago at Klasies River, South Africa // JAS. Vol. 29. N 6. P. 1001–1015.
- Wurz S., N. J. le Roux, S. Gardner, H. J. Deacon. 2003. Discriminating between the end products of the earlier Middle Stone Age sub-stages at Klasies River using biplot methodology // JAS. Vol. 30. N 9. P. 1107–1126.
- Yalçinkaya I., M. Otte. 2000. Début du Paléolithique supérieur à Karain (Turquie) // L'Anthropologie. T. 104. N 1. P. 51–62.
- Yellen J. E., A. S. Brooks, E. Cornelissen, M. J. Mehlman, K. Stewart. 1995. A Middle Stone Age worked bone industry from Katanda, Upper Semliki Valley, Zaire // Science. Vol. 268. P. 553–556.
- Yellen J. E. 1998. Barbed bone points: Tradition and continuity in Sahara and Sub-Saharan Africa // AAR. Vol. 15. N 3. P. 173–198.
- Zhonglang Q. 1992. The stone industries of *Homo sapiens* from China // The Evolution and Disprsal of Modern Humans in Asia. Tokyo: Hokusen-Sha. P. 363–372.
- Ziaei M., H. Schwartz, C. Hall, R. Grün. 1990. Radiometric dating of the Mousterian site of Quneitra // N. Goren-Inbar (ed). Quneitra: A Mousterian Site on the Golan Heights. Jerusalem: Qedem. P. 232–235.
- Zilhão J. 2000. The Ebro Frontier: A model for the late extinction of Iberian Neanderthals // C. B. Stringer, R. N. E. Barton, J. C. Finlayson (eds). Neanderthals on the Edge. Oxford: Oxbow Books. P. 111–121.
- Zilhão J. 2006. Neandertals and moderns mixed, and it matters // EA. Vol. 15. № 5. P. 183–195.
- Zilhão J. 2006a. Chronostratigraphy of the Middle-to-Upper Paleolithic Transition in the Iberian Peninsula // Pyrenae 37. N 1. P. 7–84.
- Zilhão J., F. d'Errico. 1999. The chronology and tafonomy of the earliest Aurignacian and its implications for the understanding of Neandertal extinction // JWP. Vol. 13. N 1. P. 1–68.

- Zilhão J., F. d'Errico. 2003. The chronology of the Aurignacian and Transitional technocomplexes. Where do we stand? // J. Zilhão, F. d'Errico (eds). *The Chronology of the Aurignacian and of the Transitional Technocomplexes. Dating, Stratigraphies, Cultural Implications*. Lisboa: Instituto Português de Arqueologia (TA 33). P. 313–349.
- Zilhão J., P. Pettitt. 2006. On the new dates for Gorham's Cave and the late survival of Iberian Neanderthals // *Before Farming*. N3, article 3. P. 1–9.
- Zilhão J., F. d'Errico, J.-G. Bordes, A. Lenoble, J.-P. Texier, J.-P. Rigaud. 2006. Analysis of Aurignacian interstratification at the Châtelperronian-type site and implications for the behavioural modernity of Neandertals // *PNAS*. Vol. 103. N33. P. 12643–12648.
- Zubrow E. 1989. The demographic modelling of Neanderthal extinction // P. Mellars, C. Stringer (eds). *The Human Revolution. Behavioral and Biological Perspectives on the Origins of Modern Humans*. Edinburgh: Edinburgh University Press. P. 213–231.

Сокращения

- АА — Археологический альманах. Донецк.
АВ — Археологические вести. СПб.
АЭАЕ — Археология, этнография и антропология Евразии. Новосибирск.
БКИЧП — Бюллетень Комиссии по изучению четвертичного периода. М.
ВА — Вопросы антропологии. М.
КДУ — Кам'яна доба України. Киев.
КСИА — Краткие сообщения Института археологии. М.
МИА — Материалы и исследования по археологии. М.; Л.
НАВ — Нижневолжский археологический вестник. Волгоград.
ПАВ — Петербургский археологический вестник. СПб.
РА (СА) — Российская археология (Советская археология). М.
AAASH — Acta Archaeologica Academiae Scientiarum Hungaricae.
AAR — African Archaeological Review.
AJPA — American Journal of Physical Anthropology.
AP — Anthropologica et Præhistorica.
ARA — Annual Review of Anthropology.
BAR — British Archaeological Reports.
BMB — Bulletin du Musée de Beyrouth.
BSPF — Bulletin de la Société Préhistorique Française.
BMSAP — Bulletins et Mémoires de la Société d'Anthropologie de Paris.
Can — Current Anthropology.
CB — Current Biology.
CRP — Comptes Rendus Palevol.
EA — Evolutionary Anthropology.
EP — Eurasian Prehistory.
EPSL — Earth and Planetary Science Letters.
JAMT — Journal of Archaeological Method and Theory.
JAnR — Journal of Anthropological Research.
JARR — Journal of Archaeological Research.
JAS — Journal of Archaeological Science.
JCHB — Journal of Comparative Human Biology.
JFA — Journal of Field Archaeology.
JHE — Journal of Human Evolution.
JRAI — Journal of the Royal Anthropological Institute.
JWP — Journal of World Prehistory.

MBE—Molecular Biology and Evolution.
OJA—Oxford Journal of Archaeology.
PAM—Préhistoire Anthropologie Méditerranéennes.
PE—Préhistoire Européenne.
PNAS—Proceedings of the National Academy of Science USA. :
PPS—Proceedings of the Prehistoric Society.
QI—Quaternary International.
QSR—Quaternary Science Reviews.
QR—Quaternary Research.
SAAB—South African Archaeological Bulletin.
SAJS—South African Journal of Science.
SP—Stratum plus. СПб., Кишинев, Одесса.
TA—Trabalhos de Arqueologia.
TP—Trabajos de Prehistoria.
TREE—Trends in Ecology and Evolution.
WA—World Archaeology.

УКАЗАТЕЛЬ ПАМЯТНИКОВ

- Абрик Агут 128
Абрик Романи 146
Абу Ношра I 106, 107
Абу Ношра II 107
Абу Халка 91, 96, 98, 99, 101
Адума 18
Айн Дифла 58, 59, 60, 62
Аль-Габр 1 82
Аль-Габр 2 80
Амуд 20, 21, 61, 95
Анжи 25
Антелиас 95, 96, 98, 101, 108, 110
Ануй 176
Апианча 113
Аполло 41, 44, 54, 71, 73
Араго 16, 17
Арбреда 145, 146
Арков 108
Арси-сюр-Кюр 129, 131, 133, 135, 143
Асса 90
Ахштырская 113
Баракаевская 21, 114
Барба 133
Багадомба Лена 22, 83
Бачо Киро 120-122, 124-127, 174, 185
Белокузьминовка 168
Бенч Фишшур 153
Бернардини 138
Бетово 168, 170
Беттанкур 66
Бивак 149
Бизона грот (Арси-сюр-Кюр) 133
Бильцингслебен 17
Бирими 74
Бир Хасфа 82
Бирючья Балка 1 175
Бирючья Балка 2 168, 169
Биситун 6, 111
Бломбос 19, 43, 44, 46, 49, 50, 53, 54, 77
Бодо 16
Бокер А 7, 106, 107
Бокер Тахтит 7, 33, 60, 95, 96, 97, 99-101, 104, 117, 159
Бомбрини 147, 149
Бордер 19, 39, 41, 42, 44, 53, 54, 72, 73
Борщево 173
Боун 86
Брассемпуи 149
Брейля грот 17
Брно-Богунце 157, 159
Брокен-Хилл 16, 53
Бумплаас 41, 43, 54, 71, 73
Буран-Кая 6, 166-168
Бури 18
Бушменов грот 54
Бьяше-сент-Вааст 17
Бызовая 175
Бэджер Хоул 153
Варвази 6, 110-112
Велика Печина 24, 124, 126, 127
Вади Ганн 90
Ведровице 150, 151
Вандерверк 39, 40
Вертепселлеш 16
Виллендорф 121, 122, 160-162, 164, 165
Вильдшойер 160
Виндия 25, 26, 124, 126
Гамсенберг 151
Гар Арженех 110, 111
Гарчи 169
Гейсенкlostерле 122, 161, 163-165
Горхэма пещера 127, 167
Грот XVI 133-135
Гуаттари 17
Гура Чейи-Раснов 125
Гхари Хаар 110, 111
Дарай-Кур 112
Д'Аруаким 90
Дар-эс-Солтан 19, 90

Дедерьех 21, 23, 185
Денисова пещера 174, 176, 178
Джебел Ирхуд 19, 90
Джезераны 150
Джерф Айла 100
Джручула 21
Дзерава Скала 150, 152
Дзержислав 153-155
Дзудзуана 113
Дивье Бабе 126
Ди Келдерс 19, 51-53
Дрикопен 71
Дьепклоф 43, 44, 49, 50
Дэвилс Лэйр 85, 86
Дюйнефонтейн 39

Жорнов 168

Зальциттер-Лебенштедт 17
Заозерье 175
Заскальная 5 166, 168, 170
Заскальная 6 166, 168
Зафарайя 127, 128
Зенфтенберг 160
Зомпбата 54
Зухра 89, 90

Илерет 15
Истюриц 146
Ишанго 75, 76
Ишталлошко 160
Йстерфонтейн 52

Кабази 166
Кавалло 137-140
Кадди Спрингс 86
Кадеш Барнеа 106, 107
Кала 138, 139
Каламбо Фоллз 75
Калитвенка 168
Каменка 6, 178
Каптурин 76
Кара-Бом 6, 36, 176-178, 183
Караин 112
Кара-Камар 112
Карасу 116, 117
Кара-Тенеш 176, 177
Карпентерс Гэп 85
Кастельчивита 137-139, 147
Катанда 53, 54, 77
Кафзех 19, 20, 26, 27, 61, 95

Кебара 20, 21, 23, 61, 95, 100, 105, 106, 108, 109, 185
Кезем 56, 59
Кентс Кэверн 24, 153
Кеуэ 62, 95, 101
Кзар Акил 7, 23, 25, 36, 62-65, 95, 96, 98, 100-104, 107, 108, 185, 186
Королево 150
Корпач 167
Краков-Спадзиста 160
Кисесе 80
Кискелеви 149
Класиес 19, 41-45, 47, 49, 50, 53
Клисура 117, 120, 121, 124, 127, 137, 139
Кова Негра 127
Конепрусы 24
Козарника 117, 124, 125, 148
Колумбейра 127, 128
Комб Соньер 133
Кормань 175
Костенки 1 169-171, 175
Костенки 6 169-171
Костенки 8 175
Костенки 12 169-171, 173
Костенки 14 23, 173, 175, 185
Костенки 17 6, 23, 171-173, 185
Кота Тампан 85
Кошава 125
Крапина 17
Кремс-Хундсштайг 146, 164, 165
Куличивка 156, 159, 174
Кульбулак 116, 117
Кульна 150-152
Кунейтра 100
Кунжи 6, 111
Куртак 178
Куэва Морин 133, 134
Кэнсэ 129, 133, 134

Лабекко Коба 129, 133
Лагама 107
Лагар Велхо 26, 128
Лаконис 117, 119, 120, 124, 185
Ланг Ронгриен 84
Леанг Бурун 85
Лене Хара 85
Ле Мустье 133
Ле Пиаж 130, 146
Ле Руа 26
Лианг Буа 14, 15
Лингенберг 151
Лишень 157

- Лойянгалани 53, 54, 76
 Лонггу 84
 Лэголи 15
 Люцзян 22
 Ля Рошет 133
 Ля Феррасси 17, 23, 134, 149
 Ля Шапелль-о-Сен 17, 25
 Ля Шэз 17
- Малакунанджа 85
 Малояломанская 176, 177
 Мамонтова Курья 175
 Мамутова пещера 164
 Мандрэн 135, 136
 Манду Манду Крик 86
 Мара 135, 136
 Марьяремете-Фелсо 152
 Магузка 113, 114
 Магупи 75
 Мауэр 16, 17
 Мауэрн 153
 Мезмайская 21, 25, 113, 114
 Мира 6, 175
 Мислия 58, 60
 Миток-Малу Галбен 124, 125
 Младеч 24-26, 166
 Мокришка Яма 126
 Молодово 175
 Монте Лессини 25
 Мохово 178
 Моу Хью 22, 84
 Мугарет эль Алия 19, 87, 90
 Муерий 24
 Мумба 18, 77, 78, 168, 182
 Мунго 22, 85
 Мыштулагты-Лагат 113
- Наг Хамади (Шам де Багас) 91, 92
 Назлет Хатер 26, 93
 Насера 80
 Нахал Акев 60, 62
 Нгандонг 14
 Ндуту 16
 Неандерталь 151, 152
 Нельсон Бэй 44, 73
 Непряхино 175
 Нерон 135, 136
 Нетопежова пещера 153, 155
 Нжуинье 76
 Ниах 22
 Нтумот 77
- Оасе 23, 26
 Оби-Рахмат 6, 23, 30, 114-117, 174
 Облазова пещера 164
 Обсерватории грот 147
 Окладникова пещера 177-179
 Оленя грот 129, 131, 134, 143, 148
 Омо 15, 16, 18
 Опатовице 150
 Ортвале Клде 113
 Охаба Понор 124
 Очагов пещера 53, 54
- Павлов 153
 Пальиччи 25, 147
 Пекары 159
 Па Сангар 110
 Пин Хоул 153
 Петралона 16, 17
 Пеш де л'Азе 133, 135
 Пешко 160
 Пирса пещера 44, 53
 Подградем 160, 164
 Подзвонкая 6, 178
 Порк Эпик (Дире Дауа) 168
 Потоцка Зиялка 126
 Пролом 1 166
 Пролом 2 166
 Пулборо 153, 154
 Пэвилэнд 155
- Ракефет 95, 101
 Ранис 153, 154
 Рафас 87, 90
 Рейлинген 17
 Рекло Вивер 146
 Риви 85
 Рипаро Мочи 147, 148
 Рипичени-Извор 167
 Рожок 169
 Рок де Комб 130, 133, 134
 Рокур 66
 Ромэнешти-Думбрэвица 125
 Роуз Коттедж 41-43, 45-52, 71-73
 Рош де Вилленев 25
 Рош эйн Мор 58, 59, 61, 62
 Русаниха 169
 Рьенкур ле Бопом 66, 68, 69
 Рэнод 144, 146-148
- Сай Айлэнд 75
 Сакажиа 21
 Саккопасторе 16, 17

Самаркандская 117
Самбунгмакан 14
Самуилица 119
Сванскомб 16, 17
Свитавка 24
Сеггедим 89
Секлэн 66, 67
Сен Жермен де Во 66
Сен-Сезер 17, 27, 130, 133-135
Серино 147
Сессельфельс 151, 152
Сефуним 95
Сехонгхонг 41, 71-73
Сиабча 116
Сибебе 71
Сибуду 47, 51-53
Сима де лос Уэсос 16, 17
Синга 15
Складина 25, 26
Содмейн 94, 96
Сокирница 172
Спи 153, 154
Спурката 125
Староселье 166
Стоянка один (Station One) 94
Странска Скала 33, 155-157, 159, 160, 164
Страталан 53, 71
Сунгирь 25, 169-171
Схул 19, 20, 26, 27, 61
Сюрень 166, 167

Табон 22, 85
Табун 7, 20, 56-58, 60, 61, 185
Таглиенте 147
Тарамса 19, 93
Твин Риверс 75
Темара 90
Темната 117-125, 159
Тешик-Таш 21, 25, 117
Тинкова 125
Толбага 6, 178
Тоншесберг 66
Тор Сабиха 61
Тор Садаф 96, 107
Тор Фарадж 58, 61, 62
Точильница 168
Тринка 170
Тру Магрит 146
Тяньюань 22

Уайт Пэинтингс 72, 73, 77
Уан Табу 87

Улуццо 138
Умм Катафа 59
Умм Эль Тлель 96, 100, 108
Умхлагузана 41, 44, 47, 72, 73
Унжугу 74
Уоррин 86
Усть-Каракол 176
Уэд Джебанна 89

Фабрика 138, 139
Фа Хьен 22, 83
Фельдхофер 25
Фигейра-Брава 127, 128
Флорисбад 15, 39, 40, 43
Фогельхерд 24, 160
Фон де Гом 135
Фонтешевад 16, 24
Фосселоне 149
Фумане 137, 145, 148
Фум эль Хартани 90
Фэ а Шательперрон 129, 130, 132

Хагфет-эд-Дабба 90-92
Хаджарейн 80
Хайоним 58-61, 108-110
Ханёферзанд 24, 27
Харама 127
Хауа Фтеа 19, 90-92
Херто 18
Ходжамазгиль 116
Холенштайн-Штадель 160
Холон 59
Хотык 6, 178
Хофмейр 74
Худжи 6, 114, 115, 117
Хумиан 111

Циашуань 84
Цумоффена грот 56

Чепрано 16
Чертова Печь 150
Чжоукоудянь 22, 84
Чиоарей 54, 55
Чирчео 17
Чокурча 170

Шайси 84
Шайтан-Коба 166, 167
Шанидар 21, 110-112
Шаперон Руж 87, 90
Шенинген 192
Шлях 6, 168, 169

Штейнгейм 16, 17

Шубалюк 151

Шуббабик 95, 101

Шугноу 116, 117

Шуйдунгоу 84

Шулерлох 151

Шульбинка 116

Шум Лака 76

Эйн Акев 108

Эландсфонтейн 16

Эль Азраг 90

Эль Алия 90

Эль Вад 7, 62, 95, 96, 101, 102

Эль Кастильо 146-148

Эль Коюм 58, 59, 96

Эль Кузейр 108

Эль Маслух 56

Эль Мнакра 88

Эль Пендо 130

Эль Сидрон 25, 148

Эмире 95, 96

Энкалуне Йя Муто 77, 182

Эрингсдорф 17

Эт-Таббан 95, 98

Ючагизли 95, 96, 100, 101, 107

Ябруд 1 6, 56, 59, 61, 140

Ябруд 2 108

Янкович 149

Яфтех 110-112

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие.....	5
Глава 1. Проблемы датирования и корреляции палеогеографических и археологических материалов.....	8
Глава 2. Гоминиды конца среднего и начала верхнего палеолита.....	13
2.1. Систематика и терминология.....	—
2.2. Филогенез <i>Homo sapiens</i> и <i>Homo neanderthalensis</i>	15
2.3. Популяционная динамика ранних <i>Homo sapiens</i> и <i>Homo neanderthalensis</i>	18
2.4. Проблема гибридизации между <i>Homo sapiens</i> и <i>Homo neanderthalensis</i>	24
2.5. Причины исчезновения неандертальцев.....	27
Глава 3. «Эволюционное ранжирование» индустрий среднего и раннего верхнего палеолита как метод анализа культурной динамики.....	30
Глава 4. Проблема направленности культурной динамики в среднем палеолите.....	38
4.1. Южная Африка.....	39
4.2. Ближний Восток.....	56
4.3. Западная Европа.....	66
Глава 5. Становление верхнего палеолита: панорама индустрий периода перехода.....	70
5.1. Южная Африка.....	—
5.2. Центральная и Западная Африка.....	74
5.3. Восточная Африка.....	76
5.4. Аравийский полуостров.....	80
5.5. Южная Азия.....	82
5.6. Восточная и Юго-Восточная Азия.....	83
5.7. Австралия.....	85
5.8. Северная Африка.....	87
5.9. Ближний Восток.....	94
5.10. Передняя Азия.....	110
5.11. Малая Азия.....	112
5.12. Кавказ.....	113
5.13. Средняя Азия.....	114
5.14. Балканы.....	117
5.15. Западная Европа.....	127
5.16. Центральная Европа.....	149
5.17. Крым.....	166
5.18. Русская равнина.....	168
5.19. Центральная Азия.....	175
Глава 6. Сценарии перехода: моноцентризм, полицентризм и проблема аккультурации.....	180
Глава 7. Причины верхнепалеолитической революции.....	190
Заключение.....	200
Литература.....	202
Сокращения.....	242
Указатель памятников.....	244

CONTENTS

Foreword.....	5
Chapter 1. Problems associated with dating and correlation of paleogeographic and archaeological materials.....	8
Chapter 2. Hominids of the late Middle and early Upper Pleistocene.....	13
2.1. Systematics and terminology.....	—
2.2. Phylogenesis of <i>Homo sapiens</i> and <i>Homo neanderthalensis</i>	15
2.3. Population dynamics of early <i>Homo sapiens</i> and <i>Homo neanderthalensis</i>	18
2.4. Problem of hybridization between <i>Homo sapiens</i> and <i>Homo neanderthalensis</i>	24
2.5. Why did Neanderthals become extinct?.....	27
Chapter 3. «Evolutionary ranking» of the Middle Paleolithic and Early Upper Paleolithic industries as a method of analysis of cultural dynamics.....	30
Chapter 4. On the direction of cultural dynamics in the Middle Paleolithic.....	38
4.1. South Africa.....	39
4.2. Near East.....	56
4.3. West Europe.....	66
Chapter 5. Formation of the Upper Paleolithic: a panorama of the industries dated to the period of transition.....	70
5.1. South Africa.....	—
5.2. Central and Western Africa.....	74
5.3. East Africa.....	76
5.4. Arabian Peninsula.....	80
5.5. South Asia.....	82
5.6. East and South-East Asia.....	83
5.7. Australia.....	85
5.8. North Africa.....	87
5.9. Near East.....	94
5.10. Front Asia.....	110
5.11. Minor Asia.....	112
5.12. Caucasus.....	113
5.13. Middle Asia.....	114
5.14. Balkans.....	117
5.15. West Europe.....	127
5.16. Central Europe.....	149
5.17. Crimea.....	166
5.18. Russian Plain.....	168
5.19. Central Asia.....	175
Chapter 6. Scenarios of transition: monocentrism, polycentrism, and the issue of acculturation... ..	180
Chapter 7. On the causes of the Upper Paleolithic revolution.....	190
Conclusion.....	200
Literature.....	202
Abbreviations.....	242
Site index.....	244

Научное издание

Леонид Борисович Вишняцкий

**Культурная динамика в середине позднего плейстоцена
и причины верхнепалеолитической революции**

Редактор *В. Р. Фатеева*
Художественный редактор *Е. И. Егорова*
Верстка *И. М. Беловой*

Подписано в печать 29.12.2007. Формат 70×100¹/16.

Бумага офсетная. Печать офсетная.

Усл. печ. л. 20,32. Тираж 400 экз. Заказ № 14

Издательство СПбГУ. 199004, С.-Петербург, В.О., 6-я линия, 11/21

Тел. (812) 328-96-17; факс (812) 328-44-22

E-mail: editor@unipress.ru

www.unipress.ru

По вопросам реализации обращаться по адресу:

С.-Петербург, 6-я линия В.О., д. 11/21, к. 21

Телефоны: 328-77-63, 325-31-76

E-mail: post@unipress.ru

Типография Издательства СПбГУ.
199061, С.-Петербург, Средний пр., 41

Леонид Борисович Вишняцкий — археолог, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Отдела палеолита Института истории материальной культуры РАН. Автор книг «Палеолит Средней Азии и Казахстана» (1996), «Человек в лабиринте эволюции» (2004), «Происхождение знакового поведения» (совм. с Я.А. Шером и Н.С. Бледновой), «Введение в преисторию» (2005), «История одной случайности или происхождение человека» (2005).

